

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, № 40.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

I.

СТРАИ

I.	Ташкисенскій бой 19-го декабря 1877 года. Участіе въ немъ С.-Петербургскихъ гренадеръ. (Съ чертежами). Бывшій С.-Петербургскій гренадеръ П. А. ГЕИСМАНЬ.	1
II.	Дѣйствія Чаховскаго и Кононовича въ Радомскомъ отдѣлѣ въ 1863 г. (Съ картою). (Статья первая). С. ГЕСКЕТЬ.	16
III.	Къ исторіи Коканскаго похода. (Статья вторая). А. СЕРЕБРЕННИКОВЪ.	42
IV.	Первые шаги ремонтной реформы. АЛЕКСАНДРЪ ВОИЦЕХОВИЧЪ.	71
V.	Артилерійскія замѣтки. (Окончаніе). А. БАУМГАРТЕНЬ.	78
VI.	Усовершенствованный образецъ пѣхотной лопаты. (Съ чертежами). К. ИГНАТОВИЧЪ.	89
VII.	С.-Петербургское товарищество взаимопомощи. (Окончаніе). П. ЗАУСТИНСКІЙ.	96
VIII.	Массовая перевозка войскъ и военныхъ грузовъ между Иркутскомъ и Орѣнскомъ лѣтомъ и осенью 1900 года. (Со схемою). Е. НОВАКОВЪ.	115
IX.	Ледоколъ «Ермакъ». (Съ двумя чертежами и рисунками). (Статья первая). В.	138
X.	Путешествіе въ Мекку. (Переводъ съ французскаго). (Окончаніе). М. ШЛИТТЕРЬ.	159
XI.	Путевые впечатлѣнія, или изъ дневника туриста-кавалериста. (Англія, Франція, Италия, Австро-Венгрія и Германія). (Статья третья). К. ВОЛЬФЪ.	191

II.

I.	БИБЛИОГРАФІЯ. Война Франціи, Англіи и Турціи съ Россіей въ 1854—1855 годахъ. «La Défense des Côtes». (Сочиненіе лейтенанта Грассе. 1899 года). (Съ картою). (Статья первая). Капитанъ КУЗИЧЕВЪ.	1
II.	РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Изъ военно-судебной практики. (По поводу рѣшеній главнаго устройства военного суда 1901 г. №№ 3, 6, 9 и 19.—Приложеніе № 11). * * *	14
III.	ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Новыя мѣры по устройству корпуса офицеровъ въ Германіи и Австро-Венгріи. Общее стремленіе къ совершенствованію устройства корпуса офицеровъ.—Заботы о развитіи техническихъ свѣдѣній въ германскомъ корпусѣ офицеровъ.—Вопросъ о предварительной научной подготовкѣ германскихъ офицеровъ.—Спеціальная подготовка офицеровъ.—Новое положеніе о военно-учебныхъ заведеніяхъ Австро-Венгріи.—Сближеніе военныхъ и юнкерскихъ училищъ.—Значительный некомплектъ воспитанниковъ въ австро-венгерскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.—Условія чиновпроизводства.—Новыя правила о чиновпроизводствѣ офицеровъ ландвера. В. НЕДЗВѢЦКІЙ.	29

Видъ ЛАГЕРЯ ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА ПРИ КРАСНОМЪ СЕЛѢ
со стороны Дудергофа, снятой 1827-го года.

ТАШКИСЕНСКІЙ ВОЙ 19-ГО ДЕКАБРЯ 1877 ГОДА.

Участіе въ немъ С.-Петербургскихъ гренадеръ.

(Съ черт ежами).

Не зависящія отъ насъ обстоятельства лишили насъ возможности окончить трудъ подъ заглавіемъ: «*Славяно-турецкая борьба 1876—1877—1878 г. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса*», который мы довели только до 3-го штурма Плевны 30-го августа 1877 года ¹⁾. Между тѣмъ, наше личное участіе въ кампаніи 1877—1878 гг. начинается вскорѣ послѣ этого штурма, со времени прибытія на театръ военныхъ дѣйствій головныхъ частей гвардейскаго корпуса, а именно С.-Петербургскаго гренадерскаго (нынѣ лейбъ-гвардіи С.-Петербургскаго) короля Фридриха-Вильгельма III полка, въ которомъ мы имѣли честь командовать ротой ²⁾, нами же мобилизованною и сданною по окончаніи военныхъ дѣйствій, въ виду поступленія въ академію.

Чувствуемъ себя въ долгу передъ роднымъ полкомъ. Дабы будущій историографъ могъ изложить его славныя дѣянія вполнѣ вѣрно и достаточно обстоятельно, каждый изъ насъ, бывшихъ гренадеръ, долженъ объявить во всеобщее свѣдѣніе все, что ему извѣстно о дѣйствіяхъ полка. Это мы и предполагали сдѣлать въ вышеозначенномъ трудѣ; отъ этого намѣренія не отказываемся и теперь, но, по вышеуказанной причинѣ, не можемъ опредѣлить хотя бы приблизительно, когда именно удастся это исполнить.

¹⁾ I часть, посвященная «Сербско-турецкой войнѣ 1876 года», вышла въ свѣтъ въ 1887 г., а книжка 1-я части II, въ которой изложенъ ходъ кампаніи 1877 г. до конца августа включительно, въ 1889 году. ²⁾ Во 2-мъ баталіонѣ.

Въ виду сказаннаго, полагаемъ умѣстнымъ изложить на страницахъ «Военнаго Сборника» то, что представляетъ наибольшій интересъ. Начнемъ съ славнаго Ташкисенскаго боя, происшедшаго слишкомъ 23 года тому назадъ, 19-го декабря 1877 года и завершившаго переходъ черезъ Этропольскіе Балканы Западнаго отряда генераль-адъютанта *Гурко*.

Послѣ паденія Плевны 28-го ноября разница въ силахъ обѣихъ сторонъ измѣнилась рѣзко въ нашу пользу: на главномъ театрѣ мы располагали 260,000—270,000 челов. противъ вдвое слабѣйшихъ силъ турокъ, растянувшихся, къ тому же, на 330 верстахъ, отъ Дуная черезъ Сливно, Казанлыкъ къ Софіи, не говоря уже о томъ, что въ началѣ декабря и сербы объявили войну Турціи и угрожали лѣвому флангу ея армій, подчиненныхъ теперь одному общему главнокомандующему, Сулейману-пашѣ.

Великій Князь Главнокомандующій рѣшилъ перейти черезъ Балканы теперь же, зимою, начавъ этотъ переходъ съ праваго фланга, т. е. съ отряда генерала *Гурко*, который, съ прибытіемъ подкрѣпленій изъ-подъ Плевны, состоялъ изъ 84¹/₂ баталіоновъ, 56-ти эскадроновъ и сотенъ, всего же изъ 60,000 челов. при 264 пѣшихъ и 54-хъ конныхъ орудіяхъ.

Этропольскіе Балканы оборонялись корпусомъ Шакира-паши ¹⁾, силою до 25,000 чел., изъ коихъ половина занимала позицію у Арабъ-Конака и Комарційскую долину, а остальные войска находились у Лютикова, Софіи и Златицы.

Согласно диспозиціи, отданной генераломъ *Гурко* 11-го декабря, на позиціяхъ противъ турокъ оставалось 34¹/₂ баталіона и 10 эскадроновъ и сотенъ, всего 20,000—25,000 чел. при 92-хъ орудіяхъ, а остальные войска направлялись въ обходъ обоихъ фланговъ противника: а) авангардъ генераль-маіора *Рауха* (13 баталіоновъ, 11 сотенъ, 16 пѣшихъ и 4 конныхъ орудія), а за нимъ 1-й и 2-й эшелоны генераль-маіоровъ *Курлова* и *Философова*, подъ общимъ начальствомъ генераль-лейтенанта *Каталея* (18 баталіоновъ, 5 сотенъ и 24 пѣшихъ орудія) въ обходъ лѣваго фланга на Чурьякъ; б) колонна генераль-маіора (нынѣ генерала-отъ-инфантеріи) *Дандевилля* (9 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и сотенъ, 8 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій) въ обходъ праваго фланга, черезъ гору Бабу на Буново; в) отрядъ же генераль-лейтенанта *Вельямина* (6 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 8 пѣшихъ и 8 конныхъ

¹⁾ Корпусъ этотъ называютъ обыкновенно арміею, но едва ли это можетъ быть признано правильнымъ.

орудій) долженъ былъ обезпечить правый флангъ (а затѣмъ и тылъ) нашихъ войскъ, обходившихъ лѣвый флангъ противника.

Колонна генераль-маіора Дандевила, получившая позже приказаніе наступать на Стригль, или на Комарцы (смотря по условіямъ мѣстности), встрѣтивъ неодолимыя препятствія вслѣдствіе сильнѣйшихъ морозовъ и мятелей и потерявъ, еще не столкнувшись съ противникомъ, болѣе 800 человекъ, не могла перейти черезъ горы въ указанномъ ей направленіи и въ бою 19-го декабря не участвовала ¹⁾.

При такихъ условіяхъ выдающееся значеніе принадлежало войскамъ, обходившимъ лѣвый флангъ турокъ, т. е. прежде всего авангарду генераль-маіора Рауха, который, начавъ движеніе 13-го, черезъ два дня занялъ позицію близъ Негошева, угрожая пути отступленія турокъ на Софію, сообщенія съ коею были въ то же время прерваны нашею конницею.

Шакиръ-паша не считалъ возможнымъ продолжать оборону Балканъ и предлагалъ главнокомандующему сосредоточить всѣ силы къ Адрианополю, но Сулейманъ съ этимъ не согласился. Поэтому Шакиру-пашѣ приходилось держаться до полученія разрѣшенія отступить; сдѣлать же это по своей инициативѣ онъ пока не рѣшался. Во всякомъ случаѣ, необходимо было обезпечить себя со стороны Негошева. Съ этою цѣлью былъ высланъ отрядъ изъ четырехъ баталіоновъ съ четырьмя орудіями подъ начальствомъ *Бекера-паши*, которому было приказано занять позицію у Ташкисена, прикрывавшую Комарційскую долину, а также и оставшійся еще свободнымъ путь отступленія турокъ черезъ Дольніе Комарцы на Петричево и Филиппополь.

Позиція эта состояла изъ ряда высотъ, пересѣкавшихъ Софійское шоссе близъ д. Ташкисена въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Сильнѣйшимъ въ тактическомъ отношеніи былъ лѣвый участокъ, къ югу отъ шоссе; здѣсь находились высоты, командующія мѣстностью впереди фронта и фланговъ позиціи ²⁾; этому же участку принадлежало и первенствующее стратегиче-

¹⁾ См. «Очеркъ дѣйствій Западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко», генеральнаго штаба полковника Епанчина. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 2 стр. 202—217. Репортъ генерала Дандевила и другіе матеріалы, тамъ же указанные. ²⁾ Такъ называемая «Бѣлая гора». Ее смѣшивали съ ближайшею къ ней высотой. Весьма вѣроятно, что издали онѣ сливались какъ бы въ одно цѣлое.

ское значеніе (онъ былъ ближе къ пути отступленія турецкаго отряда).

Бекеръ, занявъ означенную позицію 15-го декабря, тотчасъ же приступилъ къ ея укрѣпленію. На хребтѣ къ сѣверо-востоку отъ Ташкисена было устроено три редута, у окраины деревни и на высотахъ къ югу отъ шоссе были возведены окопы, мѣстами даже въ три линіи (впрочемъ, не особенно тщательно отдѣланные вслѣдствіе спѣшности работъ). Ко дню боя отрядъ Бекера былъ усиленъ вдвое (всего восемь баталіоновъ и три эскадрона, до 3,000—4,000 чел. при семи орудіяхъ).

Въ виду того, что Шакиръ-паша рѣшилъ, наконецъ, отступить черезъ Дольніе Комарцы, отрядъ Бекера превращался въ боковой авангардъ, а затѣмъ въ аріергардъ турецкаго корпуса и долженъ былъ такъ или иначе прикрыть его флангово-отступательный маршъ въ теченіе всего 19-го числа. Бекеръ расположилъ: четыре орудія на шоссе и три орудія въ редутахъ; баталіонъ Эльбасанскій и конницу въ Ташкисенѣ и близъ этого селенія; баталіоны Тузлинскій, Ускюбскій и $\frac{1}{2}$ Призрендскаго къ сѣверу, а Эски-Шеиръ, $\frac{1}{2}$ Призрендскаго и стрѣлковый къ югу отъ шоссе; баталіоны Ченгери и Эдирне составили резервы и расположились: первый на высотахъ къ юго-востоку отъ караулки, за лѣвымъ участкомъ, а второй у шоссе, за центромъ боевого расположенія.

Съ своей стороны генералъ Гурко, 18-го декабря (въ Чурьякѣ) приказалъ: а) генералу *Раузу* (съ 9-ю баталіонами, 8-ю орудіями и $\frac{1}{4}$ эскадрона) наступать отъ Негошева между шоссе и д. Даушкѣй, открыть огонь съ разсвѣта и вести атаку, охватывая и обходя правый флангъ турокъ и демонстрируя противъ ихъ фронта; б) генералу *Курлову* (10 баталіоновъ и 8 орудій) двинуться къ Чеканцову съ такимъ расчетомъ, чтобы въ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ утра ввѣренная ему колонна могла выступить изъ этой деревни, направляясь на самую высокую гору изъ тѣхъ, которыя были на турецкой позиціи, къ юго-востоку отъ шоссе; в) генералу *Философову* (10 баталіоновъ и 16 орудій) выступить въ 5 часовъ утра 19-го изъ Чурьяка, выйти (черезъ Негошевскій перевалъ) на шоссе и составить общій резервъ: въ составъ послѣдняго было еще назначено восемь эскадроновъ съ двумя конными орудіями; г) генералу *Каталю* принять начальство надъ тремя вышеозначенными колоннами; д) генералу графу *Шувалову* (8 баталіоновъ и два орудія) дѣйствовать противъ праваго фланга ташкисенской позиціи, направляясь, въ пачалѣ наступленія, на вышеупомянутую караулку; ж) полковнику *Вас-*

мунду ¹⁾ (три баталіона) связывать колонны графа Шувалова и генерала Рауха, и з) генераль-маіору *Клоту* (16 эскадроновъ и четыре конныхъ орудія) стать на правомъ флангѣ колонны генерала Курлова и выслать одну бригаду къ Дольнимъ Комарцамъ, причемъ «если бригадѣ удастся войти въ Комарційскую впадину, то, дѣйствуя въ тылу турецкихъ войскъ, произвести какъ можно болѣе страха и смятенія и притомъ стараться войти въ связь съ колонною генерала Дандевилля» ²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ войскамъ, находившимся противъ Шандорника и Арабъ-Конака, было приказано оставаться на своихъ мѣстахъ, съ разсвѣтомъ 19-го декабря открыть огонь изъ всѣхъ орудій и быть готовыми къ переходу въ наступленіе.

Колонна генерала *Рауха* выступила съ Негошевскихъ высотъ ночью съ 18-го на 19-е, развернулась въ началѣ 9-го часа утра къ сѣверу отъ шоссе и около 11-ти—12-ти часовъ дня ³⁾ заняла косвенное положеніе по отношенію къ правому флангу отряда Бекера-паши, причемъ направляющими частями явились 4-й и 3-й баталіоны лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, залегшіе въ мертвомъ пространствѣ у сѣверо-западной оконечности хребта, на которомъ находились турецкіе редуты, и имѣвшіе за собою, въ частномъ резервѣ, 2-й баталіонъ того же полка; лѣвѣе ихъ стали лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый баталіонъ, а правѣе медленно наступали измайловцы, воздерживаясь, на точномъ основаніи полученнаго приказанія, отъ рѣшительнаго наступленія; восемь орудій находились на высотѣ позади интервала между полками, а 1-й баталіонъ преображенцевъ и баталіонъ 123-го пѣхотнаго Козловскаго полка составили «общій резервъ» этой колонны.

Въ такомъ положеніи колонна эта оставалась до 2-хъ часовъ пополудни ⁴⁾.

Генераль *Курловъ*, собравъ въ Негошевѣ, въ ночь съ 18-го на 19-е, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны С.-Петербургскаго полка, весь лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ и два баталіона 19-го пѣхотнаго

¹⁾ Нынѣ генераль-лейтенантъ. ²⁾ Н. Епанчинъ. «Очеркъ дѣйствій Западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко». См. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 3, стр. 5—12. Пользуясь этимъ трудомъ какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, мы сопоставляли данныя, въ немъ заключающіяся, съ таковыми же, приводимыми К. К. Энкелемъ, А. К. Пузыревскимъ и др. писателями. ³⁾ Въ упомянутомъ трудѣ время это точно не опредѣлено. Не ручаемся и мы за безусловную точность этого нашего опредѣленія. ⁴⁾ Н. Епанчинъ. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 3, стр. 12—15.

Костромскаго полка съ батареями ¹⁾, двинуль свою колонну согласно диспозиціи въ 5 часовъ утра. Преодолвъ трудно поддающіяся описанію затрудненія, колонна на разсвѣтъ подошла къ шоссе. Турецкая артилерія открыла огонь. Два баталіона Костромскаго полка съ двумя орудіями 6-й батареи 3-й гвардейской бригады были выставлены влѣво для прикрытія дальнѣйшаго движенія къ сторонѣ Ташкисена. Въ это время были развернуты знамена.

По достиженіи Чеканцева (подъ артилерійскимъ огнемъ противника) два баталіона Волынскаго полка, подъ начальствомъ командира полка, генераль-маіора *Мирковича*, были направлены въ атаку на передовую высоту, что къ юго-западу отъ Ташкисена; правѣ ихъ наступали остальные два баталіона волынцевъ, имѣя за собою одинъ изъ костромскихъ баталіоновъ. Еще правѣ шель 4-й баталіонъ С.-Петербургскаго полка, а за нимъ 1-й баталіонъ того же полка. Вскорѣ послѣ разсвѣта вышли на шоссе головныя части 2-го баталіона гренадеръ, сопровождавшаго артиллерію, и здѣсь были остановлены командиромъ баталіона. Въ это же время еще два орудія 6-й батареи 3-й бригады пристрелились къ ранѣ выѣхавшимъ на позицію двумъ орудіямъ. Эта батарея ²⁾, занявъ позицію южнѣе шоссе, открыла огонь по непріятельскому расположенію, содѣйствуя своей пѣхотѣ, которая вскорѣ начала атаку ³⁾.

2-й и 3-й баталіоны волынцевъ, наступая правѣ и къ югу отъ шоссе, заняли передовую турецкую позицію (ближайшую высоту), на которой было оставлено двѣ роты; для обезпеченія лѣваго фланга къ сторонѣ Ташкисена. Съ остальными шестью ротами генераль-маіоръ *Мирковичъ* ⁴⁾ двинулся далѣе въ направленіи на командующую высоту, причемъ былъ поддержанъ остальными частями волынцевъ и 4-мъ баталіономъ С.-Петербургскаго полка, удлинившими его боевое расположеніе вправо. Проваливаясь въ снѣгъ, взбираясь на чрезвычайно крутые скаты и вообще преодолевая въ высшей степени серьезныя затрудненія, неся значительныя потери отъ сильнѣйшаго, мѣстами перекрестнаго огня, волынцы, при поддержкѣ означеннаго С.-Петербургскаго бата-

¹⁾ См. И. Федотовъ. «С.-Петербургскій гренадерскій короля Фридриха-Вильгельма III полкъ въ Турецкую войну 1877—1878 гг.», стр. 229—231. 3-й баталіонъ С.-Петербургскаго полка сбился съ дороги и къ колоннѣ еще не присоединился. ²⁾ Батарея, входившій въ составъ нашихъ колоннъ, были въ 4-хъ орудійномъ составѣ. ³⁾ Позже, около 12-ти часовъ дня, сюда же прибыла 6-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й арт. бригады. ⁴⁾ Позже онъ былъ раненъ во время атаки на третью высоту.

ліона, овладѣли послѣдовательно тремя высотами и отбросили турокъ, отошедшихъ на четвертую, такъ называемую «Бѣлую гору», которая и составляла главную ихъ позицію на этомъ участкѣ. Успѣху этой атаки содѣйствовало наступленіе 1-го баталіона С.-Петербургскаго полка, которому было приказано охватить лѣвый флангъ противника и овладѣть Бѣлою горою ¹⁾).

Во исполненіе этого приказанія 1-й баталіонъ двинулся по ущелью, поднимавшемуся вверхъ, а затѣмъ цѣликомъ по возвышенностямъ, перерѣзаннымъ оврагами и т. п.; крутые утесы и обрывы попадались чуть ли не на каждомъ шагу, заставляя дѣлать большіе обходы или карабкаться по отвѣснымъ кручамъ. Все это чрезвычайно утомляло людей. Впереди другихъ оказалась 3-я рота поручика *Ягимова*; нѣсколько позади и лѣвѣе ея шла 2-я рота поручика *Савельева*; за ними наступали вмѣстѣ роты второй линіи (баталіоннаго резерва): 1-я капитана *Иванова* и 4-я капитана *Ушакова*. Вскорѣ баталіонъ попалъ подъ сильный ружейный огонь съ высоты, атакованной волынцами и 4-мъ баталіономъ. 3-я и 2-я роты разсыпались въ цѣпь. 1-й баталіонъ продолжалъ наступленіе подъ огнемъ непріятельской артилеріи, находившейся близъ шоссе, и ротъ Призренскаго баталіона, занимавшихъ передовую позицію, а затѣмъ отходившихъ параллельно шоссе вмѣстѣ съ другими частями турецкихъ войскъ, которыя вели бой противъ волынцевъ. Турецкій стрѣлковый баталіонъ, расположившись скрытно за окопами, подпустилъ цѣпь 1-го баталіона на 500 шаговъ и встрѣтилъ ее залпами, перешедшими затѣмъ въ бѣглый огонь. При этомъ огонь турокъ поражалъ нашихъ гренадеръ нѣсколько справа. Не взирая на эту неожиданность, 1-й баталіонъ быстро перемѣнилъ фронтъ и, не теряя времени, не обращая вниманія на весьма чувствительныя потери отъ ружейнаго огня противника, двинулся прямо на турецкихъ стрѣлковъ, поддерживаемыхъ ротами Призренскаго баталіона. Особенно быстро стали рѣдѣть ряды 3-й роты, но люди смыкались и наступленіе не останавливалось. Шагахъ въ 75-ти отъ ближайшаго турецкаго окопа поручикъ *Ягимовскій* скомандовалъ: «ура!» Рота бросилась на врага, огонь котораго слегка притихъ, что ободрило людей, вскорѣ ворвавшихся въ окопъ. Турки начали отступать бѣгомъ за второй рядъ окоповъ, но часть ихъ осталась и схватилась съ гренадерами

¹⁾ Одни участники этого боя называли «директивною» Бѣлую гору, тогда какъ другіе относили это названіе къ третьей высотѣ, взятой волынцами.

въ рукопашную. Къ этому моменту подоспѣла подавшая лѣвое плечо впередъ 2-я рота и вскорѣ окопъ былъ вполне въ нашихъ рукахъ; сопротивлявшіеся турки были переколоты. Затѣмъ 3-я и 2-я роты начали устраиваться и дали нѣсколько залповъ по бѣгущимъ туркамъ.

Вслѣдъ затѣмъ 1-я и 4-я роты усилили роты передовой линіи и разсыпались на одной высотѣ съ ними. Не теряя времени на обстрѣливаніе противника, командиръ баталіона майоръ *Мерклингъ*, давъ вздохнуть людямъ, приказалъ продолжать атаку, командовалъ «ура» и съ дружно поднявшимися ротами бросился впередъ. Цѣлый дождь свинца неся на гренадеръ съ фронта и слѣва. Командиры 1-й, 2-й и 4-й ротъ, субалтернъ-офицеръ 1-й роты, шедшіе впереди, и множество людей упали съ первыхъ же шаговъ. Командованіе 1-ю ротой принялъ фельдфебель Радченко. Оставалось пробѣжать шаговъ 200. Люди сбѣжали въ небольшую лощину и попали въ глубочайшій снѣгъ, доходившій почти до пояса. Тѣмъ не менѣе, карабкаясь въ снѣгу, съ трудомъ подвигаясь шагъ за шагомъ, падая и устилая путь убитыми и ранеными, гренадеры безостановочно приближались къ окопамъ и, наконецъ, ворвались туда. При этомъ, какъ кажется, первою ворвалась опять-таки 3-я рота. Большая часть турокъ отступила къ гребню горы; другая же отчаянно сопротивлялась, но была переколота гренадерами. Груды турецкихъ тѣлъ наполнили окопы; снѣгъ таялъ подъ лужами крови.

Не останавливаясь, гренадеры бросились преслѣдовать турокъ, отступавшихъ шагъ за шагомъ, и живо на нихъ насѣли, устилая трупами ихъ путь отступленія. На гребнѣ снова произошла рукопашная схватка, причемъ гренадеры штыками сбрасывали турокъ въ ближайшую лощину. Здѣсь баталіонъ былъ пріостановленъ и началъ устраиваться. Только поручикъ *Ягимовскій* съ 3-ю ротой ¹⁾ продолжалъ гнать турокъ и на ихъ плечахъ спустился въ лощину и дошелъ до Златицкаго шоссе, но затѣмъ долженъ былъ отойти къ баталіону. Вся эта атака произошла въ 1-мъ и въ началѣ 2-го часа пополудни.

Занявъ съ боя Бѣлую гору, 1-й баталіонъ блистательно выполнилъ свою задачу, потерявъ, правда, при этомъ четырехъ офи-

¹⁾ При описаніи дѣяствій 3-й роты С.-Петербургскаго полка мы принимаемъ къ свѣдѣнію какъ печатные источники, такъ и рассказы очевидцевъ и участниковъ этого эпизода боя, въ томъ числѣ и самого Ф. А. Ягимовскаго, записка коего объ этомъ же боѣ находится въ нашихъ рукахъ.

перовъ и 127 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 25 убитыми). При этомъ 3-я рота потеряла 74 человекъ, что одно уже указываетъ на то выдающееся участіе, которое было принято ею въ этой молодецкой атакѣ.

Съ своей стороны Бекеръ-паша, наблюдая (въ началѣ боя) съ холма близъ шоссе, опредѣлилъ, что противъ его позиціи наступаютъ двѣ дивизіи; сверхъ того были обнаружены движенія колонны полковника Васмунда и нашей конницы. Затѣмъ турки видѣли наступленіе колоннъ генераловъ Рауха и Курлова; въ виду движенія послѣдней и былъ протянутъ влѣво вышеупомянутый стрѣлковый баталіонъ съ цѣлью обезпеченія лѣваго фланга. Пославъ донесеніе Шакиру-пашѣ о невозможности держаться долѣе, Бекеръ передвинулъ на лѣвый участокъ позиціи Тузлинскій баталіонъ, который былъ смѣненъ отошедшимъ отъ Ташкисена Эльбанскимъ баталіономъ и сталъ рядомъ съ баталіономъ Ченгери ¹⁾, къ югу отъ караулки (противъ волынцевъ); подошедшіе изъ Златицы три эскадрона были присоединены къ конницѣ, находившейся уже въ центрѣ боевого расположенія. Когда волынцы съ 4-мъ баталіономъ гренадеръ овладѣли третьей высотой, къ югу отъ Бѣлой горы, Бекеръ старался устроить бѣжавшихъ турокъ на этой горѣ и близъ караулки, причѣмъ благодарилъ и произвелъ въ слѣдующій чинъ Хаджи-Мехмеда, командира стрѣлковаго баталіона, такъ упорно отстаивавшаго лѣвый флангъ позиціи противъ 1-го баталіона гренадеръ. Когда же эти гренадеры утвердились на Бѣлой горѣ, Бекеру стало ясно, что приходится безотлагательно отступить.

2-й баталіонъ С.-Петербургскаго полка, собравшись по частямъ на шоссе, двинулся подъ артиллерійскимъ огнемъ къ Чекапцову, гдѣ получилъ письменное приказаніе отъ генерала Курлова: «прибыть на лѣсистый холмъ, только что взятый нами у турокъ» ²⁾. Командиръ баталіона затруднялся опредѣлить, куда именно слѣдовало вести баталіонъ; спрошенные имъ ротные командиры совѣтовали идти на выстрѣлы... Къ счастью, передавшій одно изъ приказаній начальника колонны подпоручикъ Скрынниковъ 1-й вызвался провести баталіонъ, который двинулся, перестроившись по-ротно и имѣя 7-ю и 6-ю роты въ 1-й линіи ³⁾, къ ущелью, впереди кото-

¹⁾ Самъ Бекеръ говоритъ, что Тузлинскій баталіонъ сталъ лѣвѣе баталіона, Ченгери, но, повидимому, онъ ошибается. ²⁾ По всему вѣроятію, имѣлась въ виду высота, взятая волынцами. ³⁾ Это былъ «нормальный» боевой порядокъ, принятый разъ навсегда во второмъ баталіонѣ.

раго начиналъ атаку 1-й баталіонъ. Войдя въ это ущелье, 2-й баталіонъ началъ нести потери отъ ружейнаго огня, причѣмъ вскорѣ былъ встрѣченъ генералами Каталеемъ и Курловымъ со штабомъ. Начальникъ дивизіи лично повелъ 2-й баталіонъ на поддержку къ 1-му. Позже сюда же были притянуты баталіонъ волынцевъ и почти весь 4-й баталіонъ с.-петербургскихъ гренадеръ. Бекеръ, повидимому, зналъ, что свѣжія части русскихъ войскъ все болѣе и болѣе охватывали его расположеніе. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что именно въ это время, во 2-мъ часу дня, онъ началъ отступление. Первыми отступали войска, занимавшія правый участокъ позиціи, гдѣ изъ редутовъ начали увозить орудія.

Это было замѣчено въ колоннѣ генерала Рауха, который, къ тому же времени, получилъ приказаніе генерала Гурко наступать («начать обходное движеніе»), если ничто тому не препятствуетъ, и передать полковнику Васмунду приказаніе поддержать это наступленіе, двинувшись лѣвѣе генерала Рауха.

Во исполненіе этого приказанія, генераль Раухъ двинулъ въ-рѣнные ему войска въ атаку на правый участокъ позиціи турокъ, что привело къ занятію преображенцами вышеупомянутыхъ редутовъ; турки не выждали удара и отступили къ караулкѣ. Нѣсколько ранѣе того, измайловцы ворвались въ д. Ташкисенъ, выбили оттуда турецкую конницу (прикрывавшую отступление) и опрокинули баталіонъ Эдирне, занимавшій позицію близъ шоссе. Затѣмъ колонна генерала Рауха заняла прочно бывшіе средній и правый участки непріятельской позиціи и здѣсь была пріостановлена. Колонна эта потеряла одного офицера и 86 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ Преображенскій полкъ 57 человекъ. Сравнительно небольшія потери этой колонны объясняются искуснымъ примѣненіемъ къ мѣстности ¹⁾ и ударомъ, который былъ нанесенъ въ чувствительную точку турецкаго расположенія колонною генерала Курлова, главнымъ образомъ 1-мъ баталіономъ С.-Петербургскаго полка.

Такъ или иначе, около 3-хъ часовъ пополудни, позиція турокъ была въ нашихъ рукахъ. Остававшіяся еще у караулки части непріятельскаго аріергарда только прикрывали отступление.

Между тѣмъ 2-й баталіонъ С.-Петербургскаго полка подошелъ было къ высотамъ правѣе и позади Бѣлой горы, занятой уже

¹⁾ См. Н. Епанчинъ «Военный Сборникъ» 1892 г. № 3, стр. 23. А. Пузыревскій. «Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 г. въ Европейской Турціи», «Военный Сборникъ», 1879 г. № 4, стр. 460.

1-мъ баталіономъ, попалъ подъ дождь свинца, перелетавшаго черезъ 1-й баталіонъ, и перестроился вторично по-ротню въ томъ же порядкѣ. 7-я рота (направляющая), поднимаясь на высоты, выслала уже взводъ въ цѣпь и готовилась удлинитъ наше боевое положеніе вправо. Въ это время у турокъ были слышны сигналы на рожкѣ. Начальникъ штаба, полковникъ Энкель объяснилъ, что турки, подавая сигналъ къ атакѣ, по всему вѣроятію, желаютъ насъ обмануть. Генералъ Каталей приказалъ 5-й ротѣ придвинуться къ Бѣлой горѣ и быть въ готовности поддерживать 1-й баталіонъ. Въ это время, между надвигавшимися облаками тумана было замѣчено впереди (въ долинѣ) движеніе турокъ, направившихся къ Дольнимъ Комарцамъ. Генералъ Каталей, предполагая, что эта неприятельская часть хотя и идетъ въ обходъ нашего праваго фланга, но не велика, приказалъ ротамъ 2-го баталіона свернуться обратно въ походную колонну и продвинуться вправо на высоту, скатъ которой, обращенный къ долинѣ, былъ отложе, чѣмъ соответствующіе скаты другихъ ближайшихъ высотъ. За 2-мъ баталіономъ гренадеръ былъ направленъ и подошедшій сюда же баталіонъ Костромского полка. Колонна шла по ущельямъ около $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ часа и, наконецъ, начала взбираться на указанную высоту. 2-й баталіонъ гренадеръ развернулся на этой высотѣ, а костромской баталіонъ правѣе и позади его (уступомъ). Начальникъ дивизіи лично приказалъ 7-й и 8-й ротамъ гренадеръ атаковать ¹⁾, а затѣмъ переѣзжалъ отъ одной части къ другой и все время лично распоряжался дѣйствіями тѣхъ ротъ, которыя, по его мнѣнію, въ этомъ нуждались. Сначала при немъ были видны начальникъ колонны и чины штаба, а затѣмъ онъ разѣзжалъ одинъ. Туманъ препятствовалъ обзорѣнію даже ближайшей мѣстности. Такъ, напримѣръ, командиръ 7-й роты не видѣлъ ни своего взвода, высланнаго въ цѣпь, ни сосѣднихъ ротъ, а о противникѣ и говорить нечего. Такъ какъ масса пуль неслась слѣва (облически), то 7-я рота и была двинута первоначально въ этомъ направленіи, но, вслѣдствіе приказанія начальника дивизіи, произвела захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ и двинулась почти на сѣверъ, прямо къ шоссе. Спустя нѣкоторое время начальникъ дивизіи приказалъ «бить

¹⁾ Обстановка намъ не была извѣстна; на привалѣ въ Негошевѣ мы выпросили было диспозицію у адъютанта и начали ее читать, но послѣдовала команда «въ ружье» и пришлось бросить это чтеніе. Затѣмъ и во время боя задача наша намъ не была извѣстна и только, когда мы увидѣли турокъ, то все сразу разъяснилось.

къ атакѣ», что и было исполнено. Отъ начальника цѣпи и отъ патрулей донесеній не было; непріятель съ фронта не показывался. Однако, въ виду полученнаго приказанія, приходилось только идти впередъ безостановочно, что и было сдѣлано. Но вотъ огонь слѣва началъ ослабѣвать; когда же 7-я рота спускалась съ водораздѣла, туманъ началъ подниматься и почти сразу открылась значительная часть Комарційской долины. Вскорѣ взорамъ гренадеръ представилась замѣчательная картина отступленія противника: длинная и довольно широкая по фронту турецкая колонна передвигалась параллельно нашему фронту съ запада на востокъ близъ шоссе; были еще и другія части, но съ фланга охраняющаго отряда не было ¹⁾. Рота продолжала наступленіе. Въ это время сзади показался генераль Каталей, закричавшій: «остановите роту». Во исполненіе этого приказанія, командиръ 7-й роты рѣшилъ, вмѣстѣ съ остановкою, открыть огонь по большой турецкой колоннѣ, для чего произнесъ необходимыя предварительныя команды и назначилъ два прицѣла, 1,400 и 1,300 шаговъ. Оставалось произнести команду: «*пли*!» Въ это время начальникъ дивизіи скомандовалъ: «*отставить*!» Ротный командиръ, повторивъ эту команду, прибавилъ: «*вынь патронъ*» ²⁾. Рота взяла «*къ ногѣ*». Генеральъ объяснилъ, что съ шестью ротами (изъ коихъ костромскія вооружены винтовками Крнка) атаковать турокъ нельзя и что онъ отдалъ приказаніе притянуть резервъ ³⁾. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, прибылъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, который расположился за баталіонами боевой части. Но время, удобное для дѣйствій, было упущено. Бекеръ-паша прикрылъ движеніе своихъ войскъ частью Ускюбскаго баталіона, которая завязала перестрѣлку съ цѣпями ротъ нашего праваго фланга. Большая турецкая колонна прошла, прошли и прикрывающія части. Перестрѣлка прекратилась и только изрѣдка слышны были отдѣльные выстрѣлы. Наступала темнота. Войска расположились на ночлегъ на полѣ сраженія, принявъ соотвѣтственныя мѣры охраненія ⁴⁾.

По поводу этого боя почтенный товарищъ нашъ И. И. Федотовъ говорить: «потери всего С.-Петербуржскаго полка 19-го де-

¹⁾ Вскорѣ онъ былъ высланъ (въ составѣ около двухъ ротъ). ²⁾ Рота исполнила это наступленіе и остановку для пальбы (не взирая на глубокой снѣгъ) весьма стройно и отчетливо. По командамъ «отставить» и т. д. исполненіе было также чрезвычайно отчетливо. На это обратилъ даже вниманіе начальникъ дивизіи. ³⁾ 6-я рота временно получила приказаніе поддерживать войска, находившіяся лѣвѣе насъ. ⁴⁾ Намъ было приказано разставить назначенныя въ 1-ю очередь три роты, которыя смѣнялись черезъ 3—4 часа.

кабря простирались до 200 человекъ (193 чел.), причемъ потери эти, опредѣленные непосредственно послѣ боя, значительно ниже дѣйствительныхъ, и нѣсколько меньше потерь лейбъ-гвардіи Волынскаго полка только потому, что С.-Петербургскій полкъ, собственно говоря, принялъ участіе въ Ташкисенскомъ бою не четырьмя, а только двумя баталіонами, 4-мъ и 1-мъ. Въ колоннѣ генерала Курлова въ началѣ боя было, такимъ образомъ, не 10, а всего восемь баталіоновъ. 2-й и 3-й баталіоны С.-Петербургскаго полка прибыли на поле сраженія только къ полудню и приняли участіе лишь въ неважныхъ, второстепенныхъ дѣйствіяхъ колонны, почему и потери этихъ баталіоновъ были ничтожны; онѣ состояли всего изъ 18 человекъ (17 во второмъ баталіонѣ и одного человека въ третьемъ)» ¹⁾.

Трудно согласиться съ этимъ вполнѣ. Прежде всего, едва ли можно считать, что часть, понесшая небольшія потери, не участвовала въ бою. Съ этой точки зрѣнія приходится признать участвовавшимъ въ описанномъ бою даже 3-й баталіонъ, который ночью сбился съ пути, только къ 11 часамъ дня прибылъ на шоссе близъ Чекапцева, былъ здѣсь поставленъ въ прикрытіе къ артилеріи и только по приказанію начальника отряда, переданному генеральнаго штаба полковникомъ (нынѣ генераль-лейтенантомъ) *Сухотимымъ*, занялъ турецкіе окопы на высотахъ правѣе и къ югу отъ шоссе и д. Ташкисенъ, гдѣ и находился подъ непріятельскимъ ружейнымъ огнемъ чуть ли не до наступленія темноты ²⁾.

По отношенію къ 2-му баталіону выше приведенное заключеніе еще болѣе несправедливо. Если принять во вниманіе, что вся колонна генерала Рауха потеряла 87 человекъ, или 9—10 человекъ на баталіонъ, т. е. почти вдвое менѣе противъ 2-го баталіона гренадеръ, то пришлось бы признать, что и эта колонна не участвовала въ бою подъ Ташкисеномъ, но это едва ли будетъ утверждать самъ авторъ статьи: «С.-Петербургскій Гренадерскій полкъ въ бою у Ташкисена 19-го декабря 1877 г.» ³⁾.

Что касается того, насколько были *важны* тѣ дѣйствія, въ которыхъ принимали участіе 2-й и 3-й баталіоны, то, въ данномъ

¹⁾ См. его: «С.-Петербургскій Гренадерскій полкъ въ бою у Ташкисена 19-го декабря 1877 г.», «Военный Сборникъ», 1895 г. № 3, стр. 13. ²⁾ И. Федотовъ. «С.-Пет. Гр. кор. Фридриха-Вильгельма III полкъ въ Тур. войну 1877—1878 гг.», стр. 246 — 248. ³⁾ См. «Военный Сборникъ», 1895 г., № 3, стр. 5—17 и трудъ его, означенный въ выноскѣ 2-й, а также Н. Епанчинъ, «Военный Сборникъ» 1892 г., № 3, стр. 10—15 и 21—24 и др.

случаѣ, между этими баталіонами не можетъ быть сравненія. 3-й баталіонъ дѣйствительно не принималъ дѣятельнаго участія въ этомъ бою ¹⁾; 2-й же баталіонъ шелъ на поддержку къ 1-му и въ то время, когда колонна генерала Рауха только начинала свою атаку, 2-й баталіонъ начиналъ угрожать пути отступленія турокъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ костромскими ротами (но за исключеніемъ роты, находившейся въ отдѣлѣ), находился на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ въ разстояніи, постепенно уменьшавшемся до одной версты, отъ того пути, по которому отступали турки; при этомъ нѣкоторые ротные резервы этого баталіона на столько приблизились къ противнику, что высота прицѣла назначалась менѣе 1,500 шаговъ. Только туманъ, памятный всѣмъ участникамъ этого боя, и полученныя свыше приказанія удержали поименованныя роты 2-го баталіона гренадеръ и ихъ товарищей, костромичей, сначала отъ буквальнаго исполненія первоначальнаго рѣшенія старшаго начальника, а затѣмъ и отъ обстрѣливанія отступавшихъ турокъ. Роты эти, какъ и всѣ вообще части отряда генерала Гурко, принимавшія участіе въ описанномъ бою, честно исполнили свой долгъ, а дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ 2-й баталіонъ, были въ высшей степени *важны*, такъ какъ здѣсь рѣшался вопросъ о преслѣдованіи разбитаго непріятеля, т. е. о развитіи одержаннаго успѣха. Если онъ не получилъ такого рѣшенія, какое казалось тогда возможнымъ нѣкоторымъ ротнымъ командирамъ, то это дѣло старшаго начальника, который остановилъ руку, поднятую уже для нанесенія удара. По всему вѣроятію ему, этому храброму, высококачественному человѣку, вѣрному слугѣ Царя и Россіи, котораго нельзя было не уважать, не взирая на его удивительную требовательность,—было извѣстно то, чего мы не знали, что и побудило его отказаться отъ перваго своего рѣшенія. Преклоняясь предъ его памятью, мы не рѣшаемся критиковать его дѣйствія.

Итакъ, 2-й баталіонъ участвовалъ въ эпизодѣ боя, имѣвшемъ первостепенную важность, но это участіе, въ силу обстоятельствъ, было болѣе скромно, чѣмъ участіе въ этомъ же бою 4-го баталіона гренадеръ, Волынскаго полка и особенно 1-го баталіона С.-Петербургскаго полка. 1-й баталіонъ рѣзко выдѣлился изъ всего отряда. Ему и принадлежитъ наибольшая доля славы, приобрѣтенной этою побѣдою надъ турками. Это едва ли и будетъ оспаривать кто бы то ни было, если только онъ изучитъ основательно дѣйствія

¹⁾ Какъ это и признаетъ въ другомъ мѣстѣ самъ И. И. Федотовъ. См. «С.-Петербург. кор. Фридриха-Рильгельма III п. въ Тур. войну 1877—1878 гг.», стр. 246.

колонны генерала Курлова, параллельно съ дѣйствіями прочихъ колоннъ.

Затѣмъ, быть можетъ, кто-нибудь съ нами и не согласится, но, по нашему крайнему разумѣнію, въ 1-мъ баталіонѣ львиная доля заслугъ и славы принадлежитъ командиру баталіона, майору А. И. *Мерклину* и командовавшему 3-ю роту, поручику Ф. А. *Якимовскому* ¹⁾.

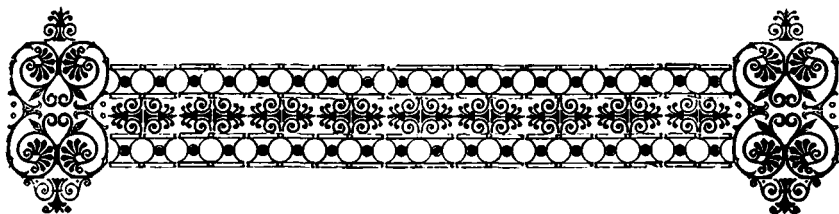
Этотъ нашъ товарищъ, отличавшійся замѣчательно добросовѣстнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей, еще до мобилизаціи полка былъ командированъ на Кавказъ и за отличіе въ дѣлѣ при Ягнахъ получилъ орденъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ изъ рукъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго Кавказскою арміею. Затѣмъ, онъ возвратился къ полку во время блокады Плевны, принялъ, спустя нѣкоторое время, 3-ю роту, участвовалъ во всѣхъ бояхъ этой кампаніи въ составѣ полка и въ послѣднемъ бою (подъ Филипполемъ) былъ раненъ ²⁾.

Бывшій с.-петербургскій гренадеръ П. А. Гейсманъ.

¹⁾ Нынѣ полковникъ, командуетъ 256-мъ Гунибскимъ резервнымъ баталіономъ въ Кавказскомъ военномъ округѣ.

²⁾ Статья эта прочитана полковникомъ генеральнаго штаба *Дагаевымъ*, состоявшимъ, во время кампаніи 1877—1878 гг., въ должности старшаго адъютанта штаба 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, которою командовалъ генералъ Каталей. Никакихъ возраженій со стороны Т. М. Дагаева не послѣдовало.

Дѣйствія Чаховскаго и Конововича въ Радомскомъ отдѣлѣ въ 1863 г.

(Со схемами).

I.

Общее положеніе. — Стычка у Опатовицъ 12-го марта и дѣло въ Хлновскомъ лѣсу 13-го марта. — Признаки упадка возстанія въ Радомскомъ отдѣлѣ. — Чаховскій. — Организація его банды. — Соединеніе его съ прочими предводителями Сандомірскаго воеводства. — Расположеніе русскихъ отрядовъ.

Нослѣ паденія диктатуры Лангевича, возстаніе повидимому ослабѣло во всемъ Царствѣ Польскомъ. Надежды на скорое образованіе «польской арміи» были разрушены и вся ихъ несбыточность проявилась весьма наглядно, особенно въ провинціяхъ служившихъ театромъ дѣйствій Лангевича и въ томъ числѣ и въ Радомскомъ отдѣлѣ.

Въ это время въ немъ появляется новый предводитель, отдѣлившійся отъ Лангевича, нѣкто Чаховскій, который въ короткое время счумѣлъ собрать вокругъ себя и сплотить значительную партію повстанцевъ, которая оживила угасающій духъ возстанія и сдѣлалась на нѣсколько мѣсяцевъ предметомъ настойчивыхъ дѣйствій нашихъ отрядовъ, способствуя въ то же время образованію и существованію и другихъ партій. Какъ личность Чаховскаго, такъ и дѣйствія его заслуживаютъ большаго вниманія въ исторіи 1863 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что хотя фактическая, матеріальная польза,

оказанная возстанію сосѣдними польскими провинціями, была весьма незначительна ¹⁾, благодаря неумѣлому обращенію центральной революціонной власти съ имѣвшимся матеріаломъ, тѣмъ не менѣе, цѣлый рядъ стычекъ на границѣ демонстрировалъ въ глазахъ мѣстныхъ повстанцевъ Царства Польскаго фактъ участія въ возстаніи чего-то иноземнаго; эти несчастныя банды, разбивавшіяся сразу при встрѣчахъ съ нашими отрядами, тѣмъ не менѣе, благодаря лживымъ реляціямъ, помѣщаемымъ въ подпольныхъ изданіяхъ и въ заграничныхъ газетахъ, дѣйствовали на воображеніе волнующихся классовъ и поддерживали губительную надежду на то, что мятежъ притянетъ вооруженное вмѣшательство западныхъ державъ.

Такой подъемъ духа, въ связи съ наступленіемъ весны, не только поддержалъ поднятое движеніе, но усилилъ его, благодаря энергіи нѣкоторыхъ предводителей, въ числѣ коихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Чаховскій, на всемъ пространствѣ Царства Польскаго.

Въ теченіе марта русскія войска, расположенныя въ Царствѣ Польскомъ, получили подкрѣпленіе. Въ Варшаву прибыли полки 2-й гренадерской пѣхотной дивизіи, двухбаталіоннаго состава, вслѣдствіе чего оказалось возможнымъ часть силъ, бывшихъ до того времени въ Варшавѣ, разослать въ подкрѣпленіе по отдѣламъ. Кромѣ того, войска Августовскаго отдѣла и Петербургской желѣзной дороги получили усиленіе отъ войскъ Виленскаго, и Люблинскій отдѣлъ—Кіевскаго округовъ ²⁾.

Приблизительно же къ началу апрѣля число войскъ увеличилось на 15 баталіоновъ и 12 эскадроновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальная группировка отрядовъ ³⁾ значительно измѣнилась. Двухмѣсячный опытъ успѣлъ показать, что сосредоточеніе сильныхъ отрядовъ въ немногихъ пунктахъ ни къ чему рѣшительному не приводитъ и что возстаніе не ослабѣваетъ. Въ апрѣлѣ число пунктовъ, занятыхъ войсками во всѣхъ отдѣлахъ, значительно увеличилось, сила этихъ отрядовъ, за неимѣніемъ особо важныхъ пунктовъ, не превышаетъ двухъ ротъ. Такъ, напримѣръ, въ Радомъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1899 г., №№ 9, 10, 11 и 12. Галиційскія и Познанскія банды въ возстаніи 1863 г. ²⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это усиленіе имѣло временный характеръ и часто мѣнялось въ зависимости отъ распоряженія въ сосѣднихъ округахъ. ³⁾ См. «Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году», Варшава, 1894 г.

скомъ отдѣлѣ число отрядовъ въ апрѣлѣ было 22, въ Люблинскомъ — 18, въ отдѣлѣ Варшавско-Вѣнской дороги — 16, Петербургской—10 и т. д. Число же всѣхъ занятыхъ нами пунктовъ въ это время было 105, т. е. больше чѣмъ вдвое противъ первоначальнаго сосредоточенія.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію дѣйствій Чаховскаго, мы скажемъ нѣсколько словъ о бандѣ Кононовича и тѣхъ стычкахъ, которыя предшествовали появленію Чаховскаго въ качествѣ самостоятельнаго предводителя.

Послѣ исчезновенія Лангевича ¹⁾ почти весь мѣстный элементъ охотниковъ былъ разсѣянъ и въ Радомскомъ отдѣлѣ оставалась въ первое время лишь одна большая сравнительно банда Кононовича, державшаяся въ Козеницкихъ лѣсахъ и не принимавшая передъ этимъ участія въ операціяхъ «диктатора».

Объ этой бандѣ ходили слухи довольно темные, причемъ предводителемъ ея считали Туркетти ²⁾.

Численность банды Кононовича не превышала 500 — 600 человекъ ³⁾. Образовавшись въ самомъ началѣ возстанія и избѣгая счастливо столкновеній съ русскими отрядами, эта партія имѣла достаточно времени, чтобы сплотиться и обучиться. Большая часть стрѣлковъ, составлявшихъ около половины всего состава, была вооружена охотничьими ружьями.

12-го марта противъ этой банды былъ высланъ изъ Радомы отрядъ изъ трехъ ротъ Могилевскаго полка (отъ 1-го баталіона), полубатальона Новороссійскихъ драгунъ и 25 казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Устюжановича. Оставивъ въ Зволонѣ роту для наблюденія за телеграфомъ, подполковникъ Устюжановичъ двинулся въ тотъ же день къ Козеницѣ, гдѣ узналъ, что только-что передъ нимъ въ мѣстечкѣ была конная партія инсургентовъ для сбора пожертвованій. Въ 4-хъ верстахъ за Козеницами, близъ дер. Олатковицы, отрядъ встрѣтилъ около 80-ти человекъ конныхъ, съ краснымъ значкомъ, которые стали приближаться, обходя правый флангъ отряда; вмѣстѣ съ симъ показались наступающія пѣхотныя колонны инсургентовъ ⁴⁾. Встрѣчен-

¹⁾ 9-го марта 1863 г. ²⁾ Вѣроятно потому, что въ составъ ея вошла конная партія Туркетти, отправленная Бентковскимъ изъ Галиціи («Военный Сборникъ» 1899 г., № 9. Галиційскія банды). ³⁾ По крайней мѣрѣ въ началѣ апрѣля онъ имѣлъ 550 чел. «Wspomnienia Czachowszczyka 1863 г.» А. Dązkewicza. Lwow 1890. ⁴⁾ По журналу военныхъ дѣйствій до 2,000 чел., но это едва ли вѣрно.

ный полужескадромъ драгунъ и огнемъ стрѣлковой цѣпи, противникъ скоро повернулъ и отступилъ къ дер. Майданъ. Въ виду наступленія темноты (былъ седьмой часъ вечера) нашъ отрядъ, не понеся никакихъ потерь, отошелъ къ Козеницамъ, откуда подполковникъ Устюжановичъ отправилъ въ Ивангородъ просьбу выслать ему въ подкрѣпленіе 2 роты и 2 орудія, которыя и прибыли на другое утро ¹⁾); отрядъ снова выступилъ по направленію къ Рычволу. У деревни Хлновъ былъ встрѣченъ передовой отрядъ инсургентовъ, который сталъ отступать въ лѣсъ, преслѣдуемый подполковникомъ Устюжановичемъ и навелъ его на засаду въ лѣсу, верстахъ въ трехъ отъ Хлноа. Послѣ залпа съ лѣвой стороны дороги, инсургенты бросились въ атаку; бывшіе въ цѣпи стрѣлки Смоленскаго полка, усиленные взводомъ 2-й роты Могилевскаго полка, отѣснили нападавшихъ, но тѣ съ крикомъ «ура» повторили нападеніе. Въ это время орудія успѣли сняться и открыли картечный огонь, благодаря которому инсургенты отошли, но, укрывшись за деревьями и открывъ огонь по артилерійской прислугѣ, они вскорѣ бросились на орудія. Тогда стрѣлковая цѣпь, усиленная еще взводомъ 4-й роты Смоленскаго полка, стремительно бросилась въ штыки и опрокинула насѣдавшую банду, которая отступила въ безпорядкѣ на свой лагерь, стоявшій въ лѣсу, въ сторонѣ отъ дороги. Занявъ бараки, повстанцы открыли опять огонь, но послѣ усиленной перестрѣлки обратились въ бѣгство. Преслѣдованіе было очень непродолжительно, вслѣдствіе наступившей темноты. Предавъ пламенн лагерь, въ которомъ были найдены съѣстные припасы, оружіе и платье, отрядъ вернулся въ Козеницы въ 11 часовъ вечера, потерявъ въ бою 5 нижнихъ чиновъ ранеными. Потери инсургентовъ неизвѣстны ²⁾).

Одновременно съ поискомъ подполковника Устюжановича изъ Радома и Бялобжегъ (на Пилицѣ) были посылаемы непрерывно отряды въ сѣверовосточный уголь Радомскаго уѣзда, а также былъ сдѣланъ поискъ съ большими силами въ Илженскіе лѣса, подъ личнымъ начальствомъ генерала Ушакова ³⁾. Эти поиски не дали никакихъ результатовъ, хотя глухія свѣдѣнія о пребываніи въ указанныхъ мѣстностяхъ инсургентовъ все время доходили до

¹⁾ Пѣхоты прибыло три взвода отъ 1-й стрѣлковой и 4-й линейной ротъ Смоленскаго полка. ²⁾ По журналу военныхъ дѣйствій около 200, но это предположеніе, не проверенное на мѣстѣ. ³⁾ Начальникъ отдѣла.

Радома. Повстанцы, являвшіеся къ генералу Ушакову съ повинной, говорили, что банды, держащіяся еще въ горахъ и лѣсахъ Радомскаго отдѣла, очень немногочисленны, плохо одѣты и терпятъ нужду во всемъ; что они рады бы были вернуться по домамъ, но боятся мести товарищей. Въ то же время нѣкоторые заводы возобновили брошенныя работы. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ объявленіемъ амністіи всѣмъ тѣмъ, кто вернется до 1-го мая изъ бандъ домой, давали право думать, что возстаніе почти угасло и что съ усиленіемъ войскъ на галиційской границѣ, волненіе внутри края понемногу уляжется.

Очень можетъ быть, что и въ дѣйствительности дѣло стояло не далеко отъ этого, но съ первыхъ чиселъ апрѣля въ Радомскомъ отдѣлѣ появился извѣстный уже намъ Чаховскій, отдѣлившійся отъ Лангевича. Онъ снова приковалъ къ себѣ взоры мѣстныхъ повстанцевъ, вновь оживилъ угасавшія надежды и объединилъ отдѣльныя стремленія.

Діонисій Чаховскій былъ въ 1831 году поручикомъ кавалеріи и адъютантомъ Дембинскаго, съ которымъ онъ совершилъ Литовскій походъ. Затѣмъ онъ бросилъ военную службу и жилъ къ началу возстанія 1863 года въ одномъ изъ своихъ имѣній въ качествѣ помѣщика. Незадолго до возстанія онъ переписалъ недвижимое имущество на сыновей, а самъ, имѣя уже 67 лѣтъ, посвятилъ себя повстанской дѣятельности. Молва о многочисленныхъ услугахъ, оказанныхъ возстанію еще вначалѣ, въ бытность его въ числѣ сотрудниковъ Лангевича, а также самый фактъ отдѣленія для самостоятельной роли взволновали умы при появленіи его банды въ Свѣнтокржижскихъ горахъ. Центральный комитетъ немедленно же назначилъ Чаховскаго начальникомъ Сандомірскаго воеводства.

Вполнѣ независимый по своему характеру среди другихъ предводителей, Чаховскій въ то же время былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ центральнаго комитета и во имя дисциплины не нарушалъ никакихъ распоряженій, полученныхъ изъ Варшавы, какъ бы они ни были неудачны.

При всемъ томъ, Чаховскій, прекрасный солдатъ, искусный стрѣлокъ и лихой наѣздникъ, былъ очень плохимъ администраторомъ и его партія почти все время терпѣла всевозможныя лишенія, съ такимъ трудомъ переносимыя повстанцами.

Когда Чаховскій покинулъ Лангевича, у него было не болѣе 270 человекъ.

Организація его партіи носила въ себѣ нѣкоторыя особенныя черты, несвойственныя большинству повстанскихъ отрядовъ. Благодаря ей, а также искуснымъ приемамъ предводителя, эта банда, въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ держалась противъ всѣхъ выславшихся русскихъ отрядовъ и поддерживала мятежный духъ не только во всемъ Радомскомъ отдѣлѣ, но и за его предѣлами.

Банда Чаховскаго состояла изъ пѣхоты, косинеровъ и конницы. Пѣхота была вооружена частью бельгійскими штуцерами, частью охотничьими ружьями. Лучшіе стрѣлки были выдѣлены въ особую роту имени Чаховскаго, служба въ которой считалась почетнѣе, но за то была гораздо труднѣе, чѣмъ въ прочихъ частяхъ. На эту роту возлагались всѣ труднѣйшія задачи; при наступленіи она была авангардомъ, при отступленіи — арьергардомъ. Въ важныхъ случаяхъ, не взирая на очередь, ей поручалась охрана всего отряда, что бывало весьма тяжело при длинныхъ переходахъ и настойчивомъ преслѣдованіи, когда людямъ этой роты не приходилось спать по нѣскольку сутокъ.

Особенно рѣзко банда Чаховскаго выдѣлялась изъ прочихъ тѣмъ, что штабъ, обыкновенно столь многочисленный въ повстанскихъ отрядахъ, состоялъ въ этой бандѣ лишь изъ двухъ постоянныхъ лицъ — начальника штаба — Еминовича и офицера, завѣдывавшаго корреспонденціей; кромѣ того ежедневно назначался по очереди одинъ адъютантъ изъ строя; всѣ же остальные офицеры, которыхъ вообще было немного, были постоянно при своихъ частяхъ. Обозъ, даже при позднѣйшемъ усиленіи банды, состоялъ не болѣе какъ изъ четырехъ повозокъ. Замѣчательны также приемы передвиженій, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ теперь же, дабы не возвращаться къ этому вопросу при дальнѣйшемъ изложеніи фактовъ. Обыкновенный походный порядокъ былъ установленъ Чаховскимъ слѣдующій: впереди конный разъѣздъ, за нимъ половина всего количества кавалеріи, за ней — 6 — 8 стрѣлковъ при унтеръ-офицерѣ, за ними остальные люди той же роты, за которой въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовала половина остальной пѣхоты. Другая половина банды шла въ обратномъ порядкѣ, а между обѣими половинами двигался обозъ. При пересѣченной мѣстности по бокамъ общей колонны высылались фланкеры. Разстояніе между частями походнаго порядка мѣнялось въ зависимости отъ характера мѣстности и времени сутокъ отъ 30 до 300 шаговъ и, опредѣляемое каждый разъ, строго на-

блюдалось. Въ походѣ самъ Чаховскій почти все время объѣзжалъ колонну и пропускалъ ее мимо себя. На отдыхъ банда рѣдко располагалась въ жилыхъ помѣщеніяхъ; при малѣйшей опасности строго запрещалось разводять костры, несмотря ни на какую погоду. Продовольствіе доставлялось мѣстными жителями за деньги; очень часто банда голодала по два дня, оставаясь безъ пищи. Въ лагерѣ всегда царствовала полнѣйшая тишина. Небрежность въ сторожевой службѣ жестоко каралась, частью смертью, по рѣшенію суда, составлявшагося изъ начальниковъ частей. Во время отдыха строго запрещалось оставлять оружіе; оно должно было быть всегда при себѣ и Чаховскій, въ виду разнокалиберности ружей, требовалъ, чтобы люди даже спали, имѣя свои ружья около.

Свѣдѣнія о движеніи русскихъ отрядовъ получались весьма аккуратно и всѣ наши поиски, всѣ передвиженія войскъ, могущія повести къ встрѣчѣ, были заранѣе въ точности извѣстны Чаховскому.

Банда эта не имѣла, подобно многимъ другимъ, яркихъ, кричащихъ костюмовъ. Въ видѣ особаго отличія офицерамъ жаловались трехцвѣтныя перевязи и бѣлыя конфедератки.

Къ концу марта Чаховскій исполнѣ организовалъ свою банду на вышеизложенныхъ началахъ и довелъ численность ея до 389 человекъ ¹⁾.

Въ сѣверозападномъ углу Илженскихъ лѣсовъ 24-го марта н. ст. къ нему присоединился съ своимъ отрядомъ Кононовичъ. Его банда состояла изъ 546 человекъ ²⁾.

На другой день, слѣдуя по Илженскимъ лѣсамъ, Чаховскій встрѣтилъ еще банду Грелинскаго, галиційскаго выходца, получившаго отъ галиційской революціонной организаціи значительную денежную помощь и сформировавшаго банду въ Витославскихъ дебряхъ, къ востоку отъ Свѣнтокржижскаго хребта; онъ пребывалъ тамъ уже нѣсколько недѣль, набирая охотниковъ изъ жителей Опатовскаго и Сандомірскаго уѣздовъ. Ко времени сое-

¹⁾ Изъ нихъ: 50, вооруженныхъ бельгійскими штуцерами и карабинами со штыкомъ, 120—вооруженныхъ охотничьими ружьями безъ штыка. Обѣ эти категоріи—сабель и пистолетовъ не имѣли; охотничьи ружья были, впрочемъ, весьма плохого качества. Кромѣ того имѣлось 150 косинеровъ, 58 кавалеристовъ при пикахъ (нѣкоторые имѣли ружья) и 16 офицеровъ, считая съ самимъ Чаховскимъ и со штабомъ. А. Dązkiewicz. «Wspomnienia Czachowczyka 1863 г.» Lwow, 1890, стр. 62. ²⁾ Изъ нихъ 80 съ бельгійскими ружьями при штыкахъ, 160 съ охотничьими, 200 косинеровъ, 80 конныхъ и 26 офицеровъ. Тамъ же.

диненія съ Чаховскимъ, подъ начальство котораго онъ долженъ былъ поступить, согласно распоряженію центрального комитета, у него было 450 человекъ ¹⁾). Эта банда была вооружена лучше другихъ двухъ и имѣла однообразное франтовское обмундированіе (пѣхота въ бѣлыхъ сукманкахъ и шароварахъ и въ темныхъ рагатовкахъ съ барашковой выпушкой; конница въ темныхъ мундирахъ).

Присоединеніе Грелинскаго совершилось не сразу и со стороны Чаховскаго потребовались угрозы револьверомъ, едва не перешедшія въ дѣло.

По сосредоточеніи всѣхъ бандъ, на военномъ совѣтѣ предводители рѣшили въ ближайшемъ будущемъ принять бой съ русскими.

3-го же апрѣля силы Чаховскаго еще увеличились присоединеніемъ банды Лопаткаго, въ 250 человекъ ²⁾).

Пребываніе Чаховскаго въ Илженскихъ лѣсахъ и Свѣнтокржижскихъ горахъ въ началѣ не возбуждало особыхъ опасеній. Еще въ концѣ марта генераль Ушаковъ надѣялся на скорое окончаніе возстанія. Между тѣмъ Чаховскій все усиливался; къ началу апрѣля онъ объединилъ подъ своей властью всѣ крупнѣйшія банды и слухи объ этомъ заставили наконецъ позаботиться какъ о занятіи нѣкоторыхъ пунктовъ войсками, такъ и о посылкѣ сильныхъ отрядовъ въ районъ пребыванія врага.

Мы уже раньше упоминали объ измѣненіи дислокаціи отрядовъ Радомскаго отдѣла. Съ прибытіемъ въ концѣ марта первыхъ баталіоновъ Могилевскаго, Галицкаго и Смоленскаго полковъ ³⁾ и полка Екатеринославскихъ драгунъ, генераль Ушаковъ немедленно усилилъ южную границу. Независимо сего, 2-го апрѣля были выставлены отряды: въ Опатовѣ — двѣ роты Галицкаго полка ⁴⁾ подъ начальствомъ подполковника Голубова; въ Илжѣ — двѣ роты того же баталіона, подъ начальствомъ майора Ридигера; въ Линскѣ — двѣ роты и эскадронъ драгунъ (Екатеринославскихъ),

¹⁾ 180 были вооружены бельгійскими, а 60 охотничьими ружьями; косинеровъ было 150, конныхъ, вмѣстѣ съ начальниками, 60. Тамъ же. ²⁾ Тоже выходецъ изъ Галиціи. См. «Галиційскія и Познанскія банды» въ Царствѣ Польскомъ, въ 1863 г. «Военный Сборникъ», 1899 г. № 10. ³⁾ Эти баталіоны были до того времени въ Варшавѣ. ⁴⁾ 1-я и 4-я.

подъ командой маіора Клевцова и въ Слупя-Нова — три роты Смоленскаго полка ¹⁾, подъ начальствомъ полковника Насѣкина.

Кромѣ того, вблизи раіона дѣйствій Чаховскаго имѣлись отряды въ Зволень—двѣ роты ²⁾ и въ Радомѣ—одиннадцать ротъ и 3 эскадрона, а также въ Бѣлобжегахъ 2 саперныя роты ³⁾.

Занятые пункты охватывали излюбленныя пристанища инсургентовъ, затрудняя свободу передвиженія по лѣсамъ и горамъ, которою они до сего времени пользовались; положеніе Чаховскаго затруднилось и встрѣча съ войсками стала неизбѣжной. Кромѣ того, генераль Ушаковъ далъ инструкцію всѣмъ начальникамъ отрядовъ искать и бить банды, не взирая на разницу силъ ⁴⁾.

II.

Стычка подъ Грабовцомъ 4-го апрѣля 1863 г.—Поиски генерала Ченгери и дѣйствія полковника Эрнрота.—Дѣло съ бандой Грелинскаго у дер. Броды 6-го апрѣля.—Ночное дѣло въ дер. Гржибова-Гура 7-го апрѣля.—Дѣло подъ дер. Липами съ Завадскимъ 9-го апрѣля.—Дѣло у Бржузы 8-го апрѣля.

Одновременно съ этими распоряженіями былъ посланъ особый отрядъ генерала Ченгери въ Свѣнтокржижскія горы для дѣйствій противъ Чаховскаго, а изъ Радома командированъ полковникъ генеральнаго штаба Эрнротъ для руководства дѣйствіями прочихъ, вышеперечисленныхъ мелкихъ отрядовъ; полковникъ Эрнротъ съ конвоемъ въ 35 казаковъ выѣхалъ изъ Радома въ Илжу 4-го апрѣля.

Между тѣмъ Чаховскій, соединившись 3-го числа съ Лопацимъ въ Цецировѣ, перешелъ на ночлегъ въ Грабовець ⁵⁾, о чемъ маіоръ Ридигеръ получилъ своевременно донесеніе и утромъ 4-го числа выступилъ изъ Илжи съ своимъ отрядомъ къ Грабовцу. Зная слабыя силы русскихъ и имѣя у себя 2,000 чел. ⁶⁾, Чаховскій рѣшилъ принять бой и только-что отдалъ соотвѣтствующія приказанія, какъ показалась бричка, въ которой подѣхалъ агентъ

1) 9-я, 10-я и 12-я. 2) 9-я и 10-я Могилевскаго полка. 3) Указанная дислокація имѣла временный характеръ. 4) Потто. «Военный Сборникъ» 1868 г. № 3, стр. 109. 5) «Wspomnienia Szachowczika», стр. 106. 6) Къ этому времени численный составъ бандъ Чаховскаго увеличился приливомъ новыхъ охотниковъ. Всего имѣлось: собственно у Чаховскаго 560, у Грелинскаго — 500, у Лопацикаго — 250. Кононовичъ стоялъ близъ Цецирова съ бандой въ 650 чел. (Тамъ же, стр. 117).

центрального комитета ¹⁾ и отъ имени послѣдняго приказалъ Чаховскому, не принимая боя, отступить въ лѣса ²⁾. Несмотря на протесты нѣкоторыхъ предводителей и на общее неудовольствіе, Чаховскій немедленно отмѣнилъ всѣ сдѣланныя уже распоряженія. Лопакій и Грелинскій были направлены на Вульку Модзерову, а остальные силы, подѣ прикрытіемъ роты Чаховскаго ³⁾, завязавшей уже перестрѣлку съ Ридигеромъ, втянулись также въ лѣсъ. Маіоръ Ридигеръ занялъ Грабовець, преслѣдовалъ затѣмъ инсургентовъ на нѣкоторое разстояніе по лѣсу и, потерявъ ихъ изъ виду, отправился на ночлегъ въ Сѣнно; Чаховскій же съ Грелинскимъ и Лопакимъ перешли въ дер. Липе. Когда стемнѣло и банды стали на ночлегъ, Грелинскій съ своей партіей внезапно поднялся и, отдѣлившись отъ Чаховскаго, удалился въ южномъ направленіи. Разрывъ этихъ предводителей подготовлялся давно, но Грелинскій выбралъ очень неудобный моментъ для отдѣленія въ виду приближенія русскихъ отрядовъ.

Въ этотъ же день полковникъ Эрнротъ выѣхалъ, какъ мы знаемъ, изъ Радома; онъ намѣревался застать отрядъ маіора Ридигера въ Илжѣ и вмѣстѣ съ нимъ предпринять поискъ по Илженскимъ лѣсамъ, дѣйствуя въ связи съ колонной генерала Ченгери, выступившей изъ Кѣльць ⁴⁾. Было условлено, что рано утромъ, 5-го апрѣля, полковникъ Эрнротъ, пройдя лѣсъ къ югу, вышлетъ изъ сел. Броды навстрѣчу колоннѣ генерала Ченгери сильный казачій разъѣздъ. Не найдя отряда въ Илжѣ и узнавъ, что онъ выступилъ къ Грабовцу, полковникъ Эрнротъ проѣхалъ туда, но и тамъ уже никого не засталъ и никакихъ донесеній отъ маіора Ридигера не получилъ. Вслѣдствіе этого, онъ отправилъ приказаніе отряду, стоявшему въ Липскѣ, прибыть на другой день къ дер. Глиняны, слѣдуя чрезъ Балтовъ, а самъ отправился въ Опатовъ, куда и прибылъ съ измученнымъ конвоемъ въ 3 часа ночи. Здѣсь онъ засталъ, кромѣ двухъ ротъ Галицкаго полка, еще три роты Смоленскаго, прибывшія наканунѣ изъ Кѣльць ⁵⁾. На другой день, 5-го апрѣля, оставивъ одну роту въ Опатовѣ, полковникъ Эрн-

¹⁾ Ярмундъ. ²⁾ «Wspomnienia Szachowczika», стр. 108. ³⁾ Ею командовалъ бывший русскій офицеръ, извѣстный подѣ псевдонимомъ Гржмотъ. Настоящая же фамилія его Доброгосскій. ⁴⁾ Пять ротъ Смоленскаго полка, полтора эскадрона Новороссійскихъ драгунъ, полусотня казаковъ, два батарейныя и одно нарѣзное орудіа. ⁵⁾ 9-я, 10-я и 11-я подѣ начальствомъ полковника Насѣкина; эти роты производили очередной поискъ.

ротъ направилъ двѣ роты съ маіоромъ Голубовымъ къ Цекѣлеву, приказавъ ему войти въ связь съ Линскимъ отрядомъ и очистить отъ инсургентовъ пространство между Вислой, Сѣнно и Опатовымъ, а самъ съ двумя ротами и полусотней казаковъ выступилъ обратно на Островецъ, гдѣ надѣялся соединиться съ Илженскимъ отрядомъ и войти въ связь съ колонной Ченгери, чрезъ Васневъ. Только вечеромъ ему удалось соединиться съ отрядомъ маіора Ридигера, въ Островцѣ. Генераль Ченгери, выступивъ изъ Кѣльцъ 4-го числа двумя колоннами, прибылъ въ Васневъ 5-го, но никакихъ свѣдѣній отъ Эрнрота до самаго вечера получено имъ не было.

Такимъ образомъ, къ вечеру 5-го числа Чаховскій, оставаясь въ Липе, былъ уже внѣ сферы дѣйствія отрядовъ, Кононовичъ же могъ свободно къ нему присоединиться и только Грелинскій, бросившись къ югу, попалъ какъ разъ между колоннами генерала Ченгери и полковника Эрнрота. На другой день (6-го апрѣля) полковникъ Эрнротъ выступилъ по дорогѣ на Илжу, но, не доходя до этого пункта, свернулъ на Малышинъ, отправивъ въ Илжу обозъ Могилевскихъ ротъ (изъ отряда маіора Ридигера) и разославъ по всѣмъ направлѣніямъ казачьи партіи, которыя вскорѣ открыли повстанцевъ, уходившихъ довольно безпорядочными группами изъ д. Броды къ Вержбнику. Полковникъ Эрнротъ свернулъ къ югу на Любень и далѣе; вскорѣ часть банды была настигнута въ лѣсу близъ д. Броды. Это была партія Грелинскаго, который наканунѣ добрался до Бродъ и, расположивъ банду на ночлегъ, самъ уѣхалъ въ Паршево ¹⁾. Часть банды, бывшая при обозѣ, попала въ пѣхотѣ полковника Эрнрота, другая же часть спала въ оврагѣ и была открыта казаками колонны генерала Ченгери близъ самаго селенія. Эта часть, несмотря на выстрѣлы, гремѣвшіе недалеко въ лѣсу, спокойно отдыхала, но при видѣ казаковъ успѣла вскочить и броситься въ лѣсъ ²⁾. Остававшійся за Грелинскаго капитанъ Богданъ тщетно старался возстановить порядокъ; вся банда, оказавъ очень слабое сопротивленіе, бросилась бѣжать, оставляя платье и оружіе. Часть—около 100 человекъ проскользнула къ сѣверу чрезъ Вержбникъ и въ этотъ же день соединилась опять съ Чаховскимъ, который въ наказаніе вооружилъ ее палками ³⁾.

¹⁾ Съ цѣлью романическаго характера. «Wspomnienia Czachowczika», стр. 131.

²⁾ Потто. «Военный Сборникъ» 1868 г., № 3, стр. 115. ³⁾ «Wspomnienia Czachowczika», стр. 133.

Русскіе отряды соединились въ Бродахъ, гдѣ былъ сдѣланъ привалъ. Мы потеряли трехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и одинъ пропалъ безъ вѣсти ¹⁾. Инсургенты потеряли нѣсколько десятковъ; у повозокъ было заколото штыками 25 человекъ. Кромѣ присоединившихся къ Чаховскому, остальные разсѣялись во всѣ стороны и существованіе этой партіи, стоившей 60,000 рублей ²⁾, прекратилось. Самъ Грелинскій бѣжалъ изъ Царства Польскаго и скоро былъ отданъ революціонными властями подъ судъ.

Послѣ привала отряды генерала Ченгери и полковника Эрнрота прошли по горнозаводскому шоссе и частью лѣсомъ къ Вержбнику; никакихъ свѣдѣній о бандахъ получено не было и войска стали на ночлегъ. Въ этотъ же день Чаховскій, получивъ еще наканунѣ свѣдѣнія о движеніи отрядовъ, выступилъ изъ Липе въ западномъ направленіи и вечеромъ сталъ бивакомъ въ лѣсахъ близъ Вонхоцка.

Однако близость русскихъ не позволила остаться здѣсь на ночлегъ и инсургенты ночью выступили къ Марцинкову, перешли р. Каменную, прошли берегомъ, опять перешли на лѣвый берегъ и только на другой день, пройдя чрезъ деревню Скаржиско, стали на отдыхъ близъ Майдана, послѣ 24-хъ-часоваго перехода ³⁾ На другой день, т. е. 7-го апрѣля, русскіе отряды двинулись къ Вонхоцку, откуда генераль Ченгери направился къ Суходневу, а полковникъ Эрнротъ къ Паршову. Предполагая, что часть пѣхоты Чаховскаго еще скрывается въ Илженскомъ лѣсу, Эрнротъ, въ 10 часовъ вечера, оставивъ при бивачныхъ огняхъ маіора Ридигера съ 11-й ротой Могилевскаго полка, выступилъ съ тремя ротами по трудной лѣсной дорогѣ къ Липе. Маіору Ридигеру было приказано, поддерживая огни до полуночи, выступить затѣмъ изъ Паршова чрезъ Михалово на Малышинъ. Маіоръ Ридигеръ, исполняя это приказаніе, въ д. Гржибовой Гурѣ неожиданно наткнулся на всю банду Кононовича, который, пройдя д. Липе передъ вечеромъ, пошелъ на присоединеніе къ Чаховскому и сталъ въ Гржибовой Гурѣ на ночлегъ. Внезапная встрѣча ночью вызвала сильную и беспорядочную перестрѣлку съ обѣихъ сторонъ; банда успѣла скрыться къ сѣверу, но 11-я рота потеряла убитымъ штабъ-капитана Веселаго и ранеными восемь нижнихъ чиновъ; кромѣ того, инсургенты захватили нѣсколько повозокъ ⁴⁾.

¹⁾ Донесеніе полковника Эрнрота. ²⁾ «Wspomnienia Czachowczika», стр. 133. ³⁾ Тамъ-же, стр. 136. ⁴⁾ По польскимъ источникамъ послѣ выстрѣловъ со стороны 11-й роты Могилевскаго полка, повстанскіе стрѣлки бросились вправо.

Между тѣмъ, полковникъ Эрнротъ никого въ лѣсу не нашелъ. Соединившись съ Ридигеромъ въ Малышинѣ и узнавъ о стычкѣ, онъ немедленно бросился съ частью силъ обратно къ Гржибовой Гурѣ, но никого уже тамъ не засталъ; мѣстечко было объято пламенемъ. Кононовичъ же успѣлъ соединиться съ Чаховскимъ 8-го апрѣля на горѣ Пекло, близъ Неклани. Обѣ банды были страшно утомлены и терпѣли отъ голода. Колонна же генерала Ченгери, пройдя 7-го числа чрезъ Суходневъ, прибыла на ночлегъ въ Загданскъ.

Такимъ образомъ, всѣ передвиженія нашихъ отрядовъ за 7-е число не имѣли существенныхъ результатовъ; Чаховскій ушелъ еще болѣе къ сѣверу въ Опочненскій уѣздъ, а Кононовичъ благополучно ускользнулъ отъ отряда полковника Эрнрота, который на другой день вернулся въ Радомъ съ Могилевскими ротами, отправивъ Смоленскія въ Слупя Нова.

Передъ дальнѣйшимъ изложеніемъ дѣйствій нашихъ отрядовъ противъ Чаховскаго, необходимо сказать еще о двухъ встрѣчахъ съ другими бандами, происшедшихъ 8-го и 9-го апрѣля въ предѣлахъ Радомскаго отдѣла. Одна изъ нихъ была подъ начальствомъ Завадскаго ¹⁾; она сформировалась уже послѣ диктатуры Лангевича въ окрестностяхъ Руды-Маленецкой недалеко отъ Конска стараніями мѣстной шляхты. Свѣдѣнія объ этой бандѣ, едва-ли превышавшей 200 человекъ, очень скудны. На слѣдъ ея напалъ небольшой отрядъ изъ Радомска (3-я стрѣлковая рота Бѣлозерскаго полка и 20 казаковъ) подъ начальствомъ штабсъ-капитана Обухова, который по слѣдамъ ея прибылъ 8-го апрѣля въ деревню Чермно, около Пржедборжа. Узнавъ отъ двухъ захваченныхъ повстанцевъ, что верстахъ въ семи есть лагерь, онъ 9-го числа выступилъ къ д. Липы и встрѣтилъ въ лѣсу банду, которая дала залпъ съ близкаго разстоянія, причемъ штабсъ-капитанъ Обуховъ былъ смертельно раненъ и его мѣсто заступилъ сотникъ Богаев-

и влѣво отъ улицы и начали стрѣлять изъ-за домовъ, а косинеры, по свободному проходу, подъ командой Михальскаго, бросились въ атаку и заставили нашу роту отступить. Вѣроятно, что-нибудь въ этомъ родѣ и было, такъ какъ мы потеряли часть обоза. Самъ Кононовичъ, занятый съ дамами-курьерами, участія въ стычкѣ не принималъ. «Wspomnienia Czachowczika», стр. 141 и 142.

¹⁾ Завадскій—уже старикъ былъ участникомъ въ 1848 году и вернулся въ Польшу незадолго до возстанія изъ Сибири.

скій. Повстанцы держались очень упорно въ продолженіе двухъ часовъ и даже выслали для атаки во флангъ колонну косинеровъ; сотникъ Богаевскій, направивъ казаковъ противъ косинеровъ, самъ сталъ передъ ротой съ косою въ рукѣ, бросился на позицію и выбилъ инсургентовъ. Преслѣдованіе продолжалось на разстояніи двухъ верстъ; недостатокъ патроновъ и топкая, болотистая мѣстность, заставили скоро остановиться, тѣмъ болѣе, что банда разсѣялась по одиночкѣ въ глазахъ отряда. Потери его состояли, кромѣ командира роты, изъ 4-хъ убитыхъ и 10-ти раненыхъ. Кромѣ того было ранено 16 казачьихъ лошадей. Банда потеряла около 100 убитыхъ ¹⁾, нѣсколько десятковъ ружей и весь лагерь.

Между тѣмъ, 8-го апрѣля генераль Ченгери выступилъ съ своимъ отрядомъ изъ Загданска, имѣя также намѣреніе розыскать Завадскаго; слѣдуя по шоссе, онъ отправилъ изъ Смыкова эскадронъ Новороссійскихъ драгунъ лѣсами вправо, на деревню Сельпя, куда думалъ прибыть и самъ; но къ вечеру до Сельпы отрядъ не дошелъ; эскадронъ же сбился и ночевалъ не въ Сельпѣ, а въ д. Дзюбалтовъ, въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу. На другое утро отрядъ выступилъ только по присоединеніи кавалеріи, довольно поздно. Пользуясь показаніями еврея-проводника, генераль Ченгери прибылъ къ лагерю инсургентовъ въ Шкуцинскомъ лѣсу уже послѣ окончанія дѣла отрядомъ штабсъ-капитана Обухова. Нѣсколько десятковъ повстанцевъ, засѣвшихъ въ лѣсу вблизи лагеря, завязали съ шедшими впереди отряда драгунами перестрѣлку, но тѣ спѣшились и, выбивъ ихъ безъ особеннаго труда изъ засады, присоединились въ д. Лины къ пѣхотѣ. Послѣ этого, 10-го апрѣля генераль Ченгери выступилъ обратно въ Кѣльцы.

Вторая стычка произошла 8-го апрѣля. Банда Янковскаго, военнаго начальника Станиславскаго уѣзда (Мазовецкаго воеводства), уходя отъ русскихъ отрядовъ, переправилась изъ Люблинскаго отдѣла, въ окрестностяхъ Магнутова, на лѣвый берегъ Вислы и, скрывшись въ Козеницкихъ лѣсахъ, въ концѣ марта, оправилась тамъ и, пополнивъ ряды новыми охотниками, перешла въ Варшавскую губернію ²⁾. Встрѣченная тамъ колонной барона Меллера-Закомельскаго изъ войскъ Варшавскаго военнаго отдѣла, она была отброшена обратно за Пилицу и разбита 8-го апрѣля въ

¹⁾ Въ тояъ числѣ трехъ ксендзовъ. «Журналъ военныхъ дѣйствій» съ 18-го—25-го апрѣля. ²⁾ Эту банду Чаховскій встрѣтилъ близъ Зволена около 27-го марта. «Wspomnienia Czachowczika», стр. 92.

Маріановскомъ лѣсу, въ окрестностяхъ Бржузы, причемъ у насъ были ранены оберъ-офицеръ и пять нижнихъ чиновъ, банда же понесла потери въ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

III.

Чаховскій въ Опочненскомъ уѣздѣ.—Дѣло при Стефанковѣ 10-го апрѣля.—Преслѣдованіе.

Гора Пекло, на которой Чаховскій расположился лагеремъ, лежитъ въ глухихъ дебряхъ, доступы къ которымъ, особенно въ то время, были очень трудны. Командуя окрестностями, эта плоская вершина, отороченная какъ бы искусственнымъ брустверомъ каменными глыбами, среди обширныхъ непроходимыхъ лѣсовъ, каменистыхъ ущелій и пещеръ—наводила суевѣрный ужасъ на окрестное населеніе. Дѣла повстанцевъ въ Опочненскомъ уѣздѣ были, однако, не блестящи и ко времени прибытія грознаго воеводы мѣстныхъ бандъ не существовало; единственнымъ усиленіемъ явилась конная шайка, около 40 человѣкъ, подъ предводительствомъ нѣкоего Стамировскаго. Это былъ мелкій помѣщикъ около 40 лѣтъ, фатоватой наружности; съ самаго начала возстанія онъ занялся грабежомъ профъзжающихъ и вообще мирныхъ обывателей, а также всякаго рода насиліями надъ ними ¹⁾. Незадолго до его присоединенія, совершившагося съ помощью конницы Чаховскаго, послѣдній получилъ лаконическій приказъ центрального комитета слѣдующаго содержанія: «Стамировскаго, самовольно называющаго себя полковникомъ, доставить въ отрядъ и разстрѣлять, а отрядъ его присоединить» ²⁾. Но послѣдовавшія столкновенія съ русскими отрядами помѣшали Чаховскому немедленно исполнить приказаніе центрального комитета. Стамировскій былъ раненъ и оставилъ его отрядъ. Онъ вскорѣ былъ повѣшенъ Хмѣлинскимъ, революціоннымъ начальникомъ Краковскаго и Сандомирскаго воеводствъ, по приказанію ржонда.

Пребываніе Чаховскаго въ Опочненскомъ уѣздѣ очень скоро стало извѣстно въ окрестныхъ пунктахъ. Въ это время Опочненскій уѣздъ былъ занятъ 2-мъ баталіономъ Полоцкаго полка, еще

¹⁾ «Pamiętniki powstania 1863 i 1864 r.» wydal i przypisami uzupełnił Zygmunt Lucjan Sulima. Lwow 1881, стр. 35—39. ²⁾ «Wspomnienia Czachowczika», стр. 145.

не бывшимъ въ дѣлахъ съ повстанцами; двѣ роты его (5-я и 7-я) стояли въ Конскѣ, прикрывая продовольственный магазинъ, а двѣ (6-я и 8-я), при 20-ти казакахъ въ г. Опочно, подъ начальствомъ маіора Донецъ-Хмѣльницкаго; тутъ же былъ и баталіонный штабъ. Узнавъ о Чаховскомъ и имѣя въ виду недавнее предписаніе генерала Ушакова о неукоснительномъ розыскѣ бандъ и объ атакѣ ихъ, не взирая на численное превосходство, маіоръ Донецъ-Хмѣльницкій, оставивъ въ Опочно 100 человекъ, выступилъ съ остальными людьми (220 чел. пѣхоты при нѣсколькихъ казакахъ) 8-го апрѣля на поискъ къ сторонѣ Пржисухи. На другой день онъ обыскалъ всѣ окрестныя деревни и узнавъ, что за послѣдніе дни партіи инсургентовъ проходили чрезъ деревню Жуковъ, отправился туда на ночлегъ. Здѣсь онъ получилъ болѣе подробныя свѣдѣнія о пребываніи Чаховскаго близъ Неклани.

Рано утромъ 10-го числа онъ выступилъ въ указанномъ направленіи. Часовъ въ 7 утра казаки, пройдя деревню Стефанково, дали знать, что виденъ противникъ.

Пребываніе отряда маіора Донецъ-Хмѣльницкаго въ Пржисунѣ, до его послѣдняго ночлега въ Жуковѣ, а также направленіе генерала Ченгери въ Кѣльцы были извѣстны Чаховскому. Рано утромъ 10-го апрѣля, оставивъ въ «Пеклѣ» Кононовича, Чаховскій выступилъ съ двумя ротами стрѣлковъ (180 чел.), двумя — косинеровъ (200 чел.) и конницей Стамировскаго (40 чел.), всего въ количествѣ 438 человекъ съ офицерами ¹⁾, по лѣсной дорогѣ къ Стефанкову, имѣя впереди конныхъ Стамировскаго, который, по приказанію Чаховскаго, ѣхалъ впереди всѣхъ ²⁾. Отрядъ маіора Донецъ-Хмѣльницкаго шелъ по дорогѣ, имѣя два полувзвода въ цѣпи, по сторонамъ. Съ появленіемъ конныхъ, цѣпь была усилена еще полувзводомъ. Продолжая движеніе, правая часть цѣпи обстрѣляла передовой разъѣздъ ³⁾. Лѣсъ былъ очень густъ и этотъ огонь обнаружилъ линію наступленія русскихъ.

Конница Стамировскаго поскакала назадъ; инсургенты приостановились и Гржмоть, взявъ роту стрѣлковъ и косинеровъ, повернулъ влѣво и обойдя по густымъ зарослямъ замѣченный по выстрѣламъ правый флангъ нашего отряда, выстроилъ стрѣлковъ въ одну линію, а косинеровъ за ними и постепенно обошелъ нашъ

¹⁾ «Wspomnienia Czachowczika», стр. 160. ²⁾ Его хотѣли поставить въ самое опасное мѣсто умышленно, такъ какъ нѣкоторые начальники затруднились безъ суда исполнить приказъ центрального комитета о казни. Тамъ же. ³⁾ Причемъ Стамировскій былъ раненъ въ руку. Тамъ же, стр. 149.

изъ Мнева и предупредили о приближеніи русскіхъ войскъ, которыя должны были атаковать его на другой день. Чаховскій сейчасъ же поднялъ всѣ свои силы и приказалъ имъ перейти частями къ общему сборному пункту въ лѣса за Саляховымъ боромъ (близъ Радотиць), между Конскомъ и Мневомъ, съ западной стороны шоссе, гдѣ банда должна была собраться черезъ день. Чаховскій выступилъ въ часть ночи на 11-е апрѣля тремя колоннами: Коновичъ и Марковскій, замѣстившій раненаго Лопаткаго—по правому берегу рѣки Черной, первый сѣвернѣе, второй южнѣе. Самъ Чаховскій по лѣвому берегу чрезъ Стампорково, на деревню Черную и далѣе лѣсами мимо Красной и Медзежи къ Сельпи.

Въ 7 часовъ вечера 11-го числа всѣ колонны соединились въ Саляховомъ бору и измученные люди заснули. По дорогѣ Чаховскій распустилъ слухъ, что идетъ на Конскъ.

Вѣсть о неудачномъ дѣлѣ маіора Донецъ-Хмѣльницкаго разнеслась съ поразительной быстротой въ тотъ же день по окрестностямъ. Генералъ Ченгери, слѣдуя въ этотъ день въ Кѣльцы, сталъ получать по дорогѣ свѣдѣнія о пребываніи Чаховскаго въ Некланскихъ лѣсахъ и, по мѣрѣ движенія впередъ, начали появляться вначалѣ смутные, а потомъ вполне опредѣленные слухи о неудачѣ русскіхъ. Въ Мневѣ опъ получилъ донесеніе отъ отряда, бывшаго въ Конскѣ, объ опасномъ положеніи этого пункта. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, генералъ Ченгери отправилъ изъ Мнева маіора Бентковскаго съ тремя ротами, взводомъ драгунъ и полусотней казаковъ чрезъ Красную къ Неклани, а самъ съ кавалеріей и орудіями поспѣшилъ въ Кѣльцы, откуда 11-го числа выслалъ свѣжій отрядъ подполковника Сухонина (изъ двухъ ротъ и полуэскадрона драгунъ) въ Конскъ. Въ то же время изъ Петрокова къ Опочнѣ выступилъ еще отрядъ подъ личнымъ начальствомъ генерала Радена ¹⁾ изъ трехъ ротъ Могилевскаго полка. Всѣ эти колонны, выступивъ 11-го числа, уже не застали Чаховскаго въ предполагаемомъ мѣстѣ. Одна рота изъ отряда генерала Радена была оставлена временно въ Опочнѣ. Объ отрядахъ изъ Кѣльць и Петрокова въ Радомѣ извѣстно не было и потому никакого объединенія дѣйствій этихъ отрядовъ не установлено. Было лишь извѣстно, что Чаховскій гдѣ-то у Неклани, но и это свѣдѣніе уже 11-го числа было невѣрно.

¹⁾ Военный начальникъ отдѣла Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги.

IV.

Казни Чаховскаго, произведенныя надъ крестьянами.—Возвращеніе въ Илженскіе лѣса.—Стычка у д. Броды съ Марковскимъ 15-го апрѣля.—Пребываніе Чаховскаго на берегу Вислы.—Дѣло у Боріи 22-го апрѣля.—Засада въ Островецкомъ лѣсу 23-го апрѣля.—Смерть маіора Клевцова.

Рано утромъ 12-го числа Чаховскій выступилъ къ Вулькѣ-Клуцкой; по пути обнаружился весьма непріятный для повстанцевъ фактъ: крестьяне попутныхъ и окрестныхъ деревень, слышавъ о близости Чаховскаго, скрылись вслѣдствіе террора, распространеннаго казнями надъ крестьянами по подозрѣнію ихъ въ шпіонствѣ, безъ которыхъ не обходилась почти ни одна стоянка Чаховскаго. Онъ вѣшалъ не только подозрѣваемыхъ въ преданности законному правительству по какимъ-либо основаніямъ и уликамъ, но часто по однимъ слухамъ, ни на чемъ не основаннымъ. Къ казнямъ приговаривались непременно «военнымъ судомъ», на которомъ не было ни обвинителей, ни защитниковъ, ни сколько-нибудь вѣскихъ матеріаловъ.

Кромѣ казней были и другія причины неудовольствія: всегда голодная банда Чаховскаго была не прочь пограбить и совершить разныя насилія надъ жителями. Помимо личныхъ подозрѣній Чаховскаго и его сподвижниковъ, казни производились по предписаніямъ центрального комитета, который ограничивался присылкой списковъ приговоренныхъ, причемъ часто никому не было извѣстно, какое преступленіе совершили эти несчастныя жертвы; въ такихъ случаяхъ судъ обращался въ возмутительную комедію. Незадолго передъ выступленіемъ изъ Саляхова бора Чаховскій получилъ предписаніе центрального комитета казнить 52 крестьянъ, обвинявшихся въ возмущеніи противъ помѣщиковъ ¹⁾.

Всѣхъ этихъ людей розыскать не могли, но къ вечеру 12-го числа, на походѣ были доставлены въ банду 11 человекъ.

Накормивъ банду при помощи нѣкоторыхъ помѣщиковъ, съѣхавшихся въ Вульку-Клуцкую, Чаховскій выступилъ дальше къ Мневу; въ пути было получено имъ предостереженіе, что около 2,000 крестьянъ, вооруженныхъ вилами и косами, готовятъ бандѣ засаду; но банда благополучно прослѣдовала чрезъ Мневъ въ Самсоніевскіе лѣса, гдѣ 11 захваченныхъ были повѣшены ²⁾.

¹⁾ «Wspomnienia Czachowczika», стр. 180. ²⁾ Тамъ же, стр. 187. По словамъ автора, участника при исполненіи этой жестокой расправы—это былъ отвѣтъ на казни русскаго правительства, «сдѣланный по требованію народа». Тамъ же, стр. 187.

Около 2-хъ часовъ ночи банда сбѣжала привалъ въ глухихъ Красновскихъ лѣсахъ до (4-хъ часовъ утра и затѣмъ, прослѣдовавъ по лѣсистымъ вершинамъ, въ 9 ч. утра вышла къ Радомскому шоссе (къ западу отъ Суходнева), гдѣ получила отъ мѣстной революціонной организаціи съѣстные припасы. Къ вечеру 13-го апрѣля Чаховскій спустился въ Суходневъ, только что передъ этимъ оставленный отрядомъ подполковника Насѣкина ¹⁾, бывшимъ здѣсь на поискѣ. Такимъ образомъ къ вечеру этого дня Чаховскій совершенно уклонился отъ отрядовъ, высланныхъ въ Опочненскій уѣздъ. Отрядъ Сухонина, не найдя нигдѣ инсургентовъ, вернулся скоро въ Кѣльцы, послѣ чего генераль Ченгери выслалъ сейчасъ же новый отрядъ подполковника Севастьянова, который соединился съ маіоромъ Бентковскимъ въ Неклани. Оба они двинулись изъ Неклани на Суходневъ только 15-го числа. Между тѣмъ Чаховскій еще 13-го раздѣлилъ свою банду, направилъ Кононовича въ Липе, Марковскаго съ всадниками Стамировскаго къ Бродамъ, а самъ двинулся между ними; всѣ эти отряды двигались ломаннымъ направлениемъ, тщательно скрывая слѣды. На другой день Кононовичъ перешелъ къ сѣверу въ Зволенскіе лѣса, а Чаховскій занялъ Липе. Въ этотъ же день (14-го) Марковскій, выдержавъ небольшую стычку съ драгунами изъ отряда Бентковскаго, перешелъ въ лѣсъ между Бродами и Вержбникомъ; пользуясь суматохой, вызванной перестрѣлкой съ драгунами, конница Стамировскаго, по соглашенію съ своимъ предводителемъ, отдѣлилась отъ Марковскаго и исчезла.

15-го апрѣля отрядъ маіора Клевцова, передвинутый полковникомъ Эрнротомъ изъ Липска въ Остролець, оставивъ роту въ мѣстечкѣ, выступилъ въ составѣ 8-й роты Могилевскаго полка и эскадрона драгунъ къ Бродамъ, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что въ домѣ управляющаго находится складъ продовольствія для повстанцевъ. Во время обыска въ Бродахъ на другой сторонѣ оврага показались нѣсколько конныхъ повстанцевъ, противъ которыхъ были высланы наѣзники отъ эскадрона, но всадники скрылись по направленію къ д. Михалки и маіоръ Клевцовъ выступилъ сейчасъ же по лѣсной дорогѣ къ Вержбнику.

Марковскій, узнавъ отъ пикетовъ о приближеніи русскихъ, сейчасъ же послалъ донесеніе Чаховскому, а самъ встрѣтилъ русскій отрядъ огнемъ, пустивъ косинеровъ во флангъ. Мѣткій огонь

¹⁾ Изъ Слупя-Нова.

и контръ-атака 8-й роты Могилевскаго полка отбросили обходящихъ, но, въ виду наступавшей темноты, маіоръ Клевцовъ вернулся въ Броды, послѣ чего Марковскій и подходящій къ нему на помощь отрядъ Чаховскаго отошли къ Липе, гдѣ и провели ночь ¹⁾.

Во время этого дѣла драгуны отбили повстанскій обозъ. Потери инсургентовъ не превышали 40 человекъ ²⁾. Нашъ отрядъ лишился трехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ Могилевской роты. Вслѣдствіе потери соприкосновенія, маіоръ Клевцовъ отправился на другой день на поиски къ Бодзентыну, т. е. въ совершенно противоположную отъ лагеря Чаховскаго сторону. Инсургенты же оставивъ рано утромъ свой лагерь у д. Липе, потянулись къ сѣверо-востоку. Близъ д. Банковой Чаховскій встрѣтилъ небольшія шайки, бывшія прежде подъ командой Туркетти и Садовскаго и бросившія своихъ предводителей. Близъ шоссе изъ Радома на Зволень къ вечеру Чаховскій соединился съ Кононовичемъ и уже въ темнотѣ продолжалъ движеніе до деревни Сухе, гдѣ сталъ на ночлегъ. Конечно, въ этотъ день никто изъ начальниковъ русскихъ отрядовъ даже приблизительно не могъ сказать, гдѣ Чаховскій ³⁾. На другое утро Чаховскій прибылъ въ Едльню, гдѣ, какъ и въ Сухе, былъ встрѣченъ весьма радушно обывателями ⁴⁾.

Прослѣдовавъ затѣмъ въ деревню Чарна, онъ встрѣтилъ тамъ банду Янковскаго, скрывавшагося здѣсь, послѣ дѣла при Бржузѣ, о которомъ мы упоминали выше. Отсюда Янковскій перешелъ въ лѣса Мысленицкіе (на западѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радома), а Чаховскій, переговоривши съ нимъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, прибылъ вечеромъ въ Зволень, гдѣ и сталъ на ночлегъ на базарной площади.

Два слѣдующіе дня банда провела спокойно въ Липскѣ ⁵⁾, упражняясь въ стрѣльбѣ и въ разныхъ построеніяхъ, такъ какъ прибыли новые охотники. Затѣмъ нѣсколько дней Чаховскій провель въ Сольцахъ, откуда ѣздилъ на правый берегъ Вислы. Онъ хотѣлъ переправиться туда съ бандой, но не нашелъ перевозочныхъ средствъ ⁶⁾. Въ день годовщины конституціи 3-го мая, т. е.

¹⁾ «Wspomnienia Czachowiczka», стр. 191. ²⁾ Донесеніе маіора Клевцова. См. Дѣла штаба Варшавскаго военнаго округа. У Потто все это дѣло нѣсколько преувеличено. «Военный Сборникъ» 1868 г., № 3, стр. 188. ³⁾ Отряды изъ Зволени и Илжи были послѣ поиска Эрирота отозваны въ Радомъ. ⁴⁾ «Wspomnienia Czachowiczka», стр. 192. ⁵⁾ Откуда также ушелъ отрядъ маіора Клевцова. ⁶⁾ Показаніе плѣннаго рядового Антона Турлина. «Журналъ военныхъ дѣйствій».

21-го апрѣля по старому стилю, Чаховскій, собравъ окрестную шляхту, устроилъ торжественное богослуженіе въ мѣстечкѣ Тарловъ, на которомъ присутствовали въ качествѣ делегатовъ двѣ роты изъ партіи Янковскаго ¹⁾, уже оправившагося и слѣдовавшаго по правому берегу Вислы. Послѣ молебствія было осмотрѣно и исправлено оружіе. Въ этотъ же день пришло извѣстіе о приближеніи русскихъ отрядовъ.

Ближайшимъ къ повстанцамъ отрядомъ, во время пребыванія ихъ въ Тарловѣ, былъ Опатовскій изъ двухъ ротъ Галицкаго полка; въ это же время въ Опатовъ прибылъ маіоръ Клевцовъ съ 8-й ротой Могилевскаго полка и эскадрономъ Новороссійскихъ драгунъ; кромѣ того имѣлись небольшія силы въ Завихостѣ (рота Галицкаго полка), въ Сандомірѣ (тоже одна рота) и въ Слупя Новой отрядъ подполковника Насѣкина изъ трехъ ротъ Смоленскаго полка. Такъ какъ Кононовича съ Чаховскимъ не было (онъ остался въ Конницкихъ лѣсахъ), и у послѣдняго, вмѣстѣ съ ротами Янковскаго, прибывшими на празднество, было около 1,200 человекъ, то бывшихъ въ вышеуказанныхъ пунктахъ частей могло быть достаточно для окруженія Чаховскаго, но насколько плохо было извѣстно пребываніе бандъ русскимъ отряднымъ начальникамъ, настолько передвиженіе ихъ отрядовъ въ точности передавалось повстанцамъ.

Такъ произошло и теперь. Первыя свѣдѣнія были получены въ Опатовѣ не о Чаховскомъ, а о грабежахъ, произведенныхъ въ Островцѣ остатками партіи Греминскаго. Это обстоятельство и двинуло наши отряды. Маіоръ Клевцовъ, получивъ донесеніе о безчинствахъ, выступилъ 20-го апрѣля изъ Опатова съ 1-мъ эскадрономъ драгунъ и двумя ротами ²⁾ на Куновъ и только тамъ получилъ свѣдѣніе, что самъ Чаховскій намѣренъ произвести нападеніе на Островецъ; повернувъ немедленно къ Островцу, онъ узналъ, что Чаховскій въ Ожаровѣ и Рудѣ Косцельной. Отправивъ въ Опатово соотвѣтствующее донесеніе съ просьбой о подкрѣпленіи, маіоръ Клевцовъ двинулся къ Боріи, куда прибылъ уже передъ вечеромъ 22-го числа; здѣсь онъ открылъ повстанцевъ, совершенно неожиданно, на правомъ берегу рѣки Каменной. Въ этотъ день Чаховскій рано утромъ выступилъ изъ Тарлово въ Ожаровъ; повстанцы были здѣсь также встрѣчены очень радушно и

¹⁾ «Wspomnienia Czachowczika», стр. 195. ²⁾ Одна 8-я Могилевскаго полка и одна Галицкаго.

послѣ торжественнаго молебствія ксендзы и старики евреи благословили банду на дальнѣйшіе подвиги ¹⁾. Окрестная шляхта, прибывъ на праздникъ, затѣяла даже танцы. Но внезапно веселье прекратилось по приказанію Чаховскаго и банда двинулась къ сѣверо-западу, по направленію къ Балтовскимъ лѣсамъ. Вѣроятно, Чаховскій узналъ о движеніи Клевцова къ Боріи. Приподнятый духъ повстанцевъ, конечно, много способствовалъ рѣшенію не уклоняться на сей разъ отъ боя и не ждать, пока къ слабому отряду маіора Клевцова подойдутъ подкрѣпленія.

Прибывъ съ драгунами къ Боріи, маіоръ Клевцовъ замѣтилъ на противоположномъ берегу рѣки Каменной конныхъ повстанцевъ; такъ какъ мостъ былъ сломанъ, онъ переправился вплавь и, сплывъ драгунъ между стодолами, завязалъ перестрѣлку. Выйдя изъ лѣсу, Чаховскій немедленно разсыпалъ роту стрѣлковъ, приказавъ ей наступать на драгунъ; эта рота въ 100 человекъ, подъ предводительствомъ Дольницкаго, рассыпавшись въ цѣпь, пошла прямо передъ собой по дорогѣ, продвинулась до самой деревни Лемеже и заняла оконечность лѣса; со стороны драгунъ она была здѣсь отдѣлена песчанымъ бугромъ. Самъ Чаховскій, прикрываясь лѣсомъ и возвышенностями, стянулъ колонну и перестроилъ ее въ боевой порядокъ ²⁾. Драгуны, замѣтившіе движеніе Дольницкаго, открыли по его партіи огонь. Вскорѣ подошла пѣхота, которая также стала обстрѣливать пространство у деревни Лемеже. Затѣмъ ясно обозначилась колонна косинеровъ, выступающая изъ лѣсу и она отвлекла огонь пѣхоты, не особенно, впрочемъ, дѣйствительный для роты Дольницкаго, благодаря песчаному бугру, скрывавшему ее отъ взоровъ нашихъ стрѣлковъ. Пока шла эта перестрѣлка, инсургенты развернулись, прикрываясь мѣстностью и имѣя стрѣлковыя цѣпи впереди, стали надвигаться со всѣхъ сторонъ на отрядъ Клевцова. Часть ихъ пробралась до высоты крайнихъ стодоловъ и стала обстрѣливать отрядъ продольно; но драгуны въ пѣшемъ строю отбросили ихъ штыками; начинало темнѣть, повстанцы постепенно обходили фланги и угрожали захватить путь отступленія, лежавшій чрезъ рѣчку въ бродъ; положеніе отряда дѣлалось критическимъ. Но Чаховскій не нанесъ рѣшительнаго удара и отозвалъ всѣ свои силы въ лѣсъ, считая рус-

¹⁾ «Wspomnienia Czachowczika», стр. 200. ²⁾ Описанія этого дѣла сильно разнятся въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій» и въ «Запискахъ Потто»; у послѣдняго изложеніе хода боя въ общемъ сходится съ описаніемъ въ «Wspomnienia Czachowczika».

скихъ, по упорству оказаннаго сопротивленія, гораздо болѣе сильными, чѣмъ то было въ дѣйствительности ¹⁾). Маіоръ Клевцовъ благополучно отошелъ въ Борію, выставивъ аванпосты по рѣкѣ Каменной.

Ночью Чаховскій перешелъ въ лѣсъ между Боріей и Островцомъ, гдѣ и переночевалъ. Маіоръ Клевцовъ, получивъ извѣстіе, что инсургентовъ болѣе нѣтъ на прежней позиціи, рѣшилъ двинуться въ Островецъ, рассчитывая соединиться съ подкрѣпленіями, о которыхъ онъ просилъ еще 21-го числа начальника Опатовскаго отряда ²⁾). Дорога шла по густому лѣсу; отъ отряда была выслана небольшая цѣпь ³⁾). Пройдя около двухъ верстъ, колонна была встрѣчена залпомъ, положившимъ на мѣстѣ ѣхавшаго впереди маіора Клевцова; вслѣдъ затѣмъ на нее бросились съ двухъ сторонъ повстанскіе стрѣлки и косинеры. Но не всѣ части банды Чаховскаго приняли участіе въ этомъ нападеніи и отрядъ Клевцова молодецки пробилъ себѣ дорогу штыками чрезъ толпы инсургентовъ къ опушкѣ лѣса; отсюда драгуны поскакали по направленію къ мѣстечку и выбрали позицію для прикрытія дальнѣйшаго отступленія пѣхоты; Чаховскій прекратилъ дѣло на опушкѣ и собралъ банду, а отрядъ, вынесенъ на рукахъ тѣло своего храбраго начальника, прибылъ въ Опатовъ, потерявъ въ обоихъ дѣлахъ отъ 20-ти до 30-ти человѣкъ убитыми и ранеными ⁴⁾).

¹⁾ «Wspomnienia Czachowczika», стр. 216. Тутъ же сказано, что Чаховскій не нанесъ рѣшительнаго удара потому, что не хотѣлъ подвергать жителей Боріи непріятнымъ послѣдствіямъ боя. Это, впрочемъ, говорится и по поводу начавшагося дѣла у Грабовца, о которомъ мы говорили выше. ²⁾ Въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій» сказано, что Клевцовъ даже получилъ извѣстіе, что инсургенты у него въ тылу, но это едва ли справедливо. ³⁾ Потто. «Военный Сборникъ» 1868 г., № 3, стр. 134. ⁴⁾ По «Журналу военныхъ дѣйствій» 10 убитыхъ и 11 раненыхъ, по «Запискамъ Потто» («Военный Сборникъ» 1868 г., № 3, стр. 134 и дальше) 11 убитыхъ и 19 раненыхъ, въ числѣ послѣднихъ Могилевскаго полка поручикъ Кохановскій. По польскимъ источникамъ мы потеряли еще четырехъ драгунъ плѣнными, которые были разстрѣляны, причемъ одинъ изъ нихъ Чаховскимъ, собственноручно. Послѣ разстрѣлянннхъ косинеры начали упражняться на трупахъ въ нанесеніи ловкихъ ударовъ косою. «Wspomnienia Czachowczika», стр. 223. Кромѣ того, по указанному источнику нашъ отрядъ потерялъ нѣсколько повозокъ и часть патроновъ. Послѣднее весьма вѣроятно, такъ какъ и по русскимъ источникамъ отрядъ къ концу послѣдняго дѣла остался безъ патроновъ. Вообще свѣдѣнія, имѣющіяся объ этомъ неудачномъ дѣлѣ, весьма разнорѣчивы. Мы, конечно, не придаемъ никакого значенія умышленно преувеличенной цифрѣ нашихъ потерь, приведенныхъ въ «Wspomnienia Czachowczika», которая тамъ показана за оба дня въ 573 человѣка, что превышаетъ численность всего отряда маіора Клевцова.

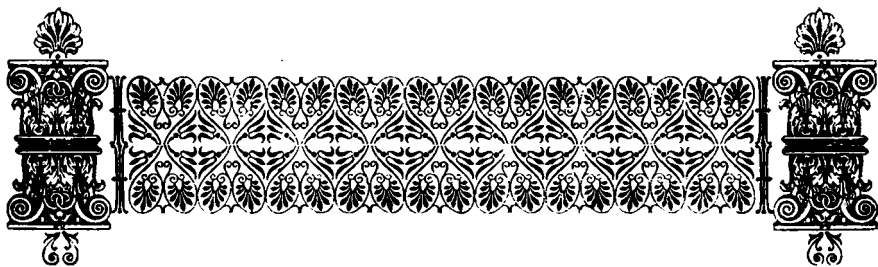
Въ этотъ же день Чаховскій, узнавъ о движеніи нѣсколькихъ русскихъ отрядовъ, быстро перешелъ къ сѣверу, на Балтовъ, гдѣ соединился съ бандой Янковскаго; отдохнувъ тамъ, но не получивъ достаточно продовольствія, банда ушла еще сѣвернѣе, къ Жечневу и стала на ночлегъ близъ деревни Данишевицы, въ Илженскихъ лѣсахъ. Мѣстечко Островецъ было сожжено инсургентами.

Къ изложенному нужно добавить, что 22-го апрѣля Чаховскій отправилъ почти всю свою конницу въ поиски по лѣсамъ для сбора остатковъ банды Грелинскаго, а также прочихъ мелкихъ шаякъ, не успѣвшихъ къ нему присоединиться.

С. Гескетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРИИ КОКАНСКАГО ПОХОДА ¹⁾.

(Статья вторая).

Послѣ ухода генерала Скобелева изъ Намангана къ Тюря-Кургану работы по устройству цитадели продолжались и никакого особеннаго движенія среди жителей города въ первое время не было замѣтно.

Но какъ только 24-го октября, послѣ Тюря-Курганскаго дѣла, генераль Скобелевъ двинулся къ Чусту и движеніе его въ этомъ направленіи совершенно обозначилось, кипчаки обступили Наманганъ, а вскорѣ къ нимъ присоединилось поголовно все городское населеніе.

Въ виду тревожнаго положенія дѣлъ въ Наманганѣ и давно ходившихъ уже слуховъ о томъ, что жители города собираются напасть на цитадель въ союзѣ съ кипчаками съ Батырь-Тюрей во главѣ, всѣ работы по приспособленію къ оборонѣ медресе и бековскаго дома, входившихъ въ оборонительную ограду цитадели, ведены были такъ, чтобы въ каждую данную минуту гарнизонъ могъ, въ случаѣ нападенія непріятеля, защищаться за возводимыми оборонительными сооруженіями, причемъ главное вниманіе было обращено на скорѣйшее окончаніе вновь возводимыхъ фланкирующихъ построекъ, въ особенности же госпитальнаго капонира, съ котораго можно было обстрѣливать базаръ и на сломку сакель для образованія эспланады, безъ которой затруднялась бы оборона цитадели.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 4.

Оборонительныя работы, веденныя по непосредственнымъ указаніямъ военнаго инженера штабсъ-капитана Воронца, въ порядкѣ, вытекающемъ изъ вышеуказаннаго начала, далеко еще не были доведены до конца и находились ко дню открытія военныхъ дѣйствій, 24-го октября, въ слѣдующемъ положеніи:

Стѣнка госпитальнаго капонира была поднята до проектной высоты 14 футовъ и въ мѣстахъ соединенія его стѣны съ горжевой стѣнкой было оставлено два прохода для удобства окончанія работъ; у праваго прохода было приступлено къ устройству расходнаго порохового погреба; капониръ былъ полунасыпанъ до грудной высоты; въ горжевой стѣнкѣ пробито отверстіе и сдѣлана деревянная аппарель; у горжи поставлено два тура, заготовленные на случай закрытія проходовъ, о которыхъ сказано выше; здѣсь же стояло два коканскихъ орудій.

Вправо отъ госпитальнаго капонира былъ сложенъ по туземному способу изъ комковъ на гличѣ банкетъ, примыкавшій къ плацдарму, расположенному на крышѣ госпитальной кладовой.

Возлѣ порохового погреба устраивался навѣсъ-банкетъ и къ 24-му числу октября на немъ были настланы балки и приступлено къ устройству перекрытія.

Оборонительная стѣна капонира № 2 была окончена и лишь въ мѣстахъ, гдѣ она примыкала къ горжѣ, были оставлены проходы для подноски земли. У лѣваго изъ этихъ проходовъ была насыпана площадка для постановки орудія. ¹

Насыпка внутренности этого капонира только-что начиналась, причемъ ближе къ линіи огня она была подведена до высоты внутренней стѣны, утолщавшей оборонительную стѣну и служившей этой послѣдней банкетомъ. Въ горжевой стѣнѣ былъ сдѣланъ проходъ, возлѣ котораго установлены два тура для закрытія его въ случаѣ надобности.

Вправо отъ капонира № 2 былъ вполне оконченный навѣсъ-банкетъ, а далѣе, въ исходящемъ углу, неоконченный барбетъ, для орудій, съ котораго, однако, могли дѣйствовать стрѣлки. Между барбетомъ и капониромъ № 1 находился еще навѣсъ-банкетъ. Ко всѣмъ навѣсамъ-банкетамъ были поставлены лѣстницы съ перилами.

Стѣна капонира № 1 была поднята только до 4-хъ футовъ отъ горизонта и благодаря этому непріятель имѣлъ возможность поражать не только стрѣлковъ и прислугу, стоявшихъ на капонирѣ, орудій, но и людей внутри цитадели.

Выходныя ворота въ капониры были поставлены, полотна навѣшены и въ нихъ продѣлано 4 бойницы.

Въ оборонительной стѣнѣ, гдѣ эта послѣдняя примыкала къ горжѣ, былъ оставленъ проходъ для постановки за нимъ орудія.

Отъ госпитальнаго капонира до № 1 впереди оборонительной ограды былъ вырытъ ровъ глубиною 7 футовъ, шириною 14 футовъ. Фасъ медресе, примыкавшій къ воротамъ, къ оборонѣ приспособленъ совсѣмъ не былъ, а приспособленіе другихъ двухъ фасовъ—сѣвернаго и восточнаго—было только начато, причемъ на сѣверномъ фасѣ надъ воротами, по обѣимъ сторонамъ фронтона, были сложены парапеты, изъ которыхъ правый доходилъ съ небольшимъ перерывомъ до исходящаго угла и далѣе, недоходя, впрочемъ, до фронтона надъ калиткой.

На госпитальномъ фасѣ также былъ сложенъ парапетъ до исходящаго угла и на самомъ углу. Всѣ сложенные парапеты имѣли 2 фута высоты, которую предполагалось постепенно увеличить.

Со двора медресе мимо порохового погреба былъ пробить проходъ для сообщенія съ фурштатскимъ дворомъ кромѣ выхода къ капониру № 1. Рва передъ фасами медресе и госпитальнымъ не было.

Эспланада передъ госпитальнымъ капониромъ прямо по его капитали была расчищена сажень на 50, вправо отъ капитали сажень на 80, а влѣво отъ нея, гдѣ остались двѣ сакли, къ сломкѣ которыхъ приступили 24-го октября, эспланада была расчищена только на 30 сажень. Передъ юговосточнымъ угломъ эспланада была расчищена на 50 сажень, передъ югозападнымъ на 70, передъ капониромъ № 1 по капитали на 70, а влѣво отъ нея на 80, и передъ сѣвернымъ фасомъ медресе на 25 сажень.

На вооруженіи цитадели было 8 орудій: два четырехфунтовыхъ нарѣзныхъ, заряжающихся съ дула, орудія подвижнаго взвода и шесть коканскихъ орудій. Орудія эти были размѣщены слѣдующимъ образомъ: оба нарѣзные орудія были поставлены во входящемъ углу, на площади, около провіантскаго магазина; два коканскихъ орудія въ горжѣ госпитальнаго капонира, одно орудіе у лѣваго прохода на капонирѣ № 2 и три орудія на капонирѣ № 1.

Гарнизонъ Наманганской цитадели состоялъ изъ второй и третьей ротъ 1-го Туркестанскаго стрѣльбоваго баталіона; рабочей команды (отъ Туркестанской саперной роты, 2-го Туркестанскаго

стрѣлковаго баталіона, 2-го, 4-го и 7-го Туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ), находившейся въ распоряженіи инженернаго офицера, руководившаго работами; служительской команды отъ Ташкентскаго губернскаго баталіона и артилерійскаго подвижнаго взвода. Всего въ составъ гарнизона входило 1 штабъ-офицеръ, 12 оберъ-офицеровъ, 37 унтеръ-офицеровъ и фейерверкеровъ, 528 рядовыхъ, 4 нестроевыхъ, 2 врача и 3 чиновника военного вѣдомства.

Продовольственныхъ запасовъ въ провіантскомъ магазинѣ имѣлось слѣдующее количество: сухарей и муки на мѣсяць, а крупы на 8 дней на всѣ войска Наманганскаго отдѣла; фуража же имѣлось весьма незначительное количество.

Водою цитадель снабжалась изъ Янги-арыка и запасъ ея имѣлся въ четырехъ небольшихъ бассейнахъ.

По приказанію коменданта цитадели командира 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подполковника Гарновскаго, войска, составлявшія гарнизонъ, были еще 19-го октября распредѣлены на случай тревоги слѣдующимъ образомъ: третья рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона должна была по тревогѣ выстроиться въ медресе; вторая рота этого же баталіона и рабочая и служительская команды должны были выстроиться на мѣстахъ своего расположенія; одинъ взводъ третьей роты долженъ былъ остаться въ резервѣ; отъ другого взвода одно отдѣленіе должно было занять ворота медресе, другое — парапеть надъ воротами, третье — парапеть надъ калиткой и четвертое — самую калитку.

Ко второй ротѣ должны были присоединиться отъ рабочей команды 56 человекъ и отъ служительской 18 человекъ. Эта рота должна была занять три капонира (госпитальный, №№ 1 и 2), выдѣливъ въ каждый изъ нихъ по 19 рядовыхъ при одномъ унтеръ-офицерѣ, а также площадку у расположенія подвижнаго артилерійскаго взвода, гдѣ должно было быть 30 человекъ; остальные должны были составить резервъ. Отъ служительской команды 19 человекъ, обученныхъ дѣйствию при орудіяхъ, поступали въ распоряженіе командира подвижнаго артилерійскаго взвода, подпоручика Шоболова.

Отъ рабочей команды — 24 сапера и 22 рядовыхъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона поступали въ распоряженіе Туркестанской саперной роты поручика Борисова для устройства заваловъ противъ двухъ воротъ (въ медресе и въ госпитальное

помѣщеніе, въ бывшемъ бековскомъ домѣ) и на площади для прикрытія орудій подвижнаго артилерійскаго взвода, а также для производства работъ на капонирахъ № 1 и госпитальномъ.

Начальниками капонировъ назначены были: № 1 — подпоручикъ Поповъ, № 2 — прапорщикъ Калитинъ и госпитального — подпоручикъ Бекчуринъ.

Наблюденіе за людьми, занимавшими парапеты, было возложено на подпоручика Янцына, а португей-юнкеру Конопельскому поручено наблюдать за людьми у воротъ.

Начальникомъ одного участка укрѣпленія отъ капонира № 1 до госпитального включительно былъ назначенъ капитанъ Аверьяновъ и другого, въ составъ котораго вошли три фаса, медресе и площадка, занятая подвижнымъ артилерійскимъ взводомъ — штабсъ-капитанъ Поповъ; инженерная часть была всецѣло возложена на военнаго инженера штабсъ-капитана Воронца, а артилерійская — на подпоручика Шоболова.

Этотъ порядокъ распредѣленія силъ оставался безъ измѣненія во все время послѣдовавшей осады цитадели, а усиленіе фасовъ обороны, занятіемъ банкетовъ, производилось по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

Не смотря на всю тревожность слуховъ, усиливавшихся съ каждымъ днемъ, какъ гарнизонъ, такъ и войска, стоявшія въ лагерѣ, ежедневно выходили на работы и занимались преимущественно сломкою сакель для расчистки и уширенія эспланады.

Около 10 часовъ утра 24-го октября горнистъ, бывшій въ цѣпи у прикрытія рабочихъ на эспланадѣ, подалъ сигналъ «тревога», который тотчасъ же былъ принятъ въ цитадели, послѣ чего рабочіе, живо разобравъ пзъ козель ружья, отошли въ цитадель.

Черезъ нѣсколько минутъ гарнизонъ въ полной боевой готовности занялъ назначенныя ему мѣста, а артилерія, зарядивъ орудія картечью, ждала удобной минуты для открытія огня.

Разспросивъ офицеровъ, бывшихъ при рабочихъ, о причинѣ подавія сигнала и узнавъ отъ нихъ, что въ городѣ показались массы вооруженнаго непріятеля, комендантъ цитадели подполковникъ Гарновскій, для полученія болѣе точныхъ свѣдѣній, направилъ полувзводъ пѣхоты подъ командой подпоручика Янцына въ городъ по дорогѣ къ базару.

Пройдя съ полувзводомъ базарныя ворота, подпоручикъ Янцынъ въ самомъ незначительномъ отъ нихъ разстояніи обнаружилъ массы коннаго и пѣшаго непріятеля, направлявшагося съ труб-

ными звуками къ эспланадѣ; въ то же время безоружныя толпы городскихъ жителей выдвигали въ улицахъ по всѣмъ направленіямъ арбы для устройства заваловъ и пробивали бойницы въ стѣнахъ.

Полувзводъ вернулся въ цитадель, а вслѣдъ за нимъ показался непріятель, окружившій вскорѣ цитадель густыми и все возроставшими массами съ трехъ сторонъ, оставивъ свободнымъ лишь сообщеніе съ лагеремъ.

Занявъ ближайшія къ оградѣ цитадели сабли на не вполне расчищенной эспланадѣ, непріятельскіе стрѣлки, въ числѣ не менѣе 5,000 человекъ, открыли по нашимъ капонирамъ и прочимъ веркамъ фальконетный и ружейный огонь.

Рабочая команда изъ саперъ и чиновъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона подъ командой штабсъ-капитана Церпицкаго быстро приступила, не смотря на сильный огонь непріятеля, къ устройству прикрытія обонихъ воротъ посредствомъ заваловъ изъ мѣшковъ съ мукою.

Затѣмъ штабсъ-капитанъ Церпицкій устроилъ такой же заваль высоту четыре фута на площади для прикрытія орудій подвижнаго артилерійскаго взвода, закрытія для разсыпанныхъ по сторонамъ этихъ орудій стрѣлковъ и для обезпеченія сообщенія между госпиталемъ и медресе.

Въ то время на капонирѣ № 1 рабочей командой, къ которой были присоединены сарты, индійцы и евреи, оставшіеся въ цитадели, подъ руководствомъ поручика Борисова, поднята мѣшками же съ мукою оборонительная стѣна и насыпанъ на капитали барбетъ для орудія, которое тотчасъ же и было поставлено на немъ для дѣйствія черезъ отверстіе, оставленное между мѣшками.

Во время исполненія этихъ работъ поручикъ Борисовъ былъ раненъ въ щеку настолько тяжело, что принужденъ былъ выйти изъ строя.

На капонирѣ № 2, въ лѣвомъ проходѣ былъ поставленъ туръ и образована амбразура для орудія, которое и было здѣсь немедленно установлено.

Для прикрытія стрѣлковъ были насыпаны землею 250 санныхъ мѣшковъ и распределены по оборонительной линіи.

Такъ какъ пространство позади подвижнаго артилерійскаго взвода было сильно обстрѣливаемо непріателемъ, причѣмъ въ зарядные ящики попало до 10 фальконетныхъ пуль большого калибра, а стоявшія здѣсь палатки были во многихъ мѣстахъ про-

биты пулями, то штабсъ-капитанъ Церпицкій, по приказанію и подь непосредственнымъ наблюденіемъ военнаго инженера штабсъ-капитана Воронца, прикрылъ ящики новымъ заваломъ высотой шесть футовъ.

До сумерокъ за вновь возведенный заваль были отодвинуты орудія подвижнаго взвода, а прежній заваль перенесенъ въ медресе.

Лѣвая оконечность завала противъ калитки была поднята до девяти футовъ высоты и въ такомъ видѣ она совершенно закрывала выходъ на площадь со двора медресе. Кромѣ того, въ видахъ усиленія обороны медресе, на парапетъ были наложены мѣшки съ землею и съ помощью кошмы образованы тыльныя и боковыя закрытія.

Всѣ перечисленныя выше работы въ значительной степени усилили положеніе обороняющихся и много способствовали уменьшенію потерь отъ огня непріятеля, стрѣлявшаго изъ-за закрытій и съ незначительнаго разстоянія весьма мѣтко.

Послѣ двухчасоваго усиленнаго обстрѣливанія, массы коннаго и пѣшаго непріятеля съ гикомъ и трубными звуками двинулись со стороны дровяного и большого базаровъ на штурмъ цитадели, но, встрѣченныя картечнымъ огнемъ и выстрѣлами стрѣлковъ съ капонировъ № 1 и госпитальнаго, бросились назадъ.

Въ это время наша оборонительная линія была усилена по распоряженію коменданта 50 стрѣлками, занявшими навѣсь—банкетъ у капонира № 1, а также банкеты и плацдармъ у госпитальнаго капонира.

Во время штурма непріятелемъ капонира № 1 былъ тяжело раненъ фальконетной пулей подпоручикъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Поповъ.

Вслѣдъ за отбитіемъ непріятельскаго нападенія, по приказанію коменданта была направлена изъ госпитальнаго капонира вылазка, съ цѣлью отгнать непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ ближайшихъ къ эспланадѣ сакляхъ и сильно безпокоившихъ нашихъ стрѣлковъ и артилерійскую прислугу.

Едва команда охотниковъ, въ количествѣ 40 человекъ, подь начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго, прошла первый бугоръ, находившійся передъ госпитальнымъ капониромъ, какъ была встрѣчена непріятельской пѣхотой, которая въ значительныхъ силахъ съ гикомъ начала наступать на эту команду.

Остановивъ свою команду, штабсъ-капитанъ Церпицкій далъ два залпа по непріятелю съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ и

приказалъ броситься въ штыки. Непрiятельская толпа была мгновенно уничтожена и у нея отбиты два значка, четыре фальконета и одна труба.

Двинувшись далѣе и подойдя къ базарной улицѣ, вылазка была встрѣчена выстрѣлами изъ-за барикады, составленной изъ арбъ и деревьевъ. Послѣ короткой перестрѣлки штабсъ-капитанъ Церпицкiй съ крикомъ «ура» бросился на барикаду, взялъ ее, разобралъ, перекололъ ея защитниковъ и возвратился въ цитадель, зажигая на пути сакли.

Вслѣдъ за этой вылазкой была произведена другая тоже подъ начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго, но уже въ составѣ 70 нижнихъ чиновъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталiона, имѣвшая цѣлью отгѣснить непрiятеля съ базарной улицы, зажечь базаръ и тѣмъ лишить непрiятеля сборнаго пункта.

Штабсъ-капитанъ Церпицкiй двинулся по базарной улицѣ, взялъ на пути слѣдованiя съ боя восемь заваловъ, зажегъ часть базара и сакель на базарной улицѣ, послѣ чего вернулся въ цитадель.

Такъ какъ со стороны большого базара непрiятель былъ уже до нѣкоторой степени ослабленъ тѣми потерями, которыя онъ понесъ и отъ огня съ оборонительной линiи и отъ нашихъ вылазокъ, то болѣе энергичному обстрѣливанiю подвергались уже другiя части цитадели: капониры №№ 1 и 2, со стороны дровяного базара.

Чтобы отгѣснить непрiятельскихъ стрѣлковъ отъ ближайшихъ въ этомъ направленiи сакель и сжечь эти послѣднiя, около трехъ часовъ пополудни было произведено одновременно четыре вылазки, каждая въ 40 человекъ охотниковъ, подъ командою штабсъ-капитана Церпицкаго, подпоручиковъ Янцына и Корытова и прапорщика Калитина.

Команды эти, выйдя изъ цитадели и быстро пробѣжавъ черезъ эспланаду, выбили непрiятеля изъ ближайшихъ сакель, послѣ чего, направившись въ городъ по указаннымъ имъ направленiямъ, взяли встрѣченные на пути завалы, отгѣснили непрiятеля выстрѣлами и штыками и вернулись въ цитадель.

Непрiятель, ошеломленный и обезсиленный потерями этого дня, около трехъ часовъ пополудни прекратилъ стрѣльбу.

Въ это время въ цитадель прибылъ съ первой ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталiона и четвертой ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталiона полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскiй, временно командовавшiй въ отсутствiе генерала Ско-

белева отрядомъ, сосредоточеннымъ близъ Намангана въ цитадели и въ лагерѣ.

Одновременно съ нападеніемъ на цитадель, т. е. около 10 часовъ утра, на высотахъ къ сѣверу отъ лагеря появились большія толпы конныхъ кипчаковъ, а въ садахъ, прилегающихъ къ лагерю, со стороны Ауліэ-Мазара пѣшіе жители, которые и открыли по лагерю огонь изъ ружей и фальконетовъ.

Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій приказалъ ударить тревогу и войска заняли заранѣе назначенныя имъ мѣста.

Нѣсколько ружейныхъ и два-три орудійныхъ выстрѣла заставили непріятели отхлынуть назадъ, послѣ чего въ продолженіи цѣлаго дня онъ держался на высотахъ и въ дальнихъ садахъ, производя по лагерю безвредный огонь, на который войска почти совсѣмъ не отвѣчали.

Со стороны цитадели была слышна сильная перестрѣлка, но полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, основываясь на данной ему генераломъ Скобелевымъ инструкціи, не трогался съ мѣста.

Въ часъ пополудни въ лагерь прискакали джигиты, посланные изъ цитадели начальникомъ Наманганскаго участка капитаномъ Аверьяновымъ съ увѣдомленіемъ, что нападеніе на цитадель отбито и что произведенными вылазками непріятели нанесенъ огромный уронъ.

Тогда полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій двинулся къ цитадели съ первой ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и четвертой ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и по прибытіи туда обошелъ всѣ верки и нашелъ оборону въ совершенно удовлетворительномъ состояніи.

Такъ какъ по донесеніямъ офицеровъ, ходившихъ на вылазки, мѣстность вблизи цитадели была завалена непріятельскими трупами, то комендантъ, опасаясь зараженія воздуха отъ разложенія этихъ труповъ, приказалъ штабсъ-капитану Церпицкому съ рабочей командой подобрать лежавшія по близости тѣла, причемъ въ прикрытіе рабочей команды былъ назначенъ по распоряженію полковника барона Меллера-Закомельскаго одинъ взводъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Направясь для исполненія этого порученія къ базару, штабсъ-капитанъ Церпицкій былъ встрѣченъ выстрѣлами, но рѣшительнымъ наступленіемъ онъ обратилъ непріятели въ бѣгство.

Очистивъ отъ непріятельскихъ стрѣлковъ ближайшія сакли,

команда штабсъ-капитана Церпицкаго начала нагружать имѣвшіяся при ней повозки непріятельскими трупами.

Въ это время явилась депутація отъ татарскихъ и еврейскихъ семействъ съ просьбою взять ихъ въ цитадель для защиты отъ неистовства кипчаковъ и возмутившихся наманганцевъ.

Такъ какъ кварталъ, въ которомъ жили преданные русскимъ татары и евреи, находился недалеко, то штабсъ-капитанъ Церпицкій двинулся съ частью своей команды въ татарскій кварталъ, выгналъ оттуда непріятеля и тѣмъ далъ возможность бывшимъ тамъ татарскимъ и еврейскимъ семействамъ, въ числѣ до 800 человекъ, присоединиться къ нему.

Послѣ этого команда вернулась въ цитадель.

Одновременно съ вылазкой штабсъ-капитана Церпицкаго полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій командировалъ первую роту 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и взводъ четвертой роты 2-го туркестанскаго линейнаго баталіона подъ начальствомъ маіора Калитина уширить улицу, ведущую отъ цитадели къ лагерю.

Выждавъ возвращенія взвода 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, ходившаго съ штабсъ-капитаномъ Церпицкимъ на вылазку, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій вернулся съ этимъ взводомъ въ лагерь, куда маіоръ Калитинъ прибылъ уже раньше, успѣвъ зажечь на дорогѣ всѣ сакли и проложивъ въ стѣнахъ дворовъ и садовъ широкіе проходы.

Ночь съ 24-го на 25-е октября прошла почти совершенно спокойно.

Непріятель хотя и стрѣлялъ по лагерю и пытался подкрадываться, но былъ вездѣ отбиваемъ выстрѣлами съ передовыхъ постовъ.

На освѣщенной пылавшими саклями эспланадѣ цитадели не было видно непріятеля, но шумъ и стукъ топоровъ указывали на то, что онъ дѣятельно готовится къ дѣлу и устраиваетъ завалы.

На слѣдующій день 25-го октября усиленіе оборонительной линіи продолжалось. Заваль, прикрывавшій подвижной артиллерійскій взводъ, былъ поднятъ до предполагавшейся высоты въ шесть футовъ и на гребнѣ его образованы изъ малыхъ мѣшковъ бойницы для стрѣлковъ. Сдѣланы были траверзы: между орудіями на госпитальномъ капонирѣ, поперечный на капонирѣ № 2 и противъ госпитальныхъ воротъ, при выходѣ изъ нихъ на площадь.

На госпитальномъ капонирѣ былъ обшитъ досками и обсыпанъ

землею расходный пороховой погребокъ, приче́мъ работа эта была вызвана необходимостью уширить мѣсто позади праваго орудія, поставленнаго на капонирѣ.

Выходы изъ капонировъ госпитальнаго и № 2 были завалены и отчасти произведено разравниваніе бугра, образовавшагося изъ сломанныхъ сакель передъ подвижнымъ артилерійскимъ взводомъ и мѣшавшаго хорошему обстрѣлу орудія, а также срублены деревья передъ подвижнымъ взводомъ и госпитальнымъ капониромъ.

Часть приготовленныхъ гарнизономъ земляныхъ мѣшковъ была распределѣна по оборонительной линіи.

Навѣсь-банкетъ возлѣ порохового погреба былъ доконченъ рабочими изъ туземцевъ и продолжалось рытье колодцевъ, прерванное наканунѣ.

Между тѣмъ еще съ ранняго утра звуки трубъ въ городѣ призывали наманганцевъ къ возобновленію нападенія и хотя по цитадели былъ открытъ фальконетный и ружейный огонь, гарнизонъ спокойно выжидалъ приближенія непріятеля на близкую дистанцію и не отвѣчалъ на выстрѣлы.

Въ 8 часовъ утра комендантъ послалъ рабочую команду, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго, чтобы продолжать расчистку эспланады подъ прикрытіемъ полувзвода 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подъ командой португей-юнкера Конопельскаго.

Имѣя въ виду произвести рубку деревьевъ и сжечь сакли наружнаго (дальнѣйшаго) края эспланады, штабсъ-капитанъ Церпицкій двинулся съ рабочей командой по большой базарной улицѣ, но едва онъ прошелъ базарныя ворота, какъ справа и слѣва на него посыпались выстрѣлы.

Путь впереди былъ прегражденъ заваломъ, занятымъ непріателемъ и штабсъ-капитанъ Церпицкій принужденъ былъ повести свою команду штурмовать заваль, которымъ и овладѣлъ. Преслѣдуя непріятеля далѣе, команда овладѣла одинъ за другимъ еще семью завалами и совершенно очистила базарную улицу отъ непріятеля.

Затѣмъ, соединившись съ прибывшей на поддержку колонной полковника барона Меллера-Закомельскаго, команда штабсъ-капитана Церпицкаго вернулась въ цитадель.

Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій выступилъ въ этотъ день изъ лагеря съ 4-й ротой 1-го и 4-й ротой 2-го Туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, съ цѣлью окончить начатое нака-

нунѣ уширеніе улицы между цитаделью и лагеремъ, указанное въ инструкціи, данной ему генераломъ Скобелевымъ.

Успѣшно окончивъ эту работу, онъ собралъ роты на эспланадѣ у цитадели, откуда, услышавъ перестрѣлку команды штабсъ-капитана Церпицкаго, послалъ маіора Калитина съ 4-й ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона для поддержки ея, а вслѣдъ за симъ и самъ двинулся туда же съ 4-й ротой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и однимъ орудіемъ подвижнаго артилерійскаго взвода, взятымъ изъ цитадели.

Колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго дошла до начала базара и отсюда, какъ уже было упомянуто выше, присоединивъ къ себѣ команду штабсъ-капитана Церпицкаго, вернулась въ цитадель, причемъ на обратномъ пути были разрушены и подожжены всѣ сакли. Непрiятель понесъ большія потери и масса труповъ осталась на мѣстѣ дѣйствiя нашей вылазки.

Еще утромъ 25-го октября непрiятель отвелъ арыки, снабжавшіе водою цитадель и лагерь, вслѣдствіе чего немедленно были приняты мѣры къ бережному расходованію запаса воды, имѣвшагося въ цитадели въ прудахъ, вырытыхъ ранѣе по приказанію генерала Скобелева, а въ лагерь въ плесахъ арыковъ и въ близъ лежащихъ прудахъ. Запаса воды могло хватить на нѣсколько дней.

Можно было ожидать, что наступающая ночь пройдетъ спокойно; городъ во многихъ мѣстахъ горѣлъ, а шумъ въ непрiятельскомъ ставлѣ и стукъ были слышны на далекомъ разстояніи отъ цитадели.

Но около 2-хъ часовъ ночи у воротъ со стороны лагеря слышался сдержанный говоръ людей и храпъ лошадей.

Все встрепелось; прикрытіе, стоявшее у воротъ, заняло заваль и вскорѣ замѣтило кучки людей, подползавшихъ къ воротамъ изъ-за кустовъ и деревьевъ. Три дружныхъ залпа, данные по непрiятелю, очистили впередилежащую мѣстность, послѣ чего въ остальную часть ночи спокойствіе болѣе не нарушалось.

26-го октября непрiятельскія трубы съ 7-ми часовъ утра начали сзывать наманганцевъ къ нападенію, но до 9-ти часовъ все было спокойно.

Оборонительныя работы въ этотъ день продолжались, причемъ изъ сартовъ и евреевъ, находившихся въ цитадели, была сформирована рабочая команда, начавшая съ ранняго утра кладку оборонительной стѣны на капонирѣ № 1. Работа по устройству порохового погреба также была возобновлена.

Въ 8 часовъ утра прибылъ изъ лагеря полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій съ 3-й ротой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 2-й ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и однимъ коннымъ орудіемъ и двинулся къ дровяному базару, отгѣснилъ непріятеля на значительное разстояніе и тѣмъ далъ возможность гарнизону цитадели произвести фуражировку для пополненія запаса клевера и ячменя.

Въ это время непріятель началъ обстрѣливать цитадель со стороны большого базара. Чтобы отгѣснить его и сжечь окончательно какъ улицу, такъ и базаръ, подполковникъ Гарновскій послалъ 3-ю роту 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подъ командой штабсъ-капитана Попова, который, овладѣвъ на пути двумя завалами и свернувъ переулками, вышелъ къ большому базару, зажегъ его и направился обратно по базарной улицѣ.

Зайдя такимъ образомъ въ тылъ непріятелю, занимавшему баррикады и прогоняя защитниковъ ихъ выстрѣлами, штабсъ-капитанъ Поповъ разбиралъ всѣ баррикады и зажегъ ихъ и сакли.

Рота вернулась въ цитадель черезъ два часа по выступленіи, потерявъ одного раненаго.

Въ это же самое время и колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго прошла весь дровяной базаръ и значительную часть большого базара, причемъ овладѣла двумя завалами, зажгла на своемъ пути все то, что еще уцѣлѣло, послѣ чего вернулась въ цитадель, а оттуда въ лагерь.

Вся потеря наша за три дня 24-го, 25-го и 26-го октября состояла изъ трехъ раненыхъ оберъ-офицеровъ (Туркестанской саперной роты поручикъ Борисовъ и 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подпоручикъ Поповъ и прапорщикъ Федоровъ), шести убитыхъ, 31 раненыхъ и 14-ти контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

О всѣхъ вышеописанныхъ событіяхъ генераль Скобелевъ получилъ свѣдѣніе на бивакѣ у Чуста и въ 12 часовъ ночи на 26-го октября поднялъ отрядъ.

Въ часъ ночи авангардъ былъ уже въ полномъ движеніи по Наманганской дорогѣ, а въ 11¹/₂ часовъ утра 26-го октября голова колонны, наступая отъ окрестностей Тюря-Кургана съ боемъ, была уже въ лагерѣ, гдѣ и соединилась съ отрядомъ, оставшимся подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго.

Въ часъ пополудни генераль Скобелевъ прибылъ въ цитадель,

гдѣ нашелъ какъ оборонительныя работы, такъ и вообще нравственное настроеніе гарнизона въ превосходномъ состояніи.

Въ своемъ донесеніи командующему войсками округа о событіяхъ 24-го, 25-го и 26-го октября въ Наманганѣ ¹⁾ генераль Скобелевъ въ весьма горячихъ выраженіяхъ свидѣтельствовалъ о доблестномъ поведеніи вообще всѣхъ войскъ, оставленныхъ въ Наманганѣ, въ особенности же о примѣрномъ во всѣхъ отношеніяхъ поведеніи при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ коменданта цитадели подполковника Гарновскаго, полковника барона Меллера-Закомельскаго, военного инженера штабсъ-капитана Воронца и капитана Аверьянова, который, какъ наиболѣе знакомый съ городомъ и жителями, принесъ большую пользу дѣлу обороны и молодецки исполнилъ свой долгъ, командуя фасомъ, на который главнымъ образомъ былъ направленъ натискъ непріятеля.

Въ 3 часа пополудни 26-го октября генераломъ Скобелевымъ была произведена рекогносцировка съ отрядомъ въ составѣ 4-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1-й Семирѣченской казачьей сотни, двухъ конныхъ орудій и ракетнаго дивизиона по направленію оврага Сай-буи съ цѣлью окончательнаго опредѣленія пунктовъ для расположенія батареи, такъ какъ генераль Скобелевъ рѣшилъ на другой день бомбардировать и штурмовать городъ, преимущественно направляя ударъ на укрѣпленную и сильно занятую часть города у раздѣленія арыковъ.

Отрядъ, назначенный для производства рекогносцировки, слѣдуя въ означенномъ направленіи, отогналъ значительныя массы непріятельской кавалеріи, занимавшей высоты по сѣверной окраинѣ города, а нѣсколько удачныхъ артилерійскихъ выстрѣловъ заставили непріятеля уйти на далекое разстояніе.

Рекогносцировка эта, произведенная подъ огнемъ непріятеля, показала слѣдующее:

1) Что артилерійская позиція, выбранная нами еще ранѣе, вполне отвѣчаетъ цѣли—безусловнаго командованія надъ городомъ.

2) Что наступленіе штурмовыхъ колоннъ съ этой позиціи къ центру сопротивленія было кратчайшее.

3) Что при охватывающемъ движеніи части отряда по высотамъ вдоль Чартакской дороги, непріятель, выбитый наступленіемъ штурмовыхъ колоннъ съ праваго берега Сай-буи, будетъ

¹⁾ Рапортъ отъ 7-го ноября за № 52.

поставленъ перекрестнымъ огнемъ нашихъ войскъ въ невозможность упорно держаться за завалами, сооруженными на лѣвомъ берегу этого арыка.

Большая пыль по направленію къ мечети Байны-Кадре, гдѣ расположились вожди газата Батырь-Тюря, Маулеви-Ишанъ и другіе, въ связи съ полученными отъ лазутчиковъ свѣдѣніями, убѣдили генерала Скобелева, что хотя непріятель и занимаетъ весьма сильную позицію (однихъ вооруженныхъ ружьями было до 9,000 человекъ), но расположенъ скученно и не можетъ выдержать усиленнаго обстрѣливанія артилерійскимъ огнемъ.

Этой же рекогносцировкой опредѣлилось, что для дѣйствія артилеріи на пунктъ соединенія арыковъ, близъ котораго непріятель сосредоточилъ свои силы, представляла весьма большія выгоды позиція на правомъ берегу Сай-буи № 2, какъ болѣе близкая къ цѣли.

При обратномъ движеніи рекогносцировочнаго отряда непріятель пытался перейти въ наступленіе, но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ цѣпи заставили его отойти.

Около 5-ти часовъ пополудни непріятельскіе стрѣлки, занявъ сады у Аулія-Мазара, противъ праваго фаса лагеря, открыли по нему довольно сильный огонь.

Чтобы отогнать непріятеля былъ посланъ полувзводъ 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подъ командой штабсъ-капитана Киркина, который, послѣ непродолжительной перестрѣлки, съ крикомъ «ура», штыками выбилъ непріятеля изъ занятой имъ позиціи, послѣ чего вернулся въ лагерь.

Въ теченіе всей ночи съ 26-го на 27-е октября непріятель никакихъ попытокъ къ нападенію не обнаружилъ.

Предположивъ 27-го октября занять западную часть Намангана по правому берегу Сай-буи и по выбитіи оттуда непріятеля расположиться на позиціи и укрѣпить ее, генераль Скобелевъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе:

Три штурмовыя команды должны были, наступая концентрически, сойтись у соединенія Янги-арыка съ арыкомъ Сай-буи.

Первая колонна, въ составѣ 100 человекъ охотниковъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго, выйдя изъ цитадели, должна была прибыть къ назначенному пункту, слѣдуя по улицѣ мимо банъ Дарбазъ-Ишанъ.

Вторая колонна, въ составѣ двухъ ротъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и одного спѣшеннаго ракетнаго станка,

подъ начальствомъ майора Калитина, выйдя съ мѣста лагернаго расположенія, должна была слѣдовать по лѣвому берегу Янгиарыка.

Третья колонна, въ составѣ 1-й, 2-й и 4-й ротъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, одного орудія конно-артилерійской батареи со слѣженною прислугою и одного слѣженнаго ракетнаго станка, подъ начальствомъ подполковника Андросова, должна была слѣдовать къ назначенному пункту отъ артилерійской позиціи № 1.

Четвертая колонна (резервная), въ составѣ 2-й, 4-й и стрѣлковой ротъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 2-й и 5-й Оренбургской сотень, 1-й и полусотни 2-й Семирѣченскихъ сотень, семи орудій конно-артилерійской батареи Оренбургскаго казачьяго войска и ракетнаго взвода, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, должна была, по окончаніи обстрѣливанія города съ позиціи № 1, слѣдуя черезъ арыкъ Сай-буи, перейти на артилерійскую позицію № 2.

Назначеніе четвертой, резервной, колонны состояло въ томъ, чтобы: 1) продолжать обстрѣливать главную непріятельскую позицію, т. е. пунктъ соединенія арыковъ, а также пути слѣдованія второй и третьей штурмовыхъ колоннъ; 2) затѣмъ направить огонь лѣвѣе по тѣмъ подкрѣпленіямъ, которыя могъ получить противникъ, или же по его отступающимъ въ этомъ направленіи толпамъ, и 3) дѣйствовать по кипчакской конницѣ, державшейся внѣ города въ степи и обезпечивать тылъ штурмующихъ колоннъ.

Убѣжденный, что штурмъ столь многолюднаго города, какъ Наманганъ, сильно укрѣпившагося и готоваго, какъ показали предшествовавшіе дни, къ отчаянному сопротивленію, могъ бы, не будучи достаточно подготовленъ, вовлечь въ большія потери, генералъ Скобелевъ рѣшился предварительно усиленно обстрѣлять артилеріей городъ и тѣмъ нанести уронъ его защитникамъ и поколебать ихъ рѣшимость къ борьбѣ.

Планъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Въ 8 часовъ утра 27-го октября генералъ Скобелевъ выступилъ изъ лагеря съ третьей и четвертой (резервной) колоннами на артилерійскую позицію № 1, а въ 9 часовъ раздался съ нея первый артилерійскій выстрѣлъ, послужившій сигналомъ къ открытію огня и изъ цитадели.

Канонада продолжалась безостановочно до 10^{1/2} часовъ утра какъ съ позиціи, такъ и изъ цитадели.

Благодаря тому, что дистанціи до базара и до наиболѣе важныхъ пунктовъ непріятельской позиціи были измѣрены цѣлью подпоручикомъ корпуса военныхъ топографовъ Жилинымъ еще во время рекогносцировокъ 19-го и 20-го октября, а направленія на главныя мечети и вообще видныя строенія въ этомъ районѣ города имъ же были провѣшены инструментально на позиціи, артилерія имѣла возможность обойтись безъ пристрѣлки и начать сразу поражать намѣченныя цѣли.

По этому съ первыхъ же выстрѣловъ нашей артилеріи стало замѣтно, что ошеломленный непріятель дрогнулъ и даже толпы его тысячъ въ пять человекъ, обскакавшія отрядъ съ тыла, остановились и перестали гикать, какъ будто пораженные ужаснымъ зрѣлищемъ.

Массы коннаго и пѣшаго непріятеля съ страшнымъ глухимъ шумомъ бросились бѣжать съ занимаемой ими укрѣпленной позиціи, всюду поражаемая усиленнымъ артилерійскимъ огнемъ нашихъ батарей, стрѣлявшихъ съ разстоянія отъ 300 до 800 сажень.

Съ цитадели въ обстрѣливаніи города участвовали пять орудій, поставленныхъ на площади у провіантскаго магазина.

Орудія были установлены по компасу на сѣверо-востокъ, т. е. на пунктъ непріятельскаго расположенія, разстояніе до котораго было опредѣлено по плану.

Въ 10^{1/2} часовъ утра генераль Скобелевъ съ третьей штурмовой колонной двинулся, встрѣчая на пути лишь самое слабое сопротивление, къ назначенному пункту, куда прибыли, согласно диспозиціи, и первая и вторая штурмовыя колонны, тоже почти безъ боя.

Затѣмъ части, собравшіяся у соединенія арыковъ, за исключеніемъ 1-й роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, двинулись, зажигая все на своемъ пути, на эспланаду цитадели, гдѣ и расположились на ночлегъ, а генераль Скобелевъ съ 1-й ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона вернулся къ резервной колоннѣ.

Начальникъ резервной колонны, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, перешелъ въ 10^{1/2} часовъ утра на позицію № 2, откуда и обстрѣливалъ городъ, а затѣмъ направилъ стрѣлковую роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона по большой Чартакской улицѣ въ городъ.

Рота эта, путь которой показывалъ корпуса военныхъ топографовъ подпоручикъ Жилинъ, дошла до мучного базара, зажигая все на своемъ пути и вернулась другой дорогой къ своей колоннѣ, которая вслѣдъ за симъ перешла на бивакъ на мѣсто стараго лагеря.

Непріятельская позиція, которую безъ преувеличенія можно было назвать неприступной, была покинута имъ безъ сопротивленія и благодаря этому городъ былъ взятъ нами безъ всякой съ нашей стороны потери.

Убыль непріятеля не представлялось возможнымъ точно опредѣлить и можно было лишь съ увѣренностью сказать, что она была громадная.

Наша артилерія, бывшая на позиціяхъ № 1 и 2 подъ начальствомъ гвардіи капитана Ермолова, а въ цитадели—подпоручика Шоболова, дѣйствовала выше всякой похвалы и вся честь дѣла принадлежала ей.

Городъ запылалъ по всѣмъ направленіямъ.

Еще 27-го октября вечеромъ, а также и на слѣдующій день, 28-го числа утромъ, явились къ генералу Скобелеву съ изъявленіемъ покорности жители Намангана и окрестныхъ кишлаковъ въ числѣ до 2,000 человекъ съ аминами и аксакалами во главѣ.

Они принесли безусловную повинную и раскаяніе и на предложенныя имъ тяжелыя условія покорно выразили полнѣйшее согласіе.

Чтобы возможно чувствительнѣе наказать жителей Намангана за ихъ вѣроломство и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить нашъ отрядъ на зиму болѣе или менѣе удовлетворительными помѣщеніями, генераль Скобелевъ объявилъ жителямъ, что все пространство, ограниченное стѣнью, направленіемъ отъ лагеря къ цитадели, эспланадой до воротъ, ведущихъ на базаръ и направленіемъ отъ этихъ воротъ до ущелья Сая отходить со всѣми строеніями въ распоряженіе русской казны.

Мечети, каравансарай и вообще лучшія зданія, находившіяся въ этомъ районѣ, были предназначены для занятія ихъ войсками и были приведены впослѣдствіи въ оборонительное положеніе, а участки, занимаемые частями войскъ, были соединены широкими улицами, причемъ было обращено вниманіе на то, чтобы участки эти взаимно фланкировались.

Благодаря такому рѣшенію, вопросъ объ обезпеченіи отряда помѣщеніями на зиму разрѣшался какъ нельзя болѣе легко и хо-

рошо, такъ какъ приспособленіе сакель не представляло особыхъ затрудненій и было исполнено весьма быстро, причѣмъ пришлось построить временные бараки только для кавалеріи.

28-го октября, въ видахъ удобнѣйшаго снабженія фуражомъ, генераль Скобелевъ, съ пятью ротами пѣхоты, всей кавалеріей и артилеріей двинулся по Чартакской дорогѣ и расположился въ пяти верстахъ отъ стараго лагеря.

29-го октября, до разсвѣта, онъ командировалъ полковника барона Меллера-Закомельскаго съ отрядомъ изъ одной роты пѣхоты, посаженной на арбы, всей кавалеріи, двухъ конныхъ орудій и ракетнаго дивизіона для наказанія жителей кишлака Шайтанъ, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ Тюря-Кургана, по дорогѣ въ Чустъ.

Жители этого кишлака ограбили индійцевъ, ѣхавшихъ изъ Намангана въ Ходжентъ, перехватывали нашихъ джигитовъ и стрѣляли по отряду генерала Скобелева, когда онъ, 24-го октября, слѣдовалъ изъ Тюря-Кургана въ Чустъ.

Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, исполнивъ возложенное на него порученіе, вернулся въ тотъ же день поздно вечеромъ на бивакъ у кишлака Чартакъ, куда перешелъ въ этотъ день генераль Скобелевъ.

31-го октября въ отрядѣ были получены первыя свѣдѣнія о сборѣ непріятеля за Нарыномъ, у кишлака Балыкчи, а 1-го ноября генералу Скобелеву было уже извѣстно, что непріятель занялъ передовыми партіями кишлаки Кепе и Яр-Курганъ, расположенные на нашемъ (правомъ) берегу рѣки Нарына, въ 12-ти верстахъ отъ Намангана.

Рѣшившись атаковать его, генераль Скобелевъ, чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля, зорко слѣдившаго за нашимъ выдающимся положеніемъ у Чартака, перешелъ со всѣмъ отрядомъ на старое лагерное мѣсто, откуда въ ночь на 2-е число двинулся на кишлакъ Кепе.

Генераль Скобелевъ призналъ необходимымъ тотчасъ же нанести ударъ непріятелю по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) По свойству и способу продовольствованія своихъ шаекъ непріятель не могъ бы долго оставаться въ бездѣйствіи и черезъ два-три дня шайки его наводнили бы Наманганъ и его ближайшія окрестности, прервали бы наши сообщенія съ Ходжентомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подвозъ къ Наманганскому отряду продовольственныхъ припасовъ и фуража.

2) По времени года и въ виду перенесенныхъ трудовъ, войска нуждались въ зимнихъ помѣщеніяхъ, къ устройству которыхъ и было уже приступлено и оставленіе непріятеля въ столь близкомъ сосѣдствѣ лишило бы отрядъ содѣйствія рабочихъ, доставляемыхъ Наманганомъ, отрывало бы войска отъ работъ для фуражировокъ и; наконецъ, вынудило бы отказаться отъ правильного хода постройки бараконъ, подвергая такимъ образомъ вообще ходъ нашихъ работъ случайностямъ.

3) Весьма важнымъ обстоятельствомъ являлось то, что люди, осмѣлившіеся тревожить насъ столь скоро послѣ Наманганскаго погрома, очевидно, принадлежали къ лучшимъ силамъ непріятеля, представлявшимъ ядро сопротивленія. Поэтому, разбить ихъ имѣло большее значеніе въ смыслѣ успокоенія края, чѣмъ разсѣять нѣсколькими днями позже, хотя и гораздо болѣе многочисленное, но уже худшаго состава скопище.

4) Утвержденіе населенія въ покорности намъ требовало съ одной стороны огражденія его отъ подстрекателей съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, а съ другой всего лучше поддерживалось нашей способностью къ быстрому наступленію противъ непріятеля, когда и откуда бы онъ ни появился.

Въ составъ отряда, съ которымъ генераль Скобелевъ выступилъ изъ лагеря подъ Наманганомъ, входили слѣдующія части: вторая рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, третья рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, четвертая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, вся кавалерія, конноартилерійскій дивизіонъ и ракетный дивизіонъ, а всего три роты, четыре съ половиною сотни, 4 орудія и 4 ракетныхъ станка.

При отрядѣ имѣлись арбы въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы помѣстить на нихъ половинное число людей пѣхоты, благодаря чему движеніе облегчалось и могло быть произведено съ гораздо большей быстротой.

Подходя въ 3 часа ночи къ кишлаку Кепе, бывшій въ передовомъ развѣздѣ съ 14-ю казаками пятой Оренбургской сотни хорунжій Рогожниковъ наткнулся на значительный непріятельскій пикетъ и началъ его рубить.

Вслѣдъ затѣмъ изъ кишлака выскочила конная шайка до 200 кипчаковъ, но развѣздъ хорунжаго Рогожникова, поддержанный первой Семпрѣченской сотней есаула барона Штакельберга, послѣ непродолжительной, но отчаянной лихой кавалерійской

схватки, во время которой у непріятеля былъ отбитъ значекъ, опрокинулъ непріятеля, погналъ его и изрубилъ многихъ.

Генераль Скобелевъ, слѣдуя съ остальной кавалеріей и ракетнымъ дивизиономъ непосредственно сзади, остановилъ преслѣдованіе разсѣянной шайки въ трехъ верстахъ за кишлакомъ и двинулся къ броду черезъ р. Нарынъ.

Перейдя черезъ Нарынъ и всѣ его рукава и значительно опередивъ при этомъ пѣхоту съ артилеріей, генераль Скобелевъ, убѣдившись въ близости значительныхъ силъ непріятеля, построилъ кавалерію въ боевой порядокъ (въ первой линіи первая Семирѣченская и пятая Оренбургская казацки сотни, а во второй линіи остальные сотни съ ракетнымъ дивизиономъ) и быстро двинулся по направленію къ урочищу Ташъ-Бала.

Верстахъ въ пяти за р. Нарыномъ, у Курганчи Ташъ-Бала, наша кавалерія захватила только-что брошенный непріятелемъ лагерь, съ многочисленными разведенными кострами, нагруженными запасами продовольствія и фуража арбами и нѣсколькими палатками, но самого непріятеля, благодаря темнотѣ ночи и густому туману, не было видно и близкое присутствіе его обнаруживалось лишь громкими криками и звуками призывныхъ къ бою трубъ.

Только съ восходомъ солнца наша кавалерія увидѣла передъ собой, саженьхъ въ 200, массы коннаго непріятеля съ 40 значками.

Несмотря на крайне неблагоприятную для дѣйствій кавалеріи мѣстность, топкія рисовыя поля и глубокіе арыки, несмотря на чрезмѣрное превосходство въ силахъ непріятельской кавалеріи и крайнее утомленіе нашихъ казаковъ, уже имѣвшихъ схватку съ непріятелемъ, генераль Скобелевъ, желая во что бы-то ни стало захватить непріятельское орудіе, рѣшилъ атаковать непріятеля одной лишь первой линіей.

Чтобы приготовить атаку, онъ вызвалъ на позицію ракетный дивизионъ, но, къ сожалѣнію, дѣйствіе ракетъ было крайне неудачно и изъ 12-ти пущенныхъ ракетъ десять разорвались на мѣстѣ, оглушая прислугу, и даже ранивъ одного урядника.

Хотя, несмотря на это, молодецкая прислуга съ изумительной стойкостью и хладнокровіемъ продолжала свое дѣло, непріятель видимо былъ ободренъ неудачнымъ дѣйствіемъ нашихъ ракетъ и открылъ по казакамъ сильную пальбу изъ орудія, фальконетовъ и ружей.

Стойко выдерживая огонь и наступленіе непріятеля, охваты-

вашаго густыми массами наши фланги, казаки держались на позиціи до прибытія головной части пѣхотной колонны.

Предполагая, что пѣхота, оставленная въ Кепе, откуда кавалерія шла на рысяхъ, не можетъ, вслѣдствіе перехода черезъ множество рукавовъ, прибыть ранѣе, какъ черезъ 3 — 4 часа, генераль Скобелевъ приказалъ ввести лошадей во дворъ Курганчи, сбатовать ихъ и, усиливъ такимъ образомъ спѣшенныхъ казаковъ, приготовился къ отчаянной схваткѣ.

Чтобы по возможности выиграть время и отдалить моментъ рѣшительнаго наступленія непріятеля, генераль Скобелевъ приказалъ не отвѣчать на усиленный непріятельскій огонь, вовсе не разсыпалъ дѣпи, держалъ сотни въ сомкнутомъ строю и позволилъ только Семпрѣченской сотнѣ дать два залпа по слишкомъ близко насѣдавшему непріятелю.

Уже полтора часа продолжалась перестрѣлка и если огонь непріятельскаго орудія и ружейный былъ недѣйствителенъ, то это можно объяснить лишь полной неожиданностью появленія нашей кавалеріи, благодаря чему непріятельскіе стрѣлки и прислуга орудія засуетились и совершенно потеряли спокойствіе.

Продолжая обстрѣливать нашъ отрядъ, непріятель подходилъ къ нему все ближе и ближе, и занялъ Курганчу Тахта-Булакъ противъ нашего лѣваго фланга.

Положеніе нашей кавалеріи становилось критическимъ и несмотря на то, что казаки вели себя молодцами, генераль Скобелевъ, по его собственному выраженію, въ письмѣ ¹⁾ къ генералу Троцкому «почувствовалъ себя слабѣе противника».

Какъ вдругъ въ рядахъ непріятеля стало замѣтно какое-то смятеніе, а вслѣдъ за этимъ непріятель сталъ увозить свое орудіе и густыя толпы его отхлынули отъ праваго фланга нашего расположенія. Недолго пришлось ждать разгадки этого явленія: со стороны Кепе на рысяхъ приближался, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, конно-артилерійскій дивизионъ капитана Ермолова подъ прикрытіемъ 30-ти стрѣлковъ второй роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, посаженныхъ на орудія и зарядные ящики.

Перейдя бродъ у Кепе, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій увидѣлъ разрывъ нашихъ ракетъ и услыхалъ вслѣдъ за смѣмъ артилерійскую и ружейную пальбу.

¹⁾ Отъ 6-го ноября 1875 года.

Сообразивъ, что нечаянное нападеніе не удалось и опасаясь за исходъ неравнаго боя, онъ двинулся впередъ на рысяхъ съ конно-артилерійскимъ дивизиономъ, не обращая вниманія на то, что со стороны города Балыкчи раздавались трубные звуки и на правомъ флангѣ показался уже непріятель.

Соединившись съ артилеріей, генераль Скобелевъ тотчасъ же перешелъ въ наступленіе и двинулъ первую Семирѣченскую сотню въ атаку на мѣсто, съ котораго послѣдній разъ стрѣляло непріятельское орудіе и на которомъ виднѣлись еще непріятельскіе всадники.

Но, не выждавъ этой атаки, непріятель стремительно бросился за Дарью.

Наша артилерія все время поражала отступавшаго непріятеля гранатами и картечными гранатами и нанесла ему значительный уронъ.

Скоро прибыла и остальная часть пѣхотной колонны и генераль Скобелевъ, давъ войскамъ трехчасовой отдыхъ у Курганчи Тахта-Булакъ, вернулся въ Наманганъ.

Впечатлѣніе нанесеннаго кипчакамъ пораженія было настолько сильно, что, противъ своего обыкновенія, они не провожали отряда, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ человекъ, которые тоже быстро ушли за Дарью послѣ двухъ-трехъ произведенныхъ по нимъ выстрѣловъ.

Въ этомъ дѣлѣ у Ташъ-Бала 2-го ноября было ранено три казака и одинъ контуженъ.

Нравственныя послѣдствія одержанной побѣды были громадны и сказались тотчасъ же.

На обратномъ пути черезъ Яръ-Курганъ жители этого огромнаго кишлака толпами выходили навстрѣчу и выражали готовность ловить кипчаковъ, въ случаѣ ихъ появленія, а также со всѣхъ сторонъ приходили самыя утѣшительныя вѣсти о томъ, что жители твердо рѣшились не поддаваться обольщеніямъ кипчаковъ и принялись за свои мирныя занятія.

Донося объ этомъ командующему войсками округа ¹⁾, генераль Скобелевъ выражалъ увѣренность, что полное подчиненіе послѣдуетъ лишь тогда, когда кипчакамъ будетъ нанесенъ существенный ударъ въ ихъ собственной странѣ, на лѣвомъ берегу Дарьи, такъ какъ только этимъ можно отбить у нихъ охоту нару-

¹⁾ Рапортъ отъ 7-го ноября 1875 г. № 52.

шать спокойствіе нашего Наманганскаго отряда и жителей вновь присоединеннаго Наманганскаго отдѣла.

Критическое положеніе, въ которомъ нашъ отрядъ оказался въ дѣлѣ на урочищѣ Ташъ-Бала, благодаря тому, что въ составѣ его не было пѣхоты, а мѣстность, покрытая рисовыми полями, была крайне неблагоприятна для дѣйствія казаковъ въ конномъ строю, особенно благодаря тому, что совершенно неожиданные разрывы ракетъ на станкахъ не дали возможности подготовить кавалерійскую атаку, привело генерала Скобелева къ убѣжденію, что, во избѣжаніе возможности повторенія подобныхъ опасныхъ случаевъ, всегда необходимо имѣть въ составѣ летучихъ и рекогносцировочныхъ отрядовъ хотя бы небольшое количество пѣхоты и навело на мысль сформировать конно-стрѣлковый эскадронъ изъ пѣхотинцевъ, посаженныхъ на коней.

Польза такого эскадрона, который могъ сопровождать казачьи отряды вскду и придавать этимъ отрядамъ должную устойчивость и способность вести бой съ успѣхомъ при всевозможныхъ условіяхъ и не опасаться положеній, подобныхъ тому, какъ при Ташъ-Бала, была настолько очевидна, что генераль Скобелевъ на слѣдующій же день, 3-го ноября, приступилъ уже къ формированію конно-стрѣлковаго эскадрона въ составѣ 15 рядовъ во взводѣ, причемъ лошади съ сѣдлами были доставлены по его приказанію жителями гор. Намангана и окрестныхъ кишлаковъ, изъявившими при этомъ полную готовность всѣми силами помогать намъ противъ кипчаковъ, не жалѣя для этого даже своего имущества.

Удачная мысль о формированіи конно-стрѣлковаго эскадрона была вполне одобрена генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, разрѣшившимъ отпускъ денегъ на содержаніе этого эскадрона изъ экспедиціонныхъ суммъ. Эскадронъ былъ быстро сформированъ, насколько возможно подучень, а черезъ 10 дней, 12-го ноября, онъ уже принялъ участіе въ штурмѣ кишлака Балыкчи.

Какъ видно изъ послѣдующаго описанія этого штурма, только что сформированный конно-стрѣлковый дивизионъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе, чѣмъ доказалъ свое право на существованіе и основательность возлагаемыхъ на него надеждъ.

Зорко слѣдя черезъ надежныхъ лазутчиковъ за движеніемъ непріятели, генераль Скобелевъ получилъ въ 12 часовъ дня 11-го ноября слѣдующія достовѣрные свѣдѣнія:

1) Шайка кипчаковъ болѣе 3,000 человекъ, съ двумя орудіями, подошла къ Минь-Булаку 10-го ноября вечеромъ.

2) Главныя силы непріятеля, въ количествѣ до 20,000 чел., подъ начальствомъ Вали-Хана-Тюри Маргеланскаго, занимали кишлакъ Балыкчи, имѣя здѣсь огромные запасы всего необходимаго для шаякъ; для обезпеченія всѣхъ этихъ запасовъ кишлакъ былъ забарикадированъ, занятъ однимъ пансатомъ сарбазовъ¹⁾, а Вали-Ханъ-Тюра съ остальной конницей и пѣхотой расположился возлѣ моста.

3) Шайка въ 4,000 чел., при двухъ орудіяхъ, стоитъ лагерь въ 100 саженьяхъ отъ кишлака Шода, за кишлакомъ, вправо отъ большой дороги изъ Намангана.

4) Батырь-Тюра съ 3,500 конницы и пѣхоты того же числа, т. е. 10-го ноября, вечеромъ стоялъ на мѣстности Кизиль-Курганъ, за Нарыномъ, противъ Уйчи.

Всѣ эти шайки представляли какъ бы кадръ вооруженныхъ людей, къ которымъ присоединилась масса аламановъ.

О намѣреніяхъ непріятеля извѣстія расходились: одни лазутчики сообщали, что непріятель предполагаетъ ударить на Чустъ; другіе же утверждали, что сборнымъ пунктомъ назначенъ Наманганъ.

Во всякомъ случаѣ было очевидно, что переходъ непріятельскихъ скопищъ на нашъ берегъ былъ неминуемъ, что подтвердилось отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что спокойствіе, водворившееся въ Наманганъ и его окрестностяхъ, въ послѣдніе дни видимо нарушалось и волненія, хотя пока и очень слабыя, опять начинались.

Въ два часа пополудни, 11-го ноября, было получено извѣстіе, что Батырь-Тюра съ своей шайкой, на разсвѣтѣ этого дня, перешелъ Нарынъ у кишлака Кайка и остановился за Чартакомъ между Кизиль-Работомъ и Кискенъ-Джаромъ.

Посланные генераломъ Скобелевымъ для подтвержденія этого извѣстія лазутчики вернулись въ гор. Наманганъ въ 8 часовъ вечера, 11-го ноября, и донесли, что Батырь-Тюра дѣйствительно перешелъ р. Нарынъ.

Необходимость дѣйствовать рѣшительно была очевидна.

Кишлакъ Балыкчи съ самаго начала военныхъ дѣйствій въ Наманганскомъ отдѣлѣ, послѣ ухода генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, былъ для непріятеля центромъ, какъ стратегическимъ, такъ и продовольственнымъ.

¹⁾ Сарбазъ — регулярный пѣший воинъ; пансатъ — войсковая часть въ 500 человекъ, т. е. около баталіона.

Защищенный тремя трудными бродами, пунктъ этотъ могъ казаться непріятелю непрístupнымъ.

Полагая, что погромъ кишлака Балыкчи, средоточія организационной силы непріятеля, неминуемо произведетъ впечатлѣніе не только на шайки, перешедшія Нарынъ, но также на все население Коканскаго ханства, генераль Скобелевъ рѣшился немедленно дѣйствовать. Въ 8 часовъ вечера отдано было приказаніе къ выступленію, а въ 9 часовъ вечера генераль Скобелевъ выступилъ уже во главѣ отряда, въ составъ котораго вошли: четвертая рота 1-го и 2-го Туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, вторая и четвертая роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-стрѣлковый эскадронъ, развернутый уже въ дивизионъ, первая сотня и полусотня второй сотни Семирѣченскаго полка, первая, вторая и пятая Оренбургскія сотни, ракетный дивизионъ, дивизионъ первой конной батареи Оренбургскаго казачьяго войска, второй подвижной артилерійскій взводъ и команда саперовъ Туркестанской саперной роты; всего 4 роты пѣхоты, 2 эскадрона конныхъ стрѣлковъ, 4^{1/2} сотни казаковъ, 4 ракетныхъ станка и 6 орудій.

Отрядъ этотъ выступилъ съ двухдневнымъ запасомъ сухарей, но безъ обоза и кухонь.

Скоро отрядъ подошелъ къ броду черезъ р. Нарынъ, около кишлака Кепе, откуда было видно зарево отъ костровъ за Нарыномъ и Кара-Дарьей, свидѣтельствовавшихъ о присутствіи тамъ значительныхъ силъ непріятеля.

Донельзя трудная въ осеннюю темную ночь переправа отряда была произведена въ замѣчательномъ порядкѣ и тишинѣ, причемъ пѣхота была перевезена при помощи кавалеріи и артилеріи.

Непріятель не замѣтилъ приближенія нашего отряда и въ кишлакѣ Балакчи было совершенно тихо.

Въ 6 часовъ утра, 12-го ноября, авангардъ, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, въ составѣ второй и четвертой ротъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, второй Оренбургской сотни, двухъ конныхъ орудій и двухъ орудій подвижнаго взвода былъ двинутъ впередъ.

Мѣстность впереди кишлака Балыкчи оказалась затопленной непріателемъ; орудія вязли и ихъ приходилось тащить на людяхъ, но это не останавливало движенія нашего авангарда.

Въ началѣ седьмого часа, только тогда, когда авангардъ сталъ подходить къ Балыкчинскому мосту, въ непріятельскомъ лагерѣ

поднялась тревога и вслѣдъ за тѣмъ со стороны кишлака былъ открытъ сильный ружейный и фальконетный огонь.

Чтобы не обнаружить нашего расположенія и вполнѣ воспользоваться темнотою, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій приблизился къ мосту, не отвѣчая на выстрѣлы, и приказалъ четвертой ротѣ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, подъ начальствомъ поручика Бѣлова, переправиться на ту сторону рѣки.

Такъ какъ часть настилки моста была разобрана, пришлось переправляться подъ сильнымъ огнемъ по однѣмъ только переводинамъ, ползкомъ, но несмотря на это, рота поручика Бѣлова скоро была уже на противоположномъ берегу и выбила непріателя изъ занимаемыхъ имъ садовъ и стѣнокъ.

Въ это время съ нашей стороны раздались первые орудійные выстрѣлы.

Прибывъ на мѣсто начинавшагося боя, генераль Скобелевъ остановилъ дальнѣйшее наступленіе 4-й роты, уже овладѣвшей лагеремъ впереди кишлака и заваломъ у входа въ главную улицу и приказалъ отвести эту роту нѣсколько ближе къ мосту, какъ во избѣжаніе потерь отъ огня непріателя, такъ и для прикрытія моста и брода во время переправы остального отряда, которому было отдано приказаніе занять позицію на площадкѣ вправо отъ моста.

Мостъ былъ исправленъ по указаніямъ военнаго инженера, штабсъ-капитана Воронца, и какъ только весь отрядъ переправился на лѣвый берегъ рѣки, артилеріи было приказано усиленно обстрѣлывать кишлакъ по направленію къ Урдѣ и базару.

Уже совершенно разсвѣтало и генераль Скобелевъ имѣлъ возможность во время артилерійскаго обстрѣливанія изучить впереди лежащую мѣстность и опредѣлить пунктъ и способъ атаки непріательской позиціи.

Не желая вводить въ кишлакъ сразу много войскъ и рисковать получить значительныя потери въ бою въ узкихъ улицахъ, генераль Скобелевъ рѣшилъ сначала опредѣлить степень сопротивленія непріателя и лично повелъ на штурмъ сперва только 2-ю роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 2-й полуэскадронъ спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ, направивъ ихъ на Урду и базаръ. Кавалерія, подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, была направлена вправо отъ кишлака на Шариханскую дорогу, чтобы рубить непріателя, когда онъ будетъ выбитъ изъ кишлака.

Въ резервѣ, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, были оставлены три роты пѣхоты и шесть орудій.

Несмотря на дѣйствіе нашей артилеріи, непріятель усиливаль стрѣльбу.

Крики, бой барабановъ и трубные звуки свидѣтельствовали, что онъ рѣшилъ отстайвать кишлакъ и за завалами.

Штурмовая колонна двинулась впередъ около 8-ми часовъ утра и, овладѣвъ снова заваленнымъ арбами входомъ въ главную уллицу и базаромъ, выбила непріятеля изъ Урды и направилась влѣво по уллицѣ, загороженной арбами и буквально биткомъ набитой непріателемъ.

Въ отвѣтъ на непріятельскій залпъ наши бросились къ арбамъ, раздвинули ихъ и обрушились на живую стѣну, преграждавшую имъ путь.

Около двухъ минутъ солдаты работали штыками и по трупамъ людей проложили себѣ дорогу для дальнѣйшаго движенія по уллицѣ, куда стали отступать непріятель, отстрѣливаясь изъ-за брошенныхъ арбъ и изъ сакель.

Отправивъ полковнику барону Меллеру-Закомельскому приказаніе двинуть въ городъ еще одну роту, генераль Скобелевъ собралъ людей и, приведя ихъ на сколько возможно въ порядокъ, снова двинулся впередъ, свернулъ влѣво съ уллицы и направился на сакли, гдѣ еще держался непріятель.

Не вдаваясь въ перестрѣлку, колонна бѣгомъ направилась по указанному ей направленію, штыками очистила проходы и занятая непріателемъ сакли, послѣ чего, выйдя въ сады, гдѣ прекращались постройки, открыла огонь по бѣжавшему уже непріателю.

Между тѣмъ, казаки, обскакавъ кишлакъ, успѣли порубить часть бѣгущихъ по Шариханской дорогѣ, отбивъ у нихъ нѣсколько значковъ и трубъ.

Скоро кишлакъ Балыкчи былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля и молодецкій штурмъ его закончился полнымъ разгромомъ значительныхъ силъ непріятеля.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ туземцевъ тотчасъ же послѣ этого дѣла, въ кишлакѣ Балыкчи находилось до 20,000 пѣхоты и конницы, подъ начальствомъ Вали-хана-Тюри и, кромѣ того, въ ближайшихъ кишлакахъ Минь-Булакъ было 3,000 человекъ, подъ начальствомъ Гаибъ-Ишикъ-Агасы и въ кишлакѣ Тады до 4,000 человекъ подъ начальствомъ Хашимъ-хана-Тюри.

Несмотря на такое численное превосходство непріятеля, наши

потери ограничились лишь однимъ убитымъ, восемью ранеными и двумя контуженными пижными чинами, что объясняется, главнымъ образомъ, неожиданностью нашего нападенія и рѣшительностью дѣйствій штурмовой колонны подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева.

Что же касается потери непріятели, то въ точности опредѣлить ее не было никакой возможности, но во всякомъ случаѣ она была громадна, такъ какъ на одномъ лишь мѣстѣ, гдѣ произошла штыковая свалка у базара, было насчитано до 200 труповъ, между которыми оказался и трупъ Вали-хана-Тюри Маргеланскаго.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ туземцевъ вскорѣ послѣ Балыкчинскаго дѣла, убитыхъ со стороны коканцевъ было до 2,000 человекъ и около 500 убитыхъ и подстрѣленныхъ лошадей.

Трофеями этого дѣла были пять бунчуковъ, въ томъ числѣ и бѣлый бунчукъ Вали-хана-Тюри, 25 значковъ, масса холоднаго и огнестрѣльнаго оружія, нѣсколько трубъ, барабановъ, 150 арбъ съ имуществомъ, преимущественно новыми одѣялами и халатами, большіе запасы продовольствія (лепешекъ, ячменя, муки, клеверу) и громадное количество разнаго скота, достигавшее до 10,000 головъ, въ томъ числѣ много лошадей.

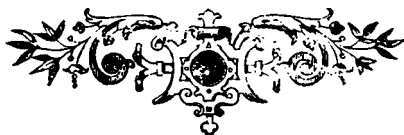
По приказанію генерала Скобелева часть этой добычи, сколько было возможно, была взята отрядомъ съ собою, а остальное сожжено, причемъ много холоднаго и огнестрѣльнаго оружія было переломано и тоже брошено въ огонь.

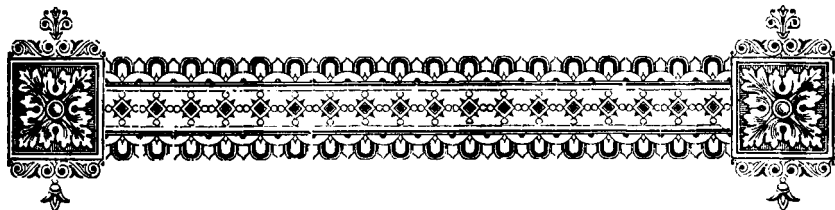
Часть кишлака Балыкчи, прилегавшая къ рѣкѣ, была стерта съ лица земли.

Въ 9 часовъ вечера 12-го ноября отрядъ вернулся благополучно въ Наманганъ.

А. Серебрянниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Первые шаги ремонтной реформы.

Едва начали, осенью 1900 года, объезды своих районов ремонтныя комисіи—тотчасъ встрепенулись верховые коннозаводчики. Не только заводчики южные, исключительно верховые, стали увеличивать свои табуны, но и въ центральной Россіи нѣкоторые владѣльцы рысистыхъ заводовъ рѣшили обратить ихъ въ верховые.

Не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря новой системѣ ремонта, кавалерія наша, въ очень скоромъ будущемъ, въ количественномъ отношеніи ремонтовъ будетъ совершенно обезпечена. Несомнѣнно, выиграетъ она и въ качествѣ ихъ, хотя послѣднее можетъ осуществиться и не такъ быстро, какъ первое.

Климатическія и почвенныя условія мѣстности района производства верховой лошади даютъ полную возможность выводить совершенную «военную лошадь». Можно быть увѣреннымъ, что главное управленіе государственнаго коннозаводства широко разовьетъ свою помощь въ дѣлѣ снабженія коннозаводчиковъ производителями. Государство заинтересовано, главнымъ образомъ, въ обезпеченіи себя нужнымъ количествомъ и соотвѣтствующаго качества военной лошадию. Исходя изъ этого положенія, желательно, чтобы заводскія конюшни района производства верховой лошади составлены были только изъ жеребцовъ верховой кровн. Рысистые и, такъ-называемые, рабочіе, число которыхъ въ южныхъ конюшняхъ довольно значительно, безъ всякаго ущерба народному хозяйству, могли бы быть совершенно изъ состава ихъ исключены.

Рысистая лошадь—лошадь исключительно городская. Обыватели южныхъ городовъ приобрѣтають лошадей дорогихъ или непосредственно въ Средней Россіи, или покупають приводимыхъ оттуда барышниками. Лошади средней руки доставляются въ города барышниками исключительно изъ сорта средне-русскихъ выкормковъ. Что касается до рабочей лошади, то типа таковой у насъ нѣтъ и быть не можетъ, вслѣдствіе разнообразія климатическихъ, почвенныхъ, этнографическихъ и экономическихъ условій разныхъ мѣстностей верхового района Россіи. Разнаго сорта тяжеловозы, состоящіе въ южно-русскихъ конюшняхъ, для производства рабочей, крестьянской лошади не годятся. Тяжеловозъ разнаго роста и породы, опять-таки лошадь городская. Вслѣдствіе собственной тяжести, сырости, малой энергіи, онъ годенъ исключительно только для возки тяжестей по мостовымъ или посейнымъ дорогамъ. Для полевыхъ работъ ранней весной и поздней осенью онъ не годится, такъ какъ, по тяжести своей, вязнетъ въ влажной почвѣ, а въ жару, вслѣдствіе сырости и вялости — утомляется и легко подвергается простудѣ. Ко всему этому, онъ еще не можетъ въ достаточной степени напасть на подножномъ корму. Что касается до дорогъ по уѣздамъ, то земства наши, болѣею частью, считали ихъ предметомъ, недостойнымъ своего просвѣщеннаго вниманія. По дорогамъ нашимъ, особенно проселочнымъ, не только вязнетъ даже малорослый арденъ, но не рѣдко ложатся и волю. Но едва-ли не главная отрицательная сторона тяжеловоза та, что онъ рѣдко, болѣе или менѣе благополучно переносить простуду. Болѣею частью она осложняется хроническимъ катаромъ дыхательныхъ путей (затяжной мытъ), а то и воспаленіемъ лимфатическихъ сосудовъ. Приплодь отъ тяжеловоза, вообще не многочисленный, болѣею частью не переноситъ мыта, а если иной жеребенокъ и выживетъ, то обыкновенно изъ него выходитъ лошадь болѣе слабая, чѣмъ мѣстная крестьянская. Эта, во всякомъ случаѣ, лошадь сухая. У южныхъ коннозаводчиковъ въ полѣ работаетъ, обыкновенно, заводскій бракъ, т. е. лошади верховаго сорта. У меня, напримѣръ, работаютъ, не только въ боронахъ, но и въ плугахъ, до окончанія зяблевой пахоты, т. е. иногда до половины октября, всѣ матки, а въ боронахъ и всѣ трехлѣтки. Сухая породная лошадь можетъ работать всегда и вездѣ, и работаетъ всегда лучше и надежнѣе, чѣмъ лошадь грузная, сырая. Если бы вмѣсто жеребцовъ не верховаго сорта, южныя заводскія конюшни состояли исключительно изъ верховыхъ, то отъ этого южная

крестьянская лошадь только бы выиграла. Лошадь съ примѣсю горячей, т. е. благородной крови, всегда устойчивѣ перенесетъ лишения и невзгоды, которыя приходится испытывать ей въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Нечего и говорить, насколько выиграло бы государство, имѣя, въ огромномъ районѣ юга, юго-западной и юго-восточной Россіи конское населеніе однородное, конечно, не одинаковое по качеству, но, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе породнаго, сухого сорта. Въ случаѣ войны реквизиція дала бы войску лошадей, хотя разныхъ степеней роста, но все-таки сухихъ, слѣдовательно, выносливыхъ, а не тотъ хламъ, который она можетъ набрать въ настоящее время.

Но благопріятныхъ мѣстныхъ условій и систематической помощи главнаго управленія государственнаго коннозаводства, для производства вполнѣ соотвѣтствующей «военной лошади», еще недостаточно. Необходимо, кромѣ того, болѣе глубокое знаніе, не только экстерьера лошади, но лошади какъ двигательнаго механизма и какъ организма. Необходимо установить ясное и твердое понятіе о «военной лошади», наглядно на приѣмномъ матеріалѣ, выработать понятіе объ образцовомъ типѣ и на этихъ образцахъ воспитать вкусъ и глазъ коннозаводчиковъ. Надо сознаться, что у насъ очень часто породность лошади смѣшиваютъ съ ея, не скажу, красотой (красота есть стройное соотвѣтствіе склада лошади съ идеей, которую представляетъ изъ себя лошадь даннаго назначенія), а съ ея «красивостью». Лебединая шея, высокая тонкая нога, скудное туловище, т. е. то, что Гайо называетъ «La plèbe des races améliorées» (отребье облагороженныхъ породъ), а у насъ «пряникъ» очень часто считается представителемъ породности, дѣльность же, ширина, глубина, низкая костистая нога (près de terre), могучая связь (которая на самомъ дѣлѣ можетъ быть только у породной лошади), идутъ за простоту.

Первая сдача лошадей осенью текущаго года будетъ имѣть громадное значеніе для будущности дѣла. Помимо того, что ремонтная цѣна окупаетъ стоимость бывшаго до сего времени убыточнымъ производства верховой лошади, болѣе или менѣе удачная сдача ставки, смѣло скажу, не боясь ошибиться, для большинства коннозаводчиковъ, составляетъ вопросъ самолюбія. Распредѣленіе лошадей по категоріямъ, для членовъ комисіи, какъ людей знанія, не представить затрудненія, но относительно коннозаводчиковъ явится дѣломъ очень щекотливымъ. Вслѣдствіе недостаточно глубокаго, болѣе или менѣе научнаго знанія лошади, нѣкоторыми кон-

нозаводчиками опредѣленіе породности и условія второй и четвертой графъ шкалы могут породить много недоразумѣній. Личный составъ ремонтныхъ комиссій, представляющій собраніе людей опыта и знанія, а нѣкоторые изъ чиновъ которыхъ являются изъ себя величайшихъ знатоковъ лошади и заводскаго дѣла, даетъ право быть увѣреннымъ, что новое дѣло будетъ успѣшно проведено въ жизнь. Мнѣ кажется, что сортировка лошадей по возможности, въ присутствіи коннозаводчиковъ, оказалась бы очень полезной (очевидно, что заводчикъ, чьи лошади въ данный моментъ принимаются, не долженъ присутствовать). Тонкіе вопросы, т. е. вопросы, относящіеся къ синтезу данной лошади и ипатрики вообще (т. е. синтезу знаній о лошади) полезно было бы разбирать во всеуслышаніе. Конечно, присутствующіе обязаны не вступать въ разсужденія членовъ.

Въ такого рода аудиторіи подъ открытымъ небомъ обратились выставки лошадей въ станицѣ Великокняжеской, войска Донского, въ 1875, 1876 и 1877 годахъ. До 1875 года выставки производились въ Новочеркасскѣ и осмотръ лошадей и экспертиза происходила, какъ всегда и вездѣ, безъ присутствія постороннихъ лицъ. Въ 1875 году выставки переведены въ станицу Великокняжескую за Дономъ. Комисія выставки этой производила осмотръ среди Кара-Чепракскаго пустыря, который представлялъ изъ себя, въ то время, Великокняжескую стапцу. Конечно, держась въ сторонѣ, присутствовало, при этомъ, много задонскихъ коннозаводчиковъ и нѣсколько заводчиковъ калмыковъ. Вышло, какъ-то само собой, что экспертиза, изъ закрытой, обратилась въ публичную. Сужденія экспертовъ всѣ слышали. Послѣ осмотра лошадей, естественно завязывалась бесѣда членовъ выставочной комиссіи съ коннозаводчиками, разбирались и обсуждались разные вопросы, касавшіеся какъ представленныхъ лошадей, такъ и техники коннозаводскаго дѣла. Выставка продолжалась три дня, и каждый день, по окончаніи официальнаго осмотра и экспертизы, происходилъ обмѣнъ мыслей между экспертами и коннозаводчиками. Ясно, что всякія недоразумѣнія выяснялись, многіе коннозаводчики пріобрѣли такія свѣдѣнія по части техники производства, о которыхъ имъ никогда не пришлось бы услышать. Послѣдствіемъ такой постановки дѣла было то, что вмѣсто двухъ или трехъ десятковъ лошадей, приведенныхъ въ 1875 году (числа не помню), на выставку 1876 года, для соисканія премій, т. е. за исключеніемъ несоотвѣтствующихъ, принято было болѣе ста лошадей. То же по-

вторилось въ 1877 году. Какъ дѣло пошло дальше, не знаю, такъ какъ въ началѣ 1878 года я уѣхалъ съ Дона. Слѣдующій эпизодъ, случившійся на выставкѣ 1875 года, ярко характеризующій степень знанія лошади нѣкоторыми лицами, стоящими у дѣла, помню какъ сейчасъ. Представленъ былъ управляющимъ завода покойнаго графа М. И. Платова невозможный жеребецъ ультра-пряничнаго типа, къ тому же, составленный изъ самыхъ разнообразныхъ кусковъ. Конечно, жеребецъ не былъ допущенъ до соисканія преміи. Въ бесѣдѣ, по окончаніи служебныхъ занятій, принялъ участіе и Платовскій управляющій (иногородній). Искренне недоумѣвалъ онъ, почему его вычищенный выкормокъ былъ подвергнутъ остракизму, а нѣкоторые неукы, которыхъ, для измѣренія роста, на арканѣ и за уши подталкивали калмыки, были допущены къ конкурсу. Онъ «полукровный», говорилъ управляющій; отецъ его «Соболекъ». Какой «Соболекъ»? чей «Соболекъ»? были вопросы «Соболекъ»! Онъ тамбовскій. Сначала мы ничего не могли понять, но, наконецъ, сообразили въ чемъ дѣло: по понятіямъ управляющаго, кровь Платовскаго табуна, хотя въ то время клонившагося къ упадку, но очень высокая, потому только, что мѣстная была ничто, въ сравненіи съ какимъ-то тамбовскимъ выкормкомъ.

Не мало можетъ задержать ходъ улучшенія ремонтовъ въ качественномъ отношеніи и слѣдующее обстоятельство. Кобылы принимаются наравнѣ съ меренами. Ограничивать какой-либо пропорціей пріемъ кобылъ, конечно, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, такъ какъ, съ одной стороны, кобыла всегда превзойдетъ во всякой работѣ мерена того же склада, породы и качества (вѣдь кобыла не подвергается паталогическому измѣненію организма кастраціей), съ другой излишекъ кобылъ, остающійся на рукахъ коннозаводчиковъ, не имѣлъ бы цѣны какъ товаръ и ложился бы лишнимъ баластомъ на заработокъ на сданную ставку. Выгода коневодства могла бы стать опять сомнительной. Такъ какъ лошадь товаръ живой, то главная забота производителя заключается въ томъ, чтобы скорѣе, въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, сдать его потребителю. Можно опасаться, что въ матки будутъ идти, если и не бракъ, то кобылы худшія, менѣе рослыя, т. е. болѣе дешевыя.

Для государства, между тѣмъ, кажется мнѣ, весьма важно, чтобы не только ремонтъ данной минуты, но ремонты будущаго и во-

обще, составъ лошадей всего района, такъ сказать, въ тылу, былъ бы обезпеченъ возможно лучшимъ плодовымъ составомъ матокъ.

Достигнуть этого, думаю, было бы возможно безъ всякихъ усложненій и измѣненій ремонтной реформы, допустивъ пріемъ кобылъ не до 5¹/₂ лѣтъ, а до 6¹/₂. Врядъ ли явилось бы большое усложненіе для частей въ отдѣльномъ учетѣ срока службы кобылъ. Во всякомъ случаѣ, качество работы, по прочности, семилѣтней кобылы неминусомъ искупить это неудобство.

Кобылку болѣе или менѣе хорошо кормленную, слѣдовательно развившуюся, случать въ три года не только можно, но и должно. Разъ природа заявляетъ о томъ, что кобыла созрѣла для своего естественнаго назначенія, хотя по росту и складу, соответствующему противоестественному назначенію, т. е. къ работѣ еще и не сформировалась, насиловать не только не полезно, но и вредно. Холостая кобылка все лѣто болѣе или менѣе часто приходитъ въ охоту. Во время охоты она плохо ѣсть, убѣгаетъ изъ табуна, и такъ какъ у насъ не существуетъ обязательнаго холощенія, то очень часто находятъ какого-либо мужичьяго, толочнаго жеребчика и оплодотворяется. Случается это большею частью въ срединѣ или концѣ лѣта, такъ что къ зимѣ жеребость бываетъ незамѣтна. Яловникъ обыкновенно содержится, да иначе и нельзя, болѣе или менѣе экономно. Кормъ, достаточный для питанія трехлѣтокъ зимой, для жеребыхъ кобылокъ, очевидно, является недостаточнымъ. Онѣ обыкновенно худаютъ, задерживаются въ развитіи и часто сбрасываютъ, что никогда безслѣдно не проходитъ для молодой, еще не сложившейся кобылки. Случая кобылу въ три, четыре и пять лѣтъ каждая оставляла бы за собой три возраста приплода себѣ подобнаго или даже лучшаго, если случалась съ лучшимъ, чѣмъ сама, жеребчикомъ. Изъ трехъ головъ приплода непременно будетъ, хоть одна, кобылка, которая въ свою очередь будетъ служить резервомъ для пополненія плодового состава матокъ и средствомъ поддержанія и даже улучшенія сорта. Итакъ до безконечности.

Жеребившаяся кобыла къ семи годамъ совершенно и нормально складывается, слѣдовательно, въ дальнѣйшей жизни ея, поддержаніе отъ оплодотворенія на развитіи ея уже отражаться не можетъ.

Всякій можетъ убѣдиться въ истинѣ сказаннаго, сравнивъ кобылъ и матокъ того же сорта, возраста и качества. Нежеребая, какъ бы ни была хороша, всегда окажется складомъ скуднѣе ко-

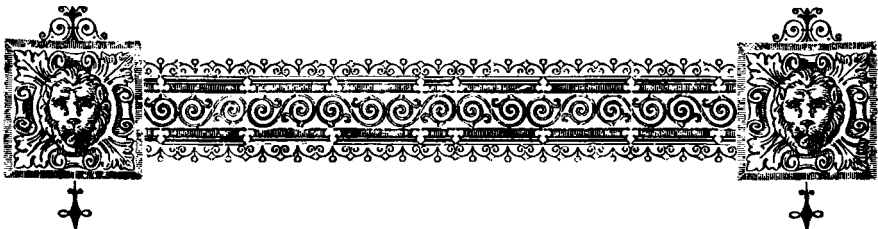
были бывшей маткой. Мнѣ могутъ сказать, что такъ какъ предѣльный возрастъ приѣма опредѣленъ въ 5¹/₂ лѣтъ, то заводчикъ можетъ использовать кобылу, какъ матку два раза. Конечно, но, во-первыхъ, первый жеребенокъ бываетъ не всегда удачнымъ, а служить скорѣе для правильнаго развитія самой кобылы, а, во-вторыхъ, второго жеребенка пришлось бы отнимать не позже середины юня, чтобы имѣть время приготовить кобылу къ сдачѣ. Оба жеребенка, слѣдовательно, могутъ оказаться, въ смыслѣ резерва, неудовлетворительными. Кромѣ того, безъ всякой пользы для дѣла службы, въ тылу останется однимъ возрастомъ меньше. Само собой разумѣется, что жеребую трехлѣтку нужно соответственно кормить, но, при предлагаемой мною мѣрѣ, кормъ несомнѣнно окупится. Не думаю, чтобы кто-либо, имѣя возможность использовать каждую кобылу какъ матку и какъ ремонтную, ведя точный учетъ содержанія табуна, сталъ бы экономить на кормѣ. Пословица: «сама себя раба бьетъ за то, что не чисто жнетъ», покажетъ себя тотчасъ же.

Недавно пришлось слышать, что нѣкоторые крупные барышники еврей надѣются въ будущемъ быть допущенными къ поставкѣ лошадей въ ремонтныя комисіи. Слышалъ, что нѣкоторые изъ нихъ скупаютъ молодякъ. Не дай Богъ, чтобы подобное когда-нибудь осуществилось. Барышники-капиталисты образуютъ и у насъ промыселъ «*élevage*», заберутъ въ свои руки многихъ коннозаводчиковъ, а самостоятельные заводчики принуждены будутъ бросить дѣло. Во Франціи поставка лошадей въ ремонтъ находится въ рукахъ торговцевъ и послѣдствія такого положенія извѣстны: несмотря на удовлетворительную цѣну, которую военное министерство платитъ за лошадей, въ ремонты попадаетъ только бракъ, лучшее же идетъ на удовлетвореніе рынка. Все благодѣтельное значеніе новаго порядка ремонтрованія у насъ и заключается въ томъ, что потребитель и производитель поставлены въ непосредственныя сношенія. Конкуренція обезпечиваетъ кавалерію въ полученіи изъ года въ годъ улучшающихся ремонтовъ.

Наше верховое коневодство, съ истинно русской выносливостью, пережило тридцатилѣтній кризисъ, но вторичнаго кризиса выдержать оно уже не въ состояніи и если падетъ, то падетъ уже безвозвратно.

Александръ Войцеховичъ.

А Р Т И Л Е Р І Й С К І Я З А М Ъ Т К И .

(Окончаніе) ¹⁾.

4.

«Существуетъ много родовъ невѣжества», говоритъ Вольтеръ, — «худшее изъ всѣхъ—невѣжество критиковъ. Какъ извѣстно, они обязаны вдвойнѣ быть правыми, какъ люди, утверждающіе, и какъ люди, осуждающіе. Слѣдовательно, они вдвойнѣ виновны, когда ошибаются». Но помимо просвѣщеннаго взгляда на вещи со стороны военачальника, обязаннаго развивать контроль надъ дѣятельностью своихъ подчиненныхъ и подвергать ее критикѣ, отъ него требуется способность вѣрно наблюдать дѣйствительность. Въ данномъ случаѣ наблюдать значить идеализировать, значить искать въ томъ, что есть, того, что должно бы было быть, значить создавать идеалъ и соотвѣтствующій ему критерій и измѣрять имъ дѣйствительность. Это понятно. Вѣрно цѣнить дѣйствительность можно только руководствуясь понятіемъ о томъ, чѣмъ она должна быть съ точки зрѣнія наиболнѣйшаго удовлетворенія интересамъ дѣла. Выражаясь вульгарно, но болѣе образно, можно сказать, что въ зависимости отъ того, какъ смотрѣть на вещи: во всѣ глаза или сквозь пальцы, приходится обнаруживать или очень много дурного, или очень много хорошаго.

Умѣнье критиковать въ сущности есть синонимъ умѣнья размышлять, а потому прежде всего критикъ долженъ обладать способностью размышлять и долженъ располагать обильнымъ запа-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 6

сомъ знанія, т. е. обильнымъ запасомъ матеріала для мысли. «Мысль», говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ ученыхъ Рикарду, «по существу своему, какъ то указываетъ слово «pensage», заключается въ актѣ, посредствомъ котораго мы взвѣшиваемъ то, что есть, сравнивая его съ тѣмъ, что должно быть. Мыслить, что мнѣніе ложно, или картина плоха, или дѣяніе нечестно—это оцѣнить ихъ, объявляя ихъ противоположными тому, что въ данномъ случаѣ было бы найдено истиннымъ, красивымъ или хорошимъ. Когда мы мыслимъ, мы отвлекаемся отъ воспринятой дѣйствительности и въ прозрѣваемомъ будущемъ видимъ украшенное отраженіе ея настоящаго момента, мы создаемъ высшій и болѣе совершенный типъ даннаго факта, и при помощи этой идеальной формы, измѣряемъ самый фактъ и оцѣняемъ его. Понятіе о лучшемъ необходимо при каждой калификаціи».

Для успѣха военнаго дѣла критика имѣетъ громадное значеніе. Она не только учитъ различать хорошее и плохое въ томъ, что уже сдѣлано, но заставляетъ людей желать дѣлать хорошо и избѣгать плохого исполненія. Только благодаря мотивированной критикѣ, соревнованіе можетъ обуславливаться не эгоистическими претензіями на вознагражденіе, но дѣйствительнымъ правомъ на него, основаннымъ на истинныхъ достоинствахъ и заслугахъ. Когда каждому «воздается по дѣламъ его», не можетъ уже существовать стремленія всѣми правдами и неправдами добиться незаслуженнаго отличія и награды. Критика заставляетъ каждого уйти въ границы своихъ истинныхъ достоинствъ, своего знанія и умѣнья, и претендовать лишь на то, чего онъ дѣйствительно заслужилъ своимъ трудомъ, какъ непосредственнымъ выразителемъ его личныхъ способностей и талантовъ. Критика даетъ почву справедливости, а справедливость оцѣнки—почву совершенству. При отсутствіи строгой критики истинныя достоинства остаются не обнаруженными и какъ бы не существующими. Претензіи бездарности, лѣни и посредственности подобно сорнымъ травамъ заглушаютъ истинныя заслуги, и тогда вмѣсто того, чтобы «дѣлать дѣло», всѣ стремятся дѣлать карьеру, стараясь лишь казаться достойными преслѣдуемаго ими отличія.

Имѣя въ виду указанное значеніе критики въ военномъ дѣлѣ, надо пожалѣть объ ея отсутствіи или недостаточномъ развитіи, вопреки большинству въ средѣ военныхъ дѣятелей. Объ устраненіи критики одинаково заботятся какъ исполнители, дѣйствія которыхъ подлежатъ критикѣ, такъ и руководители, обязанные под-

вергать критическому анализу исполненіе своихъ подчиненныхъ. Критика можетъ быть сравнена со свѣтомъ. Она освѣщаетъ, т. е. обнаруживаетъ хорошее и плохое. Критика не выгодна для тѣхъ, которые плохо дѣлаютъ, которые не обладаютъ ни знаніемъ, ни умѣньемъ. Она не выгодна для большинства исполнителей, для большинства подчиненныхъ. Это съ одной стороны, но есть и другая сторона. Критика—дѣло не легкое, предательское, и не всякій способенъ брать ее на себя; ибо только тотъ, кто много знаетъ и многое умѣетъ, въ состояніи смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія «лучшаго» и можетъ говорить о ихъ совершенствахъ и несовершенствахъ. Но если по отношенію къ вѣрной критической оцѣнкѣ извѣстной вещи и можно еще ограничиваться понятіемъ о «возможномъ лучшемъ», то надо признать, что это понятіе способно принимать ясную и отчетливую форму лишь въ умѣ человѣка, владеющаго правильнымъ критеріемъ. «Геній», по словамъ Наполеона I, «состоитъ въ умѣннѣ отличать трудное отъ невозможнаго». Извѣстная доля этого умѣнья должна ложиться въ основу всякой критики, ибо мало требовать лучшаго, надо требовать его въ мѣрѣ возможнаго.

Такъ какъ большинство начальниковъ и руководителей обладаетъ умственнымъ богатствомъ лишь настолько, насколько нужно, чтобы скрыть его недостатокъ отъ постороннихъ свидѣтелей, то оно весьма осторожно уклоняется отъ критики, что, конечно, только повышаетъ его популярность. И дѣйствительно, популярность начальника въ средѣ подчиненныхъ можетъ быть легко приобрѣтена по рецепту англійскаго поэта Попа, который утверждалъ, что многочисленностью своихъ друзей онъ былъ обязанъ двумъ аксіомамъ: *все возможно; все правы*. Безъ сомнѣнія—это тоже въ своемъ родѣ критерій и на немъ можетъ быть основана самая безобидная критика, примиряющая руководящую и руководимую бездарность.

То, что я сказалъ о значеніи внѣшней, такъ сказать, центробѣжной критики въ военномъ дѣлѣ, т. е. критики, направляемой на чужую дѣятельность, еще съ бѣльшею силою можетъ быть при мѣнено къ внутренней, центростремительной критикѣ, направляемой на свой собственный образъ дѣйствія. Трудно сказать, что здѣсь можетъ больше вредить дѣлу—чрезмѣрная ли самонадѣянность, или излишнее недовѣріе къ своимъ силамъ. Самомнѣніе, слишкомъ высокомѣрное по отношенію къ своей базѣ—знанію, умѣнью и опытности—всегда очень неустойчиво въ минуты опас-

ности; тутъ обыкновенно оно кончается тѣмъ, чѣмъ начинается неуверенность въ своихъ силахъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ единственный способъ придти на помощь боевымъ дѣятелямъ—это заблаговременно расширить ихъ умственную базу, расширить ихъ знаніе, умѣніе и опытность. Необходимо выработать въ нихъ вѣрный критерій и обогатить ихъ память обиліемъ критическаго матеріала. Память въ серьезномъ случаѣ подскажетъ имъ, что нужно предпринять, подскажетъ въ силу психологическаго закона ассоціаціи идей. И дѣйствительно, изобрѣтательность и находчивость суть не что иное, какъ извѣстныя формы самовнушенія, всецѣло подчиняющагося этому закону.

5.

Быть можетъ многіе найдутъ мои слова анахронизмомъ. Кто же теперь сомнѣвается въ пользѣ знанія и умѣнія? Изрѣченіе Петра Великаго: «наука въ Россіи не въ авантажѣ обрѣтается», не имѣетъ уже больше никакого объекта, никакого фактическаго оправданія. Напротивъ того, не слишкомъ ли далеко зашла у насъ погоня за знаніемъ? Не характерно ли въ этомъ отношеніи восклицаніе, вырвавшееся, какъ рассказываютъ, у Александра Гумбольдта подъ впечатлѣніемъ просмотра программы одного изъ нашихъ учебныхъ заведеній: «О, если бы я зналъ половину всего этого, то имѣлъ бы право считать себя ученѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!» Если вѣрить хроникѣ, то этотъ фактъ совершился много лѣтъ тому назадъ, а съ той поры программы нашихъ учебныхъ заведеній увеличились въ своемъ объемѣ, по малой мѣрѣ, въ десять разъ...

Безспорно для пріобрѣтенія знанія на школьной скамьѣ у насъ дѣлается много, но для овладѣнія имъ дѣлается слишкомъ мало. Вслѣдствіе этого есть нѣкоторое основаніе сказать, что между способомъ, какимъ знаетъ большинство интеллигентныхъ дѣятелей свой предметъ и способомъ, какимъ надо его знать, существуетъ такая же разница, «какъ между первобытнымъ хаосомъ и міромъ въ послѣдній день его творенія». Таковъ фактъ, подтверждаемый безпристрастнымъ наблюденіемъ и легко объяснимый тѣмъ, что одного запаса мертваго знанія недостаточно для того, чтобы дѣлать дѣло, и что лишь истинно образованный человѣкъ въ состояніи цѣлесообразно пользоваться своимъ знаніемъ въ его при-

ложеніи, которое одно только и въ состояніи вводить это знаніе въ жизнь, давая ему право на существованіе.

Я далекъ отъ мысли утверждать, что въ современную тактическую эпоху, военные дѣятели, а въ особенности дѣятели специальныхъ родовъ оружія, не нуждались бы въ громадномъ запасѣ научныхъ свѣдѣній. Напротивъ того, я склоненъ считать предѣлы знанія, необходимаго не только для артиллериста въ частности, но и для всякаго офицера вообще, гораздо шире тѣхъ, въ которые оно заключено въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеніяхъ низшаго и высшаго порядка. вмѣстѣ съ этимъ я не признаю возможнымъ на школьной скамьѣ исчерпать всю науку, необходимую офицеру при его восхожденіи по іерархической лѣстницѣ предназначенной ему служебной дѣятельности. По моему мнѣнію именно тутъ русская поговорка: «вѣкъ живи—вѣкъ учись», получаетъ все свое значеніе и не въ смыслѣ пассивнаго, а въ смыслѣ активнаго пріобрѣтенія знанія: офицеръ долженъ обогащать свой умъ не только тѣми познаніями, на которыя его наталкиваетъ случай, но онъ долженъ идти на встрѣчу знанію путемъ возможно глубокаго изученія своей професіи, постоянно совершенствуясь въ области соотвѣтствующихъ ей науки и искусства.

Та обстановка военно-учебнаго дѣла, которая существуетъ теперь у насъ, приноровлена къ условіямъ, давно уже отжившимъ свой вѣкъ. Она была вполне рациональна и вполне удовлетворительно рѣшала свою задачу, когда военная наука и искусство были несравненно бѣднѣе, а главное, когда въ своемъ приложеніи они проявлялись болѣе или менѣе прямолинейно. Тогда для большинства офицеровъ «привычка могла еще замѣнять разумъ», избавляя ихъ отъ непосильной для нихъ работы размышленія. Вышеприведенная Фридриховская характеристика офицера можетъ служить иллюстраціей для всей эпохи гладкостѣнной системы огнестрѣльнаго оружія.

Въ доброе старое время программы, поразившія Александра Гумбольдта, выполнялись въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ съ грѣхомъ пополамъ и тѣмъ не менѣе запаса знанія, выносиваго изъ ихъ стѣнъ офицерами, съ лихвою хватало на всю ихъ службу, на всю ихъ жизнь. Переступая за порогъ своего корпуса или училища, офицеръ кончалъ всѣ свои счеты съ книгамп, какъ съ главнѣйшими вспомогательными средствами науки, и, въ теченіе всего прохожденія своей службы, довольствовался лишь одною книгою—печатнымъ уставомъ, да и то имѣлъ больше столк-

новений съ его буквой, чѣмъ съ его духомъ. Условія стали мѣняться и требованія къ научной подготовкѣ офицеровъ начали обостряться. Все это дало толчокъ къ еще большому расширенію программъ, потому что школа оставалась вѣрна своему прежнему направленію и продолжала стремиться снабжать своихъ учениковъ всѣмъ необходимымъ багажемъ знанія на весь долгій путь ихъ служебной карьеры, плохо вѣря въ склонность большинства изъ нихъ когда-либо снова раскрыть книгу. Результаты получились самые плачевные. Въ такомъ объемѣ наука не пришлась по силамъ большинству и приобретаемое знаніе едва доносится имъ теперь до экзаменаторскаго стола: большинство учениковъ школы, переступая за ея порогъ, не владѣетъ своимъ знаніемъ.

Преувеличеніе, скажутъ мнѣ. Но вѣдь правда всегда кажется преувеличеніемъ тому, кто не привыкъ ее слышать. Однако, тутъ есть обвиненіе по адресу школы, а обвиненіе требуетъ доказательства. Единственное убѣдительное доказательство сказаннаго мною даетъ самый фактъ, а фактъ—какъ справедливо замѣчаютъ французы — нахаль и приводитъ его въ свидѣтели не всегда удобно, а въ данномъ случаѣ и нѣтъ никакой надобности, ибо прямое и грубое его показаніе я имѣю въ виду обойти путемъ нѣкоторыхъ косвенныхъ уликъ.

Однако, самый вопросъ мнѣ могутъ поставить такъ: Предположимъ, что фактъ — фактъ, а не фантомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы отвѣтственность за него падала на школу. Школа рѣшила свою задачу; она снабдила своего ученика, выпуская его на дѣйствительную службу, всѣмъ нужнымъ для него запасомъ знанія; дальнѣйшее укрѣпленіе и расширеніе этого знанія есть уже дѣло самой службы, самой жизни. Съ этой точки зрѣнія защитники современной школы правы и въ указанномъ отношеніи она дѣйствительно дѣлаетъ все, что возможно. Мало того. Она дѣлаетъ не только все возможное, но еще и чрезмѣрно много лишняго. Къ этому упреку можно присоединить еще другой, и на этотъ разъ совсѣмъ уже подавляющій. Въ упрекъ ей можно поставить, что она не внушаетъ своимъ ученикамъ ни любви къ умственному труду, ни воли преодолѣть свою умственную лѣнь, ни умѣнія приобретать знанія и овладѣть ими. Однимъ словомъ, вина школы въ томъ, что она учитъ, учитъ безъ конца и передышки, но не образуетъ настоящихъ дѣятелей и не воспитываетъ ихъ воли. Между тѣмъ не количество, а качество знанія и умѣнія дѣлаютъ человѣка образованнымъ; потому что образованіе заключается въ

извѣстной организаціи и координаціи разума и воли: природа науки уже такова, что если въ этомъ отношеніи она не приноситъ пользы, то приноситъ вредъ. Вотъ въ чемъ отвѣтственность за недостатокъ развитія знанія и умѣнія въ средѣ военныхъ дѣятелей падаетъ собственно на школу. Но если основная причина этого недостатка въ школѣ, то масса второстепенныхъ, хотя и не менѣе дѣйствительныхъ причинъ, заключается въ условіяхъ прохожденія офицеромъ своей служебной карьеры.

Въ этихъ условіяхъ, къ великому сожалѣнію, офицеръ не находитъ достаточно сильныхъ побужденій къ самообразованію, къ накопленію въ себѣ знанія и къ обращенію его въ свою потенциальную энергію. Серьезная книга становится для него лишнею обузою и лишь усыпляющимъ собесѣдникомъ. Но вѣдь и книга сама по себѣ не въ состояніи помочь дѣлу. «Изъ книгъ» — замѣчаетъ Бэконъ — «научаются всему, за исключеніемъ умѣнья пользоваться ими». А между тѣмъ въ этомъ умѣннѣ вся суть, ему можетъ и должна научить школа и научить прежде всего и основательно. И дѣйствительно, книга въ состояніи принести пользу только тогда, когда она доставляетъ матеріалъ для мышленія. Выполненіе такого требованія не столько въ самой книгѣ, сколько въ ея читателѣ. Для большинства людей книги раздѣляются на два разряда; «книги, которыя читаются, но не уважаются, и книги, которыя уважаются, но не читаются». Если подмѣченное отношеніе къ книгѣ допускаетъ обобщеніе, то своимъ происхожденіемъ оно обязано отсутствію «умѣнія читать». Значеніе такого пробѣла въ рѣшеніи задачъ школы едва ли приходится подчеркивать, потому что умѣлое пользованіе хорошею книгою не только обогащаетъ знаніе, но пріучаетъ къ размышленію. По всей вѣроятности, каждый имѣлъ случай замѣчать, что чтеніе извѣстныхъ книгъ вызвало въ немъ новыя идеи, которыя не находились ни въ книгѣ, ни въ памяти, но какъ бы пораждались синтезомъ элементовъ, вытекающихъ изъ этихъ обоихъ источниковъ. Вотъ, между прочимъ, причина, почему часто различныя лица изъ одной и той же книги вычитываютъ не одно и то же.

6.

Когда въ какой-либо моментъ та или другая профессія достигаетъ извѣстной степени совершенства, то это еще не значитъ, что въ то же время всѣ принадлежащія къ ея корпораціи

дѣятели достигаютъ соотвѣтствующей степени совершенства въ исполненіи своего дѣла. Всегда найдутся отсталые. Въ моменты крупныхъ усовершенствованій, обусловливаемыхъ новыми изобрѣтеніями въ области военнаго искусства, въ средѣ армій отсталые являлись въ массахъ. Но если прежде это явленіе повторялось спорадически, то теперь оно приняло длительный, такъ сказать хроническій, затяжной характеръ. Я только-что указалъ на его причины въ наше время при той необыкновенной подвижности, которая охватила современный намъ идейный міръ. Само собою разумѣется, такой порядокъ вещей долженъ считаться общимъ для всѣхъ армій, но кое-гдѣ его начинаютъ уже парализовать искусственно принимаемыми къ тому особыми мѣрами. Правда, эти мѣры не универсальны и не радикальны, тѣмъ не менѣе, онѣ подтверждаютъ существованіе того факта, на который я указалъ мимоходомъ, не рѣшаясь входить въ подробное его изслѣдованіе и строить на его нелестномъ свидѣтельствѣ какія-либо прямыя подтвержденія высказаннаго мною мнѣнія о нѣкоторой несостоятельности теперешней школы въ дѣлѣ образованія офицеровъ.

Я имѣю въ виду германскую артилерійскую школу стрѣльбы. Расширеніе этой школы въ послѣднее время, наряду съ другими измѣненіями въ порядкѣ подготовки артилерійскихъ офицеровъ, представляетъ рядъ мѣръ, которыми наши сосѣди, повидимому, рѣшили отвѣтить на требованія времени: *лишь столько знанія, сколько можетъ быть исчерпано умнѣемъ.*

Моментъ появленія рѣзныхъ орудій засталъ прусскихъ артилеристовъ врасплохъ. Онъ засталъ ихъ еще воодушевленными кастовымъ духомъ и пользующимися незаслуженнымъ престижемъ учености въ глазахъ непосвященныхъ. Война 1864 г., а затѣмъ война 1866 г. краснорѣчиво убѣдили прусскихъ артилеристовъ въ недостаткѣ дѣйствительнаго знанія и умнѣнія въ средѣ артилерійскихъ офицеровъ и въ необходимости принять болѣе или менѣе скорыя и дѣйствительныя мѣры къ повышенію спеціальнаго образованія въ этой средѣ. Одна изъ такихъ мѣръ выразилась учрежденіемъ германской артилерійской школы стрѣльбы. За періодъ слишкомъ двадцатипятилѣтняго своего существованія названная школа принесла германской артилеріи громадную пользу. Она явилась не только проводникомъ новыхъ руководящихъ идей въ среду артилеріи, но—что гораздо важнѣе—стала постепенно развивать извѣстный нравственный стимулъ на офицерскіе корпуса

артилерійскихъ частей, значительно содѣйствуя спеціальной инспекціи въ поддержаніи образованія артилерійскихъ офицеровъ на высотѣ совершенствованій, непрерывно происходящихъ въ наукѣ и искусствѣ. И дѣйствительно, въ настоящее время прямое и косвенное вліяніе этой школы на дѣятельность артилерійскихъ офицеровъ даетъ себя чувствовать вполне осязательно; школа заставляетъ офицеровъ постоянно работать надъ самообразованіемъ, а, работая, они втягиваются въ трудъ и изучаютъ свое дѣло настолько основательно, насколько нужно, чтобы удовлетворить его требованіямъ. Каждый офицеръ германской артилеріи знаетъ, что ему предстоитъ въ теченіе своей службы три раза пройти школу: въ чинѣ младшаго поручика, въ чинѣ старшаго поручика—непосредственно передъ полученіемъ батареи—и въ чинѣ штабъ-офицера. Онъ знаетъ, что въ школѣ ему придется выказать свое спеціальное знаніе и умѣніе, дѣйствуя при трудныхъ условіяхъ обстановки, подъ строгимъ контролемъ знатоковъ дѣла, и что тамъ онъ встрѣтитъ властную и неотразимую критику, выражаемую не только словомъ, но и примѣромъ. Офицеръ сознаетъ, что въ школѣ его исполненіе будетъ подлежать сравненію съ образцовымъ исполненіемъ настоящихъ мастеровъ искусства; его самолюбіе поневолѣ возбуждается до крайнихъ предѣловъ и, въ предвидѣніи предстоящаго испытанія, понуждаетъ его постоянно слѣдить за успѣхами своей спеціальности, чтобы въ своемъ искусствѣ не отстать отъ требованій времени и не оказаться въ унижительномъ положеніи невѣжды по отношенію къ своему прямому професіональному дѣлу.

Такимъ образомъ, въ Германіи приходятъ къ сознанію, что та пора, когда военно-учебныя заведенія могли еще считаться способными снабжать своихъ воспитанниковъ запасомъ знанія и умѣнія, хватавшимъ на всю ихъ службу, миновали безвозвратно. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣрахъ, которыя проведены тамъ, это сознаніе обнаруживается довольно отчетливо. Но тутъ и нѣтъ ничего удивительнаго. Формы и способы веденія боя стали теперь крайне неустойчивыми, требуя постоянного обновленія и усовершенствованія. Между тѣмъ всякое практическое дѣло само по себѣ стремится придти къ равновѣсію, выражающемуся рутинною. Всѣ дѣятели, ничѣмъ не понуждаемые извнѣ, стремятся дѣлать сегодня только то, что дѣлали вчера, и что рассчитываютъ дѣлать завтра. Новыя поколѣнія офицеровъ, вступая на дѣйствительную службу въ дѣйствующія части, конечно, вносятъ туда послѣднее слово

науки, но для проведенія его въ жизнь у нихъ не хватаетъ надлежащаго умѣнія и опытности, а въ средѣ, въ которую вступаютъ, они не встрѣчаютъ къ тому никакихъ нравственныхъ побужденій. Напротивъ того, тутъ все новое наталкивается на непреодолимые препятствія и не только не поощряется, а угнетается. Ко всему этому, что такое само по себѣ пресловутое «послѣднее слово науки», и что остается отъ него черезъ какихъ-нибудь два-три года?.. Но если даже допустить, что это слово имѣло свою силу и не утратилось еще окончательно, то во всякомъ случаѣ оно уже успѣло устарѣть, требуетъ новыхъ толкованій и новыхъ дополненій. Такимъ образомъ одна изъ задачъ высшихъ руководящихъ инстанцій заключается въ томъ, чтобы заставить всѣхъ офицеровъ постоянно слѣдить за успѣхами того дѣла, служить которому они призваны, и работать надъ своимъ самообразованіемъ. Германская артилерія, какъ я сказалъ, весьма искусно пользуется въ этихъ цѣляхъ своею офицерскою артиллерійскою школою стрѣльбы, постоянно увеличивая ея значеніе и расширяя ея матеріальныя средства. Надо надѣяться, что предстоящее и въ принципѣ уже рѣшенное преобразование нашей артиллерійской школы стрѣльбы создастъ изъ нея не только средство къ пріобрѣтенію артиллерійскими офицерами необходимаго для нихъ знанія и умѣнія, но также и сильный стимулъ къ тому. При этомъ сопоставленіи нельзя упускать изъ вида, что, помимо артиллерійской школы стрѣльбы, въ германской артилеріи есть нѣчто, дѣйствующее непосредственно, систематически и методически, дѣйствующее по линіи наименьшаго сопротивленія, мощно и неуклонно. Это нѣчто— есть инспекція, компетентная и честная. Къ сожалѣнію, она обыкновенно ускользаетъ отъ вниманія постороннихъ наблюдателей, подобно слону въ Крыловской баснѣ «Любопытный».

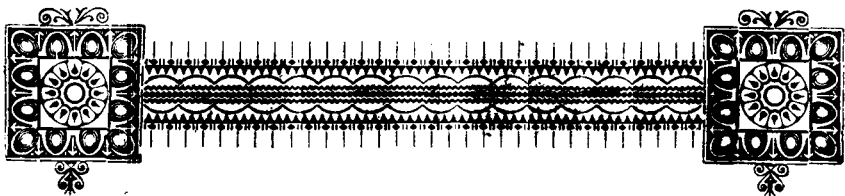
Въ итогѣ всего мною сказаннаго получается слѣдующій общій выводъ. Отождествляя знаніе съ наукою, а умѣніе съ искусствомъ, можно сказать, что теорія есть душа науки, тогда какъ въ искусствѣ на первомъ планѣ стоитъ практическое исполненіе, иначе говоря, достигнутый успѣхъ или результатъ. Между представителями теоріи и практики всегда былъ, есть и будетъ извѣстный антагонизмъ. Причина этого антагонизма, или вѣрнѣе, разъединенія интересовъ не вызывается ни безпомощностью теоріи въ глазахъ практиковъ, ни невѣжествомъ практиковъ въ глазахъ теоретиковъ, а внушается почти безсознательнымъ чувствомъ, кото-

рое испытываютъ люди, имѣющіе притязаніе на одну и ту же вещь — на силу человѣческаго разума. Теоретикъ стремится развить эту силу, тогда какъ практикъ старается наилучшимъ способомъ примѣнить ее къ дѣлу и извлечь изъ нея наибольшую пользу. Такимъ образомъ противорѣчіе, яко бы существующее въ жизни между знаніемъ и умѣніемъ, способно возникать лишь на почвѣ недомыслія, истинное же знаніе всегда уживается съ истиннымъ умѣніемъ, потому что между ними взаимное отрицаніе невозможно, такъ какъ сводится къ самоотрицанію.

Отъ военныхъ дѣятелей требуется высокая степень знанія и умѣнія. Боевая дѣятельность ставитъ дѣйствія каждаго дѣятеля въ непосредственную зависимость отъ наблюденія, или отъ созерцанія, всегда сопровождающагося размышленіемъ. Размышлять не значитъ находить новыя и оригинальныя мысли, но значитъ всякое новое внѣшнее явленіе встрѣчать достаточно обильнымъ запасомъ асоціирующихся мыслей, другими словами, обильнымъ запасомъ знанія. Мысль притягиваетъ мысль и только у тѣхъ людей необходимыя мысли приходятъ кстати, у которыхъ онѣ уже роятся въ памяти. Память и размышленіе въ своемъ взаимодействіи даютъ то, что называется опытностью, и что представляетъ источникъ всѣхъ цѣлесообразныхъ рѣшеній. Безъ памяти никакія умственные операціи невозможны; безъ памяти разумъ — царь безъ царства. При этомъ нельзя забывать, что люди знаютъ лишь столько, сколько могутъ удерживать въ памяти, и что подъемная сила памяти ограничена, а потому бесполезное и лишнее, попадая въ нее, не оставляетъ въ ней достаточно мѣста полезному и необходимому. Въ этомъ отношеніи извѣстная острога французскаго филолога Менажа психологически вѣрна: «я не читаю словарь Морери», говорилъ онъ, «потому что, обладая хорошею памятью, боюсь запомнить всѣ его ошибки». Умѣніе есть знаніе въ дѣйстви и въ своихъ низшихъ формахъ проявленія обращается въ механическія привычки и навыки, въ свою очередь выражающіеся, такъ называемою, мускульною памятью. Дѣло въ томъ, что знаніе устанавливаетъ правила дѣйствія, т. е. законы, связывающіе средства съ цѣлью, по мѣрѣ же приобрѣтенія, путемъ упражненій, привычекъ и навыковъ, эти правила переходятъ въ область безсознательнаго — изъ головного мозга въ нервныя центры низшаго порядка.

Итакъ: безъ знанія, нѣтъ умѣнія, а безъ умѣнія знаніе не можетъ явиться на свѣтъ.

А. Баумгартенъ.

Усовершенствованный образец пѣхотной лопаты.

(Съ чертежами).

Неудобства линемановской или, какъ ее чаще называютъ, малой лопаты, и въ работѣ и въ носкѣ, успѣли уже, конечно, достаточно выясниться за длинный рядъ лѣтъ пользованія ею. Дѣлались, и даже неоднократно, попытки замѣнить ее инструментомъ, болѣе отвѣчающимъ своему назначенію, но ни одинъ изъ предложенныхъ и испытывавшихся образцовъ принять не былъ. Вопросъ остается по прежнему открытымъ. Между тѣмъ скорѣйшее разрѣшеніе его было бы весьма желательнымъ.

Главное затрудненіе здѣсь является въ томъ, что съ одной стороны нужно бы увеличить длину черенка и поверхность лотка, не уменьшая, разумѣется, ихъ прочности, а съ другой—вѣсъ долженъ остаться тотъ же, т. е. приблизительно въ $2\frac{1}{4}$ фунта. Опыты замѣны обыкновенной стали металомъ болѣе легкимъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ еще не привели. Трудно ожидать, чтобы они были удачны и въ ближайшемъ будущемъ.

Успѣхъ работы линемановской лопатой чрезвычайно малъ.

Хотя при расчетахъ его и принимаютъ почти всегда $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ того, который получается при большой, саперной,—такое отношеніе дано во всѣхъ справочныхъ изданіяхъ,—но въ дѣйствительности, если ввести необходимую поправку на число людей, эту цифру слѣдуетъ уменьшить по крайней мѣрѣ въ два раза. Не нужно забывать, что при пользованіи первой—смѣну необходимо дѣлать черезъ каждые $1-\frac{1}{2}$ часа, а при второй—только черезъ

2—4 часа, причемъ отдыхъ долженъ продолжаться столько же ¹⁾). Такимъ образомъ, если при сравненіи взять самыя невыгодныя для послѣдней данныя, то все-таки окажется, что, когда работа продолжается не болѣе 2—4 часовъ, то саперною можно выбросить *въ три раза* больше земли, чѣмъ малой. Иначе, чтобы сохранить отношеніе въ $\frac{2}{3}$, придется удвоить число рабочихъ.

Что это такъ — нисколько неудивительно. Кубическій объемъ грунта, который можно захватить на лотокъ въ $42\frac{1}{8}$ кв. дюйма, составитъ меньше половины того, который помѣстится на $77\frac{1}{2}$ кв. дюймахъ, такъ какъ во второмъ случаѣ не только площадь основанія кучки, но и высота ея будетъ больше. Кромѣ того опытъ показываетъ, что линемановской лопатой рыть гораздо труднѣе, хотя комки, вынимаемые ею, легче. Это-то и дѣлаетъ разницу въ успѣхѣ настолько ощутительной, какъ мы видѣли выше. Дѣйствительно, недостаточная длина черенка заставляетъ, въ особенности при высокому ростѣ, принимать самыя неудобныя и даже неестественныя позы, чтобы только какъ-нибудь изловчиться и работать. Если попробовать стоя, приходится согнуться въ три погибели; черезъ нѣсколько минутъ начинаетъ ломить спина. Если стать на колѣни, сѣсть на землю или лечь, наконецъ, уменьшается удобство и сила размаха и нельзя помогать ногой, т. е. нажимать ею на край лотка, что при твердомъ грунтѣ является часто необходимымъ.

Въ походѣ малая лопата также вызываетъ излишнее утомленіе.

Грузъ, который она изъ себя представляетъ, не великъ, конечно, и не въ немъ тутъ дѣло: саперная вѣситъ вдвое больше. Но что крайне неудобно, такъ это пригонка черенкомъ внизъ: при каждомъ шагѣ солдатъ получаетъ ударъ по ляжкѣ, въ единственномъ числѣ малоощутительный правда, но во множественномъ къ концу перехода, на примѣръ, дающій-таки себя чувствовать. О томъ, насколько эти шлепки беспокоятъ при движеніи бѣгомъ, ужъ и не говоримъ.

Недавно удалось намъ познакомиться съ одной весьма на нашъ взглядъ удачной попыткой выработать для пѣхоты образецъ лопаты, которая, повидимому, не будетъ имѣть недостатковъ, существующихъ линемановской. Передѣлана же она можетъ быть изъ по-

¹⁾ Страница 17-я отдѣла III Справочной книги для инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ. «Наставленіе для войскового окопнаго дѣла» въ § 18 даетъ другія цифры: именно, 20—30 минутъ и 1—3 часа. Соотношеніе остается приблизительно такое же.

слѣдней, что, конечно, опять-таки составляетъ ея достоинство, такъ какъ позволяетъ обзавестись ею при минимальныхъ затратахъ.

Дать описаніе ея считаемъ самымъ удобнымъ именно теперь, передъ маневрами. Возможно, что въ какой-нибудь части и пожелаютъ сдѣлать сравнительное испытаніе. Не сомнѣваемся, что оно привело бы къ результатамъ самымъ положительнымъ, которые уже успѣли обнаружиться тамъ, гдѣ его производили. Въ денежномъ же отношеніи опытъ обошелся бы крайне дешево. Передѣлка одного или, точнѣе сказать, перваго экземпляра вмѣстѣ съ приспособленіемъ для носки стоила изобрѣтателю ¹⁾ всего только 40 копѣекъ. Впослѣдствіи онъ изготовилъ еще 12 штукъ, которыя и могъ бы, какъ мы уполномочены о томъ заявить, предоставить въ распоряженіе интересующихся дѣломъ съ обязательствомъ только вернуть по минованіи надобности.

Вообще, что практично, то обыкновенно бываетъ просто. Сущность предложенія, о которомъ идетъ рѣчь, также никакой особой замысловатостью не отличается.

Причина большинства недостатковъ линемановской лопаты—невозможно короткій черенокъ ея. Размѣрами его обуславливается и излишняя усталость при работѣ (рычагъ о черезчуръ маломъ плечѣ, страшно утомительное положеніе корпуса при этомъ), и неудобство въ носкѣ (удары по ногѣ). Желая устранить и то и другое, необходимо его увеличить. Замѣнить палку болѣе длинной, но не менѣе прочной, и тѣмъ ограничиться—возрастетъ вѣсъ солдатской ноши. Чтобы избѣгнуть и этого, нужно попробовать изъ какихъ-нибудь двухъ предметовъ обихода одинъ изъять совсѣмъ, а оставшійся приспособить такимъ образомъ, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ выполнять оба назначенія. Такъ капитанъ Киселевъ и сдѣлалъ.

Къ лотку обыкновенной, принятой въ пѣхотѣ, лопаты онъ взялъ черенокъ (березовый или ясеневый, стоимостью при единичной выдѣлкѣ въ 12—15 копѣекъ), при которомъ вся длина ея получилась въ 38 дюймовъ вмѣсто прежнихъ 20³/₈ д., т. е. только на 5¹/₂ дюймовъ меньше саперной. Плечо рычага увеличилось на полтора фута. Явилась возможность, работая стоя, не такъ гнуть спину и помогать при выемкѣ грунта ногой, какъ это всегда дѣлаютъ землекопы. И то, и другое, и третье ведутъ къ одному и тому же: къ сбереженію силъ.

¹⁾ Капитанъ 1-го Понтоннаго баталіона И. И. Киселевъ.

Если теперь нѣсколько передѣлать существующій уже чахолъ, т. е. зашить наглухо нижнее его отверстіе ¹⁾ и взамѣнъ крышки, которую слѣдуетъ отпороть, прикрѣпить два кожаные клапана для застегиванія ²⁾, что обойдется также въ 10—15 копѣекъ, да добавить плечевой ремешокъ съ двумя пряжками, цѣною около 15-ти копѣекъ, то и способъ носки можетъ быть примѣненъ тотъ, который установленъ для нижнихъ чиновъ инженерныхъ войскъ. Практичность его не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Она доказана довольно-таки продолжительнымъ опытомъ и не только мирнаго, но и военного времени.

Теперь объ увеличеніи вѣса и объ устраненіи вызываемаго этой причиной неудобства.

Лопата капитана Киселева, вмѣстѣ съ чахлою и ремешкомъ, тяжелѣе линемановской, съ ея приспособленіемъ для носки, всего лишь на 52 золотника. Большая же длина первой позволяетъ дать ей попутно еще и другое назначеніе: а именно, замѣнить ею полную, т. е. уже сложенную изъ двухъ половинокъ (та изъ нихъ, на которой имѣется жестяное гнѣздо для шпенька, вѣситъ 54 золотника, замѣтимъ это) стойку походной палатки. Для этого нужно только прикрѣпить къ ней особую (деревянную) наставку длиною въ 12 дюймовъ и вѣсомъ въ 36 золотниковъ: она шпенькомъ входитъ въ дыру, высверленную въ головкѣ черенка.

Въ общемъ получается, что изъ двухъ солдатъ тотъ, который выйдетъ въ строй съ новой лопатой, но уже, конечно, безъ половины палаточной стойки, будетъ обремененъ совершенно также, какъ былъ и при старой; ноша же того, кому придется нести наставку, облегчится даже на нѣсколько золотниковъ.

Вотъ, для сравненія, нѣсколько цифръ ³⁾.

	Полная длина лопаты съ черенкомъ въ дюйм.	Длина черенка въ дюймахъ.	Поверхность лотка въ квадратъ дюймахъ.	Вѣсъ лопаты съ черенкомъ въ фунт. и золотн.	Вѣсъ чахла въ золотникахъ.	Вѣсъ плечевого ремня съ пряжками въ золотн.	Общій вѣсъ лопаты съ приспособленіемъ для носки въ фунт. и золотникахъ.
I. Саперная лопата . . .	43½	33½	77½	4—52	70	12	5—38
II. Лопата Линемана . . .	20¾	13	42¼	2—34	40	—	2—74
III. Лопата капитана Киселева	38	30¾	42¼	2—89	29	10	3—32 ⁴⁾

¹⁾ Въ которое въ настоящее время пропускается торчащій внизъ черенокъ линемановской лопаты. ²⁾ Какъ это сдѣлано на чахлѣ сапернаго образца. ³⁾ Данные относительно лопаты саперной и линемановской взяты изъ сочиненія генерала Блденченки «Руководство къ приему и храненію инженернаго имущества», изд. 1894 г. ⁴⁾ Вѣсъ наставки сюда не включенъ, конечно, такъ какъ ее долженъ носить тотъ человѣкъ, у котораго нѣтъ лопаты.

Рисунки настолько ясны и просты, что комментарий почти не требуютъ.

На фигурѣ 1-й изображена лопата Линемана, а на фиг. 2-й—капитана Киселева, рядомъ съ послѣдней показана наставка такимъ образомъ, что видны оба ея шпенька: верхній, на который надѣвается полотнище палатки, и нижній, который въ такомъ случаѣ долженъ входить въ дыру черенка. Послѣдняя обозначена пунктиромъ, равно какъ и то выточенное въ основаніи наставки чашкообразное углубленіе, которое тогда охватываетъ верхнюю часть ея закругленной головки.

На фигурахъ 3-й и 4-й можно видѣть способы пригонки и носки, нынѣ принятый и предлагаемый, на фигурѣ 5-й—часть походной палатки, стойки которой замѣнены лопатами.

Въ заключеніе два слова объ опытахъ.

Произведенные самимъ изобрѣтателемъ совмѣстно съ нѣкоторыми другими лицами выяснили, что при малыхъ выемкахъ успѣхъ работы лопатами капитана Киселева и саперными, несмотря на разный размѣръ лотковъ тѣхъ и другихъ, одинаковъ. Объясняется это тѣмъ, что хотя первая выбрасываетъ за одинъ разъ земли меньше, за то несетъ меньшій и грузъ: значить, ею можно дѣйствовать быстрѣе. Каждый размахъ требуетъ не столь сильнаго напряженія; слѣдовательно, въ единицу времени можно сдѣлать ихъ больше. Но, конечно, долго идти наравнѣ нельзя. Частыя колебанія корпуса и ускоренныя движенія рукъ сами по себѣ вызываютъ лишнее утомленіе.

Дальше оказывается, какъ этого и слѣдовало ожидать изъ сопоставленія приведенныхъ выше въ таблицѣ цифръ, что при обыкновенныхъ условіяхъ лопата капитана Киселева занимаетъ среднее мѣсто между линемановской и саперной, и по успѣху работы, а также и по той продолжительности ея одною смѣной, которую можно допустить. Во всѣхъ положеніяхъ—стоя, сидя, на колѣняхъ—рыть ею удобнѣе, чѣмъ нынѣ принятой пѣхотной, но лежа—удобнѣе послѣднею.

Не довольствуясь этимъ, изобрѣтатель, желая знать мнѣніе тѣхъ, для кого собственно и предназначалось его предложеніе, передалъ, съ любезнаго разрѣшенія начальствующихъ лицъ, изготовленные имъ 12 экземпляровъ въ одинъ изъ полковъ 22-й дивизіи. Тамъ имъ было произведено двойное испытаніе: въ работѣ и въ носкѣ на строевыхъ ученіяхъ. Первое дало приблизительно тѣ же результаты. Второе было также удачно. И офицеры и, что

не менѣе убѣдительно, нижніе чины признали способъ пригонки настолько хорошимъ, что по словамъ послѣднихъ при немъ скрадывалась разница въ вѣсѣ. Какъ мы видѣли выше, послѣдней въ сущности и не будетъ или, лучше сказать, будетъ, но въ другую сторону, когда надѣто полное походное снаряженіе. Тогда общій вѣсъ ноши даже уменьшится на нѣсколько золотниковъ.

Совмѣстимо ли, скажутъ, такое двойное назначеніе: лопата, она же и палаточная стойка? Какъ выходить на работу,—такъ, значить, и бивакъ разорять?

Таакое соображеніе не кажется намъ особенно существеннымъ.

Ну, и что же? Люди уйдутъ на позицію, а на это время весь нехитрый скарбъ ихъ останется тамъ же, гдѣ и былъ, прикрытый тѣми же полотнищами, которыя, какъ и раньше, отъ дождя его защитятъ. Вернутся—и черезъ пять минутъ все будетъ восстановлено. Неудобства въ этомъ не видимъ.

Весьма было бы интересно, если бы кто-нибудь взялъ на себя починъ произвести лопатамъ капитана Киселева испытаніе на предстоящихъ маневрахъ, т. е. при самой подходящей для того обстановкѣ, когда оно могло бы быть всестороннимъ. Онѣ по нашему мнѣнію имѣютъ за собой будущность.

Изобрѣтатель полагаетъ, что при массовой передѣлкѣ, полного комплекта на роту или на баталіонъ, напримѣръ, одна штука обойдется не дороже 20—25 копѣекъ.

Если же, во избѣжаніе затратъ, ограничиться имѣющимися у него 12-ю готовыми экземплярами, то онъ, какъ мы уже сказали, охотно предоставитъ ихъ въ распоряженіе каждаго, кто пожелалъ бы взять на себя такой трудъ.

Если бы намъ лично привелось когда производить испытаніе двумъ типамъ лопатъ съ цѣлью опредѣлить относительный успѣхъ работы при пользованіи каждымъ изъ нихъ, мы бы, для бѣльшей точности и достовѣрности выводовъ, сдѣлали это такъ.

Сперва, раздавъ одинаковому числу солдатъ инструментъ того и другого образца, мы бы построили два участка какого-нибудь окопа, для стрѣльбы стоя, напримѣръ. Что при томъ оказалось—записали бы, конечно. Потомъ, послѣ надлежащаго отдыха, собрали бы людей, *и непремѣнно тѣхъ же самыхъ*, приказали бы имъ *обмѣняться лопатами* и произвести опять *ту же работу* и, чтобы встрѣтиться съ тѣмъ же грунтомъ, то лишь отступя на шагъ назадъ или же продвинувшись настолько же впередъ. Такимъ образомъ элементъ случайности, зависящій отъ разницы въ силѣ, лов-

кости и пригодности каждаго отдѣльнаго человѣка къ землекопному дѣлу, былъ бы устраненъ; отношеніе среднихъ ариметическихъ дало бы окончательный результатъ, весьма близкій къ абсолютной величинѣ.

На маневрахъ обстоятельства не всегда позволяютъ, разумѣется, прибѣгнуть къ описанному болѣе точному способу. Полагаемъ, однако, что могутъ быть случаи, когда примѣнить его удастся. Если придется гдѣ-либо возводить полевое укрѣпленіе, редутъ или люнетъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, требуетъ нѣсколькихъ часовъ, то въ это время свободной отъ работъ ротѣ, конечно, можно успѣть вырыть одними и тѣми же людьми, гдѣ-нибудь въ сторонѣ или сзади, два параллельныхъ ровика въ аршинъ глубиною и столько же по дну. Даже такъ: окончить одинъ, основательно отдохнуть и тогда уже исполнить вторую половину задачи.

Н. Кнатовичъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Утобы не возвращаться болѣе къ самымъ отчетамъ товарищества, мы здѣсь укажемъ на то, что накладные расходы по завѣдыванію дѣлами товарищества намъ кажутся нѣсколько большими, такъ какъ составляютъ около 4,5⁰/₀—5,5⁰/₀ валоваго расхода (отъ 1,100 руб. до 1,600 руб.) и стоятъ каждому участнику отъ 65 коп. до 90 коп. въ годъ, что нельзя не признать значительнымъ для веденія переписки по дѣламъ товарищества, состоящаго менѣе чѣмъ изъ 2,000 человекъ. Затѣмъ, обращаетъ на себя вниманіе также значительная потеря, понесенная товариществомъ на курсѣ тѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены капиталы товарищества. По отчетамъ его, за время съ 1-го іюля 1898 г. по 1-е іюля 1900 г. списано въ расходъ такой потери, въ общей сложности, на сумму 1,500 рублей при капиталѣ максималномъ въ 48,000 рублей (а среднемъ—въ 43,5 т. р.), что составляетъ 3,2⁰/₀ ихъ номинальной стоимости. Можно предположить, что товарищество не держитъ своихъ капиталовъ въ наиболѣе устойчивыхъ процентныхъ бумагахъ, каковы, напримѣръ, государственная рента, 4¹/₂⁰/₀ консоли или 4¹/₂ внутренней заемъ 1893 года, пониженіе курса которыхъ за означенный періодъ времени не превышало 2⁰/₀. Не лишнимъ будетъ также принять въ соображеніе то обстоятель-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1901 г. № 6.

ство, что небольшіе денежныя капиталы въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей выгоднѣе помѣщать даже подъ частныя ипотечныя обязательства (закладныя крѣпости), которыя приносятъ въ настоящее время не менѣе 8⁰/₁₀ въ годъ, при полной гарантіи капитала. Хотя такой способъ наращенія товарищескихъ капиталовъ доставить нѣсколько больше хлопотъ завѣдующему дѣлами товарищества, въ виду необходимости подыскивать вѣрное помѣщеніе для капитала, но это небольшое неудобство съ лихвою будетъ вознаграждено несравненно бѣльшимъ процентомъ на капиталъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ упомянуть о тѣхъ спорныхъ вопросахъ, которые могутъ быть возбуждены неточностью и неясностью нѣкоторыхъ положеній самаго устава товарищества взаимопомощи. Такъ въ § 1 устава сказано, что пособіе выдается «лицамъ или учрежденіямъ, кои будутъ указаны въ заявленіи умершихъ участниковъ товарищества для погребенія ихъ и на первоначальную помощь ихъ семьямъ». Отсюда можно придти къ заключенію, что товарищество не желаетъ стѣснять своихъ членовъ въ ихъ правѣ распоряженія пособіемъ. Но въ виду того, что уставъ точно указываетъ назначеніе пособія и говоритъ, что оно выдается съ опредѣленною лишь цѣлью, именно: покрыть расходы на погребеніе и дать первоначальную помощь семьямъ скончавшихся, то лица, которыя принадлежать къ составу семьи умершаго участника, или же понесли расходы на его погребеніе, могутъ требовать выдачи пособія отъ товарищества для себя, хотя бы они и не были указаны въ заявленіи покойнаго. При возникновеніи гражданскаго спора на этой почвѣ, умѣлое веденіе дѣла со стороны наслѣдниковъ умершаго можетъ привести къ тому, что товарищество будетъ поставлено судомъ въ обязанность, на основаніи § 1 его же устава, выдать пособіе именно наслѣдникамъ, хотя бы оно и было уже выплачено, согласно заявленію умершаго, другимъ лицамъ. Хотя во 2-мъ примѣчаніи къ § 5 и сказано, что «за mogućія случиться по вскрытіи пакета недоразумѣнія относительно лицъ и учрежденій, коимъ предназначается выдача пособій, товарищество отвѣтственности не несетъ», но эта оговорка чрезвычайно неясна, такъ какъ здѣсь не указано, передъ кѣмъ и какой именно отвѣтственности товарищество не несетъ. А между тѣмъ, выдача пособія семьѣ умершаго участника въ тѣхъ случаяхъ, напримѣръ, когда семья эта существуетъ лишь формально, а всѣ симпатіи и добрыя чувства умершаго участника находятся на сторонѣ другихъ, близкихъ и дорогихъ ему, лицъ, хотя бы и не за-

регистрованныхъ въ качествѣ семьи его, но упомянутыхъ въ заявленіи, было бы, во-первыхъ, крупною несправедливостью, а во-вторыхъ, не соответствовало бы волѣ участника, которая въ этомъ случаѣ не должна быть чѣмъ бы то ни было стѣсняема въ выборѣ рѣшенія.

Государство можетъ еще, при выдачѣ пенсіи, признавать себя обязаннымъ только передъ формальною семьею пенсіонера, а не дѣйствительною, потому что оно даетъ пенсію изъ своихъ средствъ; но товарищество взаимопомощи, черпающее свои средства отъ самихъ участниковъ, не можетъ лишать ихъ права распоряжаться своими деньгами, выдаваемыми въ видѣ пособія, какъ имъ угодно. Поэтому, намъ кажется, что въ § 1 не слѣдовало бы вовсе упоминать о назначеніи пособія, а ограничиться однимъ только указаніемъ, что оно выдается лицамъ и учрежденіямъ по назначенію умершихъ участниковъ въ ихъ заявленіяхъ. Далѣе, между §§ 2 и 4 существуетъ непримиримое противорѣчіе. По силѣ § 2 въ товарищество могутъ вступать только лица, состоящія на дѣйствительной службѣ, тогда какъ § 4 опредѣляетъ величину вступного взноса и для офицеровъ, состоящихъ въ запасѣ или отставкѣ. Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ указаніе § 4 должно быть выпущено, такъ какъ въ § 2 слишкомъ категорически подчеркнуто желаніе товарищества разрѣшить доступъ въ свою среду только лицамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ; но на самомъ дѣлѣ, казалось бы, не представляется достаточныхъ оснований преграждать доступъ въ товарищество запаснымъ офицерамъ, если только они не старѣе 30-ти лѣтъ отъ роду. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить также то обстоятельство, что въ первоначальномъ уставѣ разрѣшалась уплата вступного взноса по частямъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ въ новомъ изданіи устава эта разсрочка не допускается. Кажется намъ, что система разсрочекъ должна быть, вообще, проводима въ возможно полномъ объемѣ, такъ какъ онѣ замѣтно облегчаютъ пользованіе услугами товарищества, а къ этой именно цѣли товарищество должно стремиться всѣми силами. Далѣе, въ § 13 ограничено право на полученіе пособія шестимѣсячнымъ срокомъ со дня вступленія въ товарищество (въ первоначальномъ уставѣ — трехмѣсячнымъ). Противъ этого въ сущности ничего возразить нельзя, хотя подобное ограниченіе въ корнѣ расходится съ идеею товарищества взаимной помощи, гдѣ каждый участникъ считается равноправнымъ съ момента своего вступленія въ товарищество, и точно такъ же, какъ

и другія особенности организаціи С.-Петербургскаго товарищества взаимопомощи, приближаетъ его къ типу страховыхъ обществъ. Введено оно съ цѣлью затормозить вступленіе въ товарищество такихъ лицъ, которые цѣлые годы не принимали никакого участія въ тягостяхъ членовъ товарищества, т. е. не платили въ кассу его никакихъ денегъ, а заболѣвъ серьезно и трудно-лѣчимую болѣзнию, поспѣшили, въ предчувствіи близкаго конца, вступить въ товарищество, чтобы доставить, благодаря такому пріему, своей семьѣ большую выгоду за счетъ товарищества. Хотя такой эгоизмъ и долженъ быть караемъ (въ данномъ случаѣ—потерю взносов), но намъ кажется, что это наказаніе должно распространяться лишь на тѣхъ, которые, прослуживъ нѣсколько лѣтъ не записываясь въ товарищество, вступили въ него завѣдомо больными; наслѣдникамъ же лицъ, вступившихъ въ товарищество вполне здоровыми и случайно умершихъ ранѣе истеченія шестимѣсячнаго срока, слѣдовало бы выдавать, если и не полную сумму пособия, то нѣкоторую его часть, или, по крайней мѣрѣ, возвращать ихъ взносы. Въ противномъ случаѣ можетъ произойти такая нежелательная случайность, что тяжело заболѣвшій офицеръ, только поэтому вступившій въ товарищество и пробывшій въ немъ шесть мѣсяцевъ и одинъ день, оставитъ своей семьѣ полное пособіе, а здоровый участникъ, который имѣлъ всѣ шансы на долгую жизнь и рассчитывалъ долго платить въ кассу товарищества, но случайно умеръ черезъ пять мѣсяцевъ и 29 дней по вступленіи въ него, не оставитъ своимъ близкимъ никакого пособія. И если уже устанавливать различіе въ выдачѣ пособія въ зависимости отъ продолжительности пребыванія въ товариществѣ, то слѣдовало бы, въ видахъ бѣдшей справедливости, установить нѣкоторую послѣдовательность въ размѣрахъ выдаваемого пособія. Такъ, напримѣръ, право на пособіе въ 1,000 рублей можно было бы обусловить участіемъ въ товариществѣ въ теченіе трехъ лѣтъ *minimum*; за участникомъ же, пробывшимъ менѣе трехъ лѣтъ, но болѣе одного года, можно было бы признать право лишь на $\frac{1}{2}$ пособія, а если бы онъ сдѣлалъ не болѣе шестимѣсячныхъ взносовъ, то только на $\frac{1}{4}$ пособія. Такое ограниченіе правъ участниковъ товарищества могло бы, дѣйствительно, во-первыхъ, обезвредить вступленіе въ товарищество такихъ лицъ, которые ищутъ только своей личной выгоды явно во вредъ товариществу и, во-вторыхъ, замѣнить собою медицинское освидѣтельствованіе состоянія здоровья вступающихъ, которое во всѣхъ страховыхъ обществахъ примѣняется къ страхователямъ обязательно.

Таковы замѣчанія о частичныхъ и неимѣющихъ особаго значенія несовершенствахъ устава С.-Петербургскаго товарищества взаимопомощи. Но, кромѣ нихъ, онъ заключаетъ въ себѣ весьма существенные, по нашему мнѣнью, недостатки, изъ которыхъ одни подрываютъ жизнеспособность самаго товарищества, а другіе, безъ достаточнаго основанія, узаконяютъ несправедливое обложеніе однихъ участниковъ въ пользу другихъ.

Къ числу первыхъ мы относимъ, прежде всего, непонятную для насъ тѣсную связь между товариществомъ взаимопомощи и экономическимъ обществомъ офицеровъ гвардейскаго корпуса. Если бы эта связь возлагала на оба учрежденія одинаковыя права и обязанности, тогда съ этимъ еще можно было бы примириться; но дѣло въ томъ, что экономическое общество извлекаетъ весьма существенную для себя пользу отъ участниковъ товарищества взаимопомощи, хотя съ своей стороны ровно никакихъ матеріальныхъ обязательствъ по отношенію къ товариществу взаимопомощи не несетъ. Въ самомъ дѣлѣ, товарищество открываетъ экономическому обществу, во-первыхъ, весьма широкій кредитъ и притомъ такой, въ которомъ проценты за пользованіе капиталомъ назначаются по неограниченному усмотрѣнію и распоряженію дебитора, въ данномъ случаѣ экономическаго общества. По силѣ § 28 устава «всѣ суммы товарищества могутъ быть обращены на пріобрѣтеніе паевъ экономическаго общества», а § 30 устава возлагаетъ на правленіе общества наблюденіе и распоряженіе дѣлами товарищества. Не имѣя подъ руками устава экономическаго общества, мы не можемъ судить, въ чемъ заключаются права правленія общества, перечисленные въ 12-ти пунктахъ § 30 устава товарищества взаимопомощи, но судя по тому, что на особое лицо возлагается только *ближайшее* завѣдываніе дѣлами товарищества, которое входитъ въ составъ правленія общества съ правомъ голоса лишь по вопросамъ, касающимся товарищества, можно предположить, что рѣшеніе вопроса о наивыгоднѣйшемъ помѣщеніи капиталовъ товарищества принадлежитъ правленію экономическаго общества. Отсюда ясно, что при нуждѣ въ деньгахъ для своихъ оборотовъ экономическое общество имѣетъ полную возможность получить эти деньги изъ кассы товарищества взаимопомощи, даже въ размѣрахъ полной наличности этой кассы ¹⁾. На

¹⁾ Изъ баланса экономическаго общества на 1-е января 1901 г. («Листокъ», № 72) видно, что всѣ суммы товарищества находятся, дѣйствительно, въ распоряженіи экономическаго общества, причемъ 10% этихъ суммъ состоитъ изъ наличныхъ денегъ.

какихъ условіяхъ это позаимствованіе можетъ состояться и какой процентъ экономическое общество должно платить товариществу, въ уставѣ ничего не говорится, а вѣдь нельзя отрицать возможности такихъ случаевъ, что пай экономическаго общества не дадутъ никакого дивиденда, а слѣдовательно капиталы товарищества никакой пользы ему не принесутъ въ данномъ году. Правда, изъ отчетовъ товарищества видно, что въ паяхъ экономическаго общества заключается весьма незначительная часть товарищескихъ капиталовъ, всего только 1,000 руб., но намъ кажется, что слѣдовало бы точнѣе опредѣлить, въ какихъ именно случаяхъ и чѣмъ распоряженіемъ капиталы товарищества могутъ быть употребляемы на покупку паевъ экономическаго общества. Во-вторыхъ, для приобрѣтенія права на вступленіе въ товарищество необходимо быть или членомъ, или годовымъ подписчикомъ экономическаго общества. Мы не знаемъ, съ какими матеріальными затратами сопряжено участіе въ экономическомъ обществѣ на правахъ членовъ его, но для подписчиковъ оно связано съ ежегоднымъ платежемъ 2-хъ рублей, какъ видно изъ 2-го примѣчанія къ § 21 устава товарищества взаимопомощи. Несомнѣнно, что для тѣхъ подписчиковъ, которые не живутъ въ Петербургѣ и не могутъ пользоваться услугами экономическаго общества, этотъ 2-хъ-рублевый взносъ имѣетъ значеніе спеціальнаго взноса ради вступленія только въ товарищество взаимопомощи; другими словами, за свое участіе въ товариществѣ они уплачиваютъ, кромѣ ежемѣсячныхъ взносовъ, еще по 2 рубля каждый годъ. Но эти деньги вовсе не поступаютъ въ суммы товарищества, какъ видно изъ устава его; они остаются въ кассѣ экономическаго общества. Не имѣя свѣдѣній о томъ, какіе участники товарищества состоятъ годовыми подписчиками экономическаго общества, мы не можемъ опредѣлить, какіе убытки теритъ товарищество взаимопомощи благодаря тому, что деньги, вносимыя нѣкоторыми участниками исключительно съ цѣлью открыть себѣ доступъ въ него, въ дѣйствительности въ его кассу не поступаютъ, но мы можемъ сказать, что въ общемъ оно теряетъ не мало. Такъ, напримѣръ, если годовой подписчикъ пробудетъ въ числѣ участниковъ товарищества 35 лѣтъ, то онъ потеряетъ 150 рублей, внесенныхъ имъ въ кассу экономическаго общества и, конечно, на такую же сумму понесетъ убытокъ и товарищество. Казалось бы болѣе правильнымъ эти подписныя деньги направлять въ кассу товарищества, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они вносятся членами товарищества,

живущими внѣ Петербурга и ничѣмъ не пользующимися отъ экономическаго общества.

Другой существенный недостатокъ устава товарищества заключается въ томъ, что оно въ § 16 не останавливается передъ большимъ рискомъ, принимая на себя обязательство выплачивать семьямъ участниковъ пособия и въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть послѣднихъ произойдетъ отъ эпидемическихъ болѣзней, и не предоставляя себѣ права повышать, при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, страховыя преміи (ежемѣсячные взносы) съ участниковъ. Вѣдь, всѣ расчеты товарищества составлены въ томъ предположеніи, что жизнь его участниковъ будетъ протекать при нормальныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого, эпидемическая болѣзнь можетъ въ корнѣ нарушить всѣ расчеты, такъ какъ смертность среди людей, во время эпидеміи, не только повышается, но, что особенно важно, не поддается почти никакому учету и, слѣдовательно, не можетъ быть заключена въ точныя статистическія цифры. Она измѣняется въ зависимости отъ массы случайныхъ причинъ: отъ силы эпидеміи, отъ санитарныхъ условій данной мѣстности, отъ размѣровъ потребленія жизненныхъ припасовъ въ данномъ словѣ населенія и отъ многихъ другихъ; поэтому никогда нельзя опредѣлить, даже приблизительно, какъ отразится эпидемія на смертности населенія въ данномъ мѣстѣ. Если страховыя общества и принимаютъ на себя обязательство выплачивать застрахованныя суммы, не повышая премій, и въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть страхователя произошла отъ эпидемической болѣзни, то, во-первыхъ, страховое общество рассчитываетъ свои преміи такъ, что онѣ приносятъ ему, вообще, большія прибыли, частицею которыхъ можно и поступиться изрѣдка, а во-вторыхъ, кліенты страховыхъ обществъ находятся повсемѣстно, и благодаря этому эпидемія, свирѣпствующая въ одномъ мѣстѣ, не можетъ отразиться замѣтно на смертности среди всѣхъ кліентовъ общества, а оказываетъ свое вліяніе только на смертность среди небольшой, сравнительно, ихъ части, живущей въ данномъ мѣстѣ. Между тѣмъ платежи въ товариществѣ взаимопомощи рассчитаны, какъ мы видѣли выше, далеко не такъ щедро, чтобы оно могло ожидать отъ этихъ расчетовъ какой-либо для себя выгоды: хорошо еще, если они не принесутъ убытка, а, во-вторыхъ, почти всѣ кліенты товарищества живутъ въ одномъ городѣ и, во всякомъ случаѣ, сосредоточены на очень небольшомъ пространствѣ земли. Ясно отсюда, что даже незначительная эпидемія въ Петербургѣ и его окрестно-

ствяхъ должна оказать замѣтное вліяніе на увеличеніе смертныхъ случаевъ среди участниковъ товарищества, и оно очень легко можетъ оказаться несостоятельнымъ. Отказаться же отъ выдачи пособій товарищество, само собою разумѣется, не можетъ, поэтому въ такихъ случаяхъ оно должно обращаться къ обычному приему складчинныхъ товариществъ, то есть увеличивать, на все время эпидеміи, взносы своихъ участниковъ въ предѣлахъ, конечно, крайней необходимости. Такое увеличеніе можетъ быть устанавливаемо только общимъ собраніемъ членовъ товарищества. А такъ какъ время появленія эпидеміи никѣмъ не можетъ быть точно опредѣлено и указано, то судить объ этомъ можно лишь по увеличившейся смертности среди участниковъ товарищества и окружающаго населенія. Поэтому завѣдывающему дѣлами товарищества должно быть вмѣнено въ обязанность созывать экстренное общее собраніе въ томъ случаѣ, когда смертность среди товарищей внезапно превыситъ опредѣленную норму, на примѣръ, 20 человекъ pro mille, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать общему собранію докладъ о необходимости увеличить взносы съ участниковъ въ размѣрахъ дѣйствительной потребности ¹⁾). Конечно, всѣ могущіе произойти остатки отъ поступившихъ увеличенныхъ взносов должны быть занесены въ счетъ текущихъ нормальныхъ платежей по прекращеніи эпидеміи, то есть когда смертность понизится до обыкновенныхъ размѣровъ.

Наконецъ, послѣдній недостатокъ устава, обусловливающій причиненіе убытковъ товариществу, состоитъ въ весьма искусственномъ подраздѣленіи капиталовъ его на расходный и запасный. Въ различныхъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ расходный и запасный капиталы и образуются различно и имѣютъ,

¹⁾ Такъ какъ величина средняго взноса въ товарищество равна въ настоящее время, приблизительно, 20-ти рублямъ, то при смертности въ 20 человекъ съ тысячи всѣ поступившіе отъ участниковъ взносы пойдутъ полностью на уплату текущихъ пособій. Всякій смертный случай сверхъ 20-ти причинитъ товариществу уже прямой убытокъ, потому что въ этомъ случаѣ пособие будетъ выплачено уже изъ запаса, сдѣланнаго въ прежніе годы. Вотъ почему смертность въ 20 человекъ съ тысячи мы считаемъ не опасною и не выходящею изъ предѣловъ нормы въ теченіе первыхъ 15-ти лѣтъ существованія товарищества. Само собою разумѣется, что черезъ 15—20 лѣтъ даже нормальная смертность въ товариществѣ будетъ выше 20-ти человекъ pro mille, такъ что въ то время необходимо будетъ опредѣлить новую цифру, разграничивающую смертность нормальную отъ повышенной вслѣдствіе эпидеміи. Эта цифра можетъ быть опредѣлена только путемъ вычисленія числа смертныхъ случаевъ по отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ участниковъ.

конечно, различное назначеніе въ зависимости отъ того, какими торговыми или промышленными операціями занимается данное предпріятіе, и кому оно принадлежитъ. Въ акціонерныхъ обществахъ промышленныхъ и, отчасти, торговыхъ запасный капиталъ предназначается исключительно на покрытіе убытковъ, могущихъ произойти въ данномъ операціонномъ году отъ какихъ-либо непредвидѣнныхъ причинъ, напимѣръ, вслѣдствіе обусловленнаго неурожаемъ вздорожанія сырья, которое не было своевременно заготовлено въ достаточномъ количествѣ при низкомъ уровнѣ цѣнъ, или вслѣдствіе стачки рабочихъ, или вслѣдствіе повышенія акциза, таможенныхъ пошлинъ, желѣзнодорожнаго тарифа и т. д. Въ запасный капиталъ отчисляется только извѣстный, и сравнительно небольшой, процентъ съ *чистой прибыли* (ст. 2169, т. X, ч. 1 св. зак.) и по отношенію къ расходному, то есть оборотному, капиталу онъ представляется мало замѣтною величиною. При обыкновенныхъ условіяхъ онъ остается неприкосновеннымъ и расходуетъ лишь по рѣшенію общаго собранія акціонеровъ, при заключеніи годоваго отчета, и только въ неудачные годы исключительно на пополненіе выяснившихся убытковъ. Въ предпріятіяхъ же, принадлежащихъ одному лицу, или товариществу не акціонерному (полному, или, даже, на вѣрѣ), между расходнымъ и запаснымъ капиталомъ не проводится столь рѣзкаго различія, такъ какъ всѣ капиталы находятся въ полномъ распоряженіи хозяина въ каждую данную минуту; хотя и въ такихъ предпріятіяхъ осторожный хозяинъ откладываетъ нѣкоторую часть прибыли «на всякій случай», не пускаетъ ее въ оборотъ и держитъ нетронутою до тѣхъ поръ, пока не придетъ черный день. Совсѣмъ другое назначеніе имѣетъ запасный капиталъ въ предпріятіяхъ страховыхъ, которыхъ, кстати сказать, бываютъ или взаимныя, или же акціонерныя, ибо требуютъ очень большого складочнаго капитала. Здѣсь не запасный, а именно расходный капиталъ представляетъ собою, сравнительно, небольшую часть всего общественнаго капитала, необходимую только для того, чтобы безъ всякой задержки общество могло выплачивать страховыя суммы потерпѣвшимъ страхователямъ; большая же часть капитала идетъ въ запасъ и обращается въ процентныя бумаги, такъ какъ главное ея назначеніе состоитъ не въ томъ, чтобы покрыть убытки неудачнаго операціоннаго года, а въ томъ, чтобы путемъ наращенія процентовъ на проценты возможно больше увеличивать общую массу капитала. Запасный фондъ такихъ предпріятій представляетъ собою не небольшую за-

пасную кладовую, куда откладываются излишки доходов на случай могущаго быть въ будущемъ несчастія, а есть фундаментъ всего предпріятія, обуславливающій въ хорошо организованныхъ, устойчивыхъ и старыхъ предпріятіяхъ притокъ денегъ въ кассу иногда въ большемъ даже размѣрѣ, чѣмъ возобновляемая и вновь заключаемая страхованія; другими словами, проценты съ запаснаго капитала даютъ обществу, по своей суммѣ, доходъ бблшій, чѣмъ всѣ страховыя преміи въ общей ихъ сложности.

Повидимому, такой же системы придерживается и С.-Петербургское товарищество, такъ какъ изъ отчета его видно, что наличными деньгами въ кассѣ находится всегда небольшая сумма отъ 1,000 до 5,000 рублей, необходимая для безостановочной выдачи пособій; всѣ же остальные деньги товарищества, дѣйствительно, помѣщены въ процентныя бумаги. Но дѣло въ томъ, что уставъ товарищества придаетъ запасному капиталу особое и чрезвычайно оригинальное назначеніе, благодаря чему обоимъ капиталамъ, расходному и запасному, ведутся особые счета, и они между собою не смѣшиваются, хотя и помѣщаются въ однѣхъ и тѣхъ же процентныхъ бумагахъ. Притомъ учредители товарищества, несомнѣнно, придавали большое значеніе запасному капиталу, и съ этою цѣлью ввели въ уставъ товарищества такія положенія, которыя вполне обезпечиваютъ быстрое увеличеніе его. Всѣ накладные расходы на содержаніе правленія товарищества, составляющіе, какъ мы видѣли выше, около 5% валового расхода, падаютъ исключительно на расходный капиталъ, а не распределяются, какъ бы слѣдовало по справедливости, между расходнымъ и запаснымъ капиталомъ пропорціонально ихъ величинѣ. Благодаря такой заботливости учредителей товарищества, запасный капиталъ растетъ очень быстро. За четыре года существованія общества онъ съ 6,500 руб. поднялся до 18,500 руб., т. е. на 182% и равняется теперь уже 60% расходнаго капитала, тогда какъ въ первомъ отчетномъ году (1897 г.) онъ былъ равенъ едва только 29% расходнаго капитала. Конечно, въ этомъ не было бы никакой бѣды, если бы запасный капиталъ С.-Петербургскаго товарищества имѣлъ то же назначеніе, какое придается ему во всѣхъ страховыхъ обществахъ. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ; преимущественное назначеніе запаснаго капитала въ товариществѣ взаимопомощи состоитъ въ томъ, что проценты, поступающіе съ него въ кассу товарищества, идутъ на уплату ежемѣсячныхъ взносовъ (т. е. страховыхъ премій) за тѣхъ участниковъ товарищества,

которые раньше другихъ вступили въ него (§ 19 устава). И этимъ правомъ воспользовались уже съ 1-го января 1900 года 10 чело-вѣкъ старѣйшихъ членовъ товарищества, пробывшіе, такимъ обра-зомъ, только три съ половиною года платными участниками его.

О значеніи этой мѣры для устойчивости товарищества можно судить по тому, что было сказано выше о запасныхъ капиталахъ страховыхъ предпріятій. Проценты съ запаснаго фонда въ первые годы жизни предпріятія, какъ мы видѣли, ни въ какомъ случаѣ не должны быть расходуемы на что бы то ни было, а должны идти на приращеніе этого же самаго фонда, такъ какъ естественный ростъ запаснаго капитала есть необходимое условіе жизнеспособности предпріятія. Выражаясь иносказательно, запасный капиталъ можетъ быть уподобленъ снѣжному кому, который катится сверху внизъ по отлогой плоскости, покрытой снѣгомъ. Для своего роста этотъ комъ не нуждается въ чьемъ-либо постороннемъ со-дѣйствіи: онъ катится самъ, силою тяжести, и самъ же по себѣ растеть, забирая по пути тотъ снѣгъ, по которому онъ скаты-вается. И не смотря на то, что при началѣ паденія, наверху горы, этотъ комъ былъ очень маленькимъ, внизъ онъ скатится уже, благода-ря налипшему снѣгу, огромнымъ и тяжелымъ. Въ примѣненіи къ разсматриваемому вопросу мы видимъ, что снѣжный комъ—это есть запасный капиталъ; снѣгъ же, устилающій путь снѣжнаго кома, есть ничто иное, какъ проценты на капиталъ. Если считать снѣгъ съ пути катящагося кома, то онъ упадетъ внизъ такимъ же маленькимъ, какимъ былъ на верху, при началѣ паденія. Если отнять проценты у запаснаго капитала, то онъ можетъ остаться такою же малозамѣтною величиною, какою былъ въ первые годы существованія общества. Отсюда видно значеніе процентовъ для запаснаго капитала въ страховыхъ предпріятіяхъ. Къ тому вре-мени, когда прогрессивно увеличивающаяся смертность среди участ-никовъ общества, въ особенности въ мало расширяющихся обще-ствахъ, достигнетъ своего максимальнаго предѣла, они должны довести этотъ капиталъ до такой величины, чтобы онъ свободно могъ покрыть тѣ огромные убытки, которые общество неизбежно будетъ нести въ этотъ періодъ своего существованія, потому что поступающихъ ежемѣсячныхъ взносовъ (премій) далеко не будетъ хватать для уплаты всѣхъ пособій (страховыхъ суммъ). Утилизи-руя теперь, при самомъ началѣ роста запаснаго капитала, всѣ по-ступающіе съ него доходы и тормозя тѣмъ самымъ его естествен-ный приростъ, С.-Петербургское товарищество обрекаетъ себя,

Что же касается несправедливаго обложенія однихъ участниковъ его въ пользу другихъ, о чемъ мы упоминали выше, то въ этомъ отношеніи мы имѣемъ въ виду постановленія § 22 и пункта а, § 25. Изъ содержанія ихъ совершенно ясно вытекаетъ, что право на пособіе для тѣхъ участниковъ товарищества, которые ушли на войну, чрезвычайно и безъ достаточныхъ основаній ограничивается, такъ какъ для этой надобности въ ихъ распоряженіе предоставляется лишь капиталъ военнаго времени. Правда, семь убитыхъ въ сраженіи и даже умершихъ на театрѣ войны отъ болѣзней получаютъ большую поддержку отъ государства и, слѣдовательно, могутъ обойтись безъ помощи товарищества, если только она причиняетъ товариществу убытокъ; но во всякомъ случаѣ эти семьи не должны быть лишены тѣхъ денегъ, которыя принадлежали ихъ отцамъ и находились въ капиталахъ товарищества. Вѣдь, всѣ участники товарищества, ушедшіе на войну, раньше вносили въ товарищество свои взносы и, можетъ быть даже, въ теченіе весьма продолжительнаго времени; изъ этихъ денегъ образовались значительныя суммы, въ сущности имъ принадлежація и составляющія собственность ихъ семей; съ какой же стати онѣ лишаются права на эти деньги и послѣднія остаются въ пользу товарищества? За что же наказывать ихъ такъ, какъ будто бы отцы ихъ, уходя на поле брани, въ чемъ либо провинились противъ устава товарищества? Намъ кажется, что безусловно справедливо было бы выдѣлять изъ капиталовъ товарищества всѣ тѣ суммы, которыя образовались изъ ежемѣсячныхъ взносовъ участниковъ, умершихъ на войнѣ, и эти суммы причислять къ капиталу военнаго времени, который и дѣлить по окончаніи войны между всѣми семьями, потерявшими своихъ работниковъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но для того, чтобы это можно было сдѣлать, товарищество должно теперь вести у себя особые лицевые счета для всѣхъ своихъ участниковъ и распредѣлять по этимъ счетамъ, пропорціонально ихъ величинѣ, весь доходъ съ капиталовъ товарищества, наросшій за истекшій годъ. Это необходимѣйшее условіе правильнаго веденія дѣлъ въ подобныхъ предпріятіяхъ должно служить не только для рѣшенія вопроса о правильномъ выдѣлѣ въ капиталъ военнаго времени той части суммъ общества, которая приходится на долю участниковъ, умершихъ на войнѣ, но и вообще дать возможность во всякое время имѣть точное и ясное представленіе о ходѣ дѣлъ общества. А что вести такіе счета въ товариществѣ, состоящемъ

всего только изъ 2,000 человекъ, не представить особыхъ затрудненій—объ этомъ нечего и говорить.

Разюмируя все сказанное нами о товариществѣ взаимопомощи при экономическомъ обществѣ офицеровъ гвардейскаго корпуса, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Товарищество построено по типу страховыхъ обществъ, и это служитъ гарантіею успѣшности его дѣйствій. Распрежденіе платежей между участниками сдѣлано правильно, не только соразмѣрно ихъ платежной силѣ, но вдобавокъ еще съ такимъ расчетомъ, чтобы смерть каждаго участника принесла наименьшій убытокъ оставшимся въ живыхъ товарищамъ. Хотя наиболѣе долговѣчные члены товарищества и могутъ понести нѣкоторый убытокъ, такъ какъ за 35 лѣтъ службы участника, вступившаго въ товарищество молодымъ, въ 20-ти-лѣтнемъ возрастѣ, общая сумма его платежей значительно превыситъ величину пособія и составитъ не менѣе 1,300 руб. при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ службы его, тѣмъ не менѣе, понизитъ величину ежемѣсячныхъ взносовъ въ настоящее время не представляется никакой возможности, потому что средній возрастъ участниковъ товарищества (40 лѣтъ) — очень высокъ и распрежденіе ихъ по возрастнымъ группамъ настолько неблагоприятно для товарищества, что средняя смертность его систематически повышается и, постоянно повышаясь, лѣтъ черезъ 15 — 20 дойдетъ до 25 — 28 чел. pro mille, несмотря на то, что естественная убыль участниковъ немедленно пополняется притокомъ молодыхъ силъ, и средній возрастъ участниковъ понемногу падаетъ. Изъ немногихъ промаховъ устава товарищества, въ общемъ хорошо составленнаго, наиболѣе существенными являются, во-первыхъ, изыятіе изъ товарищескаго капитала тѣхъ двухъ рублей, которые вносятся подписчиками экономическаго общества исключительно за право участія въ товариществѣ взаимопомощи, а во-вторыхъ, неправильное использование процентовъ, приносимыхъ запаснымъ капиталомъ. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени оба эти недостатка будутъ устранены, и тогда товарищество можетъ смѣло глядѣть въ будущее. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что хотя С.-Петербургское товарищество и приближается къ типу страховыхъ предпріятій, оно все же не рѣшилось широко открыть двери для всѣхъ желающихъ и, чтобы не нарушить равновѣсія своихъ операций, оно оказалось вынужденнымъ преградить доступъ къ себѣ такимъ лицамъ, которыя имѣютъ болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Благодаря этому ограниченію, товарищество имѣетъ ха-

рактерь замкнутого общества, и даже въ довольно тѣсныхъ рамкахъ: далеко не всякій нуждающійся можетъ найти въ немъ себѣ поддержку. Это обстоятельство, въ достаточной степени умяляющее благотѣльное значеніе товарищества, вызвано тѣмъ, что въ товариществѣ не вполнѣ послѣдовательно проведенъ принципъ повышенія платежей пропорціонально возрасту участника, вступающаго въ товарищество. Затѣмъ, и пособіе въ С.-Петербургскомъ товариществѣ выдается въ опредѣленномъ, для всѣхъ одинаковомъ и довольно ограниченномъ размѣрѣ 1,000 рублей. Если бы даже кто либо изъ участниковъ и пожелалъ обезпечить своимъ близкимъ болѣе существенное наслѣдство, путемъ, конечно, соотвѣтственнаго увеличенія ежемѣсячныхъ взносовъ, онъ этого, однако, не можетъ сдѣлать. Эти два весьма серьезныхъ и неизбѣжныхъ неудобства въ организациі товарищества взаимопомощи, даже наиболѣе совершеннаго, ясно показываютъ, что, въ видахъ лучшаго и болѣе полнаго обезпеченія офицерскихъ семействъ на случай преждевременной смерти ихъ кормильцевъ, безусловно необходимо создать такое товарищество, которое оперировало бы исключительно на началахъ взаимнаго страхованія. Такое товарищество должно быть, конечно, одно на всю Россію, и съ возникновеніемъ его будетъ радикально разрѣшенъ, назрѣвшій уже давно, вопросъ объ уравнивленіи баланса эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства, которая теперь чрезвычайно отягощена выдачею пенсій семействамъ пенсионеровъ. По этой именно причинѣ подобное товарищество, вѣроятно, встрѣтило бы серьезную поддержку со стороны правительства, благодаря содѣйствію котораго оно можетъ очень легко создать большой запасный капиталъ, не требуя для этого ни одного рубля изъ государственной казны и не обременяя излпшними платежами своихъ членовъ участниковъ. И мы убѣждены въ томъ, что рано или поздно, и вѣроятнѣе всего, что именно въ недалекомъ будущемъ, всѣ эти слабыя и не увѣренныя попытки къ обезпеченію офицерскихъ семействъ, которыя предпринимаются офицерами въ различныхъ округахъ по разнымъ образцамъ, будутъ объединены въ одномъ стройномъ и грандіозномъ товариществѣ взаимнаго страхованія офицеровъ русской арміи.

Статья наша была уже закончена, когда мы получили листокъ гвардейскаго экономическаго общества № 72, въ которомъ това-

рищество взаимопомощи постановило на разрѣшеніе товарищей нѣсколько важныхъ вопросовъ, возникшихъ при выдачѣ пособій, на основаніи дѣйствующаго устава, семьямъ офицеровъ, умершихъ на дальнемъ Востокѣ во время военныхъ дѣйствій въ Манчжуріи и Китаѣ. Вопросы эти слѣдующіе:

1) Считать ли офицеровъ, погибшихъ на дальнемъ Востокѣ, какъ погибшихъ на войнѣ, въ военное время?

Такъ какъ война не была объявлена Китаю официально, то въ данномъ случаѣ товарищество обязано выдавать пособія на основаніи тѣхъ только положеній устава, которыя имѣютъ силу именно въ мирное время; другими словами, обязано выдавать 1,000 рублевое пособіе изъ расходнаго капитала. Тѣмъ не менѣе, въ уставѣ товарищества понятіе «военнаго времени» опредѣлено такимъ признакомъ, что это даетъ товариществу полную возможность снять съ себя обязанность выдавать пособіе въ 1,000 руб. семьямъ офицеровъ, умершихъ на дальнемъ Востокѣ; именно: въ п. а, § 25 и въ § 27 ясно сказано, что выдача пособій изъ капитала военнаго времени обуславливается исключительно однимъ только фактомъ — состояніемъ участника въ моментъ его смерти, въ составѣ мобилизованной части, идущей въ походъ, или же находящейся въ районѣ военныхъ дѣйствій. А такъ какъ всѣ части войскъ, оперировавшія на дальнемъ Востокѣ, были мобилизованы, то юридически товарищество имѣетъ полное право не выдавать пособія изъ расходнаго капитала семьямъ тѣхъ офицеровъ, которые умерли на дальнемъ Востокѣ, какъ въ самомъ Китаѣ, такъ и на пути въ Китай, т. е. на морѣ, или въ Сибири. Но вопросъ, конечно, заключается не въ томъ только, чтобы быть юридически правымъ, а преимущественно въ томъ, чтобы быть нравственно правымъ, т. е. справедливымъ. Поэтому намъ кажется, что его слѣдуетъ рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ различно, въ зависимости оттого, какъ его рѣшаетъ государство при выдачѣ пенсій семействамъ офицеровъ, скончавшихся на дальнемъ Востокѣ. Если государство считаетъ ихъ умершими на войнѣ и выдаетъ ихъ семьямъ все то, что положено къ выдачѣ семьямъ офицеровъ, умершихъ именно на войнѣ, то товариществу взаимопомощи нѣтъ никакого резона быть слишкомъ щедрымъ для однихъ товарищей въ убытокъ другимъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что огульное рѣшеніе жизненныхъ вопросовъ рѣдко бываетъ правильнымъ, если при рѣшеніи конкретныхъ случаевъ не принимаются въ соображеніе особенности, свойственныя именно данному случаю.

Вслѣдствіе этого, отъ всѣхъ лицъ, которыя указаны въ заявленіяхъ офицеровъ, умершихъ на дальнемъ Востокѣ, необходимо потребовать дополнительныя свѣдѣнія о томъ, пользуются ли они особымъ призрѣніемъ со стороны государства, т. е. получаютъ ли они полную, узаконенную для нихъ, пенсію государственную и эмеритальную, причемъ полученіе пособія должно быть обусловлено доставленіемъ этихъ свѣдѣній. И если лица, указанные въ заявленіи покойнаго товарища, пользуются особымъ покровительствомъ государства, то, опираясь на свое формальное право, товарищество не должно выдавать въ данномъ случаѣ ординарнаго пособія: имъ слѣдуетъ выдавать пособіе только изъ капитала военнаго времени; если же эти лица такимъ покровительствомъ государства не пользуются, то, основываясь на своей нравственной обязанности поддержать человѣка, который былъ дорогъ и близокъ покойному товарищу и ради котораго онъ принялъ участіе въ товариществѣ, оно должно выдавать имъ 1,000 рублевое пособіе изъ расходнаго капитала, такъ какъ война, офиціально, все же объявлена не была.

2) Какимъ путемъ опредѣлить, кто изъ офицеровъ участниковъ былъ командированъ на Востокъ, сколько времени состоялъ тамъ и вернулся, или нѣтъ, такъ какъ ихъ взносы должны поступать въ капиталъ военнаго времени?

Въ листкѣ экономическаго общества необходимо сдѣлать нѣсколько публикацій о томъ, чтобы всѣ, безъ исключенія, участники товарищества, присылая мѣсячныя взносы, доставили въ товарищество также свѣдѣнія, удостовѣренныя ихъ начальствомъ, не находились ли они въ командировкѣ на дальнемъ Востокѣ, и если находились, то когда именно и какъ долго. Участники, живущіе внѣ С.-Петербурга, должны быть, сверхъ того, извѣщены объ этомъ еще особою повѣсткою, адресованною черезъ начальство. Затѣмъ, при посылкѣ, на основаніи § 20 устава, извѣщенія о просрочкѣ мѣсячныхъ взносовъ, слѣдуетъ, во-первыхъ, адресовать его черезъ начальство, а во-вторыхъ, вновь подтвердить въ этой повѣсткѣ запросъ о томъ, не состоялъ ли просрочившій участникъ въ командировкѣ на дальнемъ Востокѣ. Само собою разумѣется, что льготный срокъ для командированныхъ на дальній Востокъ долженъ быть значительно увеличенъ, хотя бы до шести мѣсяцевъ. Затѣмъ, намъ кажется, что если только первый вопросъ будетъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ предположено его рѣшеніе выше въ п. 1, то всѣ взносы офицеровъ, командированныхъ на

дальній Востокъ и оставшихся въ живыхъ, слѣдуетъ зачислять въ расходный капиталъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, многія пособія будутъ выданы именно изъ этого капитала, и къ тому же изъ капитала военнаго времени пособія будутъ выдаваться тѣмъ, кто мало въ нихъ нуждается вообще и, слѣдовательно, не придастъ особаго значенія лишней сотнѣ рублей.

3) Когда считать войну на Востокъ оконченной—теперь, или нѣтъ?

Несомнѣнно, что война можетъ считаться оконченною лишь тогда, когда для военнотружущаго устранена всякая возможность умереть отъ непріятельскаго оружія, или отъ болѣзни, вызванной тягостями боевой и походной жизни. Поэтому, и въ данномъ случаѣ необходимо дожидаться того момента, когда Китай будетъ совершенно умиротворенъ, и всѣ части войскъ на дальнемъ Востокѣ будутъ приведены на мирное положеніе и возвратятся на мѣста постоянныхъ стоянокъ.

4) Какимъ путемъ создать новый капиталъ на случай войны?

Вопросъ настолько обширный и сложный, что рѣшить его вкратцѣ—невозможно. Наиболѣе дѣйствительной мѣрой, по нашему мнѣнію, было бы отчисленіе опредѣленной части процентовъ, получаемыхъ товариществомъ съ принадлежащихъ ему капиталовъ. Но этимъ средствомъ слѣдуетъ пользоваться чрезвычайно осмотрительно, чтобы не подорвать устойчивости самого товарищества.

5) а) слѣдуетъ-ли взносы участниковъ, находящихся на войнѣ, зачислять въ капиталъ военнаго времени?

б) слѣдуетъ-ли, вообще, требовать мѣсячные взносы отъ участниковъ, находящихся на войнѣ?

Само собою разумѣется, что платежи обязательны для всѣхъ участниковъ товарищества во всякое время, находятся-ли они на войнѣ, или нѣтъ; иначе, товарищество, съ наступленіемъ войны, должно будетъ ликвидировать свои дѣла и прекратить свою дѣятельность не только на все время войны, но и вообще, такъ какъ съ наступленіемъ мирнаго времени придется начинать все дѣло сызнава. Вѣдь, по смыслу § 20 устава, невзносъ мѣсячныхъ платежей имѣетъ характеръ отказа отъ участія въ товариществѣ, и нѣтъ никакихъ основаній измѣнять смыслъ и значеніе этого положенія устава только потому, что былъ изданъ манифестъ о войнѣ. Всѣ участники должны сами заботиться о своевременности взно-

совъ, но, конечно, льготный срокъ для военнаго времени не можетъ быть оставленъ 4-хъ-мѣсячнымъ.

Въ капиталъ военнаго времени должно зачислять взносы тѣхъ лишь участниковъ, которые умерли на войнѣ; для чего необходимо вести постоянно особые счета для каждаго участника. Не слѣдуетъ забывать, что семьи офицеровъ, умершихъ на войнѣ, получаютъ отъ государства все, что только можетъ выслужить офицеръ, и слѣдовательно, нельзя ради нихъ обезсилить тотъ капиталъ, который долженъ покрывать нужды людей, получающихъ отъ государства очень мало, или даже и совсѣмъ ничего.

П. Заустинскій.

Массовая перевозка войскъ и военныхъ грузовъ между Иркутскомъ и Срѣтенскомъ лѣтомъ и осенью 1900 года.

(Со схемою).

Политическія осложненія на дальнемъ Востоку, неожиданно возникшія въ началѣ іюня прошлаго 1900 года, вызвали необходимость быстро перебросить въ предѣлы Приамурскаго военнаго округа и пограничныхъ съ нимъ китайскихъ провинцій значительное количество войскъ и военныхъ грузовъ. Часть тѣхъ и другихъ была перевезена изъ Европейской Россіи морскимъ, давно уже протореннымъ, путемъ. Другая часть, въ составъ которой вошли, кромѣ сибирскихъ, и нѣкоторыя войска, а также огромное количество грузовъ изъ Европейской Россіи, была направлена великимъ, но молодымъ еще, Сибирскимъ желѣзнымъ путемъ; такимъ образомъ, желѣзной дорогѣ черезъ Сибирь довелось сослужить первую серьезную службу общегосударственнаго значенія гораздо ранѣ доведенія ея до желаннаго конца.

Естественно, что наибольшія затрудненія вызвала организація передвиженія войскъ къ востоку отъ Читы и Срѣтенска, гдѣ желѣзнымъ путемъ нельзя было пользоваться вовсе, наименьшія—перевозка на участкѣ отъ Челябинска до Иркутска, какъ почти вполнѣ уже подготовленномъ.

Средній участокъ—между Иркутскомъ и Срѣтенскомъ—къ началу усиленнаго воинскаго движенія оказался готовымъ лишь вчернѣ; кромѣ того, на немъ войсковымъ эшелонамъ и грузамъ пришлось преодолѣвать весьма серьезное препятствіе, какимъ яви-

лось озеро Байкаль, вполне заслуживающее по свойствам своимъ наименованіе «моря», какъ всегда называютъ его мѣстные жители.

Въ отношеніи воинскаго движенія, пробнымъ камнемъ для участка Иркутскъ—Срѣтенскъ явилась перевозка запасныхъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ изъ губерній Сибирскаго округа одновременно съ мобилизаціей войскъ Приамурскаго округа, которая была объявлена 12-го іюня. Эти запасные, въ количествѣ около 17,000 человекъ, были перевезены въ промежутокъ между 15-мъ іюня и 10-мъ іюля. Несмотря на довольно большую абсолютную цифру людей, перевезенныхъ за этотъ срокъ, эта перевозка не дала, однако, возможности сдѣлать почти никакихъ выводовъ, которые могли бы послужить, какъ руководящія, для организаціи ожидавшагося на участкѣ послѣ 15-го іюля массоваго движенія войскъ. Главныхъ причинъ этого было двѣ: во-первыхъ, матеріаломъ для этой перевозки послужили только люди, т. е. элементъ, представляющій для его передвиженія несравненно менѣ затрудненій, чѣмъ лошади и разнаго рода повозки до орудій и зарядныхъ ящиковъ включительно; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, эта перевозка запасныхъ не потребовала усиленія пропускной и провозной способности дороги, такъ какъ для ея исполненія оказалось достаточнымъ отправлять одинъ воинскій поѣздъ въ сутки, да и то не ежедневно.

Кромѣ указаннаго количества запасныхъ нижнихъ чиновъ, въ тотъ же, какъ бы подготовительный, періодъ между нѣкоторыми пунктами Забайкальской области были исполнены еще кое-какія небольшія воинскія перевозки. Наконецъ, еще во второй половинѣ іюня началось уже нѣсколько усиленное движеніе воинскихъ грузовъ въ товарныхъ поѣздахъ.

Между тѣмъ, уже одновременно съ мобилизаціей Приамурскаго округа, были назначены и готовились къ отправленію на дальній Востокъ нѣкоторыя строевыя части войскъ изъ числа расположенныхъ въ Европейской Россіи. Оттуда же подготовлялись къ отправленію огромные транспорты всевозможныхъ воинскихъ грузовъ. Наконецъ, 10-го іюля была объявлена мобилизація войскъ Сибирскаго военнаго округа, какъ результатъ которой предстояла перевозка на востокъ значительнаго количества войскъ и новыхъ тысячъ запасныхъ.

Въ общемъ, начиная уже съ 26-го іюля, въ Иркутскѣ ожидалось ежесуточное прибытіе по три собственно войсковыхъ эше-

лона, не считая сотенъ тысячъ пудовъ воинскихъ грузовъ, двигавшихся въ товарныхъ поѣздахъ.

Такимъ образомъ, участку Иркутскъ—Срѣтенскъ великаго Сибирскаго пути предстояло выполнить трудную задачу, несмотря на полную его къ усиленной работѣ неподготовленность.

Средства его въ началѣ іюля представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

Участокъ Иркутскъ—Срѣтенскъ (см. схему), общимъ протяженіемъ 1,165 верстъ, состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей Забайкальской желѣзной дороги (61 и 1,034 версты), раздѣленныхъ воднымъ путемъ по озеру Байкаль между пристанями и станціями «Байкаль» и «Мысовая», длиною 70 верстъ.

Правильное пассажирское и товарное движеніе на Забайкальской желѣзной дорогѣ было открыто лишь 1-го іюля 1900 года (воинскія перевозки начались еще въ періодъ временнаго движенія); дорога была сдана управленію по эксплуатаціи съ значительнымъ количествомъ недодѣлокъ, въ число которыхъ входили столь важныя, какъ неоконченная балластировка нѣкоторыхъ участковъ пути и незаконченная укладка стрѣлокъ на нѣкоторыхъ остановочныхъ пунктахъ, за недоставленіемъ ихъ изъ Европейской Россіи.

При открытіи правильнаго движенія, считалось возможнымъ пропускать полторы пары поѣздовъ въ сутки, и на такое количество ихъ имѣлся въ наличности личный и подвижной составъ. Съ объявленіемъ мобилизаціи немедленно были приняты мѣры къ усиленію пропускной и провозной способности дороги, но, въ виду неимѣнія въ предѣлахъ Сибири стрѣлокъ и необходимаго подвижного состава, а также невозможности мѣстными средствами усилить личный составъ, пришлось ожидать прибытія того, другого и третьяго изъ Европейской Россіи.

До прибытія этихъ вспомогательныхъ средствъ, къ 15-му іюля было возможно, лишь при крайнемъ напряженіи, рассчитывать на двѣ съ половиной пары поѣздовъ, изъ которыхъ одна товаро-пассажирская; частью товаро-пассажирскаго поѣзда предполагалось воспользоваться для перевозки воинскихъ грузовъ; собственно для войсковыхъ эшелоновъ оставалось пока полтора поѣзда въ сутки.

На участкѣ воднаго пути Байкаль—Мысовая къ 15-му іюля единственнымъ средствомъ переправы былъ паромъ-ледоколъ «Байкаль», на которомъ считалось возможнымъ одновременно перевезти 25 груженныхъ вагоновъ и до 1,500 человекъ. Число рейсовъ

въ сутки, которое ледоколъ могъ бы совершать между пристанями «Байкаль» и «Мысовая», не было еще опредѣлено опытомъ, но завѣдывавшій переправой строитель ледокола предполагалъ возможнымъ рассчитывать на два оборотныхъ рейса въ сутки; въ зависимости отъ этого, впредь до выясненія на опытѣ, была предположена возможность передачи черезъ Байкаль ледоколомъ трехъ войсковыхъ эшелоновъ въ сутки, но при непремѣнныхъ условіяхъ: 1) что эти эшелоны будутъ лишь частью конскаго состава, и 2) безъ соблюденія принципа цѣлости эшелоновъ въ каждомъ отдѣльномъ рейсѣ. Изъ составныхъ элементовъ эшелоновъ наибольшія затрудненія вызывала перевозка лошадей и тяжелыхъ повозокъ, которыя могли быть перевозимы лишь *въ нарузку*—въ вагонахъ, наименьшія—люди и легкія повозки; тѣ и другія могли быть перевозимы *въ разрузку*—безъ вагоновъ, причемъ первые могли помѣщаться на наружной и внутренней палубахъ и даже въ трюмѣ, вторыя же—на наружной палубѣ.

Къ исполненію воинскихъ перевозокъ, какъ Забайкальская дорога, такъ и переправа черезъ Байкаль, были совершенно не подготовлены. Не только не имѣлось какихъ-либо точныхъ предварительныхъ расчетовъ, но и не было почти никакихъ для воинскаго движенія приспособленій и оборудованій, и личному составу были совершенно незнакомы правила, примѣняемыя при массовыхъ передвиженіяхъ войскъ.

Въ ожиданіи прибытія изъ Европейской Россіи вышеупомянутыхъ вспомогательныхъ средствъ, были приняты слѣдующія мѣры:

1) *На Забайкальской дорогѣ.* Ускорено открытіе намѣченныхъ ранѣе 17-ти разъѣздовъ и, кромѣ нихъ, еще открыто пять разъѣздовъ.

Для облегченія маневровъ при нарузкѣ воинскихъ эшелоновъ и грузовъ на ледоколы и баржи на станціи «Байкаль» и выгрузки ихъ на станціи «Мысовая», признано необходимымъ расширить эти станціи, для чего уложено на обѣихъ около 6-ти верстъ путей, съ производствомъ значительнаго количества земляныхъ работъ.

Кромѣ того, на десяти другихъ болѣе важныхъ станціяхъ, для увеличенія ихъ пропускной способности, уложено въ общей сложности до 11-ти верстъ путей.

Для нарузки и выгрузки войскъ на десяти станціяхъ построе-

ны специально воинскія и удлинены товарныя платформы, общей длиной до 500 сажень.

Для довольствія войскъ горячей пищей произведены дополнительные работы по улучшенію и оборудованію ранѣе открытых временныхъ продовольственныхъ пунктовъ на станціяхъ: «Петровский Заводъ» и «Чита», и вновь устроенъ и вполнѣ приспособленъ продовольственный пунктъ на станціи «Мысовая».

Въ видѣ вспомогательнаго средства на случай опозданія или задержки поѣздовъ между продовольственными пунктами, на пунктахъ этихъ—на станціяхъ «Мысовая», «Петровский Заводъ» и «Чита» распределены вагоны-кухни для посылки ихъ, въ случаѣ надобности, на встрѣчу воинскимъ поѣздамъ.

На 32-хъ станціяхъ устроены водогрѣйки для снабженія нижнихъ чиновъ кипяченой водой.

На 23-хъ станціяхъ построены временныя отхожія мѣста, частью бивачнаго типа на 10—20 очекъ каждое.

На станціяхъ «Мысовая», «Чита» и «Срѣтенскъ» устроены коновязи и желоба для водопоя лошадей. Кромѣ того, приспособленія для водопоя устроены на 11-ти другихъ станціяхъ съ такимъ расчетомъ, чтобы лошадей, перевозимыхъ на каждомъ поѣздѣ, можно было поить два раза въ день, утромъ и вечеромъ.

Приступлено къ быстрому изготовленію необходимаго по расчету количества приспособленій для двойнаго оборудованія крытыхъ вагоновъ.

За неимѣніемъ на дорогѣ сильныхъ источниковъ свѣта, для освѣщенія станціонныхъ платформъ и путей при нагрузкѣ, выгрузкѣ и довольствіи войскъ, выписаны изъ Европейской Россіи свѣтильники Уэльса.

Еще въ началѣ іюля былъ составленъ графикъ на 5¹/₂ паръ поѣздовъ (шесть четныхъ и пять нечетныхъ), но, при составленіи его, не была принята во вниманіе необходимость остановокъ воинскихъ поѣздовъ для довольствія людей горячей пищей. При приспособленіи этого графика для воинскаго движенія, для большей простоты и, слѣдовательно, возможной точности расчетовъ, на протяженіи отъ Мысовой до Срѣтенска (около трехъ сутокъ пути) довольствіе было намѣчено лишь въ трехъ пунктахъ: начальномъ—Мысовой и двухъ промежуточныхъ—Петровскомъ Заводѣ и Читѣ, и, сообразно съ этимъ, выработаны три смѣшанныхъ четныхъ расписанія для войсковыхъ поѣздовъ и четвертое для грузового поѣзда; принимая во вниманіе, что для воинскихъ перевозокъ могло

служить еще около половины почтово-пасажирскаго поѣзда, такое приспособленіе графика къ воинскому движенію допускало пропускъ до 4^{1/2} воинскихъ поѣздовъ въ сутки, изъ коихъ собственно войсковыхъ, т. е. для штатныхъ частей и нештатныхъ командъ—три поѣзда.

Подачу эшелоновъ изъ Иркутска на станцію «Байкаль» предположено производить примѣрно къ ежедневно мѣнявшемуся времени прибытія ледокола (см. ниже). Въ виду выясненія въ самомъ началѣ невозможности рассчитывать на правильность рейсовъ ледокола и необходимости использовать максимальную его перевозоспособность, пришлось исполнять перевозку войсковыхъ эшелоновъ между Иркутскомъ и Срѣтенскомъ безъ заблаговременно составляемыхъ, хотя бы даже въ Иркутскѣ, плановъ перевозки, дѣлая предположительные наряды лишь на два-три дня впередъ.

Въ виду недостатка личнаго состава, въ особенности въ рядахъ низшихъ агентовъ—линейной и мостовой стражи и кондукторскихъ бригадъ, и невозможности нанять требуемое число людей на мѣстѣ, было возбуждено ходатайство о командированіи для этой цѣли нижнихъ чиновъ, но исполненіе этой мѣры встрѣтило затрудненія.

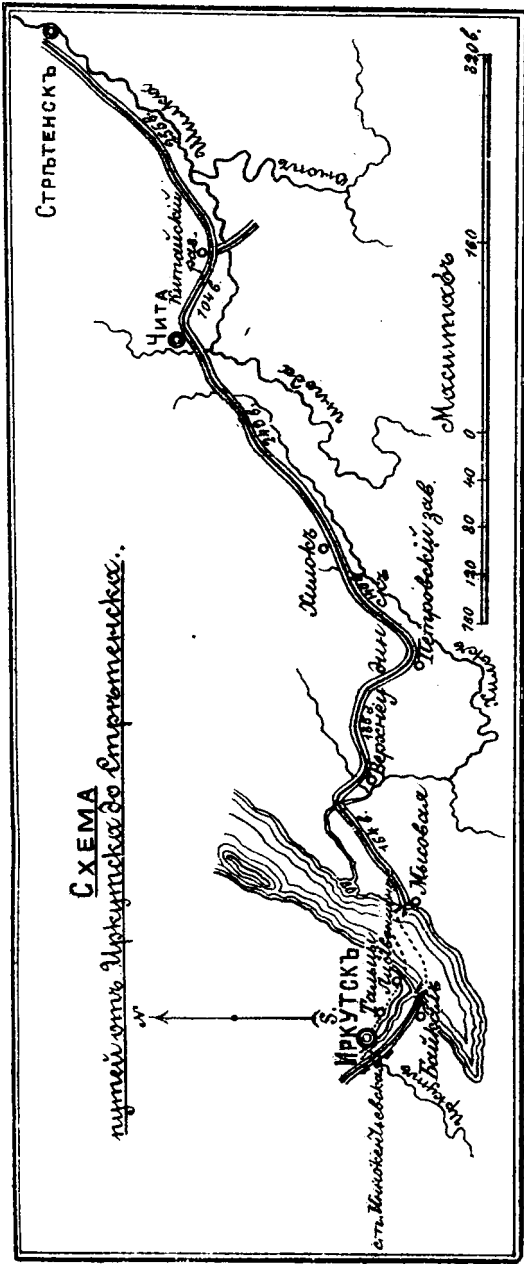
Въ видѣ вспомогательной мѣры, предположено (и было приведено въ исполненіе) привлекать къ несенію кондукторскихъ обязанностей грамотныхъ нижнихъ чиновъ изъ состава эшелоновъ; число такихъ нижнихъ чиновъ въ составѣ каждаго эшелона не должно было превышать опредѣленнаго процента; для нихъ отпечатана особая инструкція; въ послѣдствіи, впрочемъ, было командировано на дорогу нѣкоторое количество нижнихъ чиновъ спеціально на усиленіе кондукторскихъ бригадъ.

Наконецъ, въ предвидѣніи наступленія холоднаго времени, изъ Россіи затребованы вагоны теплушки.

2) *На переправѣ черезъ Байкаль.* Кромѣ имѣвшагося на лицо большого ледокола «Байкаль» и ожидавшагося на воду малаго «Ангара», администраціей переправы пріобрѣтены четыре баржи, подъемной силы до 7,000 пудовъ каждая. Сначала предполагалось возможнымъ приспособить эти баржи для перевозки повозокъ и лошадей, но въ дѣйствительности возить на нихъ лошадей не оказалось вовсе возможнымъ, а перевозку повозокъ ихъ устройство допускало въ столь небольшомъ количествѣ, что баржи эти были исключительно предоставлены для перевозки воинскихъ грузовъ, по составу ихъ преимущественно продовольственныхъ. Такимъ

СХЕМА

пути от Иркутска до Иркутска.

от Иркутска

220 в.

Масштабъ

180

0

40

80

120

160

200

220

240

260

280

300

320

340

360

380

400

420

440

460

480

500

520

540

560

580

600

620

640

660

680

700

720

740

760

780

800

820

840

860

880

900

920

940

960

980

1000

1020

1040

1060

1080

1100

1120

1140

1160

1180

1200

1220

1240

1260

1280

1300

1320

1340

1360

1380

1400

1420

1440

1460

1480

1500

1520

1540

1560

1580

1600

1620

1640

1660

1680

1700

1720

1740

1760

1780

1800

1820

1840

1860

1880

1900

1920

1940

1960

1980

2000

2020

2040

2060

2080

2100

2120

2140

2160

2180

2200

2220

2240

2260

2280

2300

2320

2340

2360

2380

2400

2420

2440

2460

2480

2500

2520

2540

2560

2580

2600

2620

2640

2660

2680

2700

2720

2740

2760

2780

2800

2820

2840

2860

2880

2900

2920

2940

2960

2980

3000

3020

3040

3060

3080

3100

3120

3140

3160

3180

3200

3220

3240

3260

3280

3300

3320

3340

3360

3380

3400

3420

3440

3460

3480

3500

3520

3540

3560

3580

3600

3620

3640

3660

3680

3700

3720

3740

3760

3780

3800

3820

3840

3860

3880

3900

3920

3940

3960

3980

4000

4020

4040

4060

4080

4100

4120

4140

4160

4180

4200

4220

4240

4260

4280

4300

4320

4340

4360

4380

4400

4420

4440

4460

4480

4500

4520

4540

4560

4580

4600

4620

4640

4660

4680

4700

4720

4740

4760

4780

4800

4820

4840

4860

4880

4900

4920

4940

4960

4980

5000

5020

5040

5060

5080

5100

5120

5140

5160

5180

5200

5220

5240

5260

5280

5300

5320

5340

5360

5380

5400

5420

5440

5460

5480

5500

5520

5540

5560

5580

5600

5620

5640

5660

5680

5700

5720

5740

5760

5780

5800

5820

5840

5860

5880

5900

5920

5940

5960

5980

6000

6020

6040

6060

6080

6100

6120

6140

6160

6180

6200

6220

6240

6260

образомъ, для перевозки собственно войсковыхъ эшелоновъ оставался одинъ ледоколъ «Байкаль», на которомъ, какъ сказано выше, сначала предполагалось возможнымъ перевозить до трехъ эшелоновъ въ сутки.

Для погрузки войскъ и повозокъ на большой ледоколъ построены особыя высокія платформы (высотой надъ станціонными путями до трехъ сажень) съ длинными пологими апарелями. Станціи и пристани «Байкаль» и «Мысовая» предполагено освѣтить электрическими дуговыми фонарями на высокихъ столбахъ, къ устройству которыхъ приступлено.

Вслѣдствіе трудности найти на мѣстѣ рабочія руки, возбуждено ходатайство о командированіи на станціи «Байкаль» и «Мысовая» двухсотъ нижнихъ чиновъ, въ качествѣ рабочихъ, для быстрой нагрузки и выгрузки передаваемыхъ черезъ Байкаль воинскихъ грузовъ.

Для руководства посадкой и высадкой войскъ и исполненія комендантскихъ обязанностей, на станціи и пристани «Байкаль» и «Мысовая» командированы особые опытные офицеры, на одного изъ которыхъ возложено общее руководство всей переправой черезъ Байкаль съ правами начальника узла, т. е. съ подчиненіемъ ему и агентовъ желѣзной дороги и переправы; обоимъ комендантамъ назначены помощники—также офицеры.

Выше было сказано, что для использованія полной перевозоспособности ледокола «Байкаль» первоначально было предполагено возможнымъ перевозить въ каждые два его рейса по три войсковыхъ эшелона, распредѣляя составные элементы каждаго эшелона между отдѣльными рейсами такъ, чтобы въ каждый рейсъ было перевезено максимальное возможное количество людей, лошадей и повозокъ. Такой теоретическій расчетъ былъ основанъ на предположеніи, что эшелоны разныхъ родовъ оружія (пѣхоты, кавалеріи и артилеріи) будутъ прибывать въ Иркутскъ равномерно; на самомъ дѣлѣ этого не случилось, и почти съ самаго начала стали прибывать въ значительномъ количествѣ эшелоны коннаго состава (Сибирской казачьей дивизіи), вызывавшіе наиболѣе затрудненій для переправы ихъ на ледоколѣ. Кромѣ того, смѣшиваніе и разчлененіе эшелоновъ, неизбѣжно нарушая удобство управленія ими и довольствія, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и лошадей,— вмѣстѣ съ тѣмъ, повлекло бы за собой необходимость—для возобновленія въ Мысовой цѣлости переправленныхъ по частямъ эшелоновъ — останавливать тамъ разныя перевезенныя части двухъ-

трехъ эшелоновъ, до подхода со слѣдующими рейсами остальныхъ ихъ частей, почему въ этомъ пунктѣ постоянно образовывалось бы нѣкоторое скопленіе людей и лошадей; между тѣмъ, условія «Мысовой», въ смыслѣ расквартированія и довольствія ожидающихъ частей, не представляли никакихъ удобствъ. Поэтому, при окончательной организаціи порядка переправы войскъ черезъ Байкаль, было рѣшено отказаться отъ нарушенія цѣлости эшелоновъ. Въ виду же необходимости, все-таки, пропускать возможно большее количество эшелоновъ, найдено возможнымъ нѣкоторые изъ нихъ, состоящіе преимущественно изъ людей съ небольшимъ количествомъ лошадей и обоза, — сдваивать, т. е. перевозить однимъ рейсомъ по два эшелона; такимъ способомъ, хотя ледоколъ въ общемъ и не дѣлалъ обѣщанныхъ строителемъ двухъ рейсовъ въ сутки, тѣмъ не менѣе, удавалось въ среднемъ перевозить на немъ ежедневно около двухъ эшелоновъ. Какъ выше сказано, лошадей можно было передавать только въ вагонахъ; не помѣщавшееся же на ледоколѣ количество платформъ съ нагруженнымъ на нихъ обозомъ приходилось разгружать и ставить повозки на палубу.

Что касается до скорости движенія ледокола между «Байкаломъ» и «Мысовой», то при первыхъ же рейсахъ выяснилось, что двухъ рейсовъ въ сутки дѣлать онъ не можетъ. Съ цѣлью имѣть какія-либо основанія для предварительныхъ расчетовъ перевозки эшелоновъ отъ «Мысовой» по желѣзной дорогѣ, завѣдывавшимъ передвиженіемъ войскъ было предложено строителю ледокола давать на нѣсколько дней впередъ предположительное росписаніе его рейсовъ; но на практикѣ быстро выяснилось, что на какую-либо правильность рейсовъ рассчитывать было трудно; общая продолжительность двухъ рейсовъ съ двумя остановками была опредѣлена: вмѣсто обѣщанныхъ до 15-го іюля 24-хъ часовъ, сначала въ 27, затѣмъ въ 29 и 30 часовъ, но въ общемъ даваемое впередъ росписаніе могло служить лишь для приблизительнаго расчета времени подачи поѣздовъ изъ Иркутска на Байкаль и отправленія ихъ изъ Мысовой; независимо постоянныхъ небольшихъ опозданій противъ проектированнаго росписанія, въ нѣсколькихъ случаяхъ, уже въ началѣ августа, имѣло мѣсто значительное опозданіе рейсовъ ледокола, доходившее почти до потери полного рейса.

Невозможность заранѣе рассчитать, какимъ росписаніемъ можно отправить изъ Мысовой эшелонъ, переправленный на ледоколѣ,

въ связи съ необходимостью задерживать его тамъ возможно меньше, привела къ установленію невозможности, при отправленіи эшелонѣвъ изъ Иркутска, выдавать имъ планъ перевозки на весь путь до Срѣтенска; съ цѣлью снабжать эшелоны подробными росписаніями ихъ движенія, съ указаніемъ пунктовъ продовольствія и водопоая, были отпечатаны на особыхъ листкахъ росписанія трехъ групповыхъ поѣздовъ, назначенныхъ для перевозки войсковыхъ эшелонѣвъ; при отправленіи ихъ съ «Мысовой», начальникамъ эшелонѣвъ выдавалось то росписаніе, на которое они дѣйствительно попадали; въ большинствѣ случаевъ это росписаніе соотвѣтствовало сдѣланному въ Иркутскѣ и сообщенному на линію предположительному маршруту эшелона, но часто приходилось переносить отправленіе эшелона и на слѣдующее росписаніе.

Какъ только практика первыхъ рейсовъ ледокола съ посаженными на немъ эшелонами выяснила дѣйствительную его провозную и пропускную способность, которая, какъ выше сказано, опредѣлилась равной въ среднемъ двумъ войсковымъ эшелонамъ въ сутки, т. е., значить, на цѣлый эшелонъ меньше, чѣмъ ежедневно, начиная съ 26-го іюля, прибывало ихъ въ Иркутскъ по Сибирской дорогѣ, немедленно были приняты мѣры для организаціи переправы черезъ Байкаль третьяго эшелона въ сутки.

Такъ какъ наибольшія затрудненія вызывала переправа эшелонѣвъ коннаго состава, а такіе эшелоны прибывали въ изобиліи и ожидались въ большомъ количествѣ и въ будущемъ, то и былъ изысканъ и приведенъ въ исполненіе новый способъ передачи черезъ озеро конныхъ эшелонѣвъ.

На основаніи свѣдѣній, собранныхъ относительно имѣвшихся на Байкалѣ перевозочныхъ средствъ (пароходовъ и баржей), принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, оказалось, что для перевозки лошадей было можно приспособить двѣ баржи морского типа, принадлежавшихъ пароходству Нѣмчинова; общая подъемная сила этихъ двухъ баржей съ буксировавшимъ ихъ пароходомъ была опредѣлена въ 130 лошадей и 50 повозокъ. Такъ какъ нагрузку этихъ баржей, по мѣстнымъ условіямъ, можно было производить только въ селеніи Лиственичномъ, расположенномъ сѣвернѣе выхода рѣки Ангары изъ озера Байкала, то не было возможности подвозить эшелоны въ пунктъ нагрузки по желѣзной дорогѣ, а пришлось вести ихъ отъ Иркутска походнымъ порядкомъ по тракту правымъ берегомъ рѣки Ангары, длиною 60 верстъ. Для довольствія эшелонѣвъ учреждены въ Лиственичномъ и другомъ, проме-

жуточномъ, селеніи Тальцинской особыя продовольственные пункты. Работы по приспособленію баржей и тракта для воинскаго движенія начались 1-го августа, а къ 6-му августа на баржахъ уже были устроены коновязи, вентиляція и другія необходимыя приспособленія для новаго ихъ назначенія, трактъ приведенъ въ исправное состояніе, продовольственные и ночлежные пункты оборудованы и снабжены продовольствіемъ и фуражемъ, и вообще путь совершенно готовъ. На пристань Лиственичную, для исполненія обязанностей коменданта, назначенъ особый офицеръ.

Пока происходила организація новаго пути на Лиственичное, въ Иркутскъ подходили по Сибирской дорогѣ все новые эшелоны; въ головѣ непрерывной цѣпи войскъ, двигавшихся на востокъ изъ Россіи, слѣдовали шесть эшелоновъ охранной стражи Восточно-Китайской желѣзной дороги, восемь эшелоновъ инженерныхъ войскъ (четыре желѣзнодорожныхъ, четыре саперныхъ, одна понтонная и одна телеграфная роты) и 17 эшелоновъ 3-й стрѣлковой бригады съ ея артилеріей и паркомъ. По мѣрѣ движенія этихъ частей по Сибири, струя ихъ сгущалась постепеннымъ приливомъ 29-ти эшелоновъ Сибирской казачьей дивизіи. Непосредственно за казаками двигались многочисленныя команды запасныхъ нижнихъ чиновъ Сибирскаго военнаго округа (второго призыва), всего около 16¹/₂ тысячъ, гвардейская скорострѣльная батарея и 28 эшелоновъ лошадей (болѣе четырехъ тысячъ), принадлежавшихъ въ большинствѣ разнымъ частямъ войскъ, отправленнымъ моремъ кругомъ Азіи; наконецъ, ожидали очереди отправленія мобилизованныя Сибирскіе полки: Иркутскій и Красноярскій, и нѣкоторыя другія части.

Головные эшелоны подошли къ Иркутску 17-го іюля, а, начиная съ 26-го іюля, ежедневно прибывало по три, иногда даже четыре эшелона. Такъ какъ за Байкаль, впредь до открытія пути на Лиственичное, можно было отправлять въ среднемъ лишь около двухъ эшелоновъ въ сутки, то въ Иркутскѣ естественно образовалось нѣкоторое скопленіе войскъ, скоро разрѣшить которое было тѣмъ труднѣе, что съ 30-го іюля по 7-е августа ежедневно подходили по два или по три эшелона коннаго состава (казаки и артилерія), сдваивать которые при переправѣ на ледоколѣ не было возможности. Здѣсь надо, впрочемъ, оговориться, что развитіе провозной способности переправы шло почти параллельно съ увеличеніемъ провозной способности Забайкальской дороги, на кото-

рую постепенно прибывалъ подвижной и личный составъ изъ Европейской Россіи, и, если бы скопленіе эшелоновъ не образовалось въ Иркутскѣ вслѣдствіе недостаточнаго развитія средствъ переправы черезъ Байкаль, то все-равно его было бы трудно избѣжать изъ-за невозможности перевезти по Забайкальской дорогѣ все количество войскъ и военныхъ грузовъ, которое подавалось Сибирской дорогой.

Постепенное накопленіе эшелоновъ въ городѣ Иркутскѣ, на станціи «Инокентьевской» (въ семи верстахъ отъ ст. «Иркутскъ» и въ пяти верстахъ отъ города) и окрестностяхъ ихъ началось 29-го іюля, когда число ихъ достигло восьми, увеличивалось постепенно до 18-ти эшелоновъ, въ какомъ размѣрѣ оставалось съ 9-го по 12-е августа и окончательно разрѣшилось 19-го августа, когда количество ожидавшихъ очереди отправленія эшелоновъ уменьшилось до шести, т. е. нормальнаго числа, при условіи ежедневнаго прибытія трехъ эшелоновъ и обязательности дневки для нихъ въ Иркутскѣ.

Прибывавшіе эшелоны распредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Въ виду крайней тѣсноты станціи «Иркутскъ», не допускающей продолжительной остановки на ней поѣздныхъ составовъ, а также и того, что запасы фуража были заготовлены на станціи «Инокентьевской», на послѣдней останавливались и дневали эшелоны коннаго состава, т. е. казачьи сотни, батареи и нештатные эшелоны лошадей; въ самомъ городѣ Иркутскѣ расквартировывались въ казармахъ и общественныхъ зданіяхъ, преимущественно городскихъ училищахъ, части пѣхоты и команды запасныхъ нижнихъ чиновъ; лошади и тяжести пѣхотныхъ эшелоновъ, по высадкѣ изъ поѣздовъ людей, подавались обратно на ст. «Инокентьевскую» и размѣщались на ней же, первыя на коновязяхъ, вторыя, безъ выгрузки, на запасныхъ путяхъ; въ періодъ наибольшаго скопленія исключеніе изъ этого общаго правила составили нѣсколько пѣхотныхъ эшелоновъ, расквартированные въ окрестныхъ деревняхъ, и одинъ казачій полкъ, размѣщенный въ городѣ на постоянныхъ дворахъ.

Довольствіе войскъ горячей пищей и хлѣбомъ производилось въ пунктахъ ихъ временнаго квартированія попеченіемъ мѣстнаго военнаго начальства.

Санитарное состояніе эшелоновъ, при остановкѣ ихъ въ Иркутскѣ и «Инокентьевской», было вполнѣ удовлетворительно. Нѣкоторыя опасенія вызвала возможность возникновенія между ло-

шадьми эпидеміи сапа, но къ счастью, благодаря принятымъ мѣрамъ и постоянному пребыванію на «Инокентьевской» ветеринарнаго врача, заболѣванія сапомъ не пошли далѣе нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ съ казачьими лошадьми, да и то лошади прибывали уже больными, по всей вѣроятности, съ пунктовъ посадки.

Образованіе временнаго скопленія войскъ въ Иркутскѣ навело на мысль, что, въ виду наличія за Иркутскомъ столь серьезнаго препятствія для воинскаго движенія, какимъ является озеро Байкаль, на которомъ часто бываютъ бури и непогоды, прекращающія на многіе часы, а часто и нѣсколько сутокъ, всякое сообщеніе черезъ озеро, было бы весьма полезно имѣть здѣсь остановочный пунктъ на значительное количество войскъ; въ связи съ образовавшимся уже на «Инокентьевской» накопленіемъ людей и лошадей, былъ сдѣланъ первый шагъ къ организациі здѣсь остановочнаго пункта, выразившійся въ распоряженіи построить тамъ бараки на 1,000 человекъ (въ дѣйствительности, изъ-за недостатка рабочихъ рукъ, эти бараки, начатыя постройкой въ концѣ августа, были закончены только въ исходѣ 1900 года).

Дальнѣйшее отправленіе эшелоновъ, послѣ остановки ихъ въ Иркутскѣ, производилось въ нѣсколько иномъ порядкѣ, чѣмъ они прибывали въ этотъ пунктъ; нѣкоторыя части, напримѣръ, 3-ю стрѣлковую бригаду съ ея артилеріей, гвардейскую скорострѣльную батарею и запасныхъ надо было направлять дальше возможно скорѣе, такъ какъ имъ предстоялъ еще длинный путь водою по рѣкамъ Шилкѣ и Амуру, до закрытія навигаціи по которымъ оставалось уже не особенно много времени. Кромѣ того, при назначеніи эшелонамъ очереди отправленія, принималось во вниманіе и то обстоятельство, что расквартированіе одновременно большаго количества людей встрѣчало въ городѣ большія затрудненія, почему пѣхотныя части и команды задерживались возможно менѣе. Въ общемъ продолжительность остановки въ Иркутскѣ отдѣльных эшелоновъ достигала: пѣхотныхъ 1—7 дней, конныхъ— 1—9 дней.

Передъ дальнѣйшимъ отправленіемъ эшелоновъ изъ Иркутска, въ виду неимѣнія на продовольственныхъ пунктахъ въ Забайкальѣ, вплоть до Срѣтенска, хлѣба и фуража, тотъ и другой выдавались имъ на четыре дня впередъ въ Иркутскѣ.

7-го августа началось движеніе эшелоновъ (сотенъ Сибирской казачьей дивизіи) трактомъ на Лиственичное, которое было организовано слѣдующимъ образомъ. Какъ выше упомянуто, двѣ бар-

жи пароходства Нѣмчинова поднимали одновременно около 130 лошадей; полный оборотный рейсъ этихъ баржей, съ нѣкоторымъ запасомъ, былъ опредѣленъ въ 16 часовъ; такимъ образомъ, въ теченіе двухъ сутокъ можно было имѣть три рейса и переправлять 380—390 лошадей, т. е. количество ихъ, примѣрно равное составу двухъ эшелоновъ, или въ каждыя сутки въ среднемъ по одному эшелону; такъ какъ отправленіе баржей черезъ Байкаль изъ Лиственичнаго производилось въ разные часы сутокъ, то, чтобы къ каждому рейсу въ Лиственичномъ былъ грузъ для перевозки, и эшелонамъ не приходилось совершать похода ночью, движеніе походнымъ порядкомъ отъ Иркутска (или Инокентьевской) до Лиственичнаго производилось такъ: изъ двухъ эшелоновъ, подлежащихъ перевозкѣ въ двое сутокъ, сначала одновременно выступали изъ Иркутска одинъ полный и $\frac{1}{3}$ второго; на другой день—остальные $\frac{2}{3}$ второго эшелона; по прибытіи первой партіи въ Лиственичное, производилась посадка на баржи $\frac{2}{3}$ перваго эшелона; на второй рейсъ сажались отавшаяся $\frac{1}{3}$ перваго эшелона и прибывшая съ первымъ эшелonomъ $\frac{1}{3}$ второго эшелона; на другой день подходили и немедленно отправлялись на баржахъ остальные $\frac{2}{3}$ второго эшелона; такимъ образомъ, черезъ день изъ Иркутска отправлялись: составъ на два рейса и на одинъ, опять на два и на одинъ и т. д. Въ Мысовой эшелоны формировались въ прежній составъ и отправлялись въ Срѣтенскъ по желѣзной дорогѣ.

Такъ какъ частямъ, направляемымъ на Лиственичное, приходилось быть въ пути до Срѣтенска, вмѣсто четырехъ, шесть дней, то и хлѣбъ выдавался имъ въ Иркутскѣ на шесть дней; для перевозки его трактомъ назначались особыя подводы; что касается до фуража, то потребность его на два дня похода выдавалась на продовольственныхъ пунктахъ, по мѣрѣ надобности; необходимое же количество на переѣздъ до Срѣтенска выдавалось въ Лиственичномъ. Такъ какъ всѣ эшелоны, направлявшіеся на Лиственичное, имѣли съ собой, при прибытіи по желѣзной дорогѣ на «Инокентьевскую», тяжести, которыя не могли взять съ собою въ походъ, то для каждаго изъ нихъ на ледаколѣ передавались два-три вагона, присоединявшіеся къ нимъ снова въ Мысовой.

Несмотря на кажущуюся сложность организаци, движеніе по тракту на Лиственичное и черезъ Байкаль на баржахъ, шло все время въ большемъ порядкѣ и гораздо правильнѣе, чѣмъ на ледаколѣ.

Открытие пути на Лиственичное позволило отправлять изъ Иркутска лишній эшелонъ въ сутки. Такъ какъ примѣрно къ 15-му августу на Забайкальскую дорогу прибыло уже достаточное число паровозныхъ бригадъ, и уже начали прибывать и паровозы, командированные съ другихъ дорогъ, то явилась возможность пропускать третью воинскую пару, и съ конца первой половины августа изъ Мысовой отправлялось около трехъ войсковыхъ поѣздовъ въ сутки.

Съ 6-го по 13-е августа Забайкальской дорогѣ пришлось еще выдержать усиленную перевозку войсковыхъ эшелоновъ между Читой и Срѣтенскомъ; на этомъ протяженіи отправлено 14 поѣздовъ, кромѣ находившихся все время въ движеніи транзитныхъ поѣздовъ.

Одновременно съ организаціей перевозки собственно войсковыхъ эшелоновъ, принимались мѣры и для усиленія передачи воинскихъ грузовъ, которые къ началу августа стали подходить въ особенно большихъ размѣрахъ.

Кромѣ собственно воинскихъ грузовъ, пересылавшихся для потребностей войскъ распоряженіемъ военнаго вѣдомства, приходилось считаться еще съ нѣкоторыми другими грузами, передача которыхъ была не менѣе необходима, а именно: грузы «Краснаго Креста», грузы, отправляемые частными лицами по требованію начальства Забайкальской и Амурской областей для потребностей войскъ, наконецъ, грузы желѣзнодорожные, въ число которыхъ входили продовольственные и иные припасы, совершенно необходимые для надобностей желѣзной дороги и, самое главное, большое количество рельсъ, скрѣпленій къ нимъ и мостовыхъ частей на вѣтвь Забайкальской дороги къ китайской границѣ. Одинъ этотъ перечень указываетъ, что требованія, заявленія и просьбы о передачѣ тѣхъ или другихъ грузовъ заявлялись непрерывно и въ большомъ количествѣ и, въ виду невозможности передать все, приходилось подвергать каждое заявленіе разсмотрѣнію и контролю для установленія относительной необходимости его передачи и установленія очереди.

При усиленной передачѣ черезъ Байкальскіе войска, занимавшихъ съ ихъ тяжестями, обозомъ и лошадми почти всю провозоспособность большого ледокола «Байкаль», на немъ почти не представлялось возможнымъ перевозить воинскіе грузы, подходившіе постоянной струей въ грузовыхъ (товарныхъ) поѣздахъ. Къ началу усиленнаго движенія войсковыхъ эшелоновъ въ распоряженіи на-

чальника ледокольной переправы имѣлись четыре баржи, подъемной силы до 7,000 пудовъ каждая, первая двѣ изъ которыхъ начали ходить 29-го іюля. Кромѣ того подготовлялась большая баржа, подъемной силой до 50,000 пудовъ, совершившая свой первый рейсъ 12-го августа. 25-го іюля спущенъ съ верфи въ совершенно готовомъ видѣ малый ледоколъ «Ангара», который долженъ былъ принять перевозку черезъ Байкаль пассажировъ; подъемная сила «Ангары» до 18,000 пудовъ. Казалось бы по перечню этихъ цифръ, что перевозочныхъ средствъ было болѣе, чѣмъ достаточно для переправы въ сутки цѣлаго грузового поѣзда, т. е. около 20,000 пудовъ. На самомъ дѣлѣ дѣйствительность далеко не соответствовала теоретическимъ предположеніямъ. Прежде всего на «Ангарѣ», начавшей курсировать между «Байкаломъ» и «Мысовой» 1-го августа, было возможно передавать лишь небольшое количество грузовъ, и то не ежедневно; причина этого—необходимость для этого парохода поддерживать срочное пассажирское движеніе; при неимѣннн подъемныхъ крановъ и узкихъ люкахъ, нагрузка тяжестей въ трюмы «Ангары» могла производиться очень медленно и прекращалась, когда малый ледоколъ долженъ былъ везти пассажировъ.

Въ виду трудности нагрузки баржей, нормальный оборотъ ихъ равнялся,—малыхъ двумъ — тремъ днямъ, большой до шести дней; кромѣ того, онѣ могли идти на буксирѣ не во всякую погоду, и, при свѣжемъ вѣтрѣ, который бываетъ на Байкалѣ очень часто, имъ приходилось отстаиваться въ ожиданіи болѣе благопріятной погоды.¹

Уже къ концу іюля выяснилось, что вышеперечисленныхъ средствъ для передачи черезъ Байкаль воинскихъ грузовъ недостаточно, почему тогда же былъ поднятъ вопросъ о необходимости привлечь къ перевозкѣ этихъ грузовъ черезъ Байкаль пароходство Нѣмчинова, средствами котораго, до устройства ледокольной переправы, всегда совершались воинскія перевозки.

Въ первыхъ числахъ августа опредѣлилась совершенная необходимость передавать черезъ Байкаль ежесуточно: 1) около 20,000 пудовъ воинскихъ грузовъ, и 2) не менѣе полупоѣзда (свыше 10,000 пудовъ) желѣзнодорожныхъ грузовъ для вѣтви къ китайской границѣ, причемъ значительную часть послѣднихъ, а именно, до 80-ти платформъ съ мостовыми фермами требовалось перевезти на ледоколѣ «Байкаль».

Въ виду предъявленія къ переправѣ столь значительныхъ тре-

бованій, было разрѣшено перевозку части воинскихъ грузовъ временно передать пароходству Нѣмчинова.

Успѣху дѣла нагрузки воинскихъ грузовъ изъ вагоновъ на суда на станціи «Байкаль» и затѣмъ выгрузки ихъ изъ судовъ опять въ вагоны на станціи «Мысовая» много содѣйствовали командированные, въ качествѣ рабочихъ, 400 человекъ нижнихъ чиновъ (200 въ концѣ іюля и еще 200 въ концѣ первой половины августа), которые были распределены поровну между пристанями и станціями «Байкаль» и «Мысовая», и безъ участія которыхъ, въ виду отсутствія въ это время въ Иркутскѣ наемныхъ рабочихъ рукъ, передача черезъ Байкаль грузовъ несомнѣнно бы замедлилась.

Такъ какъ, примѣрно, къ половинѣ августа, вслѣдствіе прибытія на Забайкальскую дорогу командированныхъ съ дорогъ Европейской Россіи: нѣкотораго количества паровозовъ и значительнаго количества паровозныхъ бригадъ, явилась уже возможность отправлять ежесуточно до 4^{1/2} паръ поѣздовъ, а въ нѣкоторые дни даже и 5 паръ поѣздовъ,—то и въ этотъ періодъ усиленіе перевозочныхъ средствъ на переправѣ вполнѣ соотвѣтствовало развитію провозоспособности желѣзной дороги.

Съ начала воинскихъ перевозокъ на Забайкальской дорогѣ отъ времени до времени случались нѣкоторыя происшествія, которыя такъ или иначе отражались на движеніи воинскихъ поѣздовъ, но, главнымъ образомъ, влекли за собой ихъ опозданія. Серьезное несчастіе имѣло мѣсто 18-го іюля, когда почтовый поѣздъ № 4 потерпѣлъ крушеніе (наскочивъ на обвалъ) на участкѣ между Иркутскомъ и Байкаломъ; впрочемъ, при этомъ не только не пострадалъ никто изъ воинскихъ чиновъ, но и самое крушеніе нисколько не отразилось на правильности воинскаго движенія, производившагося тогда еще въ небольшихъ размѣрахъ.

Временемъ наиболѣе усиленнаго воинскаго движенія, какъ войскового, такъ и грузового, оказался періодъ съ 18-го по 23-е августа. Въ это время съ одной стороны пропускная и провозная способность, какъ Забайкальской дороги, такъ и переправы черезъ Байкаль, достигли высшей возможной степени своего развитія, а съ другой стороны имѣлся въ большомъ количествѣ и матеріалъ для перевозки, т. е. подходившіе непрерывно войсковые эшелоны и воинскіе грузы.

Въ теченіе этого періода закончилась перевозка 3-ей стрѣлковой бригады и Сибирской казачьей дивизіи и начались и имѣлись въ виду не менѣе серьезныя перевозки, а именно, началось отправ-

леніе за Байкаль многочисленныхъ непитатныхъ эшелоновъ лошадей, второго призыва запасныхъ Сибирскаго округа и ожидалась перевозка гвардейской скорострѣльной батареи и 2-й Сибирской пѣхотной бригады.

Эшелоны лошадей отправлялись исключительно трактомъ на Лиственничное, откуда перевозились въ Мысовую на баржахъ Нѣмчинова.

Отправление запасныхъ производилось большими партиями (не менѣе 1,000 человекъ), но было нѣсколько задержано вслѣдствіе полученія распоряженія, — до выхода изъ Иркутска, снабдить ихъ теплой одеждой.

Въ самый разгаръ движенія неожиданно произошелъ въ высшей степени печальный случай. Ночью съ 23-го на 24-е августа воинскій поѣздъ, отправленный изъ Мысовой съ эшелономъ лошадей 9-го стрѣлковаго полка, потерпѣлъ страшное крушеніе, отойдя отъ Мысовой всего лишь 25 верстъ. Крушеніе это, послѣдствіемъ котораго было разбитіе 22-хъ вагоновъ и серьезная порча пути, въ смыслѣ жертвъ, кончилось сравнительно благополучно, а именно оказалось 11 легко раненыхъ людей (изъ нихъ 7 нижнихъ чиновъ), 2 убитыхъ и 5 раненыхъ лошадей; такой сравнительно счастливый исходъ получился лишь потому, что вслѣдствіе малаго состава эшелона, поѣздъ былъ дополненъ шестнадцатью вагонами съ овсомъ военнаго вѣдомства, поставленными впереди; на нихъ, главнымъ образомъ, и разразилась разрушительная сила крушенія. Причиной крушенія опредѣлены: недостаточно забаластированный путь, при нѣсколько увеличенной скорости хода, и частью размывъ полотна шедшимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней дождемъ.

Результатомъ этого крушенія былъ полный перерывъ движенія въ теченіе трехъ сутокъ, т. е. до 27-го августа, и лишь 29-го августа движеніе могло войти въ норму.

Нѣсколько эшелоновъ, находившіеся въ моментъ крушенія уже на пути изъ Иркутска въ Мысовую, должны были выжидать возобновленія движенія на послѣдней; въ воспособленіе довольствію ихъ, немедленно по полученіи извѣстія о крушеніи, высланъ изъ Иркутска вагонъ хлѣба.

Передача грузовъ черезъ Байкаль, вслѣдствіе невозможности отправлять ихъ изъ Мысовой, также замедлилась.

Въ отношеніи замедленія отправления изъ Иркутска, крушеніе близъ Мысовой болѣе всего отразилось на времени выступленія

изъ Иркутска и Красноярска полковъ 2-й Сибирской пѣхотной бригады, которое сначала предполагалось возможнымъ начать 25-го августа, послѣ же крушенія пришлось отложить до 1-го сентября.

Почти одновременно съ крушеніемъ, увеличилось вліяніе на замедленіе движенія и другой причины, а именно, чаще и чаще состояніе погоды стало отражаться въ большей степени на правильности рейсовъ ледоколовъ и баржей. Постоянно стали приходиться извѣщенія о томъ, что, вслѣдствіе бури, имъ приходится отставаться на той или другой сторонѣ озера.

30-го августа, когда какъ разъ разстроенное крушеніемъ близъ Мысовой воинское движеніе почти уже пришло въ норму, получено распоряженіе о пріостановкѣ отправленія изъ Иркутска запасныхъ нижнихъ чиновъ Сибирскаго округа. Какъ выше упомянуто, запасные нѣсколько задерживались въ Иркутскѣ для снабженія ихъ теплой одеждой. Изъ всего ихъ количества, перевезеннаго до Иркутска, остались неотправленными въ Забайкалье около 2,500 человекъ. На другой же день, 31-го августа, получено распоряженіе о возвращеніи ихъ на сборные пункты.

Этимъ было положено начало обратнымъ перевозкамъ.

Съ частной пріостановкой движенія на востокъ войскъ, совпало и уменьшеніе притока воинскихъ грузовъ, передававшихся съ Сибирской дороги на Забайкальскую; поэтому сдѣлано распоряженіе о прекращеніи съ 1-го сентября пользованія для переправы черезъ Байкаль этихъ грузовъ баржами Нѣмчинова.

Въ виду отмены перевозки на востокъ назначенныхъ уже къ отправленію партій запасныхъ нижнихъ чиновъ, явилась возможность немедленно приступить къ перевозкѣ Иркутскаго полка и къ отправленію изъ Красноярска Красноярскаго полка, который началъ прибывать въ Иркутскъ 7-го сентября и безъ задержекъ передавался въ Забайкалье до 14-го сентября включительно.

15-го сентября получено распоряженіе о пріостановкѣ движенія Иркутскаго и Красноярскаго полковъ и возвращеніи ихъ въ пункты постояннаго квартированія. Три послѣдніе эшелона красноярцевъ не успѣли дойти до Срѣтенска и возвращены съ дороги. Первые пять эшелоновъ Красноярскаго полка возвращены изъ Срѣтенска. Что касается до Иркутскаго полка, то онъ успѣлъ уже небольшими эшелонами почти весь выступить изъ Срѣтенска на старый Цурухайтуй и Хайларъ.

Обратная перевозка организована слѣдующимъ образомъ:

Въ виду постоянно прогрессирующей неаккуратности рейсовъ ледокола, было сочтено возможнымъ рассчитывать на перевозку на немъ только одного эшелона въ сутки; второй же эшелонъ въ сутки предполагается отправлять на баржахъ Нѣмчинова.

Сообразно съ этимъ на дѣйствовавшемъ графикѣ Забайкальской дороги выбраны два росписанія для отправленія по нимъ войсковыхъ поѣздовъ; одно изъ нихъ было вполне удобно для довольствія перевозимыхъ войскъ на обоихъ промежуточныхъ продовольственныхъ пунктахъ (на станціяхъ «Чита» и «Петровскій Заводъ»); для эшелоновъ же, отправляемыхъ по другому выбранному росписанію, введено, въ видѣ вспомогательнаго средства, довольствіе изъ вагоновъ-кухонь, которые приказано ежедневно высылать навстрѣчу воинскому поѣзду (на станцію «Хилокъ») съ пищей, заложеной въ нихъ на станціи расположенія продовольственнаго пункта («Петровскій Заводъ»). Наблюденіе за правильностью функціонированія этихъ вагоновъ-кухонь возложено на особаго офицера. Такой порядокъ продолжался до 15-го октября.

Кромѣ полковъ 2-й Сибирской пѣхотной бригады (16 эшелоновъ) въ періодъ обратной перевозки матеріаломъ для нея послужили: вся Сибирская казачья дивизія (27 эшелоновъ) и 11,500 запасныхъ нижнихъ чиновъ (19 эшелоновъ).

Такъ какъ ледоколъ «Байкаль» въ среднемъ дѣлалъ все-таки болѣе одного рейса въ сутки и, кромѣ того, по разнымъ причинамъ изъ Срѣтенска отправлялось далеко не каждый день по два поѣзда, то явилась возможность пользоваться перевозкой эшелоновъ на баржахъ Нѣмчинова лишь какъ вспомогательнымъ средствомъ, къ которому пришлось прибѣгнуть въ теченіе всей обратной перевозки всего шесть разъ.

Вліяніе бурной погоды значительно уже отзывалось на своевременности переправы эшелоновъ черезъ Байкаль; на примѣръ, одной казачьей сотнѣ пришлось выжидать погоды въ Мысовой цѣльяхъ двое сутокъ.

Еще въ сентябрѣ на Забайкальскую дорогу начали прибывать вагоны-теплушки, и съ начала октября уже всѣ безъ исключенія люди перевозились въ отопляемыхъ вагонахъ.

Въ теченіе того же мѣсяца произведены работы по устройству на продовольственныхъ пунктахъ теплыхъ помѣщеній для кухонь и для жилья нижнихъ чиновъ, входившихъ въ составъ командъ для обслуживанія пунктовъ; для столовыхъ устроены особыя закрытыя помѣщенія. Въ началѣ октября приступлено къ постройкѣ

при станціи «Мысовой» двухъ теплыхъ бараконъ, въ общемъ на 400 человекъ, для размѣщенія въ нихъ, въ случаѣ надобности, проходящихъ командъ (эта постройка закончена къ исходу декабря).

Съ 15-го октября на Забайкальской дорогѣ введено зимнее расписание, при которомъ явилась возможность довольствоваться эшелонами въ мѣстахъ учрежденія продовольственныхъ пунктовъ, почему прекратилась надобность въ регулярномъ пользованіи вагонами-кухнями.

По окончаніи перевозки Сибирской казачьей дивизіи, послѣдній эшелонъ которой прибылъ въ Иркутскъ 7-го ноября, массовая перевозка могла считаться прекратившейся.

Результаты массовой перевозки войскъ и военныхъ грузовъ лѣтомъ и осенью 1900 года сводятся къ слѣдующему:

1) Въ составѣ *войсковыхъ эшелоновъ* перевезено: а) изъ Иркутска въ Забайкалье съ 15-го іюля по 15-е сентября—527 офицеровъ, 39,525 нижнихъ чиновъ, 10,125 лошадей, 1,976 повозокъ и 251 вагонъ войсковыхъ грузовъ (слѣдовавшихъ при эшелонахъ); б) обратно изъ Забайкалья въ предѣлы Сибирскаго округа съ 15-го сентября по 7-е ноября—250 офицеровъ, 23,931 нижнихъ чиновъ, 5,271 лошадь, 800 повозокъ и 68 вагоновъ эшелонныхъ грузовъ, и в) между станціями Забайкальской дороги въ предѣлахъ Забайкальской области съ 18-го іюля по 7-е ноября—99 офицеровъ, 4,030 нижнихъ чиновъ, 2,158 лошадей, 413 повозокъ и 19 вагоновъ войсковыхъ грузовъ.

Въ общей сложности, за весь періодъ массовой перевозки, въ составѣ эшелоновъ, въ воинскихъ поѣздахъ перевезено: 876 офицеровъ, 67,556 нижнихъ чиновъ, 17,554 лошади, 3,189 повозокъ и 338 вагоновъ войсковыхъ грузовъ.

За рассматриваемый періодъ наиболѣе усиленное движеніе имѣло мѣсто: 1) при перевозкѣ на востокъ: съ 7-го августа (день открытія пути на Лиственичное) по 23-е августа (день крушенія близъ Мысовой), когда въ среднемъ перевозилось 2,7⁶ эшелона въ сутки, и съ 27-го августа (день возстановленія движенія послѣ крушенія) по 14-е сентября — въ среднемъ по 2,4² эшелона въ сутки, и 2) при обратномъ движеніи: съ 18-го по 24-е сентября—по 1,7¹ эшелона и съ 2-го по 15-е октября—по 1,3² эшелона въ сутки.

2) *Воинскихъ грузовъ*, слѣдовавшихъ въ товарныхъ поѣздахъ,

по Забайкальской дорогѣ съ 15-го іюля по 1-е ноября перевезено 990,642 пуда.

Наибольшія затрудненія представила передача воинскихъ грузовъ черезъ озеро Байкаль, тѣмъ болѣе, что болшую часть ихъ пришлось для переправы перегружать изъ вагоновъ на суда и затѣмъ снова въ вагоны; параллельно съ воинскими грузами, производилась передача черезъ Байкаль желѣзнодорожныхъ грузовъ для строившейся вѣтви къ китайской границѣ (Кайдаловской), срочная доставка которыхъ была признана одинаково важной.

Воинскихъ грузовъ черезъ Байкаль съ 15-го іюля по 1-е ноября передано 794,660 пудовъ, грузовъ для китайской вѣтви— 1.224,374 пуда, а всего — 2.023,034 пуда. Желѣзнодорожные грузы, немедленно по переправѣ черезъ озеро, перевозились по Забайкальской дорогѣ до станціи «Китайскій разъѣздъ».

Передача воинскихъ грузовъ черезъ Байкаль получила наибольшее развитіе во второй половинѣ августа, когда въ день, при усиленномъ въ то же время движеніи войскъ, не считая грузовъ, слѣдовавшихъ въ составѣ эшелоновъ, передавалось по 16,4 тысячъ пудовъ.

Вмѣстѣ съ грузами для китайской вѣтви, наиболѣе продуктивна была переправа грузовъ въ сентябрѣ, когда въ среднемъ перевозилось въ сутки по 22,000 пудовъ, несмотря на часто наблюдавшуюся въ этомъ мѣсяцѣ бурную погоду; въ это время, вслѣдствіе ослабленія движенія войскъ, перевозкой грузовъ былъ въ значительной степени занятъ ледоколъ «Байкаль».

Такъ какъ это судно явилось главнымъ средствомъ переправы черезъ Байкаль въ періодъ массоваго воинскаго движенія и вообще, по размѣрамъ его и назначенію поддерживать сообщеніе черезъ озеро даже въ зимнее время, далеко выдѣляется въ рядахъ Байкальской флотилии, то не лишены интереса выясненныя на опытѣ среднія цифры времени пробѣга его между пристанями «Байкаль» и «Мысовая», а также и стоянокъ его на той и другой. При этомъ надо замѣтить, что, такъ какъ за весь періодъ массовой перевозки ледоколъ «Байкаль» былъ использованъ въ наивысшей возможной степени, то и стоянки его на пристаняхъ продолжались наименьшіе промежутки времени, необходимые для нагрузки и выгрузки эшелоновъ и грузовъ и погрузки угля для питанія самаго ледокола.

Продолжительность рейсовъ ледокола «Байкаль», на протяженіи 70-ти верстъ между пристанями «Байкаль» и «Мысовая», со

включеніемъ времени, необходимаго для причала и отчаливанія, колебалась, ббльшей частью, между 4^{1/2} и 6^{1/2} часами и оказалась въ среднемъ равной около 5^{1/2} часовъ при движеніи къ Мысовой и около 6-ти часовъ при обратномъ движеніи; продолжительность же отдѣльныхъ рейсовъ, въ зависимости отъ состоянія погоды, доходила до 9-ти, 12-ти и даже 17-ти часовъ; эти цифры указываютъ, что на какую-либо срочность переправы даже на такомъ большомъ и специально приспособленномъ суднѣ, какъ ледоколъ «Байкаль», рассчитывать трудно.

Продолжительность стоянокъ ледокола на пристаняхъ, т. е. минимальныхъ сроковъ, необходимыхъ для нагрузки и выгрузки ледокола и питанія его топливомъ, колебалась отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ; но часто продолжительность стоянокъ увеличивалась невозможностью для ледокола выдти изъ гавани вслѣдствіе бурнаго состоянія погоды до 4-хъ, 5-ти, 6-ти и болѣе часовъ; въ двухъ случаяхъ буря препятствовала выходу ледокола изъ гавани 29 и 36 часовъ.

Средняя продолжительность полного оборотнаго рейса ледокола (2 рейса, туда и обратно, и 2 стоянки) колебалась между 15,3 и 17,4 часами, или въ сутки ледоколъ дѣлалъ въ среднемъ нѣсколько менѣе 1^{1/2} рейсовъ.

Главнѣйшіе выводы, къ которымъ привелъ опытъ массовой перевозки войскъ между Иркутскомъ и Стрѣтенскомъ въ 1900 г., могутъ быть въ общихъ чертахъ формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Несмотря на полную неподготовленность къ усиленной работѣ вообще, и воинскому движенію въ частности, и въ высшей степени неблагоприятныя условія, при которыхъ произошла организація этого движенія по Забайкальской желѣзной дорогѣ и на переправѣ черезъ озеро Байкаль,—какъ та, такъ и другая справились съ поставленной имъ трудной задачей вполне удовлетворительно. Нѣкоторая задержка движенія войскъ и воинскихъ грузовъ въ Иркутскѣ, имѣвшая мѣсто въ концѣ іюля и началѣ августа, вполне объясняется тѣмъ, что застигнутыя въ расплохъ дорога и переправа потребовали нѣкотораго промежутка времени для усиленія ихъ провозной и пропускной способности—тѣмъ болѣе, что значительная часть вспомогательныхъ средствъ на дорогу должна была успѣть прибыть изъ Европейской Россіи.

2) Несмотря на удовлетворительное выполненіе всей перевозки въ совокупности, выяснилось, что не было никакой возможности

даже за небольшой промежутокъ времени рассчитывать на точное и своевременное, по заранѣ составленному предположенію, исполненіе перевозки каждой части войскъ въ отдѣльности; причина этого та, что возможность безпрепятственной переправы черезъ озеро Байкаль находится въ тѣсной зависимости отъ времени года и состоянія погоды, которое постоянно можетъ задержать перевозку части или эшелона на сутки или болѣе; такимъ образомъ, озеро Байкаль несомнѣнно представляетъ изъ себя нѣкоторую преграду для движенія войскъ и притомъ преграду, сопротивление которой заранѣе рассчитать никоимъ образомъ невозможно.

3) Такъ какъ переправа черезъ Байкаль, впредь до обхода этого озера, какъ преграды, желѣзнымъ путемъ,—является непремѣнной составной, и притомъ внутренней, частью великаго Сибирскаго пути, то существованіе такой преграды не можетъ не отразиться и на пропускной способности всего этого пути.

4) Поэтому, въ интересахъ безпрепятственнаго и заранѣе рассчитаннаго сообщенія между Забайкальемъ и Иркутскомъ, а, слѣдовательно, и всѣми другими пунктами, связанными съ послѣднимъ непрерывной рельсовой колеей, совершенно необходима постройка Кругобайкальской желѣзной дороги.

5) Впредь до сооруженія этой дороги, желательно имѣть возможность, безъ особыхъ затрудненій, расположить не доѣзжая Байкала, лучше всего въ Иркутскѣ или его окрестностяхъ, значительное количество войскъ, которыя могли бы здѣсь выжидать очереди для переправы ихъ черезъ Байкаль въ томъ случаѣ, если немедленная передача ихъ черезъ озеро встрѣтитъ затрудненія изъ-за состоянія погоды; для этого необходимо устроить въ Иркутскѣ или близъ него особый остановочный пунктъ.

6) Наконецъ, для увѣренности въ большей безопасности и, слѣдовательно, непрерывности воинскаго движенія, а также и увеличенія скорости этого движенія, желательна возможно скорѣйшая замѣна уложенныхъ на Забайкальской дорогѣ облегченныхъ рельсовъ рельсами нормальнаго типа, которые только и могутъ вполнѣ соответствовать принятымъ на дорогѣ тяжелымъ паровозамъ системы «Компаундъ».

Б. Новаковъ.

ЛЕДОКОЛЬ „ЕРМАКЪ“.

«Говорятъ, что непоборимы торосы Ледовитаго океана. Это ошибка: торосы поборимы; непоборимо лишь людское суетвѣріе».

I.

Жа страницахъ «Русскаго Инвалида» ¹⁾ мы имѣли случай обратить вниманіе нашихъ читателей на вышедшую недавно въ высшей степени интересную книгу С. О. Макарова «Ермакъ во льдахъ».

Появленіе этой книги несомнѣнно обозначаетъ собою поворотную точку въ возрѣніяхъ на цѣлый рядъ вопросовъ научныхъ, коммерческихъ или военныхъ, такъ или иначе связанныхъ съ вопросами о замерзаніи извѣстныхъ портовъ или даже цѣлыхъ морей на болѣе или менѣе продолжительное время.

Конечно, въ настоящую минуту еще весьма трудно предвидѣть всѣ послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собою постройка Ермака, что признаетъ и самъ инициаторъ постройки его и авторъ лежащей передъ нами книги, вице-адмиралъ Макаровъ; это видно уже изъ той осторожности, съ которою онъ относится къ выводамъ о возможныхъ и вѣроятныхъ результатахъ будущей работы Ермака.

Съ особенною осторожностью авторъ отнесся, какъ мы то поставили ему въ упрекъ въ нашей предшествующей замѣткѣ, къ вопросамъ военнымъ, къ выясненію той роли, которую можетъ прид-

¹⁾ «Русскій Инвалидъ» 1901 г. № 89. Приложение.

тись играть Ермаку въ будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ замерзающихъ моряхъ и въ особенности на ихъ побережья.

Нынѣ С. О. Макаровъ весьма любезно предоставилъ въ наше распоряженіе свои замѣтки, до настоящаго времени еще нигдѣ не появившіяся въ печати и представляющія тотъ матеріалъ, по которому въ прошломъ году имъ была прочитана въ обществѣ ревнителей военныхъ знаній лекція, имѣвшая главнымъ образомъ въ виду выясненіе именно военной стороны примѣненія новыхъ ледоколовъ. Понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій, какое значеніе для насъ военныхъ имѣютъ эти замѣтки—плодъ работы чловека, который по самому ходу дѣла долженъ былъ больше всѣхъ задумываться надъ даннымъ вопросомъ, не говоря уже о той авторитетности, которая связана какъ съ практическою, такъ и съ научною подготовкою и предыдущими работами адмирала Макарова.

Для того, чтобы имѣть возможность высказаться болѣе определенно по поводу лежащихъ передъ нами работъ, а также для того, чтобы выяснитъ тѣ заключенія, къ которымъ мы пришли при изученіи этого новаго дѣла, мы познакомимъ нашихъ читателей болѣе обстоятельно съ книгою «Ермакъ во льдахъ», затѣмъ съ содержаніемъ записокъ адмирала Макарова, а затѣмъ уже постараемся дать тѣ выводы, къ которымъ, какъ намъ кажется, можно придти послѣ изученія новаго дѣла съ военной точки зрѣнія, свободной отъ слишкомъ детальнаго свойства сомнѣній, которыя легко могутъ навязываться специалисту, близко глядящему на новое дѣло.

Мысль о возможности постройки могучаго ледокола зародилась у С. О. Макарова очень давно, главнымъ образомъ подъ влияніемъ цѣлага ряда изслѣдованій полярныхъ областей, которыми ознаменовала себя вторая половина прошлаго столѣтія. Приготовленія Нансена къ полярному путешествію, за которыми тогда съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ весь образованный міръ, послужили С. О. Макарову ближайшимъ поводомъ къ тому, чтобы придти къ заключенію, столько же простому на видъ, сколько сложному въ смыслѣ выполненія, даже и на порогѣ XX вѣка. Говоря о приготовленіяхъ Нансена, авторъ выражается такъ: «но мнѣ казалось, что пора подступить къ рѣшенію вопроса инымъ способомъ, что льды Ледовитаго океана не представляютъ препятствія непроходимаго, что ихъ можно побороть силою машинъ, и что если изслѣдованіе Ледовитаго океана дѣйствительно необхо-

димо, то надо приступить къ нему со специальными машинами и приспособленіями, построивъ сильные ледоколы».

Тогда же явилось и предположеніе автора выступить съ предложеніемъ о постройкѣ ледокола, если бы Нансенъ не вернулся изъ своего отважнаго путешествія въ ожидаемый срокъ; интересъ къ полярнымъ путешествіямъ и въ особенности къ предпріятію доктора Нансена былъ въ то время настолько великъ, что много было вѣроятія, что удастся добыть необходимую для постройки ледокола сумму, разъ вопросъ этотъ будетъ связанъ съ возможностью подать помощь отважнымъ путешественникамъ «Фрама».

Этой вполне практической мысли не суждено было осуществиться уже потому, что лѣтомъ 1896 г., какъ Нансенъ, такъ и его «Фрамъ» благополучно вернулись на родину.

Характерно въ этомъ то, что основная мысль о возникновеніи Ермака такимъ образомъ приводится въ тѣснѣйшую связь *съ идеею объ изслѣдованіи полярныхъ областей*, съ идеею чисто научнаго характера, въ дальнѣйшей разработкѣ которой несомнѣнно Ермакъ призванъ играть весьма важную роль, какъ въ смыслѣ тѣхъ научныхъ результатовъ, которые онъ можетъ дать самъ, такъ и главнымъ образомъ потому, что онъ является передовымъ борцомъ того принципа, что съ помощью «машины», какъ выражается С. О. Макаровъ, можно добиться положительныхъ результатовъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи полярныхъ областей.

Въ самомъ дѣлѣ, въ наше время бесполезно припомнить нѣсколько иронической припѣвъ нашей родной «дубинушки»... какъ англичанинъ «изобрѣлъ за машиной машину»... пора бы и намъ, гдѣ можно, замѣнить «дубинушку» чѣмъ-то болѣе совершеннымъ, болѣе соотвѣтствующимъ времени и условіямъ жизни.

Не легко дается такое измѣненіе привычекъ... С. О. Макаровъ вѣроятно могъ бы рассказать кое-что объ этомъ и вѣроятно подъ гнетомъ этого тяжелаго для талантливаго человѣка сознанія у него вырвалась характерная фраза, которую мы поставили эпиграфомъ надъ сегодняшнею нашею замѣткою.

Нансенъ вернулся... «и мнѣ пришлось придумать другой мотивъ, на этотъ разъ чисто комерческой», говоритъ авторъ, но на этотъ разъ, намъ кажется, онъ облакаетъ въ форму замысловатой хитрости то, что у насъ обыкновенно называется прозорливостью. Это очень удачный пріемъ, можетъ быть, для проведенія въ жизнь проекта постройки могучаго ледокола, но мы убѣждены въ томъ, что возможность плаванія въ теченіе круглаго года въ

замерзающихъ моряхъ съ помощью ледоколовъ настолько ясно рисовалась уму С. О. Макарова, что такой, нѣсколько «обходный путь» ничуть не умаляетъ достоинства идеи, а только служить новымъ доказательствомъ того, что съ людскимъ суевѣріемъ, конечно, въ тысячу разъ труднѣе бороться, чѣмъ съ полярными торосами. Какъ мы увидимъ ниже, такое положеніе уже теперь вполне оправдалось и, конечно, оправдается еще въ тысячу разъ больше, если основная идея не будетъ брошена, не погибнетъ въ своемъ зачаткѣ, чтобы уступить мѣсто «родной дубинушкѣ».

Дѣйствительно, главный портъ Балтійскаго моря—Петербургъ, закрытъ для навигаціи въ теченіе пяти мѣсяцевъ, Архангельскъ—въ теченіе семи мѣсяцевъ, а наши сибирскія рѣки почти совершенно отрѣзаны отъ свободныхъ морей льдами Ледовитаго океана, которые сковываютъ ихъ выходы въ теченіе иногда 11-ти, а иногда и полныхъ 12 мѣсяцевъ. Весьма понятно, что при этихъ условіяхъ наша морская торговля не можетъ не нести огромныхъ убытковъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе полной неизвѣстности того, когда именно откроется и закроется навигація. Опасность для отправляемыхъ въ наши порты судовъ либо весной попасть во льды и потерпѣть аваріи, или же замерзнуть въ портахъ назначенія и лишиться заработка на всю зиму, не можетъ не отражаться самымъ тяжелымъ образомъ на оборотахъ нашей внѣшней торговли, главнымъ образомъ, потому, что замерзаніе портовъ вноситъ въ торговые обороты элементъ риска, несомнѣстимый въ большинствѣ случаевъ съ правильно веденнымъ торговымъ предпріятіемъ, въ которомъ все должно быть разсчитано точно.

Такое тяжелое положеніе нашей отечественной торговли въ сѣверныхъ моряхъ представляло, конечно, достаточно поводовъ къ тому, чтобы пытаться съ помощью сильнаго ледокола помочь дѣлу. Съ этою основною мыслью адмираль Макаровъ и выступилъ въ публичной лекціи въ залахъ Мраморнаго дворца 30-го марта 1897 г. передъ избранною публикою.

Первую часть лекціи, заключающую въ себѣ историческій очеркъ изслѣдованій въ Ледовитомъ океанѣ, географическое общество, по просьбѣ С. О. Макарова, возложило на нашего извѣстнаго знатока океанографіи, барона Ф. Ф. Врангеля, вторую же часть прочелъ самъ адмираль.

Мы не будемъ останавливаться на той части лекціи барона Врангеля, въ которой онъ въ историческомъ порядкѣ описываетъ попытки къ изслѣдованію полярныхъ областей, начиная отъ древ-

нихъ викинговъ и до нашихъ дней, останавливаясь въ особенности на экспедиціяхъ «Тегетгофа», «Веги», «Жаннетты» и, наконецъ, «Фрама». Весьма интересно представляется та часть этого очерка, въ которой лекторъ говоритъ о томъ постоянномъ движеніи, коему подверженъ полярный ледъ, какъ въ смыслѣ постоянного таянія и новаго нарастанія, такъ и въ смыслѣ вѣчнаго движенія подъ вліяніемъ теченій и вѣтровъ. Изученіе именно этого постоянного движенія, имѣющаго несомнѣнно свои постоянные законы, привело Нансена къ мысли объ устройствѣ корпуса Фрама въ томъ видѣ, въ которомъ онъ и пошелъ во льды, а также и объ организаціи всей экспедиціи, столь блестящимъ образомъ оправдавшей основныя положенія Нансена.

Основною мыслью Нансена, такимъ образомъ, являлась не борьба съ полярными льдами, а скорѣе способъ утилизировать ихъ движеніе для достиженія намѣченной цѣли, т. е. сѣвернаго полюса.

Адмиралъ Макаровъ во второй половинѣ лекціи 30-го марта 1897 г. выступилъ съ предложеніемъ, совершенно отличнымъ отъ всего того, чѣмъ до сихъ поръ пользовались для проникновенія въ полярную область. Озаглавилъ адмиралъ свою лекцію «*Къ сѣверному полюсу — напроломъ*», и дѣйствительно, болѣе характернаго заглавія найти нельзя для новой идеи, столь заманчивой по своей смѣлости, о которой самъ авторъ говоритъ: «Одно то, что мысль о возможности бороться съ полярными льдами есть мысль новая, не можетъ еще служить доказательствомъ, что эта мысль невѣрна. Нужно считаться съ цифрами, взвѣсить все, что дала техника въ этомъ отношеніи и тогда только рѣшить вопросъ— дѣйствительно ли льды Ледовитаго океана могутъ быть взламываемы, или же техника не доросла еще до этого?»

Дѣло ледоколовъ, что извѣстно вѣроятно весьма немногомъ, есть дѣло чисто русское: кронштадтскій купецъ Бритневъ первый возымѣлъ мысль о возможности бороться со льдомъ Финскаго залива между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, съ помощью особо устроеннаго парохода. Еще въ 1864 году онъ построилъ первый ледоколъ, а въ концѣ 80-хъ годовъ уже было построено два спеціальнаго парохода, которые значительно удлиннили періодъ пароходнаго сообщенія между Кронштадтомъ и берегомъ. Вслѣдъ за Бритневымъ, по образцу построенныхъ имъ судовъ, пошли и почти всѣ германскіе города Балтійскаго побережья, Гамбургъ и другіе. Уже значительно позже появились ледоколы въ Америкѣ

и были у насъ построены такія суда для Владивостока, Кронштадта и, наконецъ, для озера Байкала.

Далѣ лекторъ задался теоретическимъ вопросомъ о томъ, какой именно силы долженъ быть ледоколь, способный бороться съ полярными льдами. Цѣлый рядъ вычисленій надъ толщиною полярнаго льда приводитъ къ тому выводу, что сплошной ледъ въ Ледовитомъ океанѣ не превосходить въ среднемъ 12-ти футовъ, не считая, конечно, случайныхъ нагроможденій, извѣстныхъ подъ названіемъ торосовъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе въ большинствѣ случаевъ должны оказать судну, въ особенности снабженному переднимъ винтомъ, меньшее сопротивленіе, чѣмъ сплошной 12-ти-футовый ледъ.

Эти данныя дали возможность опредѣлить довольно точно ту силу, которою должна была бы обладать машина полярнаго ледокола, способнаго бороться съ успѣхомъ съ 12-ти-футовымъ льдомъ. Оказывается, что пароходъ долженъ имѣть около 52,000 индикаторныхъ силъ, чтобы безостановочно выполнить свою задачу. То обстоятельство, что до настоящаго времени такихъ пароходовъ еще не построено, заставляетъ автора придти къ выводу, что въ данный періодъ времени надо имѣть для борьбы съ полярными льдами два парохода, каждый силою около 26,000 индикаторныхъ силъ. Не беремъ судить о томъ, правиленъ-ли такой выводъ или нѣтъ, но намъ невольно навязывается мысль, что между работою во льду одного парохода въ 52,000 силъ и двухъ, каждый въ 26,000 силъ, огромная разница; быть можетъ и даже вѣроятно разница эта будетъ въ пользу работы двухъ пароходовъ, но съ фразою, произнесенною на лекціи, «слѣдовательно, два такихъ парохода могутъ прорѣзать ледъ въ 12 футовъ», какъ намъ кажется, согласиться нѣсколько опасно.

Впрочемъ, соображеніе это теряетъ много въ своемъ значеніи, такъ какъ рядъ опытовъ, произведенныхъ надъ льдомъ изъ соленой и прѣсной воды, приводитъ автора къ убѣжденію въ томъ, что для успѣшной борьбы съ полярными льдами вполнѣ достаточно одного ледокола въ 20,000 индикаторныхъ силъ, такой вмѣстимости, чтобы онъ могъ имѣть полный запасъ угля для 12-ти-дневнаго рейса къ сѣверному полюсу. Такой срокъ, по вычисленію автора, необходимъ для всего пути въ 720 миль (миля равна $1\frac{3}{4}$ версты), отдѣляющихъ полюсъ отъ широты въ 78° , т. е. того мѣста, до котораго можно дойти лѣтомъ, не встрѣтивъ льда. Уголь на обратную дорогу адмиралъ Макаровъ предполагаетъ брать съ

собою на особомъ транспортѣ съ углемъ, что, впрочемъ, тоже представляется намъ нѣсколько рискованнымъ, такъ какъ присутствіе такого судна вѣроятно въ значительной степени свяжетъ свободу дѣйствій самого ледокола.

За то нельзя не согласиться вполне и безповоротно съ тѣми окончательными выводами о пользѣ ледоколовъ вообще, которые были высказаны адмираломъ Макаровымъ въ концѣ лекціи, а именно, что крайне необходимо:

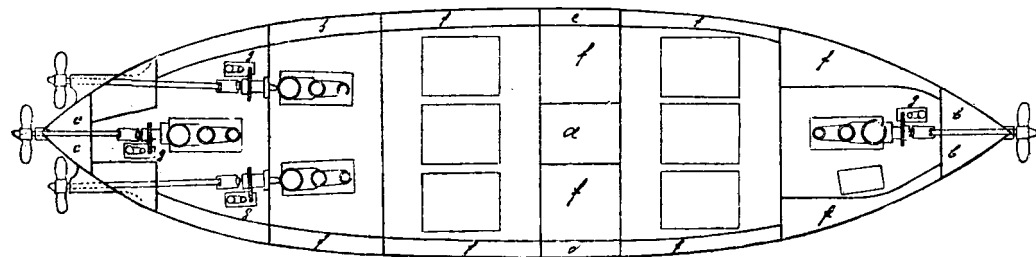
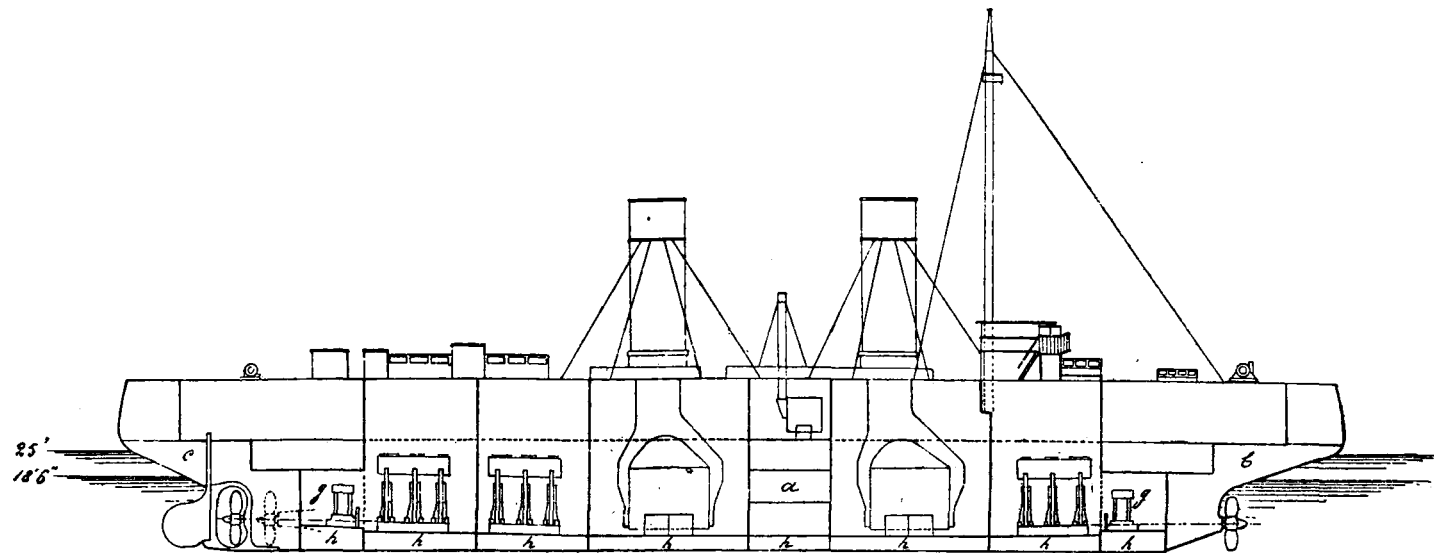
- 1) Научное изслѣдованіе всего Ледовитаго океана.
- 2) Открытіе правильнаго грузоваго пароходнаго сообщенія съ Обью и Енисеемъ въ лѣтнее время.
- 3) Открытіе правильнаго грузоваго пароходнаго сообщенія съ Петербургомъ въ зимнее время.

Совершенно очевидно, что достиженіе даже части одной изъ этихъ цѣлей уже во много разъ должно было окупить всѣ возможные затраты на постройку ледокола и одною изъ главныхъ заслугъ адмирала Макарова всегда будетъ то, что онъ провелъ идею о постройкѣ ледокола, который, если гдѣ можетъ оказать услуги, то именно въ Россіи, скованной со всѣхъ сторонъ льдами въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Очевидно, что для насъ чисто комерческія выгоды существованія ледокола прямо-таки неисчислимы, не говоря даже о томъ огромномъ значеніи, которое можетъ имѣть для насъ чисто научное изученіе полярныхъ областей.

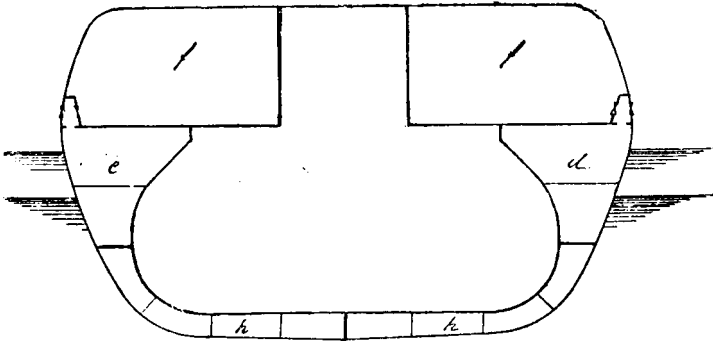
Лекція 30-го марта имѣла своимъ прямымъ послѣдствіемъ то, что на вопросъ, возбужденный адмираломъ Макаровымъ, было обращено самое серьезное вниманіе многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Два мѣсяца спустя С. О. Макаровъ имѣлъ случай изложить свою идею министру финансовъ, С. Ю. Витте, который вполне оцѣнилъ значеніе даннаго вопроса и предложилъ инициатору дѣла отправиться раньше, чѣмъ приступить къ осуществленію проекта, на сѣверъ съ цѣлью лично и болѣе подробно ознакомиться съ Карскимъ моремъ и съ состояніемъ вообще пути на Обь и Енисей.

Предложеніе это было принято адмираломъ Макаровымъ, который 29-го іюня уже отправился въ Стокгольмъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ професоромъ Норденшельдомъ, а затѣмъ на пароходѣ «Лофотенъ» къ Шпицбергену. Интересъ этого плаванія, помимо нѣкоторыхъ научныхъ наблюденій, заключался главнымъ образомъ въ томъ, что пароходомъ «Лофотенъ» командовалъ знаменитый Свердрупъ, бывшій командиръ «Фрама».

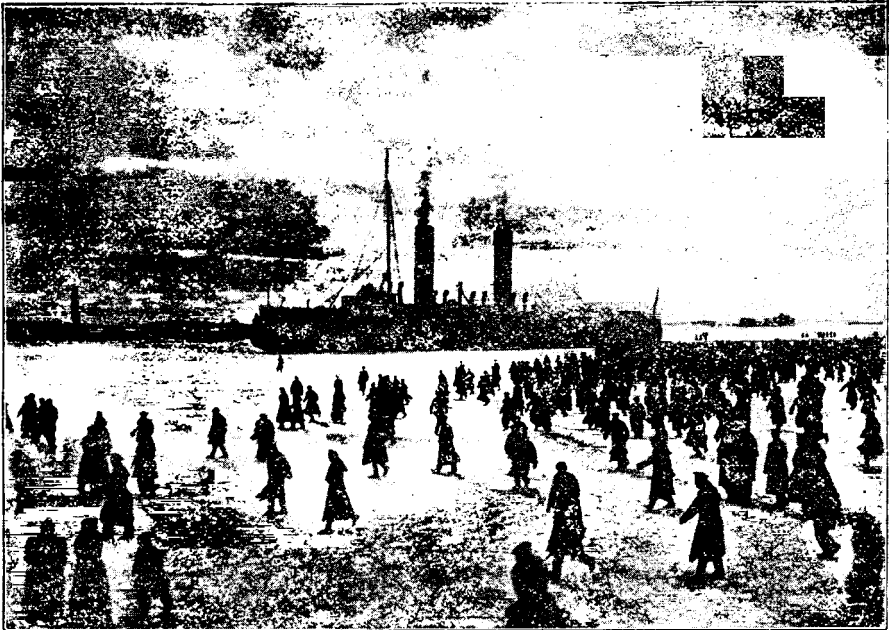
Бесѣды съ нимъ въ теченіе всего совмѣстнаго плаванія дали

Чертежъ „Ермака“.

Чертежъ мидель-шпангоута ледокола „Ермакъ“.

„Ермакъ“ на Большомъ Кронштадтскомъ рейдѣ.

ванія и разспросовъ мѣстныхъ дѣятелей и купцовъ привело адмирала Макарова къ выводу о томъ, что «только при установленіи пароходства съ дешевымъ перевозочнымъ фрахтомъ, Сибирь получить прочную комерческую непосредственную связь съ европейскими портами». Эти же изслѣдованія привели адмирала и еще къ тому выводу, что только при помощи сильныхъ ледоколовъ возможно установленіе такой морской связи между Сибирью и Европою. При этомъ получилось то заключеніе, что для этого необходимо имѣть два ледокола, одинъ въ 10,000, а другой въ 5,000 силъ, которые одновременно могли бы быть примѣнены и для поддержанія въ теченіе всей зимы навигаціи нашихъ важнѣйшихъ портовъ Балтійскаго моря—Петербурга и Риги.

Отчетъ о результатахъ поѣздки С. О. Макарова былъ имъ представленъ министру финансовъ, который отнесся весьма сочувственно къ сдѣланному предложенію и рѣшилъ, въ видѣ опыта, построить пока одинъ ледоколъ въ 10,000 силъ для дальнѣйшаго выясненія всѣхъ вопросовъ, которые нельзя было считать еще достаточно освѣщенными и разработанными. Такимъ образомъ вмѣсто первоначальнаго проекта о ледоколѣ въ 52,000 силъ или о двухъ—въ 26,000 силъ каждый—появился значительно слабѣйшій «Ермакъ».

Была составлена комисія съ цѣлью выработать проектъ новаго ледокола, а затѣмъ этотъ проектъ былъ предложенъ нѣкоторымъ иностраннымъ фирмамъ, которыя прислали свои заявленія, послѣ чего между ними былъ избранъ заводъ Армстронга въ Ньюкестлѣ, куда 27-го ноября того же 1897 года и отправился адмиралъ Макаровъ для заключенія контракта.

Изъ вышеизложеннаго вкратцѣ описанія исторіи возникновенія «Ермака» весьма наглядно явствуетъ, какимъ подробнымъ изслѣдованіямъ и изученію на мѣстѣ будущей дѣятельности ледокола былъ подвергнутъ вопросъ о его постройкѣ, прежде чѣмъ приступить къ послѣдней. Если «Ермакъ» въ томъ видѣ, въ которомъ мы его видимъ теперь, и не соответствуетъ вполне тому идеалу, коимъ задался С. О. Макаровъ въ началѣ, а оказался гораздо слабѣе того, что казалось необходимымъ для безусловно успѣшной борьбы съ полярными льдами, то, какъ мы увидимъ ниже, новая идея о борьбѣ со льдомъ съ помощью «машинны» оправдалась безусловно вполне, въ особенности при дѣятельности новаго ледокола въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ онъ даже при исключительно опытныхъ работахъ успѣлъ уже принести такую пользу,

которая не оставляет никакого сомнѣнія въ томъ, что расходы на его постройку и содержаніе должны окупиться въ много разъ, въ особенности при правильно поставленной его работѣ въ точно опредѣленные и всѣмъ извѣстные періоды.

Въ концѣ декабря 1897 года всѣ контракты съ заводомъ Армстронгъ были заключены, но во время самой постройки адмиралъ Макаровъ совершилъ еще поѣздку въ Финляндію, Сѣверную Америку и въ г. Ревель для изученія работы существующихъ ледоколовъ на мѣстѣ, что и имѣло вліяніе на измѣненіе нѣкоторыхъ деталей чертежей ледокола. 17-го октября слѣдующаго года уже состоялся спускъ «Ермака» и вскорѣ начались его испытанія, которыя вновь привели къ нѣкоторымъ улучшеніямъ его первоначальныхъ чертежей.

Мы не будемъ здѣсь входить въ детали чертежей новаго ледокола, но приведемъ вкратцѣ только главные данныя этого судна, рѣзко отличающагося отъ всѣхъ париходовъ, построенныхъ до настоящаго времени.

Длина его—305 футовъ. Ширина—71 футъ. Высота отъ нижняго дна до верхней палубы—42 фута 6 дюймовъ. Съ 300 тоннами угля онъ сидитъ въ водѣ 18 футовъ 6 дюймовъ, а съ 3,000 тоннъ—25 футовъ. Ледоколь имѣетъ четыре машины въ 2,500 силъ каждая. Три машины стоятъ въ кормѣ, а четвертая въ носу. Соотвѣтственно этому на «Ермакѣ» имѣется четыре винта: три сзади (два боковыхъ и одинъ средній) и одинъ передній въ носовой части, назначенный главнымъ образомъ для большей успѣшности ломки льда.

Весь корпусъ судна раздѣленъ на отдѣльныя камеры посредствомъ непроницаемыхъ переборокъ. Для уменьшенія качки имѣется особая камера, въ которой путемъ автоматическаго переливанія воды съ одной стороны судна на другую получается противовѣсъ розмахамъ судна во время сильнаго волненія.

Ледоколь снабженъ роскошными помѣщеніями для личнаго состава, причемъ послѣднія рассчитаны и на извѣстное число пассажировъ, что весьма важно въ виду того, что на ледоколѣ, во время работъ его съ научными цѣлями, очевидно должны будутъ находиться лица, не принадлежащія къ составу экипажа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Къ тому же слѣдуетъ имѣть въ виду еще и то, что суровыя условія зимняго плаванія во льдахъ, конечно, требуютъ и большаго комфорта для тѣхъ отважныхъ людей, которые себя подвергаютъ всѣмъ тягостямъ и невздамъ подобнаго плаванія.

Нельзя не отдать дань справедливости энергiи, проявленной при постройкѣ новаго судна: уже 5-го февраля 1899 года, т. е. черезъ 13 мѣсяцевъ послѣ заключенiя контракта, ледоколъ былъ предъявленъ заводомъ къ сдачѣ и при испытанiи комисіею оказался во всѣхъ отношенiяхъ вполне соответствующимъ условленнымъ требованiямъ.

21-го февраля 1899 года «Ермакъ» вышелъ изъ Ньюкестля въ Кронштадтъ и 1-го марта, недалеко отъ меридiана Ревеля, новый ледоколъ впервые вошелъ во льды Финскаго залива. Оправдались всѣ предположенiя С. О. Макарова: ледоколъ съ полною легкостью ломалъ ледъ на своемъ пути и уже 3-го числа подошелъ къ Кронштадту и остановился на ночь около Толбухина маяка, съ тѣмъ, чтобы на другой день въ 2 часа дня войти въ Кронштадтскую гавань.

Населеніе устроило «Ермаку» и его инициатору настоящее триумфальное шествіе и огромная толпа народа сопровождала ледоколъ до гавани, идя все время по льду рядомъ съ пароходомъ, что производило на всѣхъ присутствующихъ самое странное впечатлѣніе. Весьма удачно исполненный входъ въ гавань былъ причиною горячей оваціи «Ермаку».

Въ тотъ же день адмиралъ Макаровъ былъ осчастливленъ слѣдующей высокомилоливою телеграмою Его Императорскаго Величества, Государя Императора: *«Поздравляю васъ съ приходомъ въ Кронштадтъ въ это время года, радуюсь вмѣстѣ съ вами блестящему осуществленію вашей мысли».*

Что касается до льдовъ Финскаго залива — опасенiя были устранены, сомнѣнiя разсѣяны — «Ермакъ» одержалъ первую побѣду надъ тѣми, которые ему предсказывали неудачу, которые, скованные вѣковыми предразсудками, не вѣрили въ новое торжество человѣческой мысли надъ силами природы.

Конечно, «Ермакъ» преодолѣлъ лишь шуточные препятствiя по сравненію съ тѣмъ, что пришлось ему испытать впослѣдствіи, но наглядный фактическій успѣхъ имѣетъ всегда такое влiяніе на большую массу, которая не задается трудомъ предварительной повѣрки предположенiй путемъ внимательнаго и добросовѣстнаго изученiя новаго дѣла. И чѣмъ проще это новое дѣло, чѣмъ оно, казалось, легче поддается пониманію даже и непосвященнаго въ тайны техники, тѣмъ сильнѣе борьба противъ него, тѣмъ сильнѣе предубѣжденіе — тѣмъ сильнѣе то, что С. О. Макаровъ называетъ «суевѣріе».

Вотъ съ этимъ суевѣріемъ послѣ прихода «Ермака» въ Кронштадтскую гавань было покончено и притомъ разъ навсегда—теперь осталась другая часть — чисто научная и практическая разработка дальнѣйшихъ условій плаваній во льдахъ—всестороннее выясненіе того, насколько «Ермакъ» оправдываетъ возлагаемыя на него его инициаторами надежды—симпатія же всей Россіи была обезпечена за «Ермакомъ *Степаньичемъ*», какъ его весьма мѣтко прозвали въ эту пору.

Недолго пришлось «Ермаку» дожидаться практической дѣятельности. Только-что онъ сталъ разгружать уголь, чтобы идти въ Петербургъ, какъ 8-го числа было получено по телеграфу извѣстіе изъ Ревеля, что тамъ въ морѣ во льдахъ затерто одиннадцать пароходовъ и что грузы и экипажи находятся въ большой опасности. Съ разрѣшенія министра финансовъ на слѣдующее же утро «Ермакъ» вышелъ въ море и двинулся къ Ревелю, проработавъ около котораго нѣсколько дней, провелъ за собою въ Ревельскую гавань и изъ нея 29 пароходовъ, изъ которыхъ нѣкоторые находились дѣйствительно въ крайне опасномъ положеніи и едва ли избѣгли бы катастрофы безъ помощи «Ермака». Слабосильный, по сравненію съ «Ермакомъ» Ревельскій ледоколь не могъ справиться съ нагромождавшимися льдами и самъ простоялъ въ нихъ около двухъ недѣль въ совершенно безпомощномъ положеніи, изъ котораго также былъ спасенъ «Ермакомъ».

Эти дѣйствія «Ермака» подъ Ревелемъ не мало способствовали еще большему подъему симпатій къ нему русскаго общества и когда онъ въ первыхъ числахъ апрѣля морскимъ каналомъ вошелъ въ Неву и подошелъ къ Николаевскому мосту, то уже не было предѣловъ изъявленіямъ радости, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ.

Нѣсколько дней спустя «Ермакъ» снова отправился къ о. Голланду на выручку затертыхъ во льду пароходовъ и благополучно провелъ одинъ изъ нихъ въ Петербургъ, послѣ чего опять отправился на поиски затертыхъ пароходовъ, которыхъ оказалось семь. Одинъ изъ нихъ уже успѣлъ получить настолько серьезныя поврежденія, что затонулъ на глазахъ у «Ермака», а остальные были черезъ два дня благополучно доставлены въ Кронштадтъ. Еще въ третій разъ выходилъ «Ермакъ» въ море и на этотъ разъ за нимъ прошло 27 пароходовъ, которые также совершенно благополучно дошли до назначенія.

За все время своего перехода изъ Ньюкестля и послѣдовав-

шихъ затѣмъ работъ у Ревеля и Петербурга «Ермакъ», по псчисленію адмирала Макарова, израсходоваль угля на 10,000 рублей.

Того краткаго перечня, который мы помѣстили выше относительно работы «Ермака», уже, казалось, достаточно для того, чтобы имѣть представленіе о той громадной выгодѣ, которую можетъ принести новый ледоколъ нашей торговлѣ.

И эта работа была въ сущности совершенно случайная, такъ какъ всѣ пароходы, о которыхъ шла рѣчь, не рассчитывали на помощь «Ермака». Если бы они знали о его работѣ и были бы увѣрены въ томъ, что онъ ихъ проведетъ черезъ ледъ къ мѣсту назначенія, то они вѣроятно не были бы затерты, а выжидали бы, на чистой водѣ, пока имъ будетъ подана помощь. Да вѣроятно, если бы было извѣстно о регулярныхъ рейсахъ во льду «Ермака», то число пароходовъ, рассчитывающихъ на его помощь, было бы значительно больше, такъ какъ они могли бы принаровить свое отправленіе къ возможности встрѣтить «Ермака» тамъ, гдѣ онъ имъ будетъ нужнѣ всего.

Поэтому работа «Ермака» около того числа пароходовъ, о которомъ мы говорили выше, должна быть признана лишь незначительною частью того, что онъ можетъ дать въ смыслѣ полезной работы на благо нашей отечественной морской торговли.

Необходимость произвести теперь болѣе всестороннія и тяжелыя испытанія новому судну заставила адмирала Макарова приступить къ приготовленіямъ для пробнаго плаванія по полярнымъ льдамъ, тѣмъ болѣе важнаго, что окончательный пріемъ въ казну новопостроеннаго ледокола былъ обусловленъ тѣми качествами, которыя онъ будетъ имѣть при условіяхъ именно *полярнаго* плаванія, причемъ онъ долженъ былъ обладать такою крѣпостью, которая позволяла бы ему съ полного хода ударяться въ ледъ какой угодно толщины.

Въ виду большой научной важности предстоящаго плаванія для чисто научныхъ работъ было приглашено нѣсколько лицъ, между которыми и были распределены всѣ труды по всестороннему описанію всего того, что удастся изслѣдовать и съ чѣмъ придется встрѣтиться. «Ермакъ» отлично былъ снабженъ какъ разными необходимыми инструментами, такъ и всѣмъ необходимымъ для жизни экипажа, такъ какъ возможность зазимовать въ полярныхъ льдахъ не была исключена; но, конечно, являлась крайне нежелательною.

Наконецъ, 8-го мая «Ермакъ» покинулъ Бронштадтъ и вышелъ

въ Ньюкестль, куда и прибылъ черезъ шесть дней для погрузки необходимаго запаса угля. Въ то время предполагалось, что «Ермакъ», съ согласія адмирала Макарова, будетъ оказывать известное содѣйствіе научной экспедиціи, снаряженной въ этомъ году на Шпицбергенъ, но впоследствии это оказалось по многимъ причинамъ невозможнымъ, какъ то видно будетъ ниже.

Принявъ необходимое количество угля, «Ермакъ» 29-го мая вышелъ въ море для слѣдованія въ Тромсе, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ ученою Шпицбергенской экспедиціей. Однако по приходѣ въ Тромсе (въ сѣверной Норвегіи) адмиралъ Макаровъ имѣлъ случай встрѣтиться съ нѣкоторыми лицами, близко знакомыми съ плаваніемъ по заливу Сторе-фіордъ, куда должна была направиться экспедиція и предупреждавшими адмирала единогласно, что плаваніе по этому заливу для глубокосидящаго «Ермака» безусловно невозможно вслѣдствіе массы подводныхъ скаль, мѣстонахожденіе которыхъ совершенно не обследовано. Взвѣсивъ такую серьезную опасность для только-что построеннаго судна, С. О. Макаровъ пришелъ къ заключенію о необходимости отказаться отъ обѣщанной имъ Шпицбергенской экспедиціи помощи, что имъ и было сдѣлано и что вызвало цѣлую бурю негодованія противъ «Ермака» и его инициатора.

4-го іюня «Ермакъ» вышелъ въ море, а уже 8-го числа въ 5 часовъ утра въ виду оказался первый полярный ледъ, въ который немедленно рѣшились войти. Сразу же опредѣлилась та громадная разница, которая существуетъ между работою ледокола въ полярныхъ льдахъ, или во льдахъ Балтійскаго моря. Отъ ударовъ объ ледяныя глыбы, больше сажени толщиною, корпусъ ледокола вздрагивалъ настолько сильно, что это заставляло опасаться за достаточную крѣпость обшивки. При осмотрѣ ледокола оказалось, что въ носовой его части во многихъ мѣстахъ появилась, въ началѣ незначительная, а потомъ и довольно сильная течь, которая заставила адмирала опасаться за участь судна, если не прибѣгнуть къ усиленію всей носовой части, вслѣдствіе чего и было рѣшено не медля идти обратно въ Ньюкестль для производства этой работы. На слѣдующій же день «Ермакъ» повернулъ къ югу и 14-го іюня былъ уже въ Ньюкестлѣ.

При подробномъ осмотрѣ судна найдена небольшая помятость на обшивкѣ носовой части, а также поломка передняго винта и погнутость вала послѣдняго, что заставило адмирала Макарова совершенно снять этотъ винтъ и замѣнить его особымъ чугуннымъ

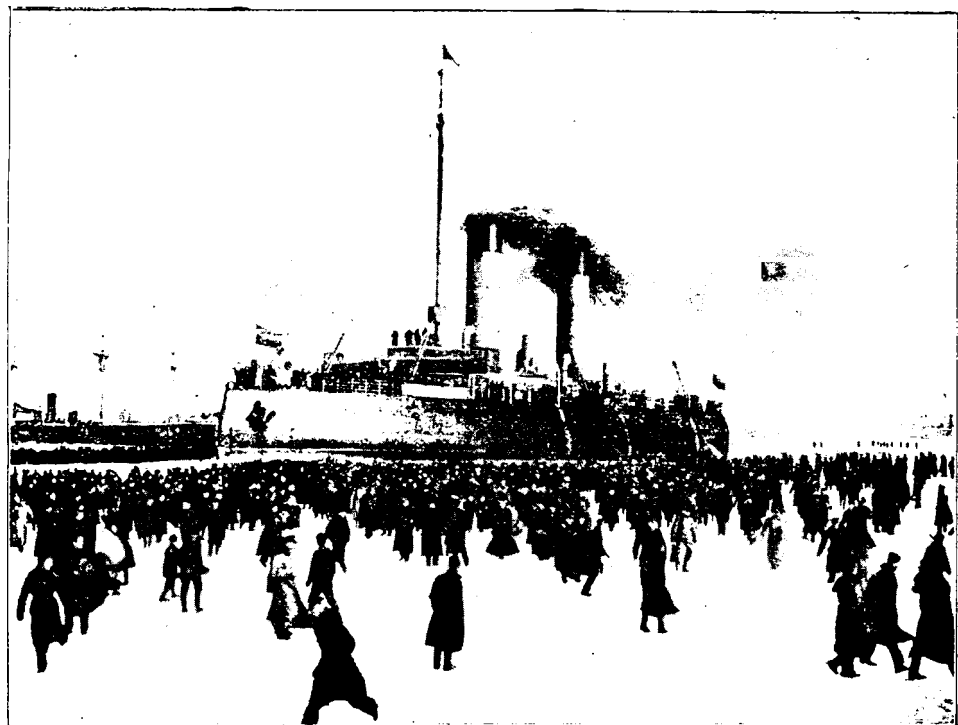
конусомъ. Пребываніемъ на заводѣ, кромѣ того, воспользовались для цѣлаго ряда болѣе мелкихъ усовершенствованій.

Хотя эта первая экспедиція и была очень непродолжительна, тѣмъ не менѣе она успѣла дать нѣкоторые научные результаты, въ особенности по части изслѣдованія температуръ и удѣльнаго вѣса воды на разныхъ глубинахъ, а также по изслѣдованію морскаго дна посредствомъ траля.

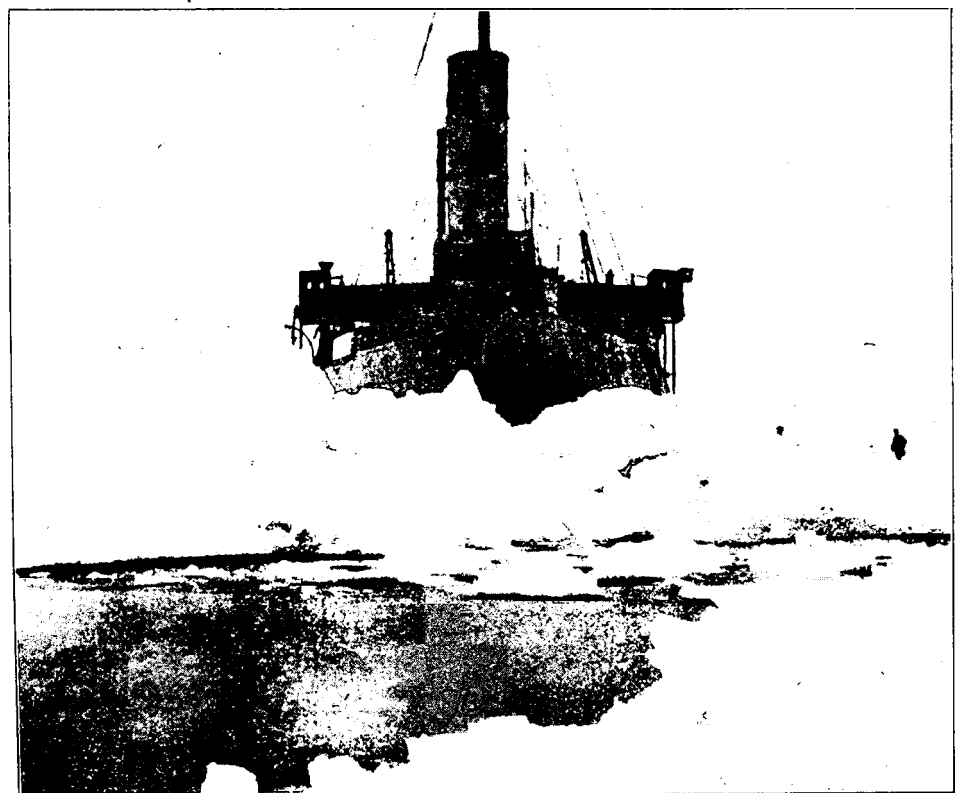
Адмиралъ Макаровъ потребовалъ отъ завода довольно значительныхъ передѣлокъ корпуса ледокола, вслѣдствіе чего послѣдній пришлось ввести въ докъ; въ виду этого ледоколъ былъ готовъ ко вторичному выходу въ море только черезъ мѣсяць, когда онъ снова взялъ курсъ на сѣверъ, направляясь туда для опыта новой борьбы съ полярнымъ льдомъ.

Изъ Ньюкестля «Ермакъ» вышелъ 14-го іюля и 22-го числа открылся уже, послѣ перенесенной довольно свѣжей погоды, юго-западный берегъ Шпицбергена, на которомъ, въ бухтѣ Адвентъ, 23-го іюля утромъ «Ермакъ» сталъ на якорь. Здѣсь «Ермакъ» встрѣтился съ пароходомъ «Вирго», на которомъ была доставлена почта изъ Екатерининской гавани. На слѣдующій же день адмиралъ Макаровъ рѣшился продолжать плаваніе и «Ермакъ» пошелъ дальше къ сѣверу. Уже черезъ 24 часа начали встрѣчаться болѣе крупныя льдины, которыя по мѣрѣ движенія судна на сѣверъ все увеличивались въ размѣрахъ, образуя въ мѣстахъ сжатія, въ зависимости отъ вѣтровъ и теченій, значительные торосы.

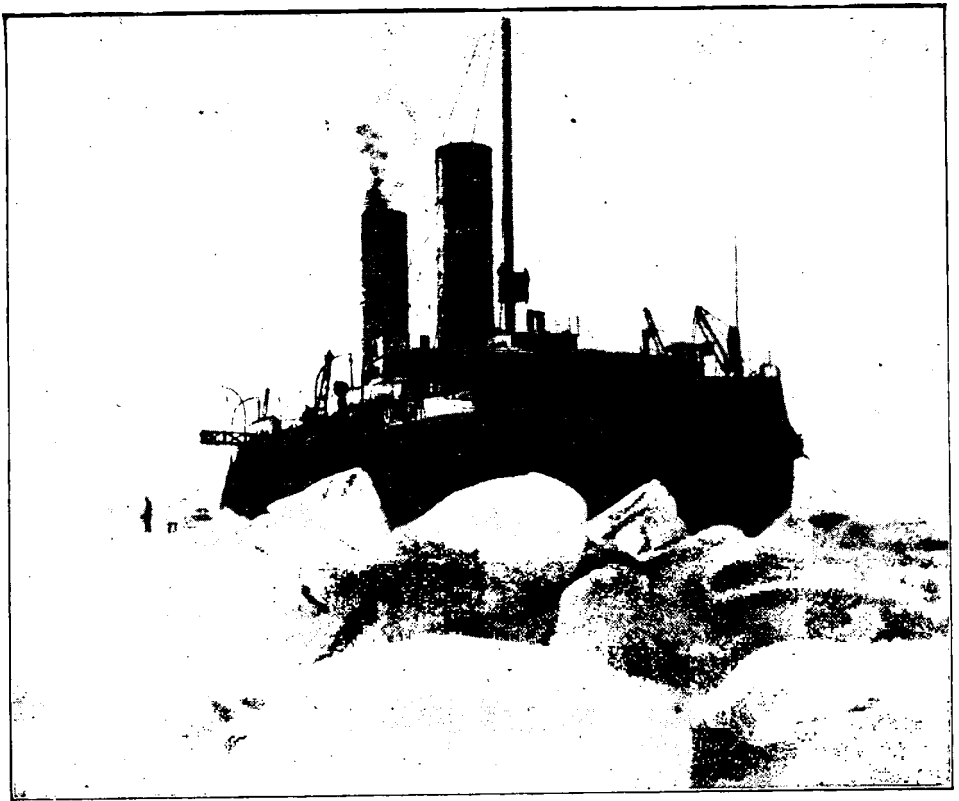
25-го іюля въ 8 часовъ вечера «Ермакъ» подошелъ къ одному изъ такихъ торосовъ и адмиралъ Макаровъ, въ виду сильныхъ толчковъ, которые получало судно, велѣлъ убавить ходъ, чтобы раздвинуть огромныя льдины, стоявшія на пути ледокола. Судно однако имѣло настолько значительный ходъ, что оно ударилось въ ледъ со скоростью приблизительно въ пять узловъ, причѣмъ ударъ пришелся въ правую скулу носовой части. Носъ отбросило влѣво и судно отъ удара сразу остановилось, хотя продолжало понемногу раздвигать льдины. Командиръ ледокола, капитанъ 2-го ранга М. П. Васильевъ, отправился внизъ въ носовое отдѣленіе, гдѣ замѣтилъ значительную течь, вслѣдствіе которой онъ немедленно бросился закрывать непроницаемую переборку, что къ счастью и удалось сдѣлать. Въ противномъ случаѣ, хотя судну и не угрожала непосредственная опасность, тѣмъ не менѣе легко могло бы быть затоплено сосѣднее отдѣленіе, въ которомъ была сложена значительная часть провизіи. Ледоколъ остановился и

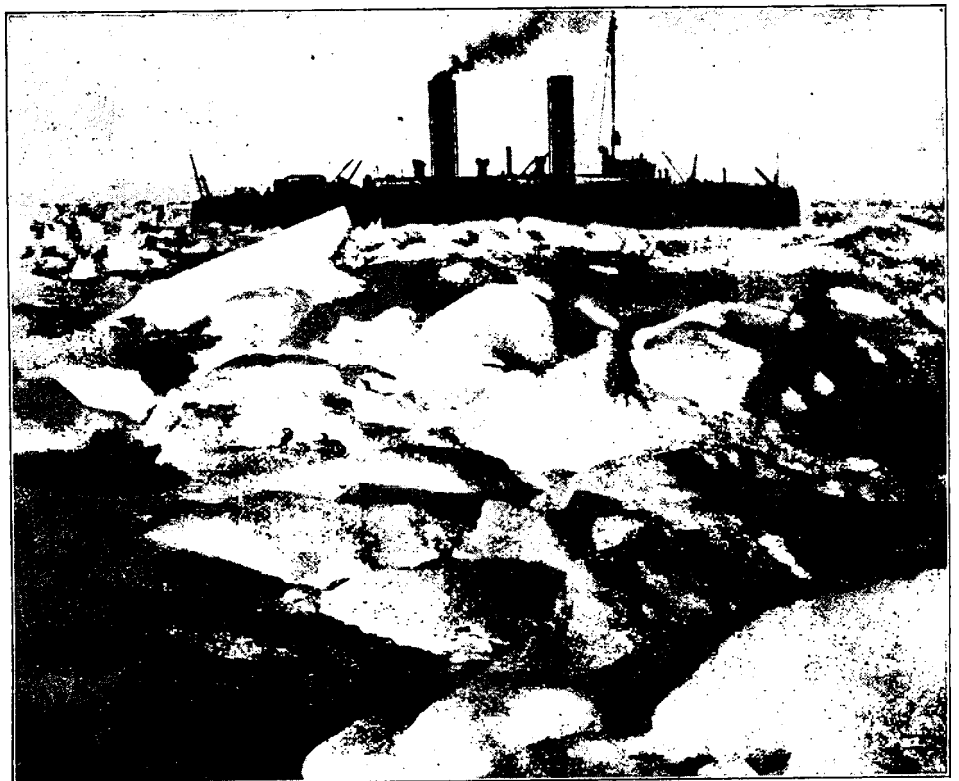
„Ермакъ“ въ гавани, подходи къ мѣсту стоянки.

Торосъ, передъ разбиваніемъ его.

„Ермакъ“ въ тяжелыхъ льдахъ. Видъ съ носа.

„Ермакъ“ въ тяжелыхъ льдахъ. Видъ сбоку.

было приступлено къ откачиванію воды и къ осмотру судна, а также къ изысканію способовъ задѣлать посредствомъ такъ называемаго «пластыря» пробоину. При болѣе подробномъ изслѣдованіи оказалось, что ледоколь ударился въ ледъ толщиною около двухъ съ половиною метровъ, но при этомъ на этомъ мѣстѣ было сильное нагроможденіе льда, который шелъ въ глубину больше, чѣмъ на семь метровъ.

Случившееся значительно повліяло на дальнѣйшую участь экспедиціи. Было ясно, что съ судномъ, имѣющимъ пробоину въ подводной части, пуститься въ серьезное дальнѣйшее плаваніе по льдамъ было болѣе чѣмъ опасно, тѣмъ болѣе, что самый фактъ доказывалъ, что корпусъ «Ермака» не соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ къ его крѣпости, которыя считалъ себя въ правѣ предъявить адмиралъ Макаровъ. Послѣдній приписываетъ эту прискорбную неудачу именно тому обстоятельству, что на «Ермакѣ», по примѣру другихъ ледоколовъ, былъ поставленъ передній винтъ, заставившій дать судну такіе обводы, которые имѣли вліяніе въ смыслѣ сопротивленія, испытываемаго ледоколомъ при ударѣ объ ледъ.

Пока шла задѣлка пробоины, научныя работы не прекращались ни на минуту. Былъ произведенъ цѣлый рядъ изслѣдованій относительно температуры воды на разной глубинѣ, производилось изслѣдованіе льда по отношенію его состава и крѣпости и т. д. Адмиралъ Макаровъ, несмотря на полученную «Ермакомъ» пробоину, рѣшился идти впередъ, чтобы подвергнуть ледоколь еще болѣе серьезному испытанію.

Во время этого плаванія ледоколь прошелъ вдоль сѣвернаго берега Шпицбергена нѣсколько далѣе 20° восточной долготы отъ Гринвича и на сѣверъ до 81° 28' сѣверной широты. Цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ научныхъ данныхъ былъ результатомъ этой смѣлой экскурсіи, которая кромѣ того дала довольно значительное количество указаній чисто практическаго характера, которыми можно воспользоваться на будущее время. Были сдѣланы новыя наблюденія надъ температурою воды на разныхъ глубинахъ и надъ удѣльнымъ вѣсомъ ея; добыты растенія и животныя со дна морского при помощи траля; обмѣрены и изслѣдованы ледяныя глыбы и торосы; произведены испытанія надъ крѣпостью льда при различныхъ условіяхъ. Кромѣ того, на карту нанесены берега видимой издали земли. Убито четыре бѣлыхъ медвѣдя, которые подошли вплотную къ ледоколу, причемъ одинъ въ особенности инте-

ресовался завезеннымъ на ледъ якоремъ, который онъ и сталь изслѣдовать болѣе подробно посредствомъ обнюхиванія...

Хотя дальнѣйшихъ серьезныхъ поврежденій не замѣчалось, тѣмъ не менѣе было констатировано, что случаи легкпхъ погибовъ внутреннихъ скрѣпленій ледокола при ударахъ объ ледъ повторялись: погнулись нѣкоторые шпангоуты и отскочило нѣсколько заклепокъ. Хотя все это не представляло ровно никакой непосредственной опасности, тѣмъ не менѣе, адмираль Макаровъ рѣшился не подвергать ледоколь дальнѣйшему риску и повернуть обратно, чтобы выдти изъ области тяжелыхъ льдовъ, которые къ тому же въ данномъ мѣстѣ находились въ состоянїи постоянного сжатія, что представляло наименѣе выгодныя условія для плаванія ледокола.

9-го августа около полудня «Ермакъ» вернулся въ бухту Адвентъ на западномъ берегу Шпицбергена, гдѣ онъ засталъ пароходъ «Вирго» и роскошную специально приспособленную для работъ по океанографїи яхту принца Монакского «Принцеса Алиса». По распоряженію адмирала Макарова въ бухтѣ Адвентъ была поставлена въ качествѣ вѣковой марки для наблюденія за измѣненіемъ уровня моря каменная, обдѣланная цементомъ пирамида, которая несомнѣнно черезъ болѣе или менѣе продолжительное время приобрѣтетъ большую научную цѣнность.

10-го августа «Ермакъ» вышелъ въ море и направился, продолжая во все время пути научныя изслѣдованія, къ Ньюкестлю, куда прибылъ 16-го числа, закончивъ этимъ второе свое пробное плаваніе въ полярныхъ льдахъ.

Немедленно было приступлено къ исправленію поврежденій и уже 13-го ноября того же года мы вновь встрѣчаемся съ работою «Ермака» уже подъ Петербургомъ, откуда онъ выводитъ застрявшій во льду и ставшій вслѣдствіе этого на мель въ морскомъ каналѣ крейсеръ «Громобой». Едва только была окончена эта работа, какъ представилась другая, исполненіе которой внесло блестящую страницу въ исторію ледокольного дѣла не только въ Россїи, но и во всемъ свѣтѣ.

Въ осеннюю ненастную ночь во время страшной бури со снѣжною мятежью броненосецъ «Генераль-Адмираль Апраксинъ» выскочилъ на скалистый берегъ острова Гохланда въ Финскомъ заливѣ. Положеніе броненосца было почти безнадежное, такъ какъ зимою ему помощи подать нельзя было, а можно было опасаться, что весною напоромъ льда и волны его окончательно разобьетъ

объ камни. Морское министерство обратилось къ министру финансовъ съ просьбою о помощи со стороны «Ермака» и, конечно, просьба эта была немедленно удовлетворена. Тринадцать разъ въ теченіе времени отъ 15-го ноября до 16-го апрѣля слѣдующаго 1900 года ходилъ «Ермакъ» къ острову Гохланду. 13-го апрѣля броненосецъ «Генераль-Адмираль Апраксинъ» былъ доставленъ въ гавань Аспе и если это судно огромной стоимости не было безвозвратно потеряно для русскаго флота, то это исключительная заслуга какъ «Ермака», такъ и его инициатора, адмирала Макарова. Но «Ермаку» удалось въ ту же зиму оказать еще и другую огромную услугу родному флоту. 26-го января 1900 года крейсеръ «Адмираль Нахимовъ», при выходѣ его изъ Ревельскаго порта въ дальнее плаваніе, былъ затертъ льдами и очутился въ критическомъ положеніи.

Въ это время возвращался съ Гохланда въ Ревель «Ермакъ» и командиръ его, узнавъ по приходѣ о положеніи «Нахимова», рѣшился немедленно подать ему помощь. «Ермакъ» подошелъ къ «Нахимову» и на поставленный ему вопросъ, можетъ ли онъ вывести крейсеръ изъ льдовъ до чистой воды, лаконически отвѣтилъ: «Конечно могу». Обѣщаніе это было исполнено черезъ нѣсколько часовъ и «Нахимовъ» могъ продолжать свою дорогу и уйти, какъ то предполагалось, въ заграничное плаваніе.

На этомъ краткомъ очеркѣ работы «Ермака» мы покончимъ рассказъ о фактической сторонѣ его дѣятельности. Годъ и два мѣсяца его плаванія, о которыхъ мы находимъ повѣствованіе въ талантливо написанной книгѣ С. О. Макарова, т. е. періодъ чисто опытнаго только плаванія, далъ такіе практическіе результаты, какъ спасеніе «Апраксина», освобожденіе массы комерческихъ пароходовъ и возможность совершенно свободно дойти почти до 82-й паралели.

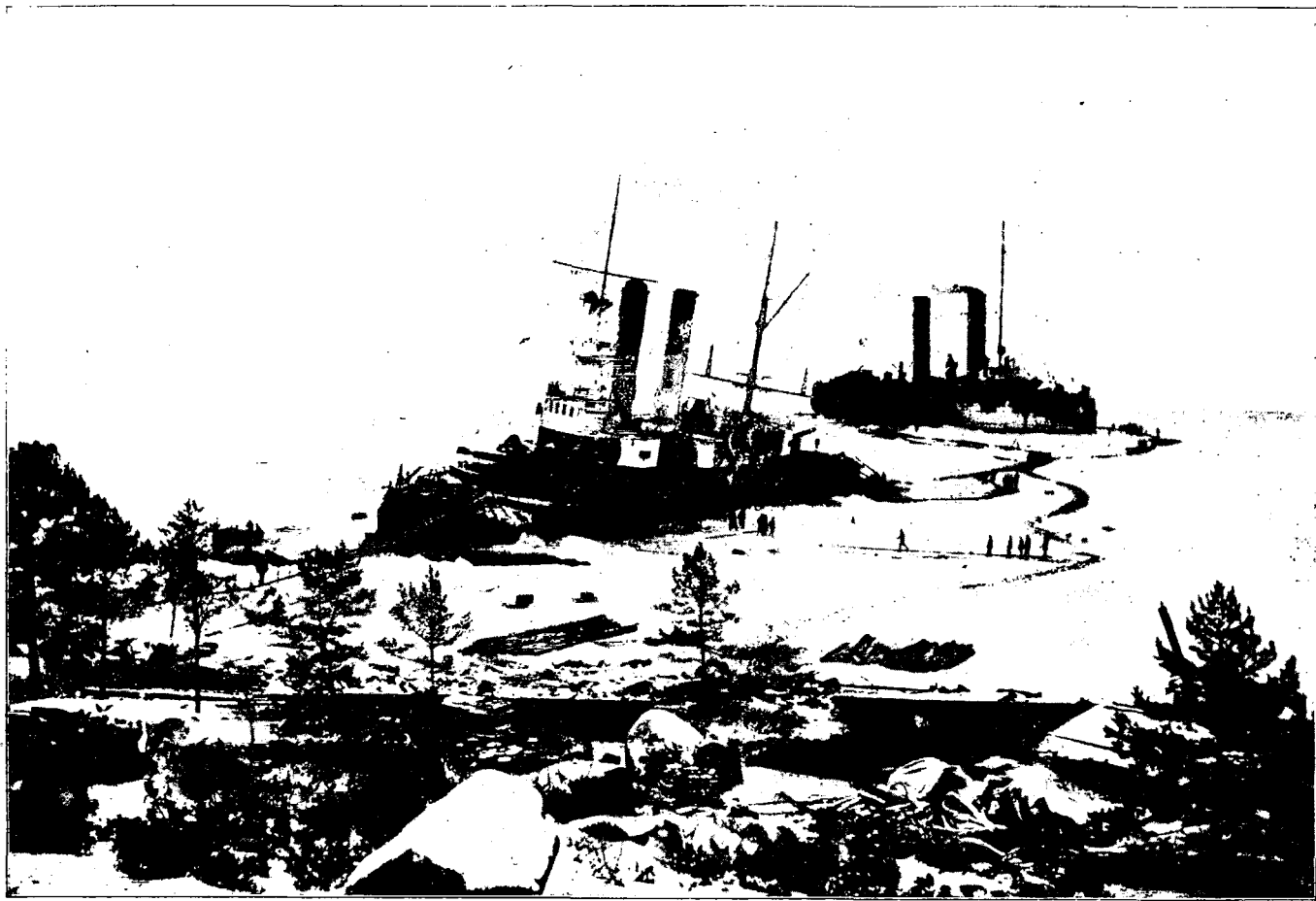
Если были недочеты, поднявшіе цѣлую бурю въ общественномъ мнѣніи и въ печати противъ «Ермака», то это слѣдуетъ приписать двумъ причинамъ: во-первыхъ тому, что это случается со всякимъ новымъ дѣломъ, выходящимъ изъ общей колеи того, чему масса привыкла вѣрить, какъ непоколебимой истинѣ, а во-вторыхъ, тому, что опять-таки огромная масса въ большинствѣ совершенно незнакомыхъ съ дѣломъ людей всегда готова смѣшивать сущность даннаго дѣла съ тѣмъ первымъ успѣхомъ, который можетъ дать и даетъ осторожно и благоразумно веденное нововведеніе.

Намъ кажется, наиримѣрь, что тѣ недочеты, которые обнаружили въ постройкѣ «Ермака», представляютъ изъ себя несомнѣнно явленіе совершенно нормальное и склонны поставить въ огромную заслугу адмиралу Макарову то, что онъ совершенно откровенно признаетъ эти недочеты и изыскиваетъ пути къ ихъ исправленію. Конечно въ тысячу разъ легче бы было приписывать всякую неудачу вліянію слѣпного случая въ надеждѣ, что «не разберутъ», но при этомъ условіи прогрессъ невозможенъ и всякое дѣло должно остановиться на точкѣ замерзанія. У С. О. Макарова хватило гражданскаго мужества признать всѣ тѣ слабыя стороны, въ существованіи которыхъ онъ убѣдился въ данномъ дѣлѣ и прямымъ послѣдствіемъ такого отношенія къ дѣлу явились дальнѣйшія улучшенія на «Ермакѣ», улучшенія, которыя ему нынѣ позволяютъ выдти въ третье опытное плаваніе въ Сѣверный Ледовитый океанъ съ полною увѣренностью въ томъ, что успѣхъ обезпеченъ лучше, чѣмъ то имѣло мѣсто раньше ¹⁾).

Что явятся люди, которые готовы будутъ упрекать «Ермака», если онъ на этотъ разъ не дойдетъ до сѣвернаго полюса, въ этомъ мы не сомнѣваемся ни минуты, но мы склонны думать, что мнѣнію такихъ людей придавать особаго значенія не слѣдуетъ, а что надо имѣть въ виду, что, чтобы ни случилось съ «Ермакомъ» лѣтомъ нынѣшняго года, всякій шагъ его, есть шагъ впередъ въ области развитія человѣческихъ знаній, человѣческой мысли и въ области борьбы этой мысли съ силами природы, признававшей такъ еще недавно въ области полярныхъ изслѣдованій удѣломъ лишь исключительныхъ лицъ при особенно исключительныхъ условіяхъ работы.

Заслуга «Ермака» въ смыслѣ изслѣдованія полярныхъ областей и заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что при его посредствѣ «машинна» (по выраженію С. О. Макарова) уничтожаетъ эти «исключительныя» условія и приводитъ ихъ къ обыкновенной повседневной обстановкѣ, сущность которой мы бы могли выразить въ слѣдующемъ нѣсколько парадоксальномъ положеніи: *что бы привезъ Хансенъ, если бы онъ на землю Франца Иосифа работалъ не въ каменной хижинѣ, а въ комфортабельной каютѣ на «Ермакѣ».*

¹⁾ Въ настоящемъ году закончено капитальное исправленіе «Ермака», заключающееся въ томъ, что къ нему придѣлали совершенно новую, болѣе длинную и болѣе крѣпкую носовую часть.

Броненосецъ „Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ“ на камняхъ у Гоглаида и „Ермакъ“.

Кажется не требуется особенной прозорливости, чтобы отвѣтить на данный вопросъ, а этого достаточно, чтобы оцѣнить всю заслугу адмирала Макарова по отношенію къ наукѣ.

Что же касается до чисто практической дѣятельности «Ермака», то мы, не боясь ошибиться, укажемъ на то, что одно только спасеніе «Апраксина» въ пять разъ окупило расходы по постройкѣ «Ермака». Все остальное, значитъ, досталось даромъ.

Самъ адмиралъ Макаровъ, чрезвычайно осторожный въ своихъ общихъ выводахъ, послѣ опыта работы ледокола въ двѣ предшествовавшія зимы, приходитъ къ тому заключенію, что дѣйствія ледокола типа «Ермака» въ предѣлахъ Балтійскаго моря вполне возможны и поэтому могутъ принести нашей торговлѣ огромныя выгоды. Могутъ существовать нѣкоторыя условія, которыя облегчать или затруднять проводку комерческихъ судовъ черезъ льды, но они зависятъ, главнымъ образомъ, отъ способа постройки этихъ судовъ и отъ умѣнія ихъ капитановъ водить свое судно за ледоколомъ, а не отъ качествъ послѣдняго.

Что касается до плаванія въ полярныхъ льдахъ, авторъ не теряетъ надежды побороть послѣдніе съ помощью ледокола, хотя и не даетъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о возможности достигнуть сѣвернаго полюса. Такая сдержанность будетъ болѣе чѣмъ понятна, если вспомнить, что С. О. Макаровъ при первоначальной своей мысли о достиженіи сѣвернаго полюса имѣлъ въ виду совершить это съ помощью двухъ ледоколовъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ быть почти въ три раза сильнѣе «Ермака».

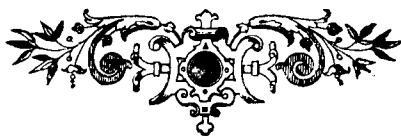
Въ настоящее время «Ермакъ» уже отошелъ въ новое путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Въ концѣ іюня онъ долженъ выдти изъ Тромсе съ цѣлью достигъ устья Оби и Енисея, но на что рѣшится при благоприятныхъ условіяхъ адмиралъ Макаровъ, самъ плавающій на немъ, сказать, конечно, весьма трудно, также, какъ предписать заранѣе путь судну, которое идетъ при столь необычныхъ условіяхъ и по столь неизслѣдованнымъ областямъ, какъ полярныя моря.

Не слѣдуетъ забывать, что и нынѣшнее плаваніе «Ермака» есть только опытъ, отъ котораго, во избѣжаніе возможнаго разочарованія, не слѣдуетъ ожидать слишкомъ много, но которому можно и слѣдуетъ пожелать всякаго успѣха на благо развитія новаго дѣла, столь необходимаго именно Россіи съ ея замерзающими портами.

Не касаясь подробностей книги С. О. Макарова «Ермакъ во льдахъ» и того довольно значительнаго научнаго матеріала, который въ ней собранъ и послужить матеріаломъ для дальнѣйшихъ ученыхъ работъ, мы отсылаемъ нашихъ читателей къ самой книгѣ, которая можетъ и должна послужить украшеніемъ всякой бібліотеки.

Въ послѣдующемъ очеркѣ, который составитъ продолженіе настоящей замѣтки, мы постараемся оцѣнить, насколько то позволить собранный матеріалъ, значеніе ледоколовъ новаго типа съ чисто военной точки зрѣнія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МЕККУ.

(Переводъ съ французскаго).

(Окончаніе) ¹⁾.

VIII. Отъѣздъ изъ Мекки.

Настаетъ день отъѣзда. Мы въ послѣдній разъ посѣщаемъ Шейха-Хаббеида и я прошу его дать мнѣ письмо къ его коллегѣ, малекитскому муфтію въ Алжирѣ. Я на всякій случай считаю полезнымъ имѣть при себѣ это письмо какъ удостовѣреніе моего религіознаго рвенія при посѣщеніи святыхъ мѣстъ и какъ доказательство того уваженія, которое я сумѣлъ заслужить у мѣстныхъ властей.

Онъ не заставилъ себя долго просить, взялъ листъ бумаги и по восточному, просто на рукѣ, вмѣсто стола, написалъ письмо, подстрочный переводъ коего, насколько онъ возможенъ, я прилагаю здѣсь:

(Да будетъ это письмо) ²⁾ въ Алжирѣ хорошо принято и да имѣетъ честь подняться къ ученѣйшему изъ имамовъ! Да продлятся дни знаменитаго великаго Шейха бенъ Дзакура, нашего брата и сестры въ Аллахъ—муфтія сихъ мѣстъ! Привѣтъ Аллаха, аминь.

Во имя Аллаха, милостиваго и милосердаго, благословеніе и миръ Пророку, принесшему радостную вѣсть, который знаетъ всю премудрость, также и на пророковъ изъ дома Израиля. Да будетъ благословеніе Бога на немъ и на всѣхъ его близкихъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 6.

²⁾ Слова въ скобкахъ прибавлены для ясности.

Онъ Единъ вѣковѣченъ, Властелинъ міровъ, Единственный.

Человѣку высокочтимому, знаменитому, открывающему все, что трудно понятно, разсѣивающему всякій мракъ, нашему брату и сестрѣ въ Богѣ, Шейху-бенъ-Дзакуру, Богъ да защититъ его. Аминь.

Затѣмъ да умножится благословеніе Божіе на васъ и милосердіе его.

Онъ пришелъ къ намъ съ Божіей волей,—съ радостью отпущенныхъ грѣховъ, для будущей жизни, Абдъ-Алла банъ эль Ваширь, вошедшій въ спасеніе, и мы изучили его состояніе и нашли его истинно-вѣрующимъ, — не желающимъ ничего, кромѣ спасенія души. Онъ, вѣрующій, своимъ особымъ рвеніемъ и достоинствомъ выдѣляется изъ толпы всѣхъ, слѣдующихъ религіи (Ислама) и поучился бы еще если бы онъ могъ остаться у насъ, и всѣ узнали бы, что мы сдѣлали для него съ цѣлью добра; но онъ торопился уѣхать. Надо, чтобы желающій спастись соблюдалъ достоинство (религіи) и научился бы тому, что ему нужно, и при моемъ великомъ расположеніи къ вамъ будемъ надѣяться о Вашей Милости, что вы будете продолжать соблюдать достоинство (Ислама) въ немъ.

Богъ не запретилъ ни вамъ ни мнѣ надѣяться на вознагражденіе (на томъ свѣтѣ). Пребывайте въ Его добрѣ и радости.

Желающій вамъ добра Мохаммедъ-Хаббейдъ, сынъ (умершаго) Шейха-Хусейна,—да помянетъ его Богъ,—малекитскій муфтій въ Меккѣ, хранимой (Богомъ).

7 Рабіа эль-сани 1312 (1894)

Нашъ метуафъ Абдеррахманъ-бу-Шенакъ хочеть насъ удержать во что бы то ни стало. «Не оставляй меня, умоляю тебя, ты помогъ мнѣ въ моей болѣзни; я чувствую, что ты одинъ могъ бы вылѣчить меня окончательно», говоритъ онъ мнѣ. Но мой спутникъ Хаджи-Акли серьезно болѣнъ; болѣзнь его печени все ухудшается, продолжительные припадки лихорадки истощаютъ его силы; приходится возвращаться на сѣверъ, перемѣнить климатъ.

Видя, что насъ нельзя удержать, Абдеррахманъ-бу-Шенакъ самъ собирается ѣхать съ нами, чтобы полѣчиться у нашего общаго друга Хаджи-Абдеррахмана-эль-Тебиби, но его двоюродный братъ Ахмедъ-бу-Шенакъ отговариваетъ его: «А вдругъ, ты умрешь такъ далеко отъ насъ... Нѣтъ, другъ, ты долженъ умереть здѣсь, на глазахъ у своихъ, если твой часъ насталъ»... и Абдеррахманъ-бу-Шенакъ покоряется.

Рѣшено, что по прїѣздѣ въ Алжиръ я посовѣтуюсь съ Хаджи Абдеррахманомъ-эль-Тебиби, и лѣкарство мы перешлемъ ему съ паломниками будущаго года,—Иншалла (если Богъ захочетъ).

Ослы снова заказаны. Мы ждемъ ихъ съ нетерпѣніемъ болѣе трехъ часовъ. Съ наступленіемъ ночи они наконецъ являются и, въ сопровожденіи нашихъ друзей, мы благополучно доѣзжаемъ до городскихъ воротъ.

Бу-Шенакъ и Дервишъ по очереди жмутъ мнѣ руку, Хаджи-Акли очень нервенъ и озабоченъ. Онъ большими шагами ходитъ передъ нами и спѣшитъ, не знаю почему, выѣхать изъ города.

Послѣ долгихъ объятій, мы взбираемся на осликовъ и опять несемся въ темнотѣ ночной. Чувство страха, вызываемое безпокойствомъ товарища, невольно закрадывается и въ мою душу.

Видимо, въ Меккѣ, какъ и въ Джеддѣ, я успѣлъ возбудить подозрѣніе, и пребываніе мое тамъ не обошлось безъ маленькаго инцидента, могущаго имѣть дурныя послѣдствія; однажды, бродя въ одиночествѣ по улицамъ Мекки, я былъ остановленъ полицейскимъ, спросившимъ меня по турецки, кто я таковъ и что я дѣлаю въ Меккѣ?

«Говори по-арабски» сказалъ я ему; и онъ повторилъ свой вопросъ.

«Я алжирецъ».

— «Гдѣ ты живешь?»

— «У своего метуафа, Абдеррахмана-бу-Шенака».

Онъ повелъ меня въ ближайшій полицейскій постъ и вотъ я опять арестованъ! Мнѣ предлагаютъ тѣ же вопросы, зорко осматривая меня. Лаконически я отвѣчаю то-же.

— «Какъ здоровье Абдеррахмана-бу-Шенака?» тогда спрашиваютъ меня.

— «Онъ страдаетъ желудкомъ, но съ Божьей помощью, я помогу ему, такъ какъ я отчасти врачъ».

— «А! ты врачъ, — хорошо, иди съ миромъ!! И меня отпускаютъ... Это знаніе подробностей о всѣмъ извѣстной болѣзни моего хозяина выручило меня».

Я никому не сказалъ тогда объ этомъ обстоятельстве и впредь уже не рѣшался выходить одинъ изъ дому, но въ душѣ боялся послѣдствій этой неосторожности.

Теперь, уже въ пути, этотъ страхъ возвращался съ новой силой. Можетъ быть кто-нибудь успѣлъ насъ выдать, можетъ быть турецкая полиція обратить на насъ вниманіе и произведетъ под-

робный осмотръ, для чего нашъ отъездъ является самымъ удобнымъ временемъ, и тогда хороши мы будемъ съ нашими фотографическими аппаратами!

Въ сущности нельзя назвать это чувство страхомъ, я просто не былъ спокоенъ и съ радостью слѣдилъ, какъ постепенно увеличивалось разстояніе между нами и священнымъ городомъ...

Бойко бѣгутъ наши ослики и мы скоро догоняемъ путешественниковъ, выѣхавшихъ раньше насъ; это друзья Хаджи, «метуафы» изъ Триполи и Туниса, ѣдущіе въ Джедду и оттуда на родину повидать своихъ и собирать подаянія. Вѣроятно они будутъ нашими спутниками до Ямбо, единственной пристани между Джеддой и Суэцомъ, гдѣ мы предполагаемъ высадиться, чтобы ѣхать въ Медину.

Мы обмѣниваемся разными любезностями и все время перекликаемся въ полной темнотѣ.

— «Ходжа Абдалла»? (это мое имя богомольца).

— «Намъ?» (Ну что)?

— «Кифе Олекъ» (какъ поживаешь).

— «Тайбине, Амдулилла» (Хорошо, слава Богу).

Все идетъ хорошо. Хаджи пока успокаивается, Абдъ-эль-Вахадъ поетъ красивыя бедуинскія и мароккскія пѣсни. Въ особенности часто вспоминается мнѣ одна изъ нихъ, когда я мысленно переносюсь къ своимъ странствованіямъ. Я впервые слыхалъ ее на палубѣ «Глаукуса», напѣваемую бедуинскими шейхами, ѣхавшими съ нами въ Мекку.

Она преслѣдовала меня во всѣхъ моихъ прогулкахъ по святому городу, гдѣ ее напѣваютъ почти всѣ погонщики ословъ. И въ эту мучительную ночь возвращенія, Абдъ-эль-Вахадъ почти все время пѣлъ ее въ полголоса.

Арабскіе стихи, такимъ образомъ распѣваемые, почти непереводимы, но я забавлялся въ эту безсонную ночь, пробуя по нѣсколькимъ схваченнымъ словамъ; козочка, песокъ, пустыня, мое сердце, любовь и т. д. перевести арабскій текстъ этой пѣсни, мотивъ которой, то жалостный и ласкающій, то полный раздраженія и угрозы, то звучащій неизъяснимой грустью, глубоко запалъ мнѣ въ душу.

Вотъ, приблизительно, что пѣлъ Абдъ-эль Вахадъ:

Жестоко изгнаніе! долженъ бѣжать, Зюлейка,
Зюлейка, моя жемчужина, мое сокровище.
Умереть въ пустыню я бѣжалъ, Зюлейка,

Зюлейка, жемчужина, мое чудное сокровище.
 Я сказать свое горе дикимъ козамъ, Зюлейка,
 Зюлейка, жемчужина, мое чудное сокровище.
 Газели смѣялись моимъ слезамъ, Зюлейка,
 Зюлейка, жемчужина, мое чудное сокровище,

Я умираю и прокливаю тебя, Зюлейка,
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.
 Ты измѣнила нѣжнымъ клятвамъ, Зюлейка,
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.
 Невѣрная измѣнница, ты поешь и забываешь...
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.
 Но въ свою очередь ты пострадаешь, Зюлейка,
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.
 Вечерній вѣтеръ принесетъ тебѣ мой послѣдній вопль!
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный,
 И совѣсти угрызения замучатъ тебя,
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.

Въ миражѣ я снова вижу тебя, Зюлейка,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.
 Прохладный миражъ, увы, убѣгаетъ, Зюлейка,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.
 Жестокая жажда терзаетъ меня, Зюлейка,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная;
 Нѣтъ, это жажда твоихъ поцѣлуевъ, Зюлейка,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.
 Я пью. Я живъ. Прохладный садъ открытъ для меня,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.
 Небесный садъ... Отдыхъ... Восторгъ... умираю... я твой
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.

Первая неудача: осликъ Хаджи-Акли спотыкается и падаетъ. Хаджи, сброшенный впередъ, падаетъ на ноги, такъ что голова ослика приходится у него между ногъ, но все обходится благополучно; его усаживаютъ въ сѣдло. Нѣсколько шаговъ далѣе со мной случается то-же!

Бѣдные ослики, утомленные этими постоянными переходами въ 87 километровъ безъ отдыха, часто слабѣютъ и падаютъ, но, привыкнувъ къ этому, остаются недвижими на колѣняхъ въ глубокомъ пескѣ, терпѣливо ожидая, чтобы сброшенный впередъ всадникъ освободилъ имъ голову, и тогда живо поднимаются. Я семь разъ благополучно упалъ такимъ образомъ. Но изведенный

въ концѣ концовъ, я набрасываюсь на погонщика, давшаго намъ такихъ скверныхъ ословъ.

«Не сердись, братъ мой, ты не умѣешь ѣздить верхомъ—вотъ и все! Давай перемѣнимся, мой осель ни разу не спотыкнулся подо-мною!»—говорить онъ.

Въ негодованіи я отвѣчаю ему, что объѣхалъ полміра, что ѣздилъ на самыхъ бойкихъ лошадяхъ, что я не новичекъ и т. д., но онъ еще терпѣливѣе отвѣчаетъ мнѣ: «Ну возьми ослика Абдъ-эль-Вахада, который тоже ни разу не спотыкался и мы посмотримъ!» Я соглашаюсь на это и мы продолжаемъ путь...

Проѣхавъ нѣсколько километровъ я вижу, что возлѣ меня свалился всадникъ.

Должно быть это Абдъ-эль-Вахадъ,—думаю я. Пожалуй онъ еще сломаетъ себѣ ногу вмѣсто меня, потому что онъ слуга, а я господинъ. Развѣ это справедливо?

Это была первая мысль,—пришедшая мнѣ на умъ, настолько, въ этой странѣ общаго братства, эгоизмъ уступаетъ мѣсто любви къ ближнему! «Эхъ, какъ повезло мнѣ!»! подумалъ бы я въ Европѣ.

Я останавливаю своего осла, чтобы помочь моему спутнику, но скоро вижу свою ошибку: это упалъ какой то незнакомецъ. Мы ѣдемъ дальше. Но мой товарищъ уже далеко впереди меня гарцуетъ въ темнотѣ.

Незнакомецъ, не сказавши мнѣ ни слова, перегоняетъ меня, и вотъ я одинъ на дорогѣ. Только бы мой осель не споткнулся, а то какъ я подымусь безъ помощи?

О, братъ мой, странникъ, да избавить тебя Всемогуцій отъ ословъ со слабыми ногами, когда ты будешь совершать святое паломничество въ Мекку, да избавить тебя Богъ отъ этой неприятности—Онъ Всемогуцій!

Меня она постигла: мой осель, желая догнать своихъ сотоварищей, пустился вскачь и повалился со всѣхъ четырехъ ногъ.

Что дѣлать одному? Какъ взобраться безъ помощи на это сѣдло, называемое въ Хеджизѣ «бать...?»

Это цѣлое сооруженіе: сначала родъ высокаго ленчика, «барда», какъ въ Алжирѣ или въ Каирѣ, притянутаго дрянной веревкой изъ альфы, потомъ набитые хурджины (переметныя сумы), сверху ватное одѣяло, служащее матрасомъ—наконецъ, какой-нибудь халатъ; все это держится въ равновѣсїи съ помощью второй веревки.

Чтобы влѣзть въ сѣдло, въ каравансараяхъ существуютъ спе-

ціальныя подставки, а въ пути погонщикъ подставляетъ вамъ ко-
лѣно; но какъ взобраться самому, безъ посторонней помощи, на
такую высоту?

Я понялъ всю опасность своего положенія и забывъ усталость,
собравъ всѣ силы, совершилъ отчаянный прыжокъ вверхъ и кое-
какъ попалъ въ сѣдло.

Я скоро догналъ моихъ спутниковъ, дремавшихъ на своихъ
ослахъ и хорошенько выбранилъ ихъ за то, что они такъ эгои-
стично поступили со мной. Вѣроятно мой упрекъ подѣйствовалъ
и послѣ этого происшествія мы безмолвно продолжали путь, тя-
нувшійся передъ нами во мракѣ ночи.

На этотъ разъ мы сразу продѣлали весь переходъ изъ Мекки
въ Джедду, если не считать короткихъ остановокъ въ Хаддѣ и въ
нѣсколькихъ придорожныхъ кофейняхъ.

На разсвѣтѣ мы были въ виду Джедды и въ торопяхъ совер-
шали утреннюю молитву, такъ какъ она должна быть окончена до
солнечнаго восхода.

IX. Возвращеніе въ Джедду.

Мы вѣзжаемъ въ Джедду черезъ Меккскія ворота, подъ весе-
лое побрякиваніе бубенчиковъ на нашихъ осликахъ, звонко раз-
дающееся въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Здѣсь осликъ, бывший
ранѣе подо мной, и до сихъ поръ благополучно возившій велико-
душнаго Абдъ-эль-Вахада, падаетъ вмѣстѣ со своимъ всадникомъ.

Теперь, при дневномъ свѣтѣ, Абдъ-эль-Вахадъ представляетъ
такой забавный видъ, съ головой ослика между ногъ, что я раз-
ражаюсь неудержимымъ хохотомъ.

— «Ты не снисходителенъ», — говоритъ онъ мнѣ, — «ты восемь
разъ упалъ, и я не смѣялся ни разу».

Мы ѣдемъ дальше все вскачь; погонщикъ старается изо всѣхъ
силъ показать, что, несмотря на длинный переходъ, его животныя
не устали, гонить во всю, подобно нашимъ кучерамъ при вѣздѣ
въ деревню. Бѣдные ослики напрягаютъ послѣднія силы, но вдругъ
почти у порога нашего дома, Абдъ-эль-Вахадъ опять падаетъ, и
бѣшенный хохотъ снова овладѣваетъ мной...

— «Ты упалъ восемь разъ и я ни разу не смѣялся», — укориз-
ненно повторяетъ мнѣ мой другъ.

Но что дѣлать? Долгое-ли принужденіе, радость-ли чувство-

вать себя внѣ опасности, сознание-ли удачи, нервное-ли возбужденіе прошедшей ночи, — не знаю, но потребность бѣшено хохотать не оставляла меня по крайней мѣрѣ два часа.

Друзьямъ, приходившимъ поздравить насъ со счастливымъ возвращеніемъ, я отвѣчалъ взрывами нервного смѣха, стараясь оправдать его забавными рассказами о нашихъ паденіяхъ и все время находился въ какомъ-то болѣзненномъ настроеніи безумной веселости.

Только уже послѣ завтрака и когда Хаджи-Акли побранилъ меня за неприличіе моего поведенія, я пришелъ въ себя.

Кажется ни разу въ жизни не испытывалъ я такого отраднaго чувства, какъ въ этотъ вечеръ, когда цѣлымъ и невредимымъ сидѣлъ я во французскомъ консульствѣ и кругомъ меня раздавались искреннія и горячія поздравленія со счастливымъ окончаніемъ опаснаго путешествія.

Посланная во Францію телеграма обрадуетъ мою старую мать, близкихъ и друзей, и мысль, что они сегодня будутъ счастливы и спокойны, радостнымъ чувствомъ наполняетъ мою душу.

Мой визитъ въ консульство былъ сдѣланъ подъ предлогомъ визированія паспорта; я сокращаю его, чтобы не возбудить подозрѣнія, такъ какъ мои странствованія еще не кончены и я рассчитываю черезъ Ямбо отправиться въ Медину, какъ давно условлено съ Хаджи-Акли.

И вотъ мы опять гости Абдеррахмана-Эффенди. Я дѣлаю нѣсколько прогулокъ по городу и хотя менѣе стѣсняюсь, но долженъ быть все-таки остороженъ.

Мнѣ хочется снять нѣсколько фотографическихъ видовъ въ Джеддѣ, и, между прочимъ, могилу Гюбера.

Спрятавъ свой аппаратъ (13×18) на дно корзины, мы отправляемся въ фотографическую экскурсію. Мнѣ легко удается снять, не обративъ на себя ничего вниманія, нѣсколько видовъ старой стѣны, общій видъ города и нѣкоторыхъ улицъ. Выйдя за городъ, мы достигаемъ кладбища, сторожъ не препятствуетъ, и снятая фотографія увѣковѣчиваетъ священную память могилы Гюбера.

Изъ предосторожности мы возвращаемся въ городъ по другой дорогѣ и, какъ нарочно, попадаемъ на турецкій объѣздъ, состоящій изъ двухъ офицеровъ, унтеръ-офицера и двухъ солдатъ. Пользуясь прохладой, они производятъ утренній осмотръ постовъ. Наша корзина возбуждаетъ подозрѣніе въ контрабандѣ и, остановивъ насъ, они спрашиваютъ, что въ ней такое.

— «Ничего»,—отвѣчаетъ Хаджи.

— «Ого! а это что такое?»

— «Это»,—рѣшительно отвѣчаетъ Хаджи-Акли,—«фотографическій аппаратъ, съ помощью котораго мой спутникъ Абдалла, алжирскій врачъ, хочетъ снять нѣсколько видовъ города».

Офицеръ пытливо осматриваетъ меня. Къ счастью въ этотъ день я прилично одѣтъ. На мнѣ новый шелковый халатъ, красивый поясъ и хорошая обувь.

Я выдерживаю испытующій взглядъ офицера и прибавляю по-арабски: «Да, я алжирецъ, нахожусь подъ покровительствомъ Франціи, мой паспортъ у драгомана въ консульствѣ, гдѣ мы и живемъ».

Зорко осмотрѣвъ меня и видя, что я не смущаюсь, турецкій офицеръ отпускаетъ насъ съ миромъ.

По возвращеніи домой, я рѣшительно прячу свой аппаратъ на дно сундука съ тѣмъ, чтобы не вынимать его больше въ Джеддѣ.

Послѣдній вечеръ въ Джеддѣ мы провели въ обществѣ нашихъ друзей у аптекаря и послѣ чая мирно усѣлись на порогѣ дома. Къ намъ подошли двѣ нищія бедунскія дѣвочки, прося милостыни.

«Это могребинки»,—сказалъ мнѣ аптекаръ,—«оставленныя здѣсь на произволъ судьбы своими земляками. Ихъ много этихъ несчастныхъ. Не имѣя средствъ на возвращеніе домой, онѣ собрались цѣлымъ таборомъ и живутъ на берегу моря, у самыхъ городскихъ воротъ. Пойдемъ взглянуть на нихъ, это грустное зрѣлище, но слѣдуетъ тебѣ посмотрѣть».

Худыя, истощенныя, съ блестящими отъ голода глазами, прося по дорогѣ милостыню, ведутъ насъ эти дѣвочки черезъ площадь. Но немного «піастровъ» и «пара» (мелкая монета) перепадаетъ имъ; даже богатые купцы и тѣ предпочитаютъ отдѣлаться корками хлѣба и гнилыми фруктами.

У нихъ въ рукахъ маленькіе глиняные кувшины, которые имъ нужно наполнить свѣжей водой, но онѣ видимо не рѣшаются просить объ этомъ. Наконецъ, онѣ подходятъ къ добродушному старику, сидящему передъ своей лавкой, цѣлуютъ ему руки и послѣ усиленныхъ просьбъ, добиваются позволенія получить воду.

По приказанію хозяина, слуга ворча отправляется къ цистернѣ, но наши дѣвочки горячо протестуютъ: «Твой хозяинъ сказалъ хорошей воды дать для питья, а не испорченной изъ цистерны». Но такъ какъ слуга не обращаетъ на это вниманія, онѣ возвра-

щаются къ великодушному купцу и только послѣ новыхъ долгихъ просьбъ получаютъ свѣжую воду.

Теперь наши бедуиночки счастливы, точно нашли сокровище. Онѣ щебечутъ какъ двѣ птички, играютъ и даже поддразниваютъ другъ друга. Бѣдныя дѣти! Какая беззаботность! А между тѣмъ какъ это понятно въ ихъ лѣта.

Мы достигли цѣли нашего пути. Передъ нами невообразимое кочевье нищеты. На прибережномъ пескѣ развѣшаны на палкахъ разныя старыя тряпки на подобіе шатровъ. Прямо на землѣ валяются нѣсколько сотъ несчастныхъ существъ, мужчинъ и женщинъ, потерявшихъ всякій человѣческій обликъ. Это живые осколки паломничества. Большинство изъ нихъ старики; въ надеждѣ-ли на удачу, или желая умереть въ святой землѣ, неизвѣстно какъ, притащились они сюда вслѣдъ за паломниками, но счастье не улыбнулось имъ, а смерть не беретъ.

Я съ ужасомъ спрашиваю себя, чѣмъ могли они питаться въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ? какимъ чудомъ живутъ они теперь? Напрасно эпидеміи свирѣпствовали подъ жгучимъ солнцемъ, напрасно всякія заразы кишили среди нихъ, они все еще продолжаютъ влачить свое жалкое существованіе.

Конечно, мечети служатъ главнымъ пріютомъ этой нищеты, но все-таки остается только удивляться живучести этихъ людей, какъ невольно удивляешься колючкамъ и кустикамъ, находящимъ себѣ въ бесплодныхъ пескахъ пустыни необходимую влагу и питаніе,—растеніямъ, жизнь которыхъ, въ сущности, является для насъ непонятной загадкой природы!

«Посмотри»,—говоритъ мнѣ аптекаръ,—«это все могребійцы, все люди изъ твоей страны. Неимущіе турки и египтяне, тѣ возвращаются домой на счетъ своего правительства, между тѣмъ какъ эти, кажется, забыты всѣми и даже Богомъ».

— «Это потому, что Богъ удалился отъ странъ, понавшихъ во власть невѣрныхъ»,—говоритъ намъ съ горечью одинъ изъ этихъ несчастныхъ.

Я тутъ же купилъ и роздалъ нѣсколько фунтовъ хлѣба, и теперь еще содрагаюсь, вспоминая, какъ жадно щелкали челюсти этихъ голодныхъ людей.

Я вернулся домой подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ видѣннаго, и весь вечеръ разговоръ шелъ о несправедливости французовъ относительно мусульманъ алжирскихъ, тунисскихъ и всего Могреба ¹⁾,

¹⁾ Т. е. запада, но названіе это общее [и неопредѣленное для обозначенія сѣверной Африки.

и я ничего не могъ сказать этимъ враждебно настроеннымъ людямъ въ защиту Франціи. Мое щекотливое положеніе принуждало меня къ молчанію, а между тѣмъ мнѣ страшно хотѣлось закричать имъ всю правду. Хотѣлось сказать имъ о дружескомъ расположеніи, питаемомъ Франціей къ народамъ ислама, дружбѣ, бывшей постоянной заботой нашихъ правительствъ, начиная съ Наполеона I, корреспонденція котораго изъ Египта краснорѣчиво свидѣлствуетъ объ этомъ, и кончая нашими днями.

Въ настоящее время, несмотря на постоянную угрозу занесенія паломниками эпидемій и опасность, угрожающую всей Европѣ, французская политика продолжаетъ покровительствовать паломничеству. Кто болѣе алжирскаго правительства окружилъ богомольцевъ медицинской помощью, гигиеническими предосторожностями и т. д.? Кромѣ того приняты дѣйствительныя мѣры, въ видѣ требованія залога (около 1,000 франковъ), вносимаго богомольцами при ихъ отправленіи, какъ обезпеченіе противъ всякихъ случайностей.

Чего только ни предпринимали, чтобы спасти ихъ отъ грустныхъ результатовъ, вызываемыхъ чрезмѣрнымъ религіознымъ рвеніемъ, въ послѣдствіи заставляющимъ несчастныхъ бѣдняковъ переносить тѣ муки, свидѣтелемъ коихъ я былъ въ Джеддѣ!

А между тѣмъ весь мусульманскій міръ остается при убѣжденіи, что Франція ставитъ преграды паломничеству въ Мекку; происходитъ это оттого, что могребійцевъ ошибочно смѣшиваютъ съ арабами изъ Марокко и Триполи, не подлежащихъ нашему контролю, съ алжирцами и тунисцами, французскими подданными.

По моему есть еще одна мѣра: это обратиться къ благотворительности мусульманъ сѣверной Африки, чтобы съ помощью ежегоднаго сбора образовать фондъ на вспомошествованіе бѣднѣйшимъ паломникамъ, и на расходы по ихъ доставкѣ на родину.

Но стоитъ-ли, скажутъ мнѣ, интересоваться этими безпечными людьми, легкомысленно предпринимающими такое путешествіе, между тѣмъ какъ было бы такъ просто оставаться дома? Я отвѣчу на это, что Франція не должна допускать распространенія подобныхъ неправильныхъ толковъ, служащихъ во вредъ ея филантропической политикѣ въ Алжирѣ и Тунисѣ.

Х. Изъ Джедды до Ямбо.

Завтра мы покидаемъ Джедду. Австрійскій пароходъ готовъ къ отплытію, мы на разсвѣтѣ незамѣтно переберемся на него въ со-

провожденіи только нашихъ вѣрныхъ друзей Хаджи-Али-Омды, Абдъ-эль-Вахада и Ахмеда, содержателя кофейни въ Джеддѣ, который, если хотите, былъ намъ слугой,—но слуга въ Аравіи—другъ.

Съ сожалѣніемъ прощаемся мы съ этими добрыми людьми, безкорыстно служившими намъ и много способствовавшими успѣху нашего предпріятія. Память о Хаджи-Али-Омды останется надолго въ моемъ сердцѣ; я высоко цѣню его благородство, его преданность и великодушіе. Если настанетъ день, когда я буду ему нуженъ, онъ найдетъ меня готовымъ—если Богу будетъ угодно!

«Thisbè», пароходъ австрійскаго Ллойда, тихо уноситъ насъ по глубокому синему морю. Хорошо нагруженный, онъ плавно скользитъ по спокойнымъ водамъ, и мы можемъ въ волю любоваться постепенно исчезающими на горизонтѣ берегами Святой Земли...

Я, конечно, одѣтъ все еще по-мусульмански, но костюмъ мой теперь почти роскошенъ, а главное—чистъ.

Во время моего пребыванія въ Хеджазѣ, я постоянно былъ одѣтъ бѣднякомъ, дабы не обращать на себя вниманія; но теперь на пароходѣ я пользуюсь случаемъ привести себя въ болѣе приличный видъ.

Мы отдыхаемъ здѣсь отъ постоянной тревоги, съ нами только наши друзья, метуафы изъ Туниса и Триполи, наши спутники до Ямбо.

Мы располагаемся въ каютахъ перваго класса,—правда, каютахъ грузового судна и безъ общаго стола, но все-таки какой комфортъ сравнительно съ тѣмъ, что было на «Glaucus'ъ». Тогда моимъ спутникомъ на палубѣ была грязная вонючая собака, теперь на шканцахъ судна около меня прелестная маленькая газель, которую капитанъ купилъ въ Джеддѣ и везетъ въ Триестъ.

Джедда исчезаетъ на горизонтѣ, а за ней и Хадда, за которой прячется Мекка.

Мы въ открытомъ морѣ, и я мысленно переносусь къ чуднымъ вечернимъ молитвамъ въ священной мечети, въ обаятельный часъ солнечнаго заката... Я снова вижу розовый свѣтъ вечерней зари и паломниковъ, благоговѣнно скользящихъ какъ призраки по тесанымъ плитамъ кругомъ Каабы. До меня снова доносится эхо мелодичнаго призыва четырехъ муэззиновъ, грустью звучить ихъ меланхолическій напѣвъ въ сіяніи потухающаго вечера; низкій басъ одного сливается съ высокимъ сопрано другого, и далеко въ воз-

духъ разносятся ихъ рыдающіе голоса... Въ дѣйствительности это раздается глухой шумъ винта, грозный плескъ волны и унылый свистъ вѣтра въ парусахъ и снастяхъ парохода.

Семь часовъ вечера.

Газель жуетъ сухое сѣно.

Я открываю свое инкогнито капитану «Thisbè», командовавшему яхтой «Аврора», построенной вѣнскимъ барономъ Нафанаиломъ Ротпильдомъ для своего путешествія на Востокъ. Я тогда обѣдалъ на яхтѣ, за столомъ барона. Капитанъ сначала не вѣритъ своимъ глазамъ, но, признавъ меня, радостно привѣтствуетъ; завязывается разговоръ, велѣно подать намъ складные стулья и отпустить на ночь матрасы и постельное бѣлье. Какое пріятное возвращеніе къ комфорту. Мы чувствуемъ себя принцами!

Козочка пережевываетъ свою жвачку и ея большіе, задумчивые глаза закрываются въ полу-дремотѣ. Пассажиры, за исключеніемъ рулевого и нѣсколькихъ турецкихъ дамъ, совершаютъ вечернюю молитву.

Негритянка огромныхъ размѣровъ сопровождаетъ старую даму изъ Египта; она очень набожна и все время перебираетъ свои перламутровыя четки. Удобно размѣстившись на кроватяхъ и коврахъ, эти двѣ женщины хозяйничаютъ, молятся или сосутъ гранаты. Когда черная рабыня поднимается, то ея огромныя формы производятъ уморительное впечатлѣніе. Вотъ набросокъ, достойный пера Каранъ-д'аша, — жаль, что его нѣтъ здѣсь.

На носу парохода пассажиры расположены живописными группами. Самовары, котелки и кастрюли всевозможныхъ формъ и величинъ мелькаютъ со всѣхъ сторонъ. Дѣти пищать, другія играютъ; самыя маленькія уложены въ гамаки и ихъ раскачиваютъ со всего размаха, что здѣсь называется убаюкивать!

Кухня переполнена; всякіе котелки, чайники загромаждаютъ очагъ повара, собирающаго обильную жатву маленькихъ серебряныхъ пиастровъ.

Восемь часовъ.

Обѣдъ конченъ. Восклицаніе «хамдулла» сопровождаетъ повсюду громкую отрыжку. Раздается нѣсколько бедуинскихъ пѣсень, напѣваемыхъ въ полголоса; жара спала, всѣ готовятся къ ночлегу.

Девять часовъ.

Ночую на палубѣ. Возлѣ моей койки стоитъ на скамейкѣ кувшинчикъ свѣжей воды и кофейникъ съ остатками чаю и ломтиками

лимона... мое питье на ночь. Это очень интересуешь козочку и она пользуется моею невнимательностью, чтобы вскарабкаться на скамью. Положительно ея фамиллярность переходит границы. Я строго прогоняю ее, но она смотритъ на меня такими блестящими и ласковыми глазами, что я встаю и наливаю ей чашку чая; она нюхаетъ его, лижетъ края чашки, но отказывается пить. Отъ воды тоже отказывается. Видимо все это только одно женское любопытство и кокетство!

Ей насыпали немного кунжута, смѣшаннаго съ кукурузой, подложили сѣна, но она очень серьезно отгребаетъ сѣно и укладываетъ на кунжутъ, зернышки котораго должно быть напоминаютъ ей песокъ родной стороны.

Бѣдная маленькая козочка, кто возвратитъ тебѣ песокъ родной пустыни? Какова будетъ теперь твоя грустная судьба? Твои нѣжные члены окоченѣютъ отъ нашихъ холодныхъ тумановъ и чахотка ждетъ тебя на западѣ.

Бѣдная козочка! Вдыхай сильнѣе послѣднее дуновеніе вечерняго вѣтерка, еще приносящаго тебѣ ароматы родного края! Черезъ четыре дня ты будешь плавать по морямъ болѣе холоднымъ, и жестокое изгнаніе начнется для тебя.

Лично я ни за что не буду заводить птицъ, обезьянъ, попугаевъ—всѣхъ этихъ бѣдныхъ мучениковъ, оторванныхъ жестокимъ человѣкомъ отъ родной природы; въ неволѣ ненужная жалость только удлиняетъ ихъ агонію.

Одиннадцать часовъ ночи.

Все спитъ и я предаюсь своимъ мечтамъ.

ХІ. Ямбо-эль-Бахръ.

Вотъ Ямбо-эль-Бахръ, гавань Медины, какъ Джедда гавань Мекки. Мы приближаемся; волшебный видъ открывается передъ нами: къ сѣверу на горизонтѣ высятся темныя очертанія причудливыхъ горъ; между ними и моремъ растилается пустынная равнина, окаймленная полосой золотистаго песка; море отражаетъ это золото берега, переливаясь изумрудно-зелеными радужными тонами. Маленькій городокъ еще ярче блеститъ, поднимаясь въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега, и тонкіе силуэты двухъ минаретовъ ясно выступаютъ на темномъ фонѣ горы.

Небо молочно-голубого цвѣта; палящій зной повисъ въ воз-

духъ. Пароходъ медленно пробирается мимо коралловыхъ рифовъ, унизывающихъ, какъ и въ Джеддѣ, этотъ негостепріимный берегъ. Рифы окаймляютъ узкій проливъ, ведущій къ пристани, но нашъ лоцманъ ловко проводитъ насъ и мы бросаемъ якорь.

Я разсѣянно смотрю на всѣ эти подробности и сердце мое сжимается. Хаджи только-что объявилъ мнѣ, что не можетъ сопровождать меня въ Медину. Болѣзнь печени его чрезвычайно усилилась въ этомъ жаркомъ климатѣ. Онъ очень ослабѣлъ и его пугаетъ тяжелая перспектива пяти переходовъ на верблюдахъ, отдѣляющихъ насъ отъ второго священнаго города Ислама, отъ гробницы Пророка, отъ Медины Благословенной.

Онъ едва соглашается сойти на берегъ, чтобы повидать одного стараго пріятеля и сдѣлать коротенькую прогулку.

Еще безучастнѣе обхожу я эти бѣдныя улицы и грязные базары. Торговля мало развита въ Ямбо и то только оптовая, мелочной вовсе не существуетъ. Сюда привозятъ рисъ, хлѣбное зерно или ткани.

Суда выгружаютъ свою кладь на маленькую набережную, содержащую въ довольно хорошемъ состояніи; отсюда безконечные караваны верблюдовъ, какъ трудолюбивые муравьи, берутъ ее, чтобы доставить черезъ пустыню въ Медину.

Возлѣ насъ стояло на якорѣ англійское судно, нагруженное зерномъ, пожертвованнымъ султаномъ и отправленнымъ изъ Константинополя для пилигримовъ будущаго года.

Мнѣ говорили, что такимъ же образомъ султанъ ежегодно отправляетъ суда, нагруженные пшеницей, масломъ, медомъ, сушенымъ виноградомъ, оливами и т. д., великодушно предназначенными для продовольствія паломническихъ каравановъ.—Да будетъ благословенъ султанъ!

Мы узнали въ Ямбо о смерти важной персоны въ Мединѣ,—Си-Халедъ-Джама-эль-Лиль, большого пріятеля Бенъ-Рашида, правителя Неджа.

И мединцы, которые сообщили намъ объ этомъ, прославляютъ этого Бенъ-Рашида!

«Какой могущественный государь! Всегда на войнѣ, хорошо вооруженный, справедливый и великій!.. недавно, два комерсанта изъ нашей страны отправились торговать въ его царство. Девять дней пути отдѣляютъ Медину отъ столицы Бенъ-Рашида: два первыхъ—по турецкимъ владѣніямъ, а семь остальныхъ—по его арабскому царству. Нашихъ комерсантовъ не беспокоили ни по пути,

ни во время пребыванія ихъ у Бенъ-Рашида. При обратномъ же ихъ слѣдованіи они были убиты при самомъ вступленіи на турецкую территорию, тогда какъ въ качествѣ иностранцевъ, они пользовались почетомъ и уваженіемъ въ продолженіе семи дней пути во владѣніяхъ арабскаго государя. Бенъ-Рашидъ, взбѣшенный этимъ происшествіемъ, приказалъ тогда племенамъ подчиняться его власти и не платить никакихъ податей туркамъ.

«Я буду повелѣвать вами,—объявилъ онъ,—ибо Турція безсильна охранять безопасность вашу даже у себя. Отнынѣ только мой *анайи* будетъ имѣть значеніе для васъ и я хочу быть полнымъ господиномъ въ предѣлахъ до одного дня пути въ Медину». Но племена не осмѣлились отказать отъ уплаты податей туркамъ; тогда разгнѣванный Бенъ-Рашидъ, въ примѣръ другимъ, стеръ ихъ съ лица земли.

— «Слову моему должно повиноваться или умереть!» — сказалъ онъ, и ни одна живая душа не была пощажена... Си-Халедъ-Джама-эль-Лиль былъ его вѣрнымъ другомъ,—прибавили мединцы.

«Какой справедливый и могучій человекъ! Постоянно сопровождаемый двѣнадцатью черными невольниками, здоровыми и сильными, которыхъ онъ покупалъ, несмотря ни на какую цѣну, онъ чинилъ судъ и расправу безапелляціонно, казнилъ даже смертью, не обращая вниманія на турокъ. Ежедневно, въ опредѣленный часъ, на порогѣ своего жилища онъ обнажалъ саблю и, высоко вздымая ее надъ головою, восклицалъ:

«Кто имѣетъ ко мнѣ дѣло? Всякій, кто желаетъ принести жалобу на несправедливость, пусть подходитъ безъ страха, если его дѣло право и слова искренни: моей саблей, блестящей и чистой, я воздамъ ему должную справедливость!.. А вы, ночные львы (воры), дрожите: я скошу ваши головы, какъ зрѣлые колосья хлѣба»!... Въ его могучей рукѣ, разсѣкая воздухъ, какъ крыло птицы свистѣла при этомъ сабля и онъ прибавлялъ обыкновенно:

«А ты, эхо страны арабской, повторяй мой голосъ до самой пустыни, дабы знали всѣ, что здѣсь обитаетъ справедливость и что Богъ покровительствуетъ угнетеннымъ!»

«И челобитчики приближались довѣрчиво, а львы ночи дрожали... Теперь онъ умеръ. Богъ Всемогущъ! Но мы жестоко чувствуемъ потерю, которую причинила намъ смерть этого праведника!.. Видно Богъ удалился отъ арабовъ, что допускаетъ умирать такимъ людямъ. Но наше упованіе на Него остается непоколебимо, ибо онъ Великодушный, Добрый, Милосердный. Помолимся

же за Си-Халедъ-Джама-эль-Лила, преклонимся передъ волей Аллаха!»...

Я бы очень хотѣлъ знать этого государя Неджа, этого Бенъ-Рашида, легендарнаго повелителя, страшнаго воина и справедливаго человѣка, и тѣмъ болѣе мнѣ приходится сожалѣть о препятствіяхъ, останавливающихъ меня на пути къ центральной Аравіи, куда влекутъ меня тысячи таинственныхъ симпатій. И я далъ себѣ клятву возвратиться сюда и проникнуть въ сердце этихъ дикихъ пустынь, столь замкнутыхъ, и въ то же время столь привлекательныхъ... Теперь же, увы, я вынужденъ сказать: — «Прости, хоть на время, мечта, такъ давно лелѣемая мною, прости надежда прибавить лишній мой камень къ зданію съ такимъ трудолюбіемъ созданной арабской археологіи»!..

А между тѣмъ я все-таки страшно обрадовался, услыхавъ отъ мединцевъ: «Если тебя интересуютъ писанные камни, то въ нихъ нѣтъ недостатка въ Мединѣ. Тамъ одна сторона крѣпостныхъ стѣнъ, построенныхъ изъ камня, вся покрыта древнѣйшими письменами, уцѣлѣвшими отъ временъ нашихъ войнъ съ евреями и румами».

И подумать, въ руки нашихъ ученыхъ попали лишь немногіе рѣдкіе образцы этихъ драгоценныхъ надписей, едина-Салехъ или изъ Тейми. Но мы, французы, ничего не имѣемъ изъ Медины, гдѣ между тѣмъ науку, быть можетъ, ожидаютъ весьма цѣнные открытія... Мектубъ, ничего не подѣлаешь, — судьба.

Надо ѣхать!

Якорь поднять и мы двигаемся.

Передо мной, какъ во снѣ, проносятся снятіе съ якоря и всѣ мельчайшіе эпозоды, составлявшіе злобу дня.

Прежде всего, — горячее препирательство между нашимъ капитаномъ и нѣкимъ уроженцемъ Ямбо, странною личностью, представителемъ чуть ли не всѣхъ пароходныхъ компаній. Этотъ генеральный агентъ, онъ же приморскій маклеръ, нагрузчикъ, судовладѣлецъ, содержатель береговыхъ лодокъ и т. д., Мохамедъ-Бордифъ, если ужъ нужно назвать его, чрезвычайно странный субъектъ. Коренастый, плотно сколоченный, ловкій и здоровый какъ любой изъ носильщиковъ, которыми командуетъ, онъ ужасно коситъ глазами и одѣтъ изъ рукъ вонъ плохо. Онъ собственно-ручно работаетъ при маневрахъ или нагрузкѣ судовъ, несмотря на то, что самъ состоитъ хозяиномъ сотенъ рабочихъ и, можетъ быть, даже рабовъ... Онъ, однако, не внушаетъ никакого довѣрія

нашему капитану, который порядочно его третируетъ. Но капитанъ едва ли правъ: этотъ простякъ Бордифъ, если бы захотѣлъ, могъ бы устроить нагрузку гораздо дешевле. Между тѣмъ дѣло у нихъ не ладится только изъ-за нѣсколькихъ пѣстровъ и капитанъ, утомленный этими бурными препирательствами, бросаетъ, наконецъ, все и даетъ сигналъ къ отходу. Но опять проволочка.

Нужно ждать самовольно отлучившагося на берегъ лоцмана. Когда онъ показался, наконецъ, капитанъ устраиваетъ ему страшную сцену.

— «Ты видишь», — говоритъ намъ этотъ лоцманъ, — «какъ меня третируетъ этотъ *яуръ*; а между тѣмъ, захоти только я, что останется отъ его судна въ какія-нибудь четверть часа!» — И его черный взоръ сверкнулъ при этомъ такимъ зловѣщимъ огнемъ, что я понялъ слѣды этихъ крушеній на Красномъ морѣ и содрогнулся невольно...

— «Я девятнадцать лѣтъ вожу суда», — сказалъ онъ въ заключеніе капитану, — «и никогда не испытывалъ такого обращенія. Но... Богъ великъ! Онъ единственный властелинъ людей и судьбы нашихъ...»

И совершенно тихимъ ходомъ мы минуемъ опасныя мѣста подл бдительнымъ надзоромъ капитана, который, очевидно, слѣдилъ какъ по сторонамъ, такъ... и за своимъ лоцманомъ...

ХІІ. Суэзъ.

Черезъ два дня мы бросаемъ якорь на рейдѣ Суэза. Я прощаюсь съ капитаномъ и мы высаживаемся, при полной тишинѣ, въ бухтѣ, сверкающей подобно расплавленному свинцу.

Въ Египтѣ нисколько не заботятся о бѣдныхъ мусульманскихъ путешественникахъ и чиновники, зятянутые въ важные, смѣшные мундиры поступаютъ совершенно по-англійски, выказывая имъ полное презрѣніе. Они разыгрываютъ изъ себя такихъ господъ при засвидѣтельствovanіи паспортовъ и документовъ о здоровьѣ, что я вынужденъ былъ разсердиться; они явно преувеличиваютъ формальности, въ надеждѣ вѣрнѣе получить бакшишъ...

Но вотъ, наконецъ, я, во дворѣ зданія компаніи Суэзскаго канала, я, до такой степени измѣнившійся, что вначалѣ никто не узнаетъ меня. Затѣмъ, — радость встрѣчи, дружескія и крѣпкія пожатія рукъ и восклицанія:

— «Какъ, вы уже вернулись! Но какой свирѣпый видъ! Вы совершенно черны, мой милый»...

И важно драпируясь, по древнему, въ свой арабскій костюмъ, который я люблю теперь и въ которомъ чувствую себя очень удобно, я отвѣчаю односложно, съ спокойствіемъ истаго номада.

Вечеромъ, въ гостепріимномъ жилищѣ, окруженный полнымъ радушіемъ и моими египетскими слугами, я продолжаю, никѣмъ не тревожимый, мечтать о востокѣ... Я долго люблюсь при закатѣ солнца изумрудно-зелеными водами Суэзскаго залива и угрюмымъ видомъ горъ Атакской бухты; затѣмъ — сумерками, окутавшими лагуны, бѣдными хижинами, отблесками догорающихъ лучей и воздухомъ, столь прозрачнымъ, что цвѣтныя, волнующіяся одежды дѣтей, играющихъ на пескѣ, кажутся драгоценными камнями, рассыпанными повсюду и сверкающими въ золотой оправѣ... Постепенно наступаетъ затѣмъ ночь, придавая грустный колоритъ длиннымъ, синимъ одеждамъ феллаховъ... И я еще внимательно вглядываюсь въ этотъ городъ, лежащій между двумя мірами, востокомъ и западомъ. Съ одной стороны, — городъ арабскій, бѣдный и безцвѣтный, теряющійся въ пескахъ пустыни; съ другой — промышленный городъ компаніи канала, съ своими бассейнами, гигантскими землечерпательными машинами и мастерскими, суетящійся какъ маленькій европейскій муравейникъ. Каналъ прорѣзываетъ бесконечную и мертвую пустыню, окружающую эти два города, изъ коихъ одинъ, постоянно заносимый пескомъ, переживаетъ предсмертную агонію, а другой представляетъ лихорадочное настоящее и неизвѣстное будущее...

Въ Суэзѣ я имѣлъ случай встрѣтить сына великаго шерифа Меккскаго, прибывшаго изъ Константинополя, куда онъ ѣздилъ жениться. Я отправился отдать визитъ на бортъ «Медины», парохода его отца, на которомъ онъ жилъ, въ ожиданіи своего отъѣзда въ Джедду.

Хаджи-Акли меня представилъ:

— «Мой товарищъ Абдулла Куртелмунъ возвращается со мной изъ Мекки. Онъ уже объѣхалъ большую часть мусульманскаго свѣта. Онъ другъ Ислама. Онъ издаетъ въ нашей странѣ описаніе востока, надѣясь заставить его полюбить, дѣлая его извѣстнымъ, и съ этою цѣлью мы путешествуемъ. Онъ снимаетъ фотографіи въ странахъ, которыя мы посѣщаемъ, и этимъ способомъ вѣрно представляетъ ихъ въ своихъ книгахъ».

— «А! твой товарищъ умѣетъ снимать фотографіи», — отвѣ-

тиль ему сынъ великаго шерифа. — Прекрасно! Я тоже купить аппаратъ въ Константинополь; пусть онъ испытаетъ его и скажетъ, —хорошъ ли онъ?»

Я въ тотъ же день импровизировалъ лабораторію въ одной маленькой каютѣ, сфотографировалъ «Медину» и, благодаря тому, что со мной была желатино-бромовая бумага, могъ уже черезъ полчаса показать сыну шерифа совершенно готовый снимокъ.

Этимъ я сразу приобрѣлъ его довѣріе и, въ особенности, довѣріе двухъ его совѣтниковъ, Шейхъ-Рашида изъ Мекки и Сидъ-Брахимъ-бенъ-Сидъ-Асадъ изъ Медины.

Шейхъ-Рашидъ, красивое лицо котораго дышитъ умомъ и который, видимо, гораздо болѣе знакомъ съ новѣйшей наукой, чѣмъ это можно было предположить, особенно былъ пораженъ быстротой, съ которою я произвелъ фотографическій опытъ.

— «Я знаю», — сказалъ онъ, — «что клише на стеклѣ должно предварительно высохнуть, чтобы воспроизвести снимокъ; это требуетъ немалого времени. Какъ же ты сдѣлалъ все это такъ скоро?»

Я объяснилъ ему. Онъ хорошо понялъ и разсыпается въ похвалахъ моей ловкости.

Съ этого момента Шейхъ-Рашидъ относится ко мнѣ съ гораздо большимъ интересомъ; я съ своей стороны изучаю его ближе и все болѣе и болѣе поражаюсь. Это рѣдкая личность. Высокій, тонкій, удивительно хорошо сложенный, съ гордо поднятой головой, но не высокомерно, съ открытымъ лбомъ, съ прямымъ и свѣтымъ взглядомъ, это — представительнѣйшій изъ мужчинъ, когда-либо мной видѣнныхъ. Онъ чистѣйшей арабской расы и мнѣ кажется, что передо мной одинъ изъ великихъ сарацинъ арабской эпопеи. Онъ одѣтъ очень просто; но сколько благородства во всей его фигурѣ! И какъ идутъ къ нему золотая діадема и черный шелкъ одежды!..

Въ его присутствіи сынъ великаго шерифа пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Мекку.

— «Я тебя буду обучать корану, а ты меня фотографіи», — сказалъ онъ.

Шейхъ-Рашидъ попеременно окидываетъ насъ взоромъ. Онъ не произноситъ ни слова, но его глубокій взглядъ, казалось, говоритъ молодому шерифу: — «Тихе, мой миленькій, ты не будешь много фотографировать въ Меккѣ, потому что я буду смотрѣть за тобою!», а мнѣ — «Ты не простакъ, чтобы вѣрить ему, не такъ ли?»

Мы поняли другъ друга и наше взаимное уваженіе еще уве-

личилось. Мнѣ думается, что, быть можетъ, и правъ онъ этотъ благородный потомокъ старинной расы, препятствуя тихо, но твердо, своимъ твердымъ разумомъ, движенію, которое мы называемъ прогресомъ. Онъ, этотъ Шейхъ-Рашидъ, понимаетъ, что разстояніе двѣнадцати вѣковъ, раздѣляющее двѣ наши цивилизаціи, не можетъ быть пройдено сразу, и что востокъ, пытаясь нагнать насъ на пути прогреса, уподобляется ребенку, желающему быстро ходить.

У меня на глазахъ поразительнѣйшій примѣръ. Сынъ великаго шерифа цѣлые дни поглощенъ разсмотрѣніемъ промышленнаго каталога, Archives commerciales; онъ перелистываетъ его съ большимъ любопытствомъ, спрашивая у насъ массу разъясненій по поводу картинокъ. Собраніе ихъ представляетъ смѣсь всего, что производитъ и продаетъ Европа, начиная съ экипажей и до шерстяныхъ чулковъ; здѣсь же этикетки водокъ и коньяковъ, ярлыки отъ шампанскаго, изображенія складныхъ лѣстницъ и музыкальныхъ ящиковъ; есть даже тачки, кирки и машины для приготовленія мороженаго, лимонада и содовой воды... Въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ дней я поддерживалъ компанію молодому шерифу, давая объясненія на все, что онъ видѣлъ, и, надо сказать, что всякую вещь онъ желалъ непременно приобрести. Въ особенности машины, дѣлающія мороженое и лимонадъ-газесъ, приводили его въ восторгъ и онъ упорствовалъ въ желаніи заказать ихъ. Я тщетно старался выяснитъ ему всѣ трудности производства зельтерской воды и лимонада посредствомъ машинъ, выставляя преимущества прибора Бриэ, рисунокъ котораго я сдѣлалъ; но ему во что бы то ни стало хотѣлось имѣть питье въ бутылкахъ, «чтобы оно дѣлало *пуфъ!*» — говорилъ онъ, — «когда я буду предлагать его своимъ друзьямъ»... Вотъ что, главнымъ образомъ, требуютъ отъ нашихъ наукъ эти большія дѣти, которыхъ мы называемъ сынами востока, — они хотятъ, чтобы наука служила удовлетворенію самыхъ причудливыхъ ихъ капризовъ. Но сколько разъ это вело ихъ къ разоренію и сколько роковыхъ послѣдствій этого черезчуръ успѣшнаго усвоенія нашихъ европейскихъ нравовъ занесла на свои страницы исторія Египта, Сиріи и Турціи!

Современная наука настоящій врагъ этихъ старинныхъ расъ, врагъ страшный, котораго они, сами не подозревая этого, впускаютъ къ себѣ сначала подъ видомъ безвредныхъ бутылокъ ши-

пучихъ водъ, продолжая желѣзными дорогами и кончая динамитомъ ¹⁾).

Вотъ почему, живя у нихъ, нашъ мыслящій сынъ запада невольно задаетъ себѣ вопросъ: вихорь прогресса, который такъ увлекаетъ насъ, представляетъ ли благодѣяніе для человѣчества?

Неоспоримо, наши новѣйшія науки улучшили матеріальную сторону существованія, облегчили страданія, увеличили удобства. Теперь мы съ быстротою молніи переносимся черезъ громадныя пространства. Но сколько во всемъ этомъ лихорадочности, торопливости жить, сколько сомнѣнія, и, рядомъ со всѣмъ этимъ, какая вѣчная неудовлетворенность!...

Простодушные народы востока живутъ безъ заботъ, инертно, подъ благодатнымъ небомъ, озабоченные только продолженіемъ своего потомства. Они не имѣютъ нашихъ чрезмѣрныхъ притязаній и смотрятъ на свое существованіе съ сердцемъ, наполненнымъ надеждой, какъ на кратковременный переходъ въ лучшую, будущую жизнь, о которой долго грезятъ они, созерцая по вечерамъ свое чудное звѣздное небо.

Гдѣ же настоящая мудрость?...

Должно быть у насъ было что-то общее, что соединяло насъ, Шейхъ-Рашида и меня. Его довѣріе ко мнѣ все росло. Онъ заставилъ меня дать ему обѣщаніе пріѣхать повидать его въ Меккѣ. Съ своей стороны, и Сидъ-Брахимъ предложилъ мнѣ быть его гостемъ, когда я буду въ Мединѣ. Эти два приглашенія очень заманчивы, въ особенности Сидъ-Брахима, который является въ Мединѣ представителемъ великаго шерифа Мекки. Но возможно ли будетъ мнѣ сдержать эти обѣщанія послѣ того, какъ мои поступки такъ глупо извращены и такъ превратно поняты нѣкоторыми безтактными и злонамѣренными репортерами?

Многіе мусульмане совершенно превратно толкуютъ цѣль моего путешествія, хотя ни послѣ моего возвращенія, ни передъ отправленіемъ въ путь, ничто, ни въ моемъ поведеніи, ни въ моихъ словахъ, не обнаруживало ни малѣйшаго глумленія надъ Исламомъ, который я и теперь продолжаю изучать съ полнымъ уваженіемъ и искренностью. Я очень рассчитываю, что эти строки разсѣютъ прискорбное недоразумѣніе, и уповаю на будущее, которое мнѣ позволить, я надѣюсь, осуществить мою чудную мечту путе-

1) Въ прошломъ году возмутьившіеся въ Іеменѣ арабы взорвали динамитомъ зданіе суда въ Сана.

шествія въ самое сердце центральной Аравіи, въ Неджу и къ Бенъ-Рашиду...

Я воспользовался моимъ пребываніемъ въ Суэзѣ, чтобы еще ближе, чѣмъ въ моихъ предыдущихъ путешествіяхъ, изучить жизнь фелаховъ въ Египтѣ.

Бѣдные фелахи! Печальные потомки исчезнувшей расы, они остались вѣчными и несчастными рабами въ этой странѣ изобилія...

Удивительна судьба этого народа, служившаго во всѣ времена предметомъ алчности всѣхъ завоевателей. И теперь, подъ опекой европейской націи, они остаются рабами, подъ предлогомъ гарантіи четырехъ-милліарднаго долга, между тѣмъ какъ наши цивилизованныя европейскія націи такого долга имѣютъ въ десять разъ больше.

Бѣдные фелахи Египта!

За ничтожную цѣну покупаетъ у нихъ европеецъ лукъ, живыхъ перепеловъ, пшеницу, хлопокъ, кукурузу и всѣ произведенія страны. Случись неурожай, — фелахъ страшно голодаетъ. Въ случаѣ же урожая цѣна на продукты падаетъ настолько, что фелазу опять не на что существовать... Вотъ онъ, результатъ «протектората» высшихъ цивилизацій, которыя, якобы просвѣщаютъ и направляютъ, съ оружіемъ въ рукѣ, эту простую и наивную толпу!.. Къ большому счастью для этой страны, избранная часть молодежи хранить горячій патриотизмъ и мужественно работаетъ для поднятія фелаховъ и для освобожденія ихъ отечества. Если только это въ человѣческихъ силахъ, — они успѣютъ въ своихъ начинаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, мы — французы — должны горячо желать этого, ибо главнымъ образомъ изъ нашихъ юридическихъ школъ вышла эта юная фаланга патриотовъ...

«Мельбурнъ», общества Messageries Maritimes, посадилъ меня на родину, и я, наконецъ, во Франціи.

Въ Марселѣ погода туманная и холодная, мороситъ дождь. Несмотря на чудесный пріемъ, оказанный мнѣ и представляющей такой рѣзкій контрастъ съ моимъ несчастнымъ существованіемъ въ Хеджазѣ, я вспоминаю, не безъ сожалѣнія, о странахъ солнца и голубого неба... Я пробѣгаю нѣкоторые журналы: повсюду та же лихорадочность и тѣ же суетныя страсти...

Въ вагонѣ я читаю про какую-то пламенную любовь, но мнѣ холодно и я дрожу...

Я смотрю въ окно вагона, уносящаго меня на всѣхъ парахъ къ Парижу. Осеннимъ золотомъ блистаетъ весь Провансъ; но сѣ-

рое небо низко нависло. Чудесный видъ открывается на долину Saint Chamas; но дома этой страны сѣры и здѣсь фабрикують порошокъ... Вездѣ угрозы войны: стратегическія линіи перекрещиваются какъ сѣти стальной паутины. Здѣсь тоже пустыня, но пустыня въ бронѣ, полная будущихъ угрозъ и гнѣва... Гдѣ вы, мои розовыя пустыни и мои добрые вожаки верблюдовъ?..

Тѣмъ не менѣе Франція прекрасна и, при видѣ ея, мое сердце бьется снова.

Какое плодородіе въ этихъ предмѣстьяхъ Тараскона, сколько фруктовыхъ садовъ и маленькихъ огородовъ! Всѣ эти обработанныя поля, и этотъ общій, всюду царящій, видъ благоденствія даетъ ясное понятіе о Франці, богатой, трудолюбивой и благоденствующей, странѣ изобилія и неисчерпаемаго плодородія, которой не достаетъ, увы, только немного солнца и любви... любви къ ближнему, любви къ жизни простой и счастливой, любви къ семьѣ и, можетъ быть, любви къ Богу... къ Богу единому христіанъ или мусульманъ, но къ Господу міровъ Всемогущему и Милосердому...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Разсказъ о моемъ путешествіи, которое я описываю со всею точностью свѣжихъ воспоминаній, содержитъ исключительно мои личныя впечатлѣнія и перипетіи моей дороги.

Я думаю, что хорошо было бы дополнить эту работу прибавленіемъ къ тому, что я собралъ въ Меккѣ, всего, что уже было извѣстно по интереснымъ документамъ, разбросаннымъ въ разныхъ сочиненіяхъ, чтобы, закрывая эту книгу, читатель былъ въ курсѣ всего, что въ настоящее время извѣстно объ этой, до сихъ поръ еще столь таинственной части Аравіи.

Эту работу мнѣ особенно облегчило недавно вышедшее сочиненіе доктора Пру, Proust. «L'Orientation nouvelle de la politique sanitaire», въ которомъ авторъ, обозрѣвая появленіе эпидемій на востокѣ, ихъ начало и причины, посвящаетъ длинную главу паломничеству въ Мекку. Въ ней онъ собралъ очень добросовѣстно все то, что мои предшественники и я самъ говорили или печатали о священномъ городѣ.

Вотъ перечень моихъ предшественниковъ, писавшихъ о Меккѣ:

Бурардтъ (швейцарець), первый оставилъ описаніе города, который онъ посѣтилъ въ 1814 г.

Буртонъ (англичанинъ), офицеръ службы Англо-Индійской компаніи, путешествовавшій и изслѣдовавшій Хеджазъ въ 1853 г. Онъ участвовалъ въ паломничествѣ въ Мекку и Медину.

Леонъ Рошъ (французъ), главный переводчикъ африканской арміи, былъ посланъ съ порученіемъ къ великому шерифу Мекки въ 1837 г. маршаломъ Бюжо. Это было въ самый разгаръ Африканской войны, столь же губительной, какъ и бесплодной для мусульманъ, такъ какъ всякое сопротивленіе съ ихъ стороны было безцѣльно въ виду рѣшительнаго стремленія Франціи довести до конца дѣло завоеванія Алжира. Имѣя въ виду самую возвышенную, гуманитарную цѣль, маршалъ возымѣлъ прекрасную мысль обратиться къ мудрости религіозныхъ главъ Ислама и испросить у нихъ *фетву* (родъ религіознаго повелѣнія или разрѣшенія), которая убѣдила бы алжирскихъ мусульманъ оставить бесполезное сопротивленіе и добровольно покориться нашему владычеству съ тѣмъ, что мы имъ сохранимъ ихъ учрежденія религіозныя и судебныя.

Леонъ Рошъ вполне успѣлъ въ этой миссіи. Онъ имѣлъ свиданіе съ великимъ шерифомъ и ему удалось побудить совѣтъ мекскихъ улемовъ подписать и санкціонировать фетву, ранѣе составленную улемами Кайруана и уже одобренную въ Каирѣ.

Успѣхъ былъ полный; мой знаменитый предшественникъ не только способствовалъ умиротворенію Алжира, но и спасъ не одну французскую жизнь, которая безъ него была бы напрасно принесена въ жертву. Его путешествіе представляло множество опасностей и онъ обязанъ своимъ спасеніемъ только чуду.

Узнанный въ Меккѣ алжирцами, которыхъ онъ нѣкогда обвинялъ въ какомъ-то преступленіи, будучи переводчикомъ при французскихъ властяхъ, онъ былъ выданъ въ Арафатъ во время религіозныхъ омовеній. Невообразимый шумъ поднялся въ возмущенной толпѣ. Его схватили, связали, прикрутили къ верблюду и куда-то увезли съ быстротой. Онъ считалъ себя погибшимъ, это-то и спасло его: похищеніе было устроено великимъ шерифомъ, который, по собственному побужденію, приказалъ слѣдить за посланникомъ маршала Бюжо, чтобы устранить отъ него всякую опасность...

Въ настоящее время Леонъ Рошъ, послѣ блестящей карьеры, посвященной цѣликомъ службѣ Франціи, бывши послѣдовательно

полномочнымъ министромъ въ Японіи, въ Марроко, гдѣ онъ выполнялъ важныя порученія, наслаждается вполне заслуженнымъ отдыхомъ. Это высокій плечистый старикъ, сильный какъ атлетъ. Я имѣлъ честь видѣть его возлѣ себя, когда я дѣлалъ сообщеніе въ Бордо о моемъ путешествіи. Во время моего подробнаго разсказа о пребываніи въ святомъ городѣ, глубокое волненіе наполнило его глаза слезами.

— «Я снова, черезъ пятьдесятъ семь лѣтъ, переживаю это путешествіе съ вами»,—сказалъ онъ, обнимая меня.

Спукъ Хюргронъ (Spouck Hugronje, голландецъ), прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ святомъ городѣ. Онъ занялся въ особенности этнографіей, и почти никуда не выѣзжалъ. Тѣмъ не менѣе, ему мы обязаны точными и новѣйшими свѣдѣніями, такъ какъ онъ былъ въ Меккѣ еще въ 1885 году.

Упомяну еще нѣсколько именъ европейцевъ, которымъ удалось проникнуть въ святой городъ. Таковы: *Валленъ*, *Фонъ-Малцанъ*, докторъ *Морелл* и испанецъ *Бадіа*.

Происхожденіе пилигримства теряется въ мракѣ отдаленныхъ временъ. Оно существовало задолго до основанія Мекки, въ V вѣкѣ нашей эры. Церемоніи *Хаджа* составляютъ остатокъ обрядовъ языческихъ, которые Магометъ, не смѣя уничтожить ихъ, приурочилъ и къ своему культу. Арабы утверждаютъ, что всѣ пророки совершали паломничество въ Мекку, начиная съ Авраама, который его установилъ, и кончая Иисусомъ, включая сюда Исаака, Иакова и Моисея.

Ихъ утвержденія, особенно тамъ, гдѣ они точны, касаются Моисея. Шейхъ Хаббейдъ, великій малекитскій муфтіи Мекки, однажды разсказывавшій мнѣ жизнь этого пророка, слова, «*приноситъ жертву въ пустынь*», толковалъ слѣдующимъ образомъ.

— «Видишь-ли ты, мой сынъ, это именно говорится о жертвѣ въ Мунѣ; когда Фараонъ не захотѣлъ разрѣшить паломничество, тогда евреи бѣжали изъ Египта; благодаря чуду, про которое ты знаешь, они переправились черезъ Красное море, продолжали свой путь по пустынѣ, принесли жертву въ Мунѣ и поднялись на сѣверъ въ свою іудейскую страну.

Этотъ любопытный способъ толкованія Ветхаго Заветъа не находится въ Коранѣ, точно также, какъ мнимое путешествіе Иисуса Христа въ Мекку, о которомъ я услышалъ въ первый разъ въ священномъ городѣ. Вотъ, между прочимъ, мусульманское преданіе и толкованіе на Ветхій Заветъ.

«Когда Адамъ и Ева вкусили запретнаго плода, они были низвергнуты на землю. Ева упала въ Арафатъ, а Адамъ въ Серендибъ (Цейлонъ). Адамъ искалъ свою жену въ продолженіе ста лѣтъ и нашелъ ее на *джебель Арафатъ*, что значить—*гдѣ онъ узналъ* (эта гора находится въ 30-ти километрахъ на востокъ отъ Мекки). Преданіе указываетъ именно на Муну, между Арафатомъ и священнымъ городомъ, какъ на мѣсто, гдѣ совершено жертвоприношеніе Авраама. То, что рассказываютъ объ Агари, случилось также здѣсь, въ Меккѣ. Когда она, умирая отъ жажды съ своимъ сыномъ Измаиломъ, была чудесно спасена архангеломъ Гавріиломъ, который ей приказалъ рыть землю ногой,—источникъ забилъ сейчасъ же и съ такой силой, что чуть не поглотилъ бѣглецовъ. «*Земь-Земь, т. е. сократись ты!*» вскричала Агарь, и съ тѣхъ поръ это названіе Земь-Земь осталось за чудеснымъ источникомъ, который течетъ и въ наши дни. Наконецъ, здѣсь же, въ Дждѣ, умерла наша праmaterъ Ева и ея могила возвышается на нѣкоторомъ разстояніи отъ городскихъ стѣнъ, въ сторонѣ восхода солнца».

Цѣль паломничества заключается въ благочестивомъ посѣщеніи святыхъ мѣстъ, служившихъ предметами почитанія въ теченіе тысячелѣтій.

Во времена арабовъ-идолопоклонниковъ пилигримство совершалось осенью; но Магометъ, установивъ лунные мѣсяцы, назначилъ временемъ сборища три послѣдніе. Изъ этого слѣдуетъ, что ежегодно день празднествъ перемѣщается на тринадцать дней и что пилигримство, въ періодъ тридцати трехъ лѣтъ, происходитъ послѣдовательно во всѣ времена года.

Кромѣ того, черезъ каждыя семь лѣтъ *Курбанъ-байрамъ*, величайшій праздникъ, приходится на пятницу, святой день мусульманъ. Въ такіе годы стеченіе народа бываетъ громадное.

Въ былыя времена сами государи совершали паломничество, причемъ одинъ изъ багдадскихъ халифовъ, говорятъ, привелъ съ собой 900 муловъ—единственно для перевоза своего гардероба ¹⁾. Гарунъ-аль-Рашидъ былъ въ Меккѣ восемь разъ. Магометъ-Али отправился туда въ 1814 году.

Паломничество въ Мекку было признано Магометомъ обязательнымъ и составляетъ четвертый основной догматъ мусульманской религіи; три остальные—молитва, милостыня, и постъ—*Ра-*

¹⁾ По словамъ Элизе Реклю, въ тринадцатомъ столѣтіи караванъ послѣдняго изъ Аббасидовъ состоялъ изъ 120,000 верблюдовъ и цѣлой арміи солдатъ, служителей и торговцевъ.

мазанъ. Паломничество, впрочемъ, обязательно только для тѣхъ, кто въ состояніи его сдѣлать.

Пилигримы, одѣтые въ *ихрамъ*, прежде всего совершаютъ молитву на могилѣ Евы, въ Джеддѣ; затѣмъ отправляются въ Мекку. По прибытіи туда, они немедленно входятъ въ великую мечеть, проходятъ подъ воротами *Бабъ-ес-Салимъ*, совершаютъ молитву передъ молельшей Авраама, особеннымъ образомъ перекидываютъ ихрамъ черезъ плечо и семь разъ обходятъ вокругъ Каабы, повторяя вслухъ слова молитвы, которыя произносить ихъ метуафъ. Затѣмъ они цѣлуютъ черный камень, оправленный въ серебряный дискъ и вдѣланный въ одинъ изъ угловъ Каабы, на высотѣ человеческого роста. Послѣ этого пилигримы выходятъ изъ мечети для совершенія обряда *Сай*, въ память мученій Агари, умиравшей отъ жажды въ пустынѣ, и затѣмъ снова входятъ въ нее, чтобы окропиться водой изъ Земъ-Зема или, по желанію, продѣлать омовеніе чудодѣйственной водой этого источника. Смотри по объѣту, данному при отбѣздѣ съ родины, нѣкоторые идутъ еще молиться въ Омру, лежащую въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города; но это необязательно. Такъ какъ обыкновенно пилигримы прибываютъ въ Мекку заранѣе, то они могутъ отдохнуть нѣсколько дней въ святомъ городѣ и позаботиться о своихъ дѣлахъ, свободно совершая всякія покупки и продажу; только на восьмой день мѣсяца *Зул-Хиджа* они отправляются торжественными караванами, имѣя махмаль во главѣ и не останавливаясь въ Мунѣ и Музделифатѣ, къ горѣ Арафатъ, гдѣ располагаются лагеремъ. «Поразительное зрѣлище»,—говоритъ Леонъ Рошъ,—«представляютъ эти тысячи палатокъ, освѣщенные луной при отблескѣ громадныхъ костровъ. Перекликаніе заблудившихся пилигримовъ, нестройные крики кофейщиковъ, религіозныя воззванія и, наконецъ, веселыя пѣсни подъ громъ барабановъ и хлопанье въ ладоши, сливаясь въ невообразимый шумъ, сопровождаемый громкимъ ревомъ болѣе чѣмъ 20-ти тысячъ верблюдовъ, ржаніемъ лошадей и крикомъ ословъ, составляютъ концертъ по истинѣ адскій!... Это самый оживленный день паломничества, день, въ который общее веселье выражается самымъ шумнымъ образомъ,—зажигаютъ фейерверки, стрѣляютъ изъ пушекъ и вся толпа поетъ...

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня выстрѣлы изъ караванныхъ пушекъ возвѣщаютъ о наступленіи часа утренней молитвы (ес-сухъ). Затѣмъ со всѣхъ сторонъ раздаются звонкіе голоса муэззиновъ, призывающихъ на молитву правовѣрныхъ.

Около 3-хъ часовъ пополудни начинается проповѣдь, продолжающаяся до заката солнца. При этомъ черезъ каждыя четыре—пять минутъ проповѣдникъ взмахиваетъ зеленымъ знаменемъ, давая этимъ сигналъ къ общимъ восклицаніямъ:—«Лаббаика, Аллахума! Лаббаика» ¹⁾. Какъ только солнце спустилось къ горизонту и скрылось, толпа немедленно приходитъ въ движеніе и всякій спѣшитъ первымъ спуститься къ подошвѣ горы. Безпорядокъ при этомъ бываетъ невообразимый! Раненые и раздавленные часто усыпаютъ дорогу и погибаютъ подъ ногами стихійно несущейся толпы, такъ какъ каждый обязанъ пройти между двумя столбами, поставленными на разстояніи шести метровъ одинъ отъ другого, и всѣ,—мужчины, женщины и дѣти, съ ихъ багажемъ и верблюдами, спѣшать къ этому узкому проходу на перерывъ другъ передъ другомъ. Здѣсь происходитъ ужасная давка, въ которой въ 1892 году погибли болѣе 30-ти пилигримовъ и которая отчасти объясняется общимъ убѣжденіемъ, что, «достигшій первый цѣли и испутившій при этомъ послѣдній вздохъ попадаетъ прямо на небо, гдѣ гуріи рая принимаютъ его въ свои объятія...»

Жертвоприношенія *Курбанъ-байрама* совершаются на 'второй день въ долинѣ Муна, въ воспоминаніе жертвоприношенія Авраама. Закалывающій жертву поворачиваетъ голову барановъ, быковъ или верблюдовъ въ сторону Каабы и произноситъ при этомъ священную формулу. Въ 1893 году было зарѣзано болѣе 120 тысячъ барановъ.

Пребываніе въ Мунѣ обязательно въ теченіе трехъ дней; но въ настоящее время многіе богомольцы сокращаютъ этотъ срокъ, чтобы избѣжать вредныхъ испареній, поднимающихся изъ кровавыхъ лужъ и отъ всякихъ нечистотъ, которыми въ это время бываетъ буквально завалена эта узкая долина. Для ослабленія послѣдствій этой ужасной рѣзни принимаются нѣкоторыя мѣры, заранѣе приготовляются ямы, всѣ остатки и отбросы немедленно закапываются и т. д. Но все это, конечно, не устраняетъ опасности, даже большой, для общественнаго здравія и вообще возможныхъ послѣдствій этого пагубнаго обычая, хотя, однако, необходимо замѣтить, что, въ видахъ эгоистическихъ, факты значительно преувеличиваются; достаточно сказать, что холера никогда не зарождалась въ Мунѣ.

Холера заносится пилигримами изъ Индіи, гдѣ она всегда су-

¹⁾ По мнѣнію арабскихъ филологовъ это значитъ: «къ Тебѣ, Боже Нашъ, къ Тебѣ».

ществуетъ. Здѣсь же, въ Аравіи, среди людей, истощенныхъ тяжелыми лишеніями и трудностями пути, и при самыхъ печальныхъ гигиеническихъ условіяхъ, она только легко прививается и распространяется. Теперь же, въ виду принятыхъ предосторожностей, какъ, напримѣръ, немедленнаго закапыванія труповъ, повторяю, невозможно допустить, чтобы холера зарождалась именно здѣсь. Затѣмъ, что касается разказовъ о томъ, что богомольцы съ жадностью ѣдятъ даже гнилое мясо убитыхъ жертвъ, то это чистѣйшій абсурдъ. Дошли даже до того, что утверждали, будто голодающіе паломники вырываютъ трупы, зарытые нѣсколько дней тому назадъ. Это просто смѣшно!

Дѣло вотъ въ чемъ. Мы, французы, наивно играемъ въ руку англичанамъ, которые заинтересованы въ распространеніи этихъ слуховъ, и продолжаемъ не обращать вниманія на то, что не принимается никакихъ даже элементарныхъ мѣръ предосторожности, въ смыслѣ бдительнаго надзора за санитарнымъ состояніемъ индійскихъ паломниковъ, прибывающихъ моремъ или съ іеменскими караванами. Но при этомъ пострадала бы торговля рисомъ, бумажными и шелковыми тканями. Поэтому англичане предпочитаютъ предоставить намъ и всѣмъ санитарнымъ комисіямъ ожесточаться противъ жертвоприношеній въ Мунѣ. Если мы не обратимъ на это должнаго вниманія, наступитъ день, когда самыя неожиданныя непріятности откроютъ намъ глаза, но, увы, слишкомъ поздно!—на дѣйствія нашихъ коварныхъ и честолюбивыхъ сосѣдей.

Но возвратимся къ нашимъ богомольцамъ. Совершивъ жертвоприношеніе, они вообще спѣшатъ возвратиться въ Мекку, причемъ на пути торопливо купаются въ *фонтанъ Зобеиды*, представляющемъ родъ прямоугольнаго каменнаго бассейна, искусственно наполняемаго водой. Этотъ бассейнъ вырытъ въ очень узкой долинѣ (а не въ безконечной равнинѣ, какъ представляютъ рисовальщики-фантазеры нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ журналовъ), у самаго края дороги, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каменнаго водопровода, снабжающаго Мекку водою для питья. Изъ этого самаго водопровода черпается вода для наполненія бассейна. Вотъ еще одно обстоятельство, опасное для здоровья богомольцевъ, даже болѣе опасное, чѣмъ всѣ миазмы Муны, но которое, казалось бы, легко устранить простымъ осушеніемъ бассейна.

Возвратившись въ Мекку, большинство богомольцевъ спѣшатъ въ Джедду, гдѣ уже пароходы готовы къ отплытію въ Ямбо. Этимъ и оканчивается паломничество въ Мекку.

Нѣкоторые правовѣрные присоединяются къ официальнымъ караванамъ (египетскому и сирійскому махмаламъ) для совершенія пилигримства сухимъ путемъ въ Медину. Это необязательно, но вмѣняется въ большую заслугу, и потому очень принято.

Въ Меккѣ, какъ центрѣ Хеджазскаго вилайета, пребываютъ двѣ власти: *Вали*, представитель султана, при которомъ акредитованы консулы, и *Великій Шерифъ*, съ которымъ консулы не могутъ имѣть прямыхъ сношеній. Бедуины подчиняются Шерифу, хотя официально считаются подъ властью Вали. Великій Шерифъ есть шейхъ Мекки, болѣе могущественный, болѣе уважаемый, чѣмъ всѣ прочіе шейхи. Въ теченіе двѣнадцати вѣковъ онъ всегда избирался изъ среды потомковъ пророка.

Политическое положеніе Хеджаза совершенно особенное и ничѣмъ не напоминаетъ положенія другихъ странъ, находящихся подъ властью Турціи. Хеджазцы не несутъ военной службы, не платятъ налоговъ и наоборотъ,—получаютъ еще субсидіи золотомъ и серебромъ отъ султана и египетскаго хедива.

Великій Шерифъ располагаетъ значительными суммами. Онъ получаетъ, какъ говорятъ, 40,000 франковъ въ мѣсяць отъ Порты; онъ имѣетъ личную стражу (*Вишазъ*), это—бедуины, грабившіе караваны купцовъ и пилигримовъ. Великій Шерифъ организовалъ ихъ въ команды и расположилъ частями между Тайефомъ и Меккой. Онъ также имѣетъ своего представителя при султанѣ и въ Египтѣ. Самъ онъ никогда не покидаетъ Мекки, если не считать переѣзда на дачу въ Тайефъ. Онъ пользуется большимъ уваженіемъ богомольцевъ, ежегодно стекающихся сюда отовсюду, начиная отъ Китая и до Марокко. Они видятъ въ немъ потомка пророка и на него смотрятъ какъ на главу религіи, хотя это невѣрно, такъ какъ настоящій глава религіи—*Эмиръ-уль-Мумининъ* (султанъ), а послѣ него—*Шейхъ-уль-Исламъ*, котораго онъ уполномочиваетъ своею властью.

Валии съ самаго своего приѣзда сюда понимаютъ, что они не могутъ бороться противъ могущества, такъ прочно установившагося въ лицѣ Великаго Шерифа. Если, однако, Вали человекъ энергичный и имѣющій вліяніе на султана, какъ Османъ-паша, то значеніе Великаго Шерифа можетъ умалиться настолько, что онъ является лицомъ лишь второстепеннымъ въ сравненіи Вали, что и случилось съ теперешнимъ Великимъ Шерифомъ, очень хорошо знавшимъ, что Османъ-паша не останется долго въ Меккѣ, и что,

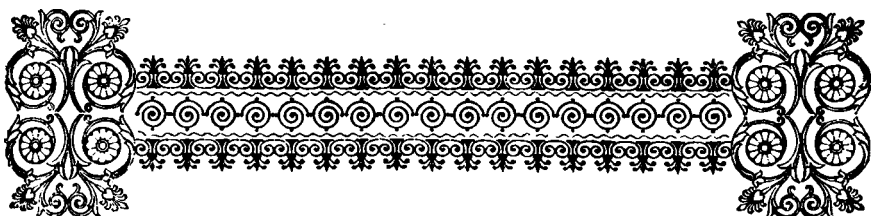
послѣ его отъѣзда, онъ немедленно возвратитъ свой временно ослабѣвшій авторитетъ.

Теперешній Великій Шерифъ—*Сидна-Аунъ-ер-Рафикъ*.

Въ общемъ политическое состояніе Хеджаза далеко не блестящее, какъ въ смыслѣ организаціи, такъ и въ административномъ отношеніи. Но принимая въ соображеніе трудность и сложность множества вопросовъ, нелегко придумать какое-либо средство къ улучшенію настоящаго положенія дѣлъ. Конечно, проведеніе желѣзной дороги изъ Джебды въ Мекку значительно измѣнило бы положеніе дѣлъ; объ этомъ поговариваютъ часто и это вѣроятно будетъ когда-нибудь. Но просвѣщенные мусульмане будутъ противиться этому еще долго и съ большой энергіей въ виду того, что мѣра эта уничтожитъ всю философскую мораль пилигримства: не будетъ болѣе общаго униженія подъ простой одеждой странника, не будетъ перенесенія общихъ трудностей богатыми и бѣдными, соединившимися на время въ общемъ равенствѣ.

Пророкъ желалъ, чтобы всѣ, великіе и малые, сильные и слабые, рабы и монархи, приходили всѣ вмѣстѣ, съ обнаженнымъ тѣломъ, съ опущеннымъ челомъ признать свое равенство передъ Богомъ. Желѣзная дорога отниметъ у этого великаго акта вѣры и человѣческаго братства все его нравственное значеніе, весь его престижъ, и превратитъ его въ обычай простого суевѣрія.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ИЛИ

ИЗЪ ДНЕВНИКА ТУРИСТА-КАВАЛЕРИСТА.

(Англія, Франція, Італія, Австро-Венгрія и Германія).

(Статья третья) ¹⁾.

Жо поводу описанной мною охоты интересно замѣтить, что хотя, за время этой охоты, мнѣ ни разу не пришлось спѣшиться, тѣмъ не менѣе подпруги у моего сѣдла мало ослабѣли. Читатель спросить, можетъ быть, былъ-ли какой нибудь особенный приборъ или пружина, удерживающіе подпругу на мѣстѣ, а то такъ-ли уже крѣпко ее при сѣдловкѣ утромъ подтянули, что она, несмотря на непрерывную гонку въ теченіе всего дня, держалась на мѣстѣ до поздней ночи? Нѣтъ, тамъ въ Англіи на парфорсной охотѣ есть другое, болѣе рациональное средство, надъ которымъ призадумываться слѣдовало бы всякому кавалеристу. Средство это или, если хотите, причина—не что иное, какъ *тренингъ и настоящее рабочее тѣло*, которое не таетъ, какъ свѣчка, не только отъ какихъ-нибудь 10-ти верстъ, проходимыхъ шагомъ, но даже отъ вышеописанной усиленной работы. Невольно вспомнилось мнѣ, какъ часто я самъ на походѣ подтягивалъ подпруги и какъ я требовалъ, чтобы люди при каждомъ слѣзаніи осматривали и поправляли сѣдловку. Помню, какъ въ молодости мои эскадронные командиры учили меня, что кавалеристу необходимо слѣзать

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 4.

каждая 10 версть по крайней мѣрѣ и каждый разъ удостовѣряться, не ослабѣли-ли подпруги; и что почти всегда онѣ будутъ нуждаться въ поправкѣ. А тутъ пришлось видѣть и исполнять обратное, т. е. носиться съ 9-ти часовъ утра до 9-ти часовъ вечера, не слѣзая и убѣдиться, что это можно сдѣлать, не подтягивая подпругъ. Когда я рассказывалъ этотъ случай одному моему приятелю, мнѣ очень понравилось его сравненіе: «Одѣнь, сказалъ онъ, простую бабу въ корсетъ, затяни ее, какъ полагается— пусть она походить, поѣсть— у нее черезъ полчаса глаза на верхъ выльзутъ. А буде этого не случится и удастся вообще дотянуть корсетъ, она навѣрное сдастъ тѣло послѣ нѣкотораго времени, и корсетъ будетъ болтаться. А наши красавицы-барышни и дамы, имъ ничего. Весь день такъ проходитъ, всю ночь протанцуетъ, и поѣсть и верхомъ поѣдетъ и на конькахъ будетъ кататься и не сдастъ. Другая работа, другое тѣло, привычка, т. е. тотъ же тренингъ». Такъ и съ гунтеромъ. Тѣло его крѣпкое, плотное, мускулистое, размѣръ туловища доведенъ до извѣстнаго минимума объема, который поддерживается обильнымъ, интенсивнымъ, но не распучивающимъ живота кормомъ и усиленнымъ моціономъ. Набрать туловищу больше объема не позволяетъ работа, а уменьшеніе его во время спльной гонки возможно конечно; но это уменьшеніе будетъ весьма незначительнымъ. Объемъ туловища или «тѣло» заключены въ узкія рамки или границы, и колебанія въ этомъ отношеніи почти незамѣтны. Конечно, если бы гоняться за «разрядами по тѣламъ», то все это перемѣнилось бы весьма скоро. Осмотръ «по задамъ» мускулатуры даетъ, конечно, нѣкоторое понятіе о тѣлѣ, но всѣмъ извѣстно, что, напримѣръ, одинъ человекъ родится уже съ сильно развитою мускулатурою, и она какъ бы сама развивается больше, хотя бы онъ мало или вовсе не работалъ и не занимался гимнастикой. Другой, родившійся со слабыми мускулами, дѣлаетъ гимнастику, работаетъ физически, ѣсть много мяса и все-таки не будетъ въ состояніи соперничать съ первымъ. Точно также и лошадь. Сортъ, порода, сложеніе играютъ большую роль. Можно ли, слѣдовательно, по одному наружному осмотру дѣлать безошибочно строгіе отбѣнки о тѣлѣ? Конечно, при наличности извѣстнаго «талапта», если можно такъ выразиться, и большой опытности можно и въ этомъ дойти до извѣстнаго совершенства— проявить даже искусство. Хорошій мясникъ, напримѣръ, опредѣляетъ на глазъ прямо-таки вѣсъ мяса покупаемаго имъ живого быка, а мастеръ своего дѣла, если и

ошибается иногда, то развѣ на нѣсколько фунтовъ. У меня былъ въ эскадронѣ такой солдатъ (сынъ мясника), и онъ былъ неоцѣнимъ, когда на маневрахъ довольствіе мясомъ возлагалось на попеченіе эскадроновъ. Но покупаемый быкъ имѣетъ другое назначеніе, чѣмъ нашъ боевой четвероногій товарищъ. При опредѣленіи тѣла перваго не имѣется въ виду дѣлать заключенія о мускульной силѣ, развитіи легкихъ, сердца, о степени предшествующей осмотру работы. Этого опредѣлить даже съ приблизительною точностью никто не въ состояніи, а можно лишь удостовѣриться, что лошадь ѣла овесъ. Но опредѣлить, какая больше работала, и вообще дѣлать отгѣнки между ними почти-что невозможно, почему «дѣленіе на разряды» служить тормазомъ въ систематическомъ обученіи частей галопированію, являясь и причиною запала. Оно должно скоро отойти въ область преданій. Оно и теперь уже утратило свое прежнее значеніе, хотя не искоренено еще окончательно.

Но я увлекся разговоромъ о тѣлахъ и удалился отъ предмета. Послѣ первой, описанной выше охоты, на другой день было воскресеніе, въ которое англичане не охотятся. Мускулы мои, вытянувшіеся немного, могли отдохнуть. Въ понедѣльникъ была опять охота, но сборный пунктъ былъ намѣченъ не такъ далеко. Вообще вся охота вышла какъ-то менѣе утомительною, перерывовъ продолжительныхъ было больше, и кончилась она въ какихъ-нибудь 15-ти—20-ти верстахъ отъ дома. Мнѣ дали отличную небольшую лошадь, «австралійскаго пони», какъ говорили. Но англичанинъ называетъ всякаго коня, въ которомъ меньше 3¹/₂ вершковъ, «пони». Въ моемъ было добрыхъ 3 вершка. Конь этотъ ходилъ отлично, прыгалъ иначе, чѣмъ тотъ, на которомъ я ѣздилъ въ первый день, а именно, «позже, чѣмъ я ожидалъ», такъ что ощущеніе являлось такое, что онъ непременно задѣнетъ, или вѣрнѣе, ударить колѣнями объ заборъ. Во вторникъ охота была еще серьезнѣе, чѣмъ первая. Сѣли на коней уже въ 8 часовъ утра, такъ какъ сборный пунктъ былъ еще дальше. Окончили травлю поздно вечеромъ далеко, такъ что тѣ, усадьбы которыхъ очутились на этотъ разъ близко, предлагали переночевать у нихъ. Но мы предпочли вернуться домой тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день охоты не предполагалось и можно было отдохнуть, написать письма, а это предпочтительно сдѣлать дома или хотя тамъ, гдѣ расположенъ человѣкъ хотя на время. Добрались до дому только около 10-ти часовъ вечера, почти-что не отдыхая, и успѣвъ лишь подкрѣпить силы и дать по нѣсколько глотковъ воды лошадямъ.

Здѣсь я впервые видѣлъ, какъ лошадь пьетъ пиво. И въ этотъ день кони не показывали бѣльшей усталости, чѣмъ въ предшествующіе дни. Я отѣздалъ этотъ день на нанятой лошади. Въ Англіи есть много заведеній, отдающихъ гунтеровъ въ наемъ. Этотъ обычай очень удобенъ, ибо освобождаетъ васъ отъ необходимости держать массу лошадей, предназначенныхъ для гостей. Если ихъ пріѣдетъ мало, кони эти будутъ бездѣйствовать, а наѣдетъ много публики, все равно лошадей не хватитъ. Имѣя же по близости знакомаго барышника или занимающагося отдачею лошадей въ наемъ,—протелефонировали съ вечера—и вы обезпечены лошадьми для вашихъ гостей. Такое взятіе коня на прокатъ стоитъ отъ 3-хъ—4-хъ гиней (1 гиней около 11 рублей). Это большая цѣна, но при такомъ наймѣ весь рискъ беретъ на себя владѣлецъ лошади. Скачи, прыгай, ломай себѣ и коню шею—не отвѣчаешь! Моя лошадь отходила прекрасно. Это была кобыла громаднаго роста, навѣрно больше 6¹/₂ вершковъ. Алюры и поводъ очень хороши, темпераментъ какъ разъ въ пору, скорѣе горячій. Она, правда, была задомъ, когда къ этой части ея туловища кто-нибудь подѣзжалъ вплотную. Для предупрежденія объ этомъ прочихъ ѣздоковъ, у нея по принятому на англійскихъ охотахъ правилу, былъ подвезанъ къ хвосту у верхняго его позвонка, гдѣ хвостъ соединяется съ крупомъ, красный шелковый, элегантнѣйшій бантикъ. Всѣ знаютъ этотъ обычай и никто уже къ задку вашей лошади не подѣзжаетъ близко. Я видѣлъ 5—6 такихъ лошадей на охотѣ. Въ общемъ кобыла эта нисколько не была хуже тѣхъ, на которыхъ пришлось ѣздить раньше. Я бы никогда не предполагалъ, что наемная лошадь можетъ быть такъ хороша и даже чуть не купилъ ее. Ноги ея, какъ у многихъ лошадей въ Англіи и вообще за границей, на видъ слабыя, по нашимъ отсталымъ понятіямъ, но стоитъ только проѣхаться на такомъ конѣ рысью по твердому мѣсту, сдѣлать галопъ по самой неровной мѣстности, прыгнуть нѣсколько препятствій, чтобы прямо восхищаться увѣренностью его движеній и сознаться, что и тутъ существуетъ у насъ въ кавалеріи недоразумѣніе насчетъ опредѣленія слабости ногъ. За границею говорятъ: разъ дыханіе у вашего коня развито, и онъ втянуть, слѣдовательно, въ работу, то онъ на галопѣ или на препятствіи надежнѣе, чѣмъ лошадь съ совершенно цѣльными ногами, но не втянутая въ работу. Кончилось на скаку дыханіе, ослабѣли легкія, ослабѣютъ тутъ же одновременно и ноги, хотя бы онѣ были самыя здоровыя.

Въ среду былъ отдыхъ, въ четвергъ была опять охота, въ пятницу отдыхали, въ субботу опять охотились.

Не могу не сказать еще нѣсколько словъ о той свободѣ и объ отсутствіи всякихъ стѣснительныхъ церемоній, которыя характеризуютъ англійскую парфорсную охоту. Никто васъ не спрашиваетъ, кто вы, откуда прибыли, никакихъ представленій и прочихъ формальностей нѣтъ. Конечно, завсегдатаи, такъ сказать, самые ярые охотники знакомы другъ съ другомъ. Собаки и весь штатъ доѣзжачихъ или принадлежатъ какому-нибудь обществу или одному изъ вельможъ, а то двумъ, тремъ вмѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ такихъ главныхъ хозяевъ охоты, есть еще подписавшіе извѣстную сумму по желанію. Это такъ сказать были бы члены или участники второго разряда, первые же, главные хозяева или дѣйствительные члены держатъ пикеровъ, т. е. доѣзжачихъ, лошадей подъ нихъ, содержатъ собакъ и распоряжаются. Кромѣ этихъ всѣхъ участниковъ, всякій можетъ слѣдовать верхомъ за охотниками. Никому изъ постороннихъ лицъ это не возбраняется. Скачи кто хочеть! Лишь не дави собакъ и не мѣшай. Принято тоже не возбранять охоты на своей землѣ. Слово «потопка» почти что незнакомо; правда, что и топтать нечего. Но, тѣмъ не менѣе, когда вдругъ, какъ случается иногда, и было на моихъ глазахъ, вся охота попадаетъ въ середину деревни, на дворъ мызы, куда спряталась лисица, или проносится во всемъ составѣ черезъ часть провинціального города, куда хитрая лисица думала, что уже никакъ за нею не послѣдуютъ, то жители этихъ мѣстъ могли бы отнестись къ этой небезопасной для нихъ безцеремонности враждебно. Но этого никогда не бываетъ. Англичанинъ, даже и тотъ, который самъ никогда не скакалъ за собаками, слишкомъ любитъ и понимаетъ этотъ спортъ. Онъ ему въ душѣ сочувствуетъ и никогда не заявляетъ претензіи.

На этомъ покоичу описаніе парфорсной охоты, отсылая интересующихся этимъ спортомъ къ болѣе подробному изложенію сути его въ изданной мною брошюрѣ «Псовая охота».

Я такъ глубоко убѣжденъ въ пользѣ этого спорта для кавалериста, что, когда въ 1897 году дядя моей жены баронъ Е. Е. Врангель по случаю болѣзни своей предоставилъ въ полное мое распоряженіе свою стаю парфорсныхъ собакъ, съ просьбою отдать ее въ хорошія руки, такъ чтобы дѣло это не пропало, я не преминулъ преподнести ее нашему центральному кавалерійскому учрежденію «офицерской школѣ». Я былъ убѣжденъ, что стая будетъ тамъ

процвѣтать и составить отличную полевую школу для нашей молодежи, и не ошибся. Охота эта пріобрѣтаетъ все больше и больше популярности, а переносъ ея въ окрестности Вильны, гдѣ климатическія и почвенныя условія таковы, что нельзя было бы лучше выбрать, свидѣтельствуешь о заботливости объ этомъ спортѣ и о полномъ убѣжденіи въ его пригодности для кавалеріи.

Въ заключеніе хочу сказать еще слово о томъ, что всякому одаренному хоть каплей эстетическаго вкуса, не можетъ въ Лондонѣ не броситься сразу въ глаза, именно «красота тамошнихъ женщинъ». Если я говорю объ этомъ въ самомъ концѣ описанія Англии, то мною руководятъ слѣдующія соображенія: во-первыхъ, предметъ заслуживаетъ того, чтобы его оставить «къ десерту», во-вторыхъ, я боялся, что увлекусь этимъ рассказомъ; послѣ него не хватило бы терпѣнія, ни у меня на описаніе, ни у читателя на прочтеніе остального, которое показалось бы намъ обоимъ сухой матеріей. Да наконецъ, описаніе мое могло бы возбудить сомнѣніе въ серьезности и показалось бы рассказомъ увлекшагося фантазера. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что англичанки произвели на меня впечатлѣніе, которое не поддается описанію. Заявляю, что мнѣ не 25 и не 35 лѣтъ, да и въ эти годы я не слылъ человѣкомъ, увлекающимся всякою юбкою или ухаживателемъ перваго сорта. Но тогда я скорѣе, чѣмъ теперь, могъ быть заподозрѣнъ въ томъ, что люблю заниматься этой отраслью кавалерійскаго образованія!

Мы на материкѣ Европы находимся въ сильномъ заблужденіи, думая, какъ это и со мною было, что англичанка у себя дома напоминаетъ хотя чѣмъ-нибудь того уroda, котораго нерѣдко видимъ путешествующимъ по Германіи, Швейцаріи и т. д. Конечно, рѣдкая изъ этихъ туристокъ одарена красотой: худая, неуклюжая, бѣлокурая или рыжая, плосконогая, «полнокопытная», въ очкахъ или пенснэ и т. д. Нѣтъ! такихъ типовъ или нѣтъ въ Лондонѣ, или они пропадаютъ въ массѣ населенія. Ихъ не замѣчаешь, любуясь десяткомъ тысячъ хорошенькихъ, изящныхъ, со вкусомъ одѣтыхъ дамъ, въ числѣ коихъ видишь массу истинныхъ красавицъ, при встрѣчѣ которыхъ невольно останавливаешься. Кто отправится въ Лондонъ, тотъ убѣдится въ справедливости моихъ словъ. Не могу же я въ самомъ дѣлѣ допустить возможности, чтобы всѣ отвратительные типы женщинъ вымерли къ началу 1900 года, а остались однѣ красавицы или, что, предчувствуя мое прибытіе и намѣреніе взяться за перо, «коварный Альбіонъ» позапиралъ

всѣхъ родовъ! Скорѣе можно допустить, что всѣ непривлекательные типы англичанокъ-туристокъ принадлежатъ къ тому нажившемуся низшему классу населенія, о которомъ я говорилъ уже раньше. Однимъ словомъ, на улицѣ, въ магазинахъ, въ экипажахъ, въ театрахъ и ресторанахъ вездѣ и всюду красивыя женщины. Онѣ не только хорошенькія, но стройны, эффектны, высокаго роста, отлично одѣты, причесаны, причемъ у нихъ чудные волосы. Типъ англійской женщины напоминаетъ испанскій или южно-итальянскій, но онъ безусловно красивѣе представительницъ этихъ двухъ націй. Въ англичанкѣ есть, на видъ по крайней мѣрѣ, какъ бы помѣсь лучшихъ кровей или женскихъ породъ, если можно такъ выразиться. Не сравню ее ни съ парижанкою, ни съ вѣнкою, ни съ полькой, которыя всѣ вѣдь славятся изящностью и элегантностью. А что за прелестная нога! и какъ онѣ обращаютъ вниманіе на свою обувь. Пресловутаго англійскаго плоскаго башмака съ низкимъ каблукомъ ни одна англичанка въ Лондонѣ не надѣнетъ. Его и не знаютъ виѣ лоунъ-тенниса или какихъ-нибудь утреннихъ пѣшихъ экскурсій по горамъ. Лондонская элегантная дама скорѣе босикомъ пойдетъ по улицѣ, чѣмъ въ Богъ вѣсть кѣмъ и почему названномъ «англійскомъ сапогѣ».

Большинство шатенки или брюнетки; глаза у всѣхъ чудные, большіе, выразительные—иная ими ловко стрѣляетъ. Англичанка кокетлива, да — она не можетъ не чувствовать, что она нравится; но кокетливость ея приличная, сдержанная, со вкусомъ, какъ все, что она дѣлаетъ или предпринимаетъ. Въ театрахъ не хватаетъ ни глазъ, ни времени, чтобы обзрѣть всѣхъ и каждую; театръ представляетъ изъ себя настоящую бальную залу. Въ ресторанахъ вы испытываете то же самое чувство. Онѣ всѣ такъ элегантны, такъ изящны до малѣйшихъ деталей включительно, такъ величественно держатъ себя, точно всѣ принцессы. Дама полусвѣта, и та отличается хорошими манерами. Свѣвъ по сосѣдству съ ней, надо обладать опытнымъ глазомъ, чтобы опредѣлить, кто она такая — и то не такъ скоро опредѣлите это. Долго будете смотрѣть, находясь въ недоумѣніи, пока, наконецъ, какой-нибудь жестъ, какое-нибудь слово или манера обращенія къ лакею не возбудитъ въ васъ сомнѣнія.

Боюсь, однако, что описаніе пребыванія моего въ Англии и вынесенныхъ оттуда впечатлѣній вышло слишкомъ подробнымъ. Но, какъ сказано мною въ самомъ началѣ, я полагалъ, что, такъ какъ страна эта мало или, по крайней мѣрѣ, меньше другихъ по-

сѣщается и русскими, и другими путешественниками, а имѣть массу характерныхъ особенностей и представляетъ теперь по случаю Трансваальской войны особый интересъ, то можно отвести больше мѣста воспоминаніямъ объ этой странѣ.

Изъ Лондона выѣхали мы, направляясь на Парижъ, въ 10 часовъ утра. Въ Дувръ прибыли около 11¹/₂. Поѣздъ доходитъ по мосту, входящему почти на 1¹/₃ версты прямо въ море. Въ концѣ этого моста устроена пристань. Тамъ пароходъ готовъ къ отплытію. Вамъ пройти надо не больше 20-ти шаговъ, чтобы добраться до него. Черезъ какихъ-нибудь 10 минутъ, вы уже плывете къ французскому берегу. Въ хорошую погоду черезъ 1¹/₄ часа вы высаживаетесь въ Кале, причаливая тутъ же у самага вокзала, гдѣ курьерскій поѣздъ ожидаетъ уже васъ. На таможенныя формальности дано 10 — 15 минутъ. Въ этомъ отношеніи гораздо меньше хлопотъ и на французской и на англійской таможняхъ, да и при переѣздѣ какой угодно границы, чѣмъ у насъ. Итакъ, вы мчитесь съ небывалой скоростью, вагонъ прямо-таки качаетъ. До Парижа одна лишь остановка въ Амьенѣ 5 минутъ. Къ вечеру вы уже въ столицѣ Франціи; вы успѣваете пообѣдать и въ тотъ же день еще можете поспѣть въ театръ или въ какое-нибудь увеселительное заведеніе, какъ мнѣ это и удалось.

Ф р а н ц і я .

Въ Парижъ я попалъ совершенно случайно въ день середины поста (*jour de la mi-carême*). Я и забылъ, что этотъ день во Франціи празднуется особенно, т. е., что на 24 часа возстанавливается карнаваль. Веселятся, шумятъ, наряжаются въ маски и костюмы и обсыпаютъ всѣхъ, такъ-называемыми, «конфетти», т. е. мелко нарѣзанными цвѣтными бумажками. Бумажки эти покрываютъ улицы на ¹/₂-аршина высоты. Движеніе экипажей къ вечеру совершенно прекращается — на улицахъ, особенно на главныхъ, неисчислимая толпа.

Во всемъ Парижѣ замѣтна кипучая дѣятельность — выставка открывается на дняхъ; дѣлаются послѣднія приготовленія. Не узнаю Парижа, да и не люблю такихъ торжественныхъ моментовъ, ибо они мѣняютъ обычную фізіономію города, мѣшая изучать его характеръ. О выставкѣ говорить не буду. Многіе видѣли ее, да и массу писалось о ней. Не буду описывать и достопримѣчательностей города, ибо подробный осмотръ ихъ не составлялъ цѣли

моего путешествія. Буду просто дѣлиться съ читателемъ моими наблюденіями и впечатлѣніями, какъ выше.

Начну на этотъ разъ съ ресторановъ. Французъ любить и умѣетъ поѣсть. Но этого мало. Всякій поваръ — это артистъ, художникъ своего рода. И онъ, и прислуживающій вамъ половой, такъ называемый «garçon», смотрятъ на кругъ своихъ обязанностей, какъ на искусство. Такой прислуживающій предлагаетъ вамъ то или другое блюдо, дѣлаетъ самъ меню, «прописываетъ», если можно употребить это выраженіе, такое, а потомъ другое вино и... ну и, если вы, обрадовавшись его усердію, освобождающему васъ отъ всякихъ хлопотъ, дадите ему волю, то онъ, конечно, вгонитъ счетъ на двѣ или три персоны въ 150 — 200 франковъ и даже больше. Совершенно другое дѣло, если вы сами заказываете, и онъ вамъ только помогаетъ. Въ общемъ однако и парижскій ресторанъ и этотъ «гарсонъ» симпатичны: знаютъ и дѣлаютъ свое дѣло, проявляя искусство, а это пріятно видѣть при исполненіи всякаго рода службы или занятія.

А театры? что за прелесть! какъ эти актеры и актрисы играютъ! Видѣлъ знаменитую пьесу «L'aiglon» (Орленокъ), которую написалъ недавно Ростанъ. Она производитъ фуроръ. Сара Бернаръ и игравшій нѣкогда въ Петербургѣ во французскомъ театрѣ Гитри превзошли себя въ этой пьесѣ. Драмѣ эту играютъ ежедневно. Недавно давали ее четырехсотый разъ. Успѣхъ пьесы повліялъ на усиленіе въ послѣднее время во Франціи бонапартизма. Правда, что она обставлена такъ, какъ можетъ это сдѣлать одинъ лишь умъ и геній француза. Всѣ декорации и принадлежности къ нимъ, это точная копія Шенбруновскихъ оригиналовъ; аленъ парка, памятники, комнаты, мебель, картины воспроизведены съ точностью. Ростанъ, Сара, всѣ главные актеры и масса помощниковъ по устройству сцены просидѣли два мѣсяца въ Шенбрунѣ подъ Вѣной, гдѣ содержался на половину въ плѣну сынъ Наполеона. Тамъ они на мѣстѣ изучали передъ постановкою пьесы всѣ подробности, снимая копіи и т. д. Видѣлъ и извѣстнаго всему міру Коклена въ драмѣ «Жанъ-Баръ», которая тоже написана съ цѣлью разжечь патриотизмъ французовъ, любовь ихъ къ народнымъ военнымъ героямъ и побѣдителямъ на полѣ брани. Въ двухъ другихъ театрахъ любовался прелестными актрисами Режанъ и Гранье и ихъ мастерскою игрою. Въ особенности Режанъ въ драмѣ «Красная мантія» (Robe rouge) играетъ великолепно. Слушая эту пьесу, мнѣ пришла мысль сравнить ее съ

«Воскресеньемъ» гр. Толстого. Въ «Воскресеньи» завязкою дѣла является судебная ошибка; здѣсь же не ошибка, а карьеризмъ и корыстолюбіе одного изъ членовъ судебного вѣдомства вызываютъ всю ужасную драму. Макиавелевскіе приемы судебного слѣдователя, примѣняемые имъ для того, чтобы создать виновнаго и этимъ получить повышение, потрясаютъ публику, служа вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ, что и въ странѣ, основы которой равенство, братство, свобода, возможны страшныя злоупотребленія, даже въ судебномъ вѣдомствѣ.

Сами театры далеко не всѣ элегантны и богато отдѣланы. Не всѣ даже опрятны и просторны. Въ антрактахъ мужчины надѣваютъ шляпы на головы и остаются такъ до начала слѣдующаго дѣйствія. Газетчики разносятъ журналы, причѣмъ кричатъ неистово; тутъ же другіе разносчики предлагаютъ вамъ конфекты, фрукты, напитки. Отъ этого происходитъ шумъ — нѣтъ той торжественно-балльной обстановки, что въ Англіи. Только, когда занавѣсъ подымается, все притихаетъ и мужчины, снявъ шляпы, садятся.

Съ особеннымъ вниманіемъ я по цѣлымъ днямъ слѣдилъ за кипучею дѣятельностью, проявляемой въ двухъ магазинахъ-великанахъ «Бонъ-Марше» и «Лувръ». Одинъ изъ нихъ, не помню уже который, послужилъ знаменитому писателю Зола темою для извѣстнаго романа «Au bonheur des dames» (Дамское счастье). Съ тѣхъ поръ какъ отпечатано было первое изданіе этой книги, которая выдержала нѣсколько сотенъ изданій, прошло много лѣтъ. Магазины эти расширили свои дѣйствія, вводя массу новаго, интереснаго, о чемъ въ то время и Зола не мечталъ. Для общей характеристики этихъ заведеній, достаточно будетъ упомянуть, что больше 200 собственныхъ экипажей и навѣрное около 1,000 занятыхъ извозчиковъ стоятъ у многочисленныхъ подѣздовъ такого магазина, ожидая своихъ господъ, дѣлающихъ покупки въ такомъ, наполненномъ всякаго рода товарами или издѣліями, лабиринтѣ залъ и построекъ. Число «пѣвшихъ покупателей» значительно больше, ибо такого рода магазинъ предназначается главнымъ образомъ для привлеченія болѣе экономныхъ и ищущихъ дешевизны покупателей. Лувръ содержитъ цѣлую армію приказчиковъ, приказчицъ, конторщиковъ, разнаго рода прислуги, рабочихъ и своей «тайной полиціи». Больше 300 элегантныхъ фургоновъ, съ прислугою въ красивой ливреѣ, запряженныхъ великолѣпными кровными лошадьми въ изящной сбруѣ или двигаемыхъ бензиномъ, электричествомъ, какъ

автомобили, развозятъ по всему городу покупки; а разрисованные и расписанные фургоны служатъ одновременно рекламою. Въ самомъ многоэтажномъ зданіи устроены четыре подъемныя машины (лифты или асансеры) для покупателей и столько же для спуска отправляемыхъ покупокъ и подъема получаемого товара. Есть, кромѣ того, двѣ косыя подъемныя платформы, гдѣ вы стоите, какъ на лѣстницѣ или вѣрнѣе на косою плоскости, которая, однако, почти-что незамѣтно двигается вмѣстѣ съ вами слегка вверху, вкось, такъ сказать. Кто былъ на выставкѣ, тотъ имѣлъ случай познакомиться съ этимъ усовершенствованнымъ способомъ подъема. Имѣется и даровая читальня, съ нѣсколькими сотнями газетъ и журналовъ, и комната громадныхъ размѣровъ съ письменными принадлежностями на 50 — 60 человекъ. Грамофоны и кинематографы развеселяютъ публику въ другомъ опять помѣщеніи, а одна изъ главныхъ приманокъ — это даровой буфетъ. Что касается товара или издѣлій, то нѣтъ той вещи, которой вы бы тамъ не могли получить, начиная съ сапога, бѣлья, платья въ готовомъ видѣ или по мѣркѣ и кончая всѣми офицерскими вещами, ливреями, полнымъ облаченіемъ духовныхъ лицъ, часами, музыкальными инструментами всякаго рода, сѣдельными работами и т. д. Все, рѣшительно все! Если бы вы того, чего ищете, дѣйствительно не нашли, то вамъ предложить подождать немного, сдѣлаютъ, достанутъ, купятъ на сторонѣ, раздобудутъ или выдумаютъ, и черезъ часъ, много два, вы будете удовлетворены. Это у нихъ принципъ, правило (*point d'honneur*). Отказа нѣтъ!

Никакой входной платы конечно не существуетъ. Никто васъ не спрашиваетъ и не опрашиваетъ, желаете ли что-нибудь купить или просто погулять, прочесть газету, написать письмо, простоять у буфета, проѣхаться на вышеупомянутой платформѣ. Тамъ происходятъ дѣловыя, да и другія свиданія. Никто не ставитъ вамъ въ обязанность совершеніе покупки. А ужъ коли желаете пріобрѣсти что-нибудь, то будете удивлены дешевизною: половина или треть того, что заплатили бы въ любомъ обыкновенномъ частномъ магазинѣ.

Какъ же все это возможно, спросить вѣроятно читатель?

Зола въ своемъ романѣ разъяснилъ уже отчасти этотъ вопросъ. Для тѣхъ, которые эту книгу не читали или забыли, постараюсь повторить вкратцѣ это разъясненіе.

Причинъ, объясняющихъ, при такой дешевизнѣ, выручку тѣмъ не менѣе громадныхъ барышей, масса. Не могу здѣсь писать трак-

тать о промышленности. Не послѣдняя причина—это геній, трудолюбіе и комерческія способности француза — примѣненіе къ обстановкѣ, однимъ словомъ «тактика». Главное ариѳметическое рѣшеніе задачи, которое постараюсь изложить на примѣрѣ, такое:

Мы съ вами, многоуважаемый читатель, открываемъ лавку и кладемъ въ нее вдвоемъ 10,000 (по 5,000 каждый). Устройство лавки обошлось намъ, положимъ, 2,000 р. На остальные 8,000 р. мы выписали товаръ съ обязательствомъ уплатить за него черезъ 6—8 мѣсяцевъ, какъ принято въ торговомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, хотя часть товара (та именно часть, которая расходуется быстро) будетъ уплачиваема нами уже послѣ продажи ея, вырученными за нее деньгами, и мы выписываемъ новыя партіи разнообразныхъ издѣлій, опять же съ 8-ми-мѣсячнымъ кредитомъ. Выписанные запасы разошлись цѣликомъ первоначально, скажемъ, даже только въ теченіе двухъ лѣтъ, давъ за это время 30% чистаго барыша. Тутъ ничего невѣроятнаго нѣтъ. Купцы выручаютъ нерѣдко втрое, вчетверо больше, чѣмъ 15% въ годъ. Но мы съ вами не желаемъ обратить всѣ вырученные 30% барыша въ нашу пользу, а пускаемся на хитрость. Мы довольствуемся 10%, жертвуя остальные 20% на усовершенствованіе магазина, на удобства для публики и даже на удешевленіе наиболѣе нужнаго, любимаго, моднаго, вообще расходящагося быстро товара. Публика стала приливать, другія лавки уже не могутъ съ нами конкурировать — смотришь, всѣ издѣлія разошлись у насъ не въ два года, а меньше, чѣмъ въ годъ, давъ опять-таки тѣ же 30% чистаго дохода. Изъ этой прибыли жертвуемъ снова на тѣ же цѣли, давшія такой хорошій результатъ, 20%, т. е. $\frac{2}{3}$ дохода.оборотъ послѣ этого совершается въ полгода или даже въ 3—4 мѣсяца, давъ въ такое непродолжительное время тѣ же 30%, т. е. будетъ давать эти 30% 3—4 раза въ годъ. Значитъ, по настоящему, мы получаемъ уже 100—120% на затраченный первоначально капиталъ. Теперь, закупая товаръ, намъ и платить ничего не приходится, ибо онъ расходуется гораздо скорѣе, чѣмъ настаетъ срокъ уплаты за него. Приходится отчислять небольшой процентъ потери (вѣрнѣе потери барыша) на долго нерасходящіяся издѣлія. Ихъ спускаютъ въ провинцію и стараются вообще выписывать лишь то, что расходуется быстро. Остается, значитъ, только почти-что одно записываніе громадныхъ барышей на приходъ! Ихъ снова употребляютъ на удешевленіе продаваемыхъ вещей, на удобства для публики, буфеты, фургоны и разнаго рода

рекламы. Все это способствовало тому, что уже через два мѣсяца магазинъ сталъ бы пустымъ, если бы не постоянная выписка свѣжихъ товаровъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, уже шесть разъ въ годъ приходится записывать 30% на приходъ. Нѣмецъ, англичанинъ, русскій удовлетворились бы этимъ вѣроятно. Французъ сталъ углубляться все больше и больше въ это дѣло. Онъ завелъ тантъемы, т. е. процентъ, выдаваемый каждому приказчику, соответствующій количеству проданнаго имъ товара. Такимъ образомъ послѣдній дѣлается прямымъ участникомъ въ прибыли, что служить поощреніемъ. Затѣмъ, желая удешевить продаваемые предметы, привлечь еще больше публики и убить окончательно конкуренцію мелкихъ торговцевъ, онъ пошелъ еще дальше: все сталъ вдругъ шить не въ Парижѣ, а въ глубокой провинціи, гдѣ ручной трудъ наполовину дешевле. Съ разными фабрикантами въ провинціи совершаются постоянно новые договоры; и они, получая свой барышъ или доходъ не одинъ или два раза въ годъ, а 6—7 разъ или больше, увеличиваютъ свои заводы и дѣлаютъ магазину половинныя цѣны и всевозможныя уступки, отчего оборотъ капитала въ товарѣ и выручаемая прибыль дѣлаются до десяти разъ въ годъ.

• Такъ продолжается дѣло. Гибкій умъ француза придумалъ и различнаго рода рекламы и приманки для публики: буфетъ, читальню и т. д. Будутъ современемъ вѣроятно: даровая парикмахерская, ванна, медицинская помощь; и концерты и театральныя представленія. Чего не выдумаетъ изобрѣтательный французъ? Масса силы, энергіи, жизненности въ этой націи. Дайте ей только человѣка, какимъ былъ Наполеонъ, и она могла бы снова повернуть кверху ногами весь міръ! Но въ этомъ торговомъ предпріятіи не одна сила и энергія сдѣлали дѣло. Одною изъ главныхъ причинъ такого громаднаго успѣха этихъ магазиновъ надо считать и любезность, съ которою тамъ встрѣчаютъ покупателя и ухаживаютъ за нимъ. Пускай бы комерсанты всего міра поучились у французовъ. Пятьдесятъ палто и столько же пиджаковъ можете «перепримѣрить», перерыть весь магазинъ и ничего не купить. Вы не замѣтите ни одной морщинки на лбу продавцевъ. Или же, вы купили, а потомъ, хотя бы черезъ 3—4 дня раздумали и отправили имъ вещь обратно—вамъ моментально возвращаютъ деньги съ тою же милою улыбкою. Если бы вы вздумали извиниться, то они обидѣлись бы, утверждая, что это ихъ вина, что не «потрафили» и т. д. А попробуйте у насъ, да не только у насъ, а въ любой странѣ попросить деньги обратно! Еще одна симпатичная

тать о промышленности. Не послѣдняя причина—это геній, трудолюбіе и комерческія способности француза — примѣненіе къ обстановкѣ, однимъ словомъ «тактика». Главное ариметическое рѣшеніе задачи, которое постараюсь изложить на примѣрѣ, такое:

Мы съ вами, многоуважаемый читатель, открываемъ лавку и кладемъ въ нее вдвоемъ 10,000 (по 5,000 каждый). Устройство лавки обошлось намъ, положимъ, 2,000 р. На остальные 8,000 р. мы выписали товаръ съ обязательствомъ уплатить за него черезъ 6—8 мѣсяцевъ, какъ принято въ торговомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, хотя часть товара (та именно часть, которая расходуется быстро) будетъ уплачиваема нами уже послѣ продажи ея, вырученными за нее деньгами, и мы выписываемъ новыя партіи разнообразныхъ издѣлій, опять же съ 8-ми-мѣсячнымъ кредитомъ. Выписанные запасы разошлись цѣликомъ первоначально, скажемъ, даже только въ теченіе двухъ лѣтъ, давъ за это время 30% чистаго барыша. Тутъ ничего невѣроятнаго нѣтъ. Купцы выручаютъ нерѣдко втрое, вчетверо больше, чѣмъ 15% въ годъ. Но мы съ вами не желаемъ обратить всѣ вырученные 30% барыша въ нашу пользу, а пускаемся на хитрость. Мы довольствуемся 10%, жертвуя остальные 20% на усовершенствованіе магазина, на удобства для публики и даже на удешевленіе наиболѣе нужнаго, любимаго, моднаго, вообще расходящагося быстро товара. Публика стала приливать, другія лавки уже не могутъ съ нами конкурировать — смотришь, всѣ издѣлія разошлись у насъ не въ два года, а меньше, чѣмъ въ годъ, давъ опять-таки тѣ же 30% чистаго дохода. Изъ этой прибыли жертвуемъ снова на тѣ же цѣли, давшія такой хорошей результатъ, 20%, т. е. $\frac{2}{3}$ дохода. Оборотъ послѣ этого совершается въ полгода или даже въ 3—4 мѣсяца, давъ въ такое непродолжительное время тѣ же 30%, т. е. будетъ давать эти 30% 3—4 раза въ годъ. Значить, по настоящему, мы получаемъ уже 100—120% на затраченный первоначально капиталъ. Теперь, закупаая товаръ, намъ и платить ничего не приходится, ибо онъ расходуется гораздо скорѣе, чѣмъ настааетъ срокъ уплаты за него. Приходится отчислять небольшой процентъ потери (вѣрнѣе потери барыша) на долго нерасходящіяся издѣлія. Ихъ спускаютъ въ провинцію и стараются вообще выписывать лишь то, что расходуется быстро. Остается, значить, только почти-что одно записываніе громадныхъ барышей на приход! Ихъ снова употребляютъ на удешевленіе продаваемыхъ вещей, на удобства для публики, буфеты, фургоны и разнаго рода

рекламы. Все это способствовало тому, что уже черезъ два мѣсяца магазинъ сталъ бы пустымъ, если бы не постоянная выписка свѣжихъ товаровъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, уже шесть разъ въ годъ приходится записывать 30% на приходъ. Нѣмецъ, англичанинъ, русскій удовлетворились бы этимъ вѣроятно. Французъ сталъ углубляться все больше и больше въ это дѣло. Онъ завелъ тантьемы, т. е. процентъ, выдаваемый каждому приказчику, соответствующій количеству проданнаго имъ товара. Такимъ образомъ послѣдній дѣлается прямымъ участникомъ въ прибыли, что служитъ поощреніемъ. Затѣмъ, желая удешевить продаваемые предметы, привлечь еще больше публики и убить окончательно конкуренцію мелкихъ торговцевъ, онъ пошелъ еще дальше: все сталъ вдругъ шить не въ Парижѣ, а въ глубокой провинціи, гдѣ ручной трудъ наполовину дешевле. Съ разными фабрикантами въ провинціи совершаются постоянно новые договоры; и они, получая свой барышъ или доходъ не одинъ или два раза въ годъ, а 6—7 разъ или больше, увеличиваютъ свои заводы и дѣлаютъ магазину половинныя цѣны и всевозможныя уступки, отчего оборотъ капитала въ товаръ и выручаемая прибыль дѣлаются до десяти разъ въ годъ.

• Такъ продолжается дѣло. Гибкій умъ француза придумалъ и различнаго рода рекламы и приманки для публики: буфетъ, читальню и т. д. Будутъ современемъ вѣроятно: даровая парикмахерская, ванна, медицинская помощь; и концерты и театральныя представленія. Чего не выдумаетъ изобрѣтательный французъ? Масса силы, энергіи, жизненности въ этой націи. Дайте ей только человѣка, какимъ былъ Наполеонъ, и она могла бы снова повернуть кверху ногами весь міръ! Но въ этомъ торговомъ предпріятіи не одна сила и энергія сдѣлали дѣло. Одною изъ главныхъ причинъ такого громаднаго успѣха этихъ магазиновъ надо считать и любезность, съ которою тамъ встрѣчаютъ покупателя и ухаживаютъ за нимъ. Пускай бы комерсанты всего міра поучились у французовъ. Пятьдесятъ палто и столько же пиджаковъ можете «перепримѣрить», перерыть весь магазинъ и ничего не купить. Вы не замѣтите ни одной морщинки на лбу продавцевъ. Или же, вы купили, а потомъ, хотя бы черезъ 3—4 дня раздумали и отправили имъ вещь обратно—вамъ моментально возвращаютъ деньги съ тою же милою улыбкою. Если бы вы вздумали извиниться, то они обидѣлись бы, утверждая, что это ихъ вина, что не «потрафили» и т. д. А попробуйте у насъ, да не только у насъ, а въ любой странѣ попросить деньги обратно! Еще одна симпатичная

черта. Вы купили, допустимъ, вещь на двугривенный—черезъ часть или самое большее черезъ два, вамъ ее доставятъ на квартиру, расположенную хотя бы на противоположномъ концѣ громаднаго города.

Начатое когда-то дѣло подвигается такимъ образомъ впередъ все больше и больше. Товаръ расходуется иногда въ 2—3 недѣли. А съ появленіемъ внезапной зимы теплое платье точно также, какъ при внезапной ранней веснѣ легкія матеріи, лѣтнія дамскія шляпы и т. д. расходятся въ количествѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ въ 2—3 дня, даже въ теченіе одного дня, давая уже, значитъ, не десять разъ въ годъ, а по меньшей мѣрѣ 30—40 разъ тотъ же тридцатипроцентный барышъ. Заказы фабрикамъ и работникамъ дѣлаются тогда посредствомъ телеграфа, а доставка товара въ Парижъ совершается курьерскими поѣздами.

Итакъ, не будетъ преувеличеніемъ, если чистый доходъ исчислить въ 500—1,000 рублей или франковъ на каждую затраченную первоначально сотню этой монеты. Надо принять во вниманіе, что при основаніи магазина вложено не 10,000, какъ въ моемъ примѣрѣ, а вѣроятно нѣсколько миліоновъ. Однимъ словомъ, одиень изъ этихъ двухъ магазиновъ, не помню уже который изъ нихъ, даетъ около 50.000,000 чистаго годового дохода.

Заведеніе такого рода кормитъ цѣлую армію работающих въ немъ или для него людей. Конечно, есть и сотни тысячъ пострадавшихъ весьма сильно отъ этой централизаціи промышленной и торговой дѣятельности, если можно такъ выразиться. Во-первыхъ, множество малыхъ магазиновъ, лавокъ и мастерскихъ перестало существовать, а владѣльцы ихъ обратились въ простыхъ рабочихъ, а то и прямо въ нищихъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ велась настоящая борьба магазиновъ-великановъ съ этими мелкими торговцами, знавшими свое дѣло, проявлявшими извѣстнаго рода искусство, энергію. Они боролись, сколько могли, какъ буры съ англичанами, и погибли. Ворочавшему миліонами магазину-великану ничего не значило понизить цѣну какого-нибудь предмета на 10 или 20 копѣекъ. Малый комерсантъ слѣдовалъ его примѣру. На слѣдующій день первый понижалъ опять стоимость такой-то модной матеріи—мелкій торговецъ объявлялъ вслѣдъ за тѣмъ ту же цѣну. Великанъ сбавлялъ ее еще больше, теряя въ сущности гроши и то лишь временно; мелкій же торговецъ отнималъ этимъ пищу у многочисленной семьи и, въ концѣ концовъ, ликвидировалъ свои дѣла. На эти магазины жалуются всѣ мастеровые въ

Парижѣ. Все продаваемое тамъ изготовляется ради экономіи въ провинціи и даже прямо въ деревняхъ. Ловкіе агенты, заботясь постоянно объ удешевленіи издѣлій, удаляются все больше и больше въ глубь страны, отрывая тамъ рабочія руки отъ земледѣлія. Молодая парижанка безъ средствъ и образованія, обладая присущимъ почти-что всякой француженкѣ вкусомъ, талантомъ и вообще способностью къ работѣ иголкою, могла прежде легко прокормить себя, родителей, семью. Нынѣ нѣтъ спроса на ея трудъ, ибо деревня работаетъ во много разъ дешевле. Ей, слѣдовательно, остается поступить приказчицей; но такихъ мѣстъ въ нѣсколько тысячъ разъ меньше, чѣмъ кандидатокъ. Этимъ дѣвушкамъ приходится голодать или наниматься на грубую, тяжелую работу, которая имъ не подъ силу и погибать. А та, которая при этомъ маломальски хорошенькая, граціозная, стройная? Сколько для нея разныхъ соблазновъ, чтобы пойти по другой дорогѣ? Многіе моралисты ставятъ магазинамъ-великанамъ эту централизацію торговли и труда въ вину, утверждая, что они причина упадка нравственности въ столицѣ Франціи.

Движеніе въ Парижѣ громадное: экипажи, извозчики, омнибусы, велосипеды, а главное, шипящіе и пугающіе лошадей автомобили. Въ Лондонѣ ихъ относительно мало, они какъ-то незамѣтны на улицахъ. Здѣсь же видно, что они современемъ вытѣснятъ окончательно благородное животное, называемое «конемъ», отчего я и питаю сильную ненависть къ этимъ адскимъ машинамъ, обозначающимъ, можетъ быть, сильный прогрессъ и служащимъ предвѣстниками новой эры. Лошади въ самомъ Парижѣ стали хуже, чѣмъ 15—20 лѣтъ тому назадъ. Въ особенности это можно сказать о першеронахъ, возящихъ городскіе омнибусы. Въ то время, это были красивыя, напоминающія араба, правильно сложенные лошади большого роста, сильныя на тягу, но обладающія большой скоростью и высокимъ ходомъ, которыми всякій восхищался. Нынѣ, онѣ измельчали, потерявъ и красоту. Прежде, пара возила съ легкостью тяжелую общественную карету. Нынѣ, несмотря на то, что эти повозки получили облегченный типъ, и что мостовыя улучшились, въ нихъ впрягаютъ тройку, да и той не легко приходится. Жаль этихъ чудныхъ, вырождающихся, какъ видно, французскихъ першероновъ. Не пройдетъ много времени, и конь исчезнетъ совершенно въ большихъ европейскихъ центрахъ, а Парижъ, вѣроятно, подастъ въ этомъ отношеніи примѣръ. Уже и теперь нѣтъ той массы элегантныхъ выѣздовъ, которые водились во времена второй

имперіи и еще десятокъ лѣтъ послѣ ея паденія. Нынѣ, если увидите хорошій, изящный, бросающійся въ глаза выѣздъ, то онъ по всей вѣроятности принадлежитъ какому-нибудь богатому американцу, еврею, а чаще всего дамѣ полусвѣта.

У французовъ страсть къ орденамъ. Есть у нихъ много кавалеровъ знака почетнаго легіона, единственнаго во Франціи ордена, жалуемаго какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ лицамъ. Всѣ кавалеры носятъ всегда бантикъ въ петлицѣ, даже на пальто, дабы всякій узнавалъ издали принадлежность человѣка къ этому ордену. Это старая привычка, традиція, унаслѣдованная отъ того времени, въ которомъ этотъ орденъ жаловался дѣйствительно рѣдко и за выдающіяся заслуги на полѣ брани или знаменитымъ людямъ, отличившимся на другомъ поприщѣ. Нынѣ стали его давать часто; даже различные комерсанты, не исключая дамскихъ портныхъ, удостоиваются этого знака отличія. У кого этого ордена нѣтъ, тотъ старается получить какой-нибудь иностранный орденъ, хотя бы отъ одного изъ самыхъ мелкихъ княжествъ или внѣ европейскихъ владѣній, имѣющихъ въ Парижѣ своихъ представителей или консуловъ. Это не представляетъ большихъ затрудненій. Итакъ, вездѣ во всемъ Парижѣ вы видите почти что однихъ кавалеровъ. Не имѣть ленточки, бантика или такъ называемой пуговицы означаетъ, что вы изъ себя рѣшительно ничего не представляете и никогда не представляли. И въ Германіи носятъ ленточку, но не такъ много; и надѣвается она лишь на фракъ или сюртукъ. Англичанинъ носить ордена лишь при мундирѣ. Во Франціи же это страсть, мода; и, по всей вѣроятности, много украшенныхъ такими бантиками не имѣетъ на ношеніе ихъ права. Странная черта характера у такого способнаго, серьезнаго, трудолюбиваго человѣка, какъ французъ, отличавшагося всегда, какъ двигатель прогресса и цивилизаціи.

Что касается войскъ, то мнѣ пришлось ближе познакомиться съ тремя кавалерійскими полками, а именно, съ квартирующимъ въ самомъ Парижѣ 2мъ Кирасирскимъ полкомъ. Тамъ я бывалъ часто и видѣлъ всю утреннюю весеннюю домашнюю работу, а также нѣсколько упражненій смѣнъ на военномъ полѣ. Пришлось быть и въ 7 Драгунскомъ полку, стоянка котораго въ Фонтенебло, и въ 28 Драгунскомъ, расположенномъ подъ Парижемъ въ лѣскѣ Венсенъ. Кромѣ того, я былъ въ Сомюрской кавалерійской школѣ.

Офицеры всѣхъ упомянутыхъ частей, да вообще офицеры фран-

цузской арміи производять впечатлѣніе хорошо воспитанныхъ, милыхъ, симпатичныхъ людей, знающихъ и любящихъ военное дѣло. Они жаждутъ случая показать всю симпатію, которую они питають къ Россіи и къ русскому офицеру, являющемуся ея представителемъ. При появленіи моемъ шампанское лилось рѣкою, провозглашался тостъ за нашего Августѣйшаго Государя Императора, отправлялась телеграмма въ полкъ; все, что могло интересовать меня, показывалось и т. д.

Въ кавалерійскихъ офицерахъ много «барства», а любовь къ скачкамъ, конной охотѣ и вообще къ спорту сильно развита. Все утро, если они не заняты службою, посвящено ѣздѣ своихъ лошадей, гонкѣ ихъ на кордѣ, прогонкѣ черезъ всевозможнаго рода препятствія, которыхъ на полковомъ дворѣ изобиліе—однимъ словомъ, работа кипитъ. Масса офицеровъ участвуетъ въ скачкахъ съ препятствіями, которыхъ очень много во Франціи. На специальномъ стипльчезномъ кругу въ Отейлѣ устраиваются состязанія круглый годъ, не исключая зимы. Кромѣ того, много офицеровъ ѣздитъ на «sours hippiques», которыхъ бываетъ весьма большое число. Утромъ вы видите массу офицеровъ на конѣ. Они катаются по паркамъ и верховымъ аллеямъ, которыя устроены на главныхъ улицахъ Парижа. Не отъѣздить лично своего коня во Фринціи считается чѣмъ-то невозможнымъ. Такъ смотрять на дѣло не въ одной кавалеріи, а въ артилеріи, въ генеральномъ штабѣ, и въ пѣхотѣ. Всякій военный, коему на службѣ полагается быть верхомъ, считаетъ своимъ служебнымъ долгомъ ѣздить ежедневно круглый годъ на своемъ конѣ. Такъ смотритъ на это дѣло и начальство его; а тотъ, который не поддается этому обычаю, атестуется плохо; слова: «старость, дряхлость, недостаточная свѣжесть или бодрость» появляются въ соответственной графѣ атестаціоннаго списка. Оттого-то они и ѣздятъ такъ много и сохраняють до преклонныхъ лѣтъ удивительныя бодрость и свѣжесть. Случая, чтобы кто-нибудь не сядилъ верхомъ отъ окончанія одного лагеря до начала слѣдующаго, не можетъ быть, и офицерская смѣнная ѣзда становится лишней. Правда, что вездѣ за границую стараются дѣлать офицерамъ всевозможныя облегченія, служащія поощреніемъ къ ѣздѣ. Парки, даже улицы окраинъ всѣхъ городовъ снабжены отлично содержанными, вспахиваемыми верховыми дорожками. Офицерамъ дозволено ѣздить безъ оружія, дабы дать имъ возможность поработать внѣ плаца и манежа молодого коня или какую-нибудь скаковую лошадь, которую они собираются обратить постепенно

въ строевую. У насъ потребуютъ, чтобы вы надѣли непременно шашку, саблю или палашь, при одной мысли о чемъ вы «махнете совѣмъ на дѣло рукою». Не такъ давно еще офицеръ или его вѣстовой не могли у насъ появляться верхомъ иначе, какъ на мундштукѣ—уздечка въ манежа была запрещена еще десять лѣтъ тому назадъ. Во все это долго не вникали у насъ, а кое-гдѣ можетъ быть и до сихъ поръ недостаточно вникаютъ въ эти на видъ маловажныя детали коннаго спорта, отчего тормозятъ дѣло, и безъ того, вслѣдствіе нашихъ климатическихъ условій, сильно задерживаемое и требующее наибольшихъ льготъ и поощреній. Такой большой городъ, какъ Варшава, напримѣръ, не имѣетъ ни одной мягкой верховой дорожки.

Присутствуя на занятіяхъ съ нижними чинами кавалеріи, я, признаться, ожидалъ видѣть въ нихъ хотя и не отсутствіе дисциплины, но по крайней мѣрѣ «небольшую дозу» ея, если можно такъ выразиться — приготовился увидѣть своего рода «вольнаго гражданина» въ военной формѣ. Но я жестоко ошибся. Нижніе чины, въ кавалеріи по крайней мѣрѣ, — это крестьяне, въ числѣ которыхъ много бретонцевъ. Они добродушны, почтительны, въ высшей степени дисциплинированы и смотрятъ на офицера какъ на своего барина, также какъ и у насъ. Новобранцы 2-го Кирасирскаго полка, которыхъ пришлось видѣть, напомнили мнѣ типъ нашего солдата, особенно малороса. Такой бретонецъ горитъ желаніемъ исполнить, угадать, такъ сказать, всякое приказаніе или желаніе офицера.

Занятія гимнастикой ведутся въ этомъ полку, да и во всей французской кавалеріи, весьма толково. Надо сознаться, что въ этомъ отношеніи у насъ меньше системы и терпѣнія; многіе наши молодые офицеры, да иногда и старшіе начальники не придаютъ систематическому обученію этой отрасли службы большого значенія.

У нашихъ союзниковъ удѣляется въ началѣ масса времени на пассивную гимнастику, размягающую всѣ члены и мускулы и дѣлающую человека гибкимъ и ловкимъ. Потомъ уже слѣдуютъ различныя упражненія на машинахъ, а въ особенности гимнастика (вольтижировка) на стоящей живой лошади; послѣдняя доведена до совершенства. Деревянной лошади во французской кавалеріи вовсе нѣтъ, а то, что у насъ на ней продѣлываютъ, исполняется тамъ на живой, выбираемой конечно между наиболѣе спокойными. Оно и гораздо логичнѣе, потому что дѣлаетъ человека смѣлымъ,

ловкимъ и развиваетъ эту ловкость на живомъ конѣ, на которомъ ему придется жить, сражаться, а можетъ быть и умирать за родину. Деревянная кобыла — это плохой замѣститель живого коня, остатокъ отъ того времени, гдѣ придумывали что угодно, лишь бы поменьше выводить лошадей изъ конюшни. Вольтижировка на кордѣ на живой лошади ведется тоже съ большимъ знаніемъ дѣла, и результаты достигаются великолѣпные. Вообще конница тамъ работаетъ весьма усердно. Все утро занято ѣздою, вольтижировкою, преодоленіемъ препятствій на полковыхъ плацахъ. Поля, предназначенныя для ученій, тоже тутъ же подъ рукою или по близости казармъ. Даже въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, гдѣ всякій квадратный аршинъ земли представляетъ громадную стоимость, вышеупомянутому кирасирскому полку до учебнаго поля и версты-то нѣтъ. А какое чудное поле! Мягкій, песчаный, эластичный грунтъ. На мѣстѣ, отведенномъ для кавалеріи, уже пѣхота не занимается и не утрамбовываетъ почвы. Такіе плацы во всѣхъ полкахъ Франціи, да и въ Германіи и Австріи предназначены исключительно для кавалерійскихъ частей. Они снабжены массою естественныхъ и искусственныхъ препятствій. У насъ военныя поля состоятъ обыкновенно въ вѣдѣніи пѣхотнаго начальства, не позволяющаго иногда устраивать препятствій. Кромѣ такихъ спеціально-кавалерійскихъ военныхъ учебныхъ полей, есть и великолѣпно содержанныя полковыя плацы для производства ѣзды; манежи, шпринггартены и отдѣльно стоящія разнообразныя препятствія имѣются въ изобиліи. Но что мнѣ больше всего понравилось, это ванны или бассейны, которые обязательно имѣтъ въ каждой кавалерійской части. Тамъ замываютъ лошадей или ставятъ въ воду тѣхъ, копыта или сухожилья которыхъ, а также наливы требуютъ этого. Такая ванна имѣетъ обыкновенно длину въ 15—20 шаговъ, ширина ея нѣсколько меньше. Величина этихъ ваннъ впрочемъ различна въ разныхъ полкахъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ она вдвое, втрое больше; въ такомъ случаѣ это почти прудъ. Черезъ него пропускается «по четыре» или по-взводно возвращающійся съ ученія полкъ, когда, послѣ ненастной погоды, всѣ лошади въ засохшей грязи. Тогда на затираніе ихъ достаточно полчаса, а не нужно двухъ полныхъ часовъ, какъ у насъ иногда.

Въ 7-й драгунскій полкъ, расположенный въ Фонтенебло (которымъ командуетъ полковникъ Шерфисъ, авторъ извѣстнаго сочиненія о конницѣ), я былъ любезно приглашенъ на полковое ученіе. Оно началось не съ медленнаго выстраиванія эскадроновъ,

безконечнаго выравниванія и выжиданія прибытія начальства. Полку въ казармахъ, когда собирались только сѣдлать, дано было тактическое предположеніе. Его повелъ старшій офицеръ, а мы съ командиромъ, который принялъ на себя роль руководителя, встрѣтили полкъ по дорогѣ. Походное движеніе исполнено превосходно. Видъ людей и лошадей, сѣдловка, снаряженіе безукоризненны. Типъ лошадей сухой, нѣсколько поджарый (по нашимъ недостаточно современнымъ понятіямъ). Ростъ ихъ около 4-хъ вершковъ въ среднемъ. Почти всѣ полуукровки, а подъ большинствомъ унтеръ-офицеровъ чистокровныя лошади. Подтянутый видъ объясняется тѣмъ, что во Франціи, точно также какъ и въ Германіи и Австріи, съ вопросомъ о тѣлахъ покончили давно. Выводокъ, въ родѣ нашихъ, вѣчнаго соревнованія въ тѣлахъ и дѣленія на разряды по содержанію не знаютъ. Оттого и галопируютъ много и цѣнятъ кровную лошадь въ строю. Вслѣдствіе того, что нѣтъ «соревнованія въ тѣлахъ», не бываетъ и запала. У сѣдель одна широкая подпруга.

При прохожденіи лѣса, надо было любоваться работою авангарда и вообще тактической подготовкою всего полка до послѣдняго новобранца включительно. Каждый унтеръ-офицеръ, ефрейторъ, каждый всадникъ понималъ прекрасно возлагаемое на него порученіе и связь его съ поставленной полку задачею. Тутъ прискакиваетъ одинъ съ обстоятельнымъ словеснымъ донесеніемъ о томъ, что непріятельскій эскадронъ пошелъ въ обходъ лѣса; за нимъ другой, присланный сержантомъ, открывшимъ сильный разѣздъ противника, прогнать котораго онъ не въ состояніи, почему онъ проситъ поддержки. Съ другого конца скачетъ опять драгунъ съ докладомъ о томъ, что только-что гдѣ-то открыта засада. Авангардъ выдѣляетъ: тутъ взводъ, тамъ 5—6 человекъ, которыхъ прискакавшіе всадники принимаютъ, такъ сказать, и ведутъ, живо интересуясь всѣмъ маневромъ. Не пришлось слышать вполнѣ законнаго, но свидѣтельствующаго о нѣкоторомъ участіи къ дѣлу, вопроса: «А мнѣ прикажете возвращаться туда, или отправиться въ свой эскадронъ?» Всякій изъ нихъ знаетъ, гдѣ и для чего онъ нуженъ. Командиры управляютъ своими людьми полусловами и знаками, подобно капельмейстеру, руководящему оркестромъ. Никто не бездѣйствуетъ ни одной минуты. Лѣсъ живо прѣйденъ, задача рѣшена, и тогда командиръ принимаетъ команду надъ полкомъ самъ, поручивъ меня попеченію одного изъ старшихъ офицеровъ. Произведено нѣсколько устав-

ныхъ перестроеній и атакъ. Направленіе, ровность алжуровъ, стройность великолѣпны. За интервалами не гоняются. Этого слова даже не слышно, ибо проведенъ принципъ, что интервалъ—это буферъ, а не какая-нибудь строго предписанная величина, о которой надо заботиться все время, въ ущербъ чему-нибудь другому, болѣе важному. Затѣмъ послѣдовало опять тактическое ученіе. Оно произведено ловко и энергично. Какъ уставное, такъ и тактическое ученіе произведены почти-что все время на полево́мъ галопѣ. Во время уставнаго ученія можно было еще соображать, куда стать или гдѣ ѣхать, чтобы видѣть все наилучшимъ образомъ, но тактическое изобиловало такою массою случайностей и неожиданностей, равно какъ и различными эволюціями отдѣльныхъ эскадроновъ для парированія онымъ, что приходилось удирать въ сторону полнымъ ходомъ, чтобы не помѣшатель атакующимъ другъ друга, да и не быть раздавленнымъ ими.

Послѣ этого ученія я, несмотря на то, что былъ въ партикулярномъ платьѣ, вернулся въ городъ во главѣ полка въ группѣ старшихъ офицеровъ. Впереди насъ ѣхали трубачи, играя различные марши. Трубы у нихъ другія, чѣмъ у насъ, безъ клапановъ, какъ мнѣ показалось, простыя сигнальныя; и строй какой-то особый, высокій. Несмотря на это, они играютъ массу пьесъ, хотя сложныхъ оперныхъ сочиненій не въ состояніи исполнять.

Узнавъ о томъ, что на ученіи будетъ русскій офицеръ, масса публики пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ высыпала на учебное поле и построилась послѣ ученія у выхода съ поля, пропуская полкъ мимо себя. По прибытіи въ казармы меня попросили въ дежурную комнату, гдѣ появилось шампанское, провозглашены тосты, трубачи играли нашъ гимнъ. Вообще этотъ день будетъ для меня пріятнымъ воспоминаніемъ.

Офицерскія собранія не вездѣ существуютъ. Въ большинствѣ полковъ имѣется лишь дежурная комната (*salle d'honneur*), а офицеры обѣдаютъ въ отдѣльныхъ комнатахъ въ ресторанахъ: штабъ-офицеры отдѣльно, эскадронные или ротные командиры въ отдѣльной комнатѣ или отдѣльной гостинницѣ, младшіе офицеры всѣ вмѣстѣ. То-же правило соблюдается и тамъ, гдѣ есть собранія. Лишь послѣ завтрака или обѣда всѣ чины соединяются въ общей залѣ за кофе и ликерами. Это старый традиціонный французскій обычай, не лишенный основанія, хотя онъ нашему брату кажется чѣмъ-то страннымъ.

Въ 28-й драгунскій полкъ я, къ несчастію, явился лишь на-

канунъ отъѣзда, въ субботу послѣ обѣда. Разрѣшеніе отъ военнаго министерства я получилъ поздно и не могъ откладывать своего отъѣзда, такъ какъ меня ждали въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Сомюрѣ. Я въ этомъ полку видѣлъ лишь фехтованіе унтеръ-офицеровъ, но былъ пораженъ искусствомъ, съ которымъ эти нижніе чины владѣютъ рапирю и саблею. Затѣмъ показаны мнѣ были всѣ помѣщенія полка. Осмотръ конюшенъ, манежа, коннаго лазарета и кузницы привелъ меня прямо въ восторгъ. Все устроено съ такою роскошью, что захотѣлось почти-что быть лошадыю, дать себя полѣчить, подковать! Огромныхъ размѣровъ бассейнъ для лошадей и тутъ привелъ меня въ удивленіе.

Поѣздка въ Сомюрскую кавалерійскую школу была очень интересною. Не говорю уже о любезности и предупредительности, съ которою меня принимали и показывали все; но и то, что пришлось видѣть, обращало на себя вниманіе.

Въ школѣ больше 1,000 лошадей, изъ нихъ около 350 чистокровныя. Послѣднія покупаются школою въ 2-хъ—3-хъ-лѣтнемъ возрастѣ, иногда даже годовиками. Покупаемыя 3-хъ-лѣтки отскакали уже одинъ сезонъ, 2-хъ-лѣтки участвовали хотя въ нѣсколькихъ скачкахъ. Затѣмъ онѣ выдерживаются въ школѣ, какъ на заводахъ, въ громадномъ выгонѣ. Ихъ прогоняютъ ежедневно черезъ большой, круглый, снабженный массою всевозможныхъ препятствій шпринггартенъ, который составляетъ одновременно ограду дуга или выгона, на которомъ пасутся или бѣгаютъ всѣ эти молодя, не взятыя еще въ выѣздку лошади. Онѣ остаются на открытомъ воздухѣ весь день, во всякую погоду и во всякое время года, заводясь лишь поздно вечеромъ въ великолѣпныя конюшни, гдѣ имѣются просторные денники; а съ ранняго утра, еще до разсвѣта ихъ вновь выпускаютъ. Такимъ образомъ изнѣженность, приносимая ими изъ скаковыхъ конюшенъ, пропадаетъ совсѣмъ. Неудивительно, что такъ воспитанная лошадь и закалена, и вынослива, а главное, что она прыгаетъ потомъ въ зрѣломъ возрастѣ черезъ все, что угодно.

Не могу не описать одного оригинальнаго препятствія, имѣющагося въ вышеупомянутомъ шпринггартенѣ. Я видѣлъ разнообразныя барьеры въ Англии на охотѣ. Тамъ я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-то англичанинъ на первоклассномъ гунтерѣ прыгалъ весьма увѣренно черезъ проволочный заборъ, который всѣ объѣзжали: казалось, что развѣ одинъ умъ человѣческій способенъ былъ бы опредѣлить, что эту тонкую металлическую нитку нельзя за-

дѣть, а нужно черезъ нее перепрыгнуть, ибо иначе упадешь, порѣжешься. Но такого препятствія, какъ въ Сомюрскомъ шпринггартенѣ, я еще не видѣлъ. Оно состоитъ изъ доски, вѣрнѣе, толстаго прочнаго бревна, перекинутаго черезъ оврагъ, ширина котораго не допускаетъ возможности прыжка черезъ него. Глубина оврага небольшая, но берега отвѣсны, такъ что пробраться можно лишь по бревну-мосту, ширина котораго не больше 8-ми—10-ти вершковъ. Такого рода препятствія, т. е. мостики для пѣшеходовъ встрѣчаются весьма часто на западѣ. Иногда они весьма прочны и представляютъ изъ себя въ сущности пустое препятствіе, совершенно безопасное, а тѣмъ не менѣе способны остановить лучшаго гунтера на охотѣ, а также развѣздъ на маневрахъ или въ военное время и это только потому, что лошади съ подобнаго рода препятствіемъ незнакомы. По этому мостику и пробираются по одному всѣ эти жеребята, подлетая полнымъ ходомъ, дѣлая у этого препятствія выдержку, пропуская впередъ болѣе смѣлыхъ, болѣе привычныхъ къ нему трехлѣтокъ. Въ началѣ, какъ мнѣ говорили, новые жеребята жмутся, мѣшаютъ другъ другу, падаютъ въ оврагъ, въ особенности когда послѣ дождей бревно это скользкое; но въ послѣдствіи все идетъ гладко.

Школѣ раньше ставили въ упрекъ, что она слишкомъ строго раздѣляетъ манежную ѣзду отъ полевой, имѣя для каждаго изъ этихъ двухъ видовъ или подраздѣленій ѣзды особыя учителя и лошадей. Ничего подобнаго теперь не существуетъ. Новый начальникъ школы генераль де-ля-Сель внесъ массу свѣжаго, бодрого въ програму занятій, поднялъ въ высшей степени полевое дѣло, и Сомюрская школа справедливо гордится достигнутыми въ послѣднее время результатами. Тѣ же чистокровныя лошади исполнили въ моемъ присутствіи сначала въ пилярахъ безъ всадниковъ, а потомъ въ тѣхъ же пилярахъ съ ѣздокомъ такъ называемые «школьные прыжки на воздухѣ». Онѣ же послѣ этого продѣлали въ смѣнѣ подъ ѣздоками всѣ требованія высшей школы (левады, пезады, балотады, капріюли). Все это исполнялось одновременно по командѣ, какъ однимъ человѣкомъ, всѣми ѣздоками. Вообще Сомюрская школа сохранила массу традицій и обычаевъ древняго исчезающаго искусства высшей школы. Такъ, на примѣръ, для этого рода ѣзды имѣются особыя сѣдла, какъ они употреблялись въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіи. Въ торжественныхъ случаяхъ, когда исполняются знаменитые Сомюрскіе карусели, сѣдла эти покрываются особаго рода вальтрапами; ѣздокамъ для

этихъ, имѣющихъ мѣсто 3—4 раза въ годъ, торжествъ, присвоенъ особый мундиръ, бѣлыя лосины, треугольныя шляпы и т. п. Вѣнская школа тоже хранить и поддерживаеъ это искусство ѣзды; но тамъ это все и составляетъ единственную цѣль заведенія, не имѣющаго ничего общаго съ военнымъ міромъ. Сомюръ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ большаго вниманія, такъ какъ тѣ же, отходившія «высшей ѣздою» лошади, сдѣлали въ томъ же манежѣ, подъ тѣми же ѣздоками, 50—60 полевыхъ прыжковъ черезъ всякаго рода барьеры, которые внесены были подъ конецъ. Прыжки эти были произведены и смѣною, и врознь, и на встрѣчу другъ другу, и все съ полнаго хода. Масса прыжковъ совершенна вкось. Все это продолжалось минутъ десять, такъ что пришлось на каждую лошадь по крайней мѣрѣ 50—60 прыжковъ. Каждый прыжокъ плоскій, на лету: ни одна не замаялась, не остановилась передъ барьеромъ, не сбавила хода. Все это продѣлывается, хотя и не каждый день, но 3—4 раза въ недѣлю. Каково же было мое удивленіе, когда я послѣ обѣда, во время полеваго упражненія, имѣвшаго мѣсто въ 15-ти—20-ти верстахъ отъ казарменнаго расположенія школы, узналъ 3—4 лошадей, отѣзженныхъ утромъ высшей школою и, какъ только-что описано, поработавшихъ порядочно.

Полевая ѣзда Сомюрскихъ учениковъ стоитъ того, чтобы и о ней упомянуть: охоты, какъ въ Ганноверѣ или въ австрійской военной школѣ подѣ Вѣною, нѣтъ. Окрестные помѣщики пригласили разъ на всегда весь составъ школы на парфорсныя охоты, и офицеры ѣздить туда группами поочередно. Но правительство арендуетъ для полевой ѣзды въ 15-ти—20-ти верстахъ отъ расположенія школы громадный участокъ земли, величиною около 35—40 квадратныхъ верстъ. Участокъ этотъ выбранъ весьма удачно. Чего тамъ только нѣтъ? Луга, песокъ, болото, ручей, рѣчка, рощи, кусты, лѣсокъ, горки и овраги, подъемы и спуски. Кромѣ этихъ естественныхъ препятствій, на намѣченныхъ тамъ 5 и 6 стипльчезныхъ кругахъ или путяхъ, сооружено или приспособлено еще около 20-ти искусственныхъ препятствій. Въ числѣ ихъ есть весьма серьезныя, трудно преодолимыя. Въ серединѣ этого участка есть горка, а на ней вышка или бесѣдка для наблюденія за ѣздою. Последняя производится такимъ образомъ, что всадниковъ заставляютъ галопировать группами черезъ одинъ изъ имѣющихся тамъ путей (круговъ). Пути эти разнообразны, какъ по длинѣ, такъ и по серьезности имѣющихся на нихъ препятствій. Такимъ образомъ можно соображаться съ возрастомъ и втянутостью лошадей,

увеличивая постепенно требованія. Прежде для этихъ упражненій содержались особыя лошади, такъ называемыя «chevaux de saignée», особое отдѣленіе составляла и высшая школа. Нынѣ все это измѣнено и полевая и манежная ѣзда идутъ рука объ руку. Не всѣ лошади ѣздятся высшею школою, хотя всѣхъ послѣ основательной манежной выѣздки испытываютъ, пробуютъ, однако, не больше одной трети годится для этой ѣзды. Но за то всѣ безъ исключенія проходятъ вышеописанную полевую школу или тренировку; галопы черезъ препятствія на полевомъ участкѣ доходятъ до 8-ми—9-ти верстъ и больше.

При манежной ѣздѣ исполняется много боковыхъ движеній. Урокъ «плечо въ манежъ» служитъ здѣсь, точно также, какъ и въ Германіи и Австріи, чуть-ли не главнымъ фундаментомъ всей дальнѣйшей выѣздки.

Въ переменномъ составѣ школы есть кандидаты на офицерское званіе и должность ветеринаровъ отъ всѣхъ полковъ, ибо безъ того, чтобы не пройти годичный курсъ въ Сомюрѣ, нельзя быть произведеннымъ въ офицеры въ кавалерію или получить званіе ветеринара. Есть и другой старшій классъ, состоящій изъ поручиковъ, присылаемыхъ послѣ 3-хъ—4-хъ лѣтъ службы въ строю своихъ полковъ на два года. Послѣ этого они опять возвращаются во фронтъ. Въ постоянный составъ школы избираются офицеры, отбывшіе эти двѣ командировки и откомандовавшіе въ своихъ полкахъ эскадронами. Они не могутъ оставаться въ школѣ больше 3-хъ—4-хъ лѣтъ, дабы эта школа поддерживала постоянно связь со строевыми частями, знала ихъ нужды и недостатки, знала, что и какъ надо исправлять и вообще какое направленіе придавать обученію.

Окрестности Сомюра и дорога туда изъ Парижа очень живописны. Дома крестьянъ, да и разныя дачи построены наполовину въ скалахъ, какъ бы прилѣплены къ нимъ. Вообще можно сказать, что всякій кавалеристъ, который, находясь въ Парижѣ, предприметъ это путешествіе, на что надо пожертвовать всего двумя—тремя днями, вынесетъ изъ этой поѣздки самое лучшее впечатлѣніе.

Кончая описаніе моего пребыванія во Франціи, хочу упомянуть и о французскихъ женщинахъ, хотя бы потому, что сдѣлалъ это раньше относительно англичанокъ. Француженку мы знаемъ, по крайней мѣрѣ мы думаемъ, что намъ знакомы всѣ «ея положительныя и отрицательныя качества»: живость темперамента, грація, ловкость, умѣніе одѣваться со вкусомъ и нравиться мужчинамъ,

кокетство, легкомысліе, расточительность, повадливость. Все это можетъ касаться, и то лишь отчасти одной развѣ парижанки; оно вѣрно по отношенію къ извѣстному сорту, роду женщинъ, начиная съ очень свѣтской дамы, занятой одними балами, туалетами и тѣмъ, чтобы за нею ухаживали, затѣмъ, нѣкоторыхъ актрисъ и кончая модисткою и парижской швейкою. Но, отправившись въ провинцію или заглянувъ въ болѣе скромные и серьезные кружки самаго Парижа, хотя бы въ офицерскую среду, вы будете поражены духовными качествами французской женщины: это серьезные, скромныя существа, самыя вѣрныя жены, лучшія матери, великолѣпныя, расчетливыя хозяйки, что не мѣшаетъ имъ быть подчасъ очень красивыми, гораздо красивѣе упомянутыхъ выше дамъ и обладать значительною дозою положительныхъ качествъ, присущихъ элегантной парижанкѣ.

Ницца и Монако.

Изъ Парижа я отправился черезъ Марсель въ Ниццу. Между послѣдними двумя городами начинается чудная, живописная мѣстность, называемая «la cogniche», которая тянется вплоть до Генуи. Съ одной стороны вагона вы все время видите живописныя горы, скалы съ крутыми обрывами, раскинутыя терасы, роскошно устроенныя сады, виллы. Пальмы, акація, кактусы, апельсины, лимоны растутъ въ этихъ садахъ. Это также родина всевозможныхъ цвѣтовъ. Выглянувъ въ противоположное окно вагона, глазамъ вашимъ представляется море, чудный лазурный цвѣтъ котораго можетъ соперничать съ цвѣтомъ моря въ окрестностяхъ Неаполя. Вы ѣдете все время вдоль и вблизи моря, почти что въ непосредственномъ съ нимъ соприкосновеніи. Берега извилистыя, бухтъ масса, такъ что желѣзнодорожный путь крутится постоянно, проложенъ «змѣйкой», такъ сказать, причемъ пробито много тунелей. Вся эта мѣстность обладаетъ, вслѣдствіе какихъ-то метеорологическихъ данныхъ, теплымъ, мягкимъ, морскимъ климатомъ. Подобнымъ климатомъ многіе, расположенные значительно южнѣе города Италіи или Испаніи, и то похвастаться не могутъ. Край изобилуетъ массою лѣчебныхъ мѣстъ, зимнихъ климатическихъ станцій, и всѣ эти мѣста стали теперь моднымъ рандеву всей Европы и Америки. Родовая и денежная аристократія всего міра съѣзжается туда, и мѣстность эта утратила свое первоначальное лѣчебное значеніе. Канъ, Болье, Ницца, Монте-Карло, Санъ-

Ремо, Ментонъ и масса другихъ городковъ изобилуетъ иностранцами, въ числѣ которыхъ преобладаютъ англичане и американцы. Большою приманкою служить рулетка въ Монако (Монте-Карло), куда изъ всѣхъ этихъ мѣстъ можно легко съѣздить въ послѣобѣденное время по желѣзной дорогѣ и вернуться къ вечеру домой, избѣгая такимъ образомъ необходимости жить въ самомъ Монако, доступномъ вслѣдствіе страшной дороговизны своей однимъ милліонерамъ. Между тѣмъ, многіе изъ упомянутыхъ курортовъ, хотя и дороги, но въ сравненіи съ Монако или ближайшими къ нему Ниццею и Канъ считаются болѣе дешевыми мѣстами пребыванія. Дороговизна тамъ страшная вездѣ. Первоклассные рестораны и гостиницы устроены роскошно. Вообще видно, что деньги для пріѣзжающихъ жить туда не играютъ никакой роли.

Въ Ниццѣ пришлось видѣть французскихъ альпійскихъ стрѣлковъ. Молодцеватый видъ этихъ жителей горъ, красивая, нѣсколько оригинальная форма придаетъ имъ еще больше молодцеватости; они прямо бросаются въ глаза.

Видѣлъ и войска князя Монако. Ихъ всего около ста чело-вѣкъ и нѣсколько офицеровъ. Всѣ они наемныя, ибо жители этого княжества освобождены отъ воинской повинности. Жалованье громадное; рядовой получаетъ около двухъ рублей въ день! Вся территория княжества равняется четыремъ квадратнымъ верстамъ съ 9,000 населенія. Число же пріѣзжающихъ или проживающихъ тамъ иностранцевъ доходитъ въ нѣкоторые годы почти до миліона. Но это все-таки самостоятельное государство и династія Гримальди царствуетъ благополучно уже больше 1,000 лѣтъ, хотя страна бывала по временамъ захватываема противникомъ (напримѣръ, во время Наполеоновскихъ войнъ). Жители княжества бѣдствовали. питаясь рыбою и фруктами; но чудный климатъ и восхитительная природа навели на мысль перенести туда рулетку изъ Гомбурга, когда въ 60-хъ годахъ ее тамъ и вообще въ Германіи запретили. Очевидно, что рулетка привлекла въ Монако и въ упомянутыя ближайшія мѣста все, что ѣздило и поселялось до того въ Гомбургъ и его окрестностяхъ. Владѣльцы рулетки платятъ князю громадную аренду за право содержанія ея. Эта аренда составляетъ единственный, но весьма солидный государственный доходъ, давшій возможность освободить всѣхъ подданныхъ отъ платы ка-кого бы то ни было налога и отъ отбыванія воинской повинности. Правленіе казино, гдѣ происходитъ игра, тратитъ значительныя суммы на украшеніе города и всей этой и безъ того обильно ода-

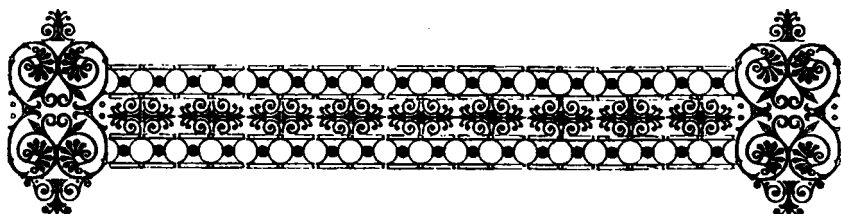
ренной отъ природы мѣстности. Гостиницы, рестораны, магазины, театры и всевозможныя увеселенія, отличныя дороги, всевозможныя экскурсіи—все это появилось въ скоромъ времени, и вообще перещеголяло во всемъ прежнее игорное мѣсто Гомбургъ.

Внесши, какъ большинство иностранцевъ, свою лепту на увеличеніе государственнаго дохода, т. е. проигравъ небольшую сумму денегъ въ рулетку, я покинулъ Монако и отправился въ Италію, пробывъ по двѣ недѣли въ среднемъ въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренці, Миланѣ, Болоньи и Венеціи.

Н. Вольфъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

II.

ВИБЛІОГРАФІЯ.

Война Франціи, Англіи и Турціи съ Россіей въ 1854—1855 годахъ

«La Défense des Côtes» ¹⁾.

(Сочиненіе лейтенанта Грассе. 1899 года).

1) Операціи на Черномъ морѣ.

20-го сентября 1853 г. эскадры французская и англійская прошли черезъ Дарданелы; по требованію посланниковъ, онѣ 13-го ноября стали на якорь у Константинополя. Французская эскадра состояла изъ восьми кораблей и восьми фрегатовъ и корветовъ; англійская изъ семи кораблей и девяти фрегатовъ.

Послѣ Синопскаго сраженія (30-го ноября 1853 г.), въ которомъ турецкій флотъ былъ внезапно уничтоженъ русскою эскадрою, эскадры союз-

¹⁾ Первая часть книги «La défense des côtes», сочиненія лейтенанта французской службы Grasset, даетъ намъ большое количество историческихъ примѣровъ атаки береговъ, начиная съ 1853 г. Въ главѣ первой этой части описаны всѣ операціи, которыя предпринимались соединенными силами Англіи, Франціи, Турціи и Сардиніи противъ Россіи въ 1854 — 1855 гг. и такъ какъ всѣ приведенныя здѣсь данныя извлечены (добыты) лейтенантомъ Грассе изъ документовъ, которыми онъ могъ пользоваться въ военныхъ архивахъ Франціи, то, несомнѣнно, намъ очень интересно составить себѣ представленіе о взглядѣ компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ лицъ нашего бывшего непріятели на ходъ нашихъ и непріятельскихъ операцій въ Крыму, на Балтійскомъ побережьѣ и на нашемъ дальнемъ Востокѣ, а потому мы изложимъ здѣсь и въ томъ же порядкѣ, какой принятъ въ сочиненіи Грассе, всѣ эти примѣры.

Переводчикъ.

нѣкогда проникли въ Черное море, но суровое зимнее время года принудило ихъ возвратиться въ Константинополь.

27-го марта 1854 года Франція и Англія официально предложили свою помощь Турціи и объявили Россіи войну. Первый экспедиціонный французскій корпусъ (около 1,000 человекъ) 19-го марта на трехъ судахъ отплылъ изъ Марсеа и 31-го числа того же мѣсяца прибылъ въ Галлиполи; начиная съ этого времени не прекращалась безостановочная перевозка англійскихъ и французскихъ войскъ въ Галлиполи, которое предназначалось сборнымъ пунктомъ союзной арміи.

Бомбардированіе Одессы (22-го апрѣля 1854 г.). 20-го апрѣля 1854 г. союзныя эскадры стали на якорь въ виду Одессы и съ англійскаго фрегата «*Furious*» была спущена и подъ парламентерскимъ флагомъ отправлена къ берегу шлюпка, по которой береговыя батареи Одессы открыли огонь; адмиралы, командовавшіе эскадрами, черезъ парламентаря передали командиру порта слѣдующее требованіе: «въ, стоящія на якорѣ у Одессы англійскія, французскія и русскія суда должны быть немедленно сданы союзной эскадрѣ». Вслѣдствіе неполученія отвѣта на это требованіе, вечеромъ, 21-го апрѣля, былъ рѣшенъ вопросъ о бомбардированіи Одессы. Въ корабельномъ журналѣ стоявшаго передъ Одессою французскаго фрегата «*Городъ Парижъ*» слѣдующимъ образомъ, въ краткихъ чертахъ, изложенъ былъ планъ предпринятой атаки.

Рѣшенная и предназначенная на утро атака Императорскаго порта была осуществлена только на слѣдующій день днемъ. Она была отерочена, дабы въ ней могли принять участіе три паровыхъ французскихъ и пять паровыхъ англійскихъ фрегатовъ, а также съ тою цѣлю, чтобы «*Sans-Pareil*» и «*High-Flyer*», отойдя и ставъ внѣ дѣйствительности береговой артилеріи, могли служить для флота опорнымъ пунктомъ.

Было постановлено, что Императорскій портъ, а также и все, что въ немъ будетъ находиться, подвергнется бомбардированію и будетъ разрушено; городъ же, комерческій портъ и значительное число стоящихъ въ немъ судовъ рѣшено было сохранить отъ всякаго поврежденія.

22-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, четыре паровыхъ фрегата ¹⁾ снялись съ якоря и подошли къ батареѣ Императорскаго порта на дистанцію отъ 1,800 до 2,000 метровъ; въ 6 часовъ 30 минутъ утра суда эти завязали горячій артилерійскій бой съ этою батареею. Къ 8-ми часамъ утра батарея уже сильно пострадала и на многихъ пунктахъ появились отдѣльные пожары. Съ своей стороны и нѣкоторыя атакующія суда получали поврежденія отъ попавшихъ въ нихъ снарядовъ: въ французскій фрегатъ «*Vauban*» попало три каменныхъ ядра и произвели на немъ настолько серьезный пожаръ, что принудили это судно удалиться съ мѣста боя и стать на якорь среди эскадры, чтобы получить отъ нея необходимую помощь.

¹⁾ Два французскихъ фрегата: «*Vauban*» (20 орудій) и «*Descartes*» (20 орудій) и два англійскихъ: «*Tiger*» (16 орудій) и «*Sampson*» (16 орудій).

Въ 10½ часовъ утра адмиралы ввели въ дѣло вторую дивизию судовъ изъ четырехъ фрегатовъ¹⁾.

Сосредоточенная по укрѣпленіямъ стрѣльба увеличила пораженія; скоро обнаружались пожары складовъ и появились загоранія на палубахъ русскихъ судовъ. Вскорѣ же послѣ этого шесть англійскихъ шлюпокъ смѣло и рѣшительно приблизились къ сѣверо-западной части мола и стали обстрѣливать эту сторону порта конгревовыми ракетами, но очень быстро были принуждены отступить отъ огня полевой батареи, которую непріятель выставлялъ на берегу въ сѣверо-западной части Императорскаго порта. Флотъ сосредоточилъ весь свой огонь на этой батарее и принудилъ ее удалиться.

Въ 12 ч. 42 м. пополудни, въ порту былъ взорванъ батарейный пороховой погребъ. Тогда, воспользовавшись смятеніемъ на берегу, фрегаты приблизились на 400 метровъ и стали громить тѣ 15 маленькихъ русскихъ судовъ, которыя находились въ коммерческомъ порту. Прекратившія было на время стрѣльбу, батареи коммерческаго порта открыли ее вновь и довольно энергично, причѣмъ имъ оказали существенную пользу мортирные батареи, которыя были расположены на Одесскихъ высотахъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на энергичную оборону со стороны непріятельской артиллеріи, фрегаты продолжали поддерживать жестокій огонь, сражаясь то на якоряхъ, то подъ паромъ.

Въ 4 ч. 30 м. дня огонь батарей былъ прекращенъ и разрушеніе порта произведено полное; въ это время сигналами адмиралы дали приказаніе прекратить сраженіе.

Разрушеніе. Опустошеніе и поврежденія, произведенныя бомбардированіемъ, были весьма значительны. Орудія батареи мола были подбиты всѣ; взрывомъ порохового погреба на этой батарее былъ перебитъ и израненъ почти весь ея личный составъ; большой складъ, наполненный матеріалами, казармы и фуражный магазинъ стали добычею пламени.

Полевая батарея, состоявшая изъ четырехъ 16-ти-сантим. орудій, пытавшаяся вести бой съ эскадрою, была перебита почти вся, съ людьми и лошадьми. Въ порту находились три парохода и 53 парусныхъ судна; пароходы были затоплены и только одинъ изъ нихъ можно было потомъ вытаскать; что касается парусныхъ судовъ, то четыре были сожжены, а другія, болѣе или менѣе поврежденныя ядрами, большею частью затоплены. На французскихъ фрегатахъ не было ни одного убитаго и ни одного раненаго чловѣка и самые фрегаты не получили ни одного такого поврежденія, которое могло бы имъ воспрепятствовать слѣдовать за флотомъ.

2) Главныя операціи.

Въ концѣ мая мѣсяца 1854 года союзная армія двинулась къ турецкой арміи, которая тогда боролась съ русскими на Дунаѣ. Четыре французскія

¹⁾ Французскій фрегатъ: «Magador» (16 орудій) и три англійскихъ фрегата: «Terrible» (21 орудіе), «Furious» (16 орудій) и «Retribution» (28 орудій).

дивизіи и англійскія войска на корабляхъ эскадръ и на особо нанятыхъ для этой цѣли комерческихъ судахъ были перевезены въ Варну. Только вторая дивизія и кавалерія французской арміи были направлены на Варну сухимъ путемъ черезъ Адрианополь. Послѣ отступленія русскихъ войскъ, снявшихъ осаду Силистріи, которая упорно оборонялась турецкими войсками, правительства союзныхъ государствъ рѣшили вывести свои войска изъ нездоровой мѣстности, гдѣ люди гибли отъ холеры и нельзя было ожидать встрѣчи съ русскими войсками; вслѣдствіе всего этого была рѣшена экспедиція въ Крымъ.

Между 5-мъ и 7-мъ сентября 1854 года, 356 кораблей, изъ которыхъ 89 было военныхъ, съ войсками въ количествѣ 57,000 человекъ ¹⁾ (30,000 французовъ, 21,500 англичанъ и 6,000 турокъ) снялись съ якоря у крѣпости Варны.

8-го сентября всѣ суда флота соединились и онъ сталъ держать курсъ къ Крымскому полуострову. Одна дивизія съ главнымъ начальникомъ экспедиціи отдѣлилась отъ эскадры и произвела рекогносцировку береговъ для окончательнаго выбора пункта высадки; вечеромъ 10-го сентября эта дивизія соединилась со всей эскадрой, стоявшей на якорѣ у мыса Тарханкута. 11-го сентября было окончательно рѣшено, что пунктомъ высадки будетъ берегъ «*Ольдъ-Фортъ*» (Старое Укрѣпленіе) ²⁾. Ровный и обширный берегъ «*Ольдъ-Форты*» какъ нельзя болѣе соответствовалъ для производства подобной операціи. Маленькія водяныя лагуны (озерки), имѣвшіяся по его окраинамъ, могли служить для высадившихся войскъ хорошимъ прикрытіемъ отъ непріятельской атаки со стороны материка. Расположенный вблизи отъ «*Ольдъ-Форты*» городъ *Евнаторія*, по имѣющимся свѣдѣніямъ, не имѣлъ обороны; когда, 13-го числа, нѣсколько военныхъ судовъ появились на рейдѣ передъ этимъ городомъ, то онъ сдался по первому требованію. 14-го сентября, въ 2½ часа утра (т. е. на разсвѣтѣ) флотъ тронулся съ якоря и пошелъ къ берегу «*Ольдъ-Форты*». Въ 7 часовъ вечера онъ остановился: эскадры стали на якоря въ четыре линіи, первая на 600 метровъ отъ берега, всѣ остальные ей параллельно, на 200 метровъ разстоянія одна отъ другой. Англичане стали на лѣвомъ флангѣ,

¹⁾ Пятая французская дивизія въ полномъ составѣ, части отъ первыхъ четырехъ дивизій, полевой паркъ и дивизія кавалеріи сначала были оставлены въ Варнѣ и затѣмъ позднѣе уже перевезены въ Крымъ. ²⁾ Намѣченный ранѣе пунктъ высадки въ юго-восточной части Крымскаго полуострова у города *Тео-досіи* былъ раскритикованъ Императоромъ Наполеономъ III, вслѣдствіе отдаленности его отъ главной цѣли дѣйствій—Севастополя и въ виду тѣхъ трудностей, которыя пришлось бы преодолѣть высаженнымъ войскамъ при движеніи ихъ сухимъ путемъ къ крѣпости, по почти неизвѣстной для нихъ мѣстности. Предложенный маршаломъ Санъ-Арно пунктъ высадки у Качи также не былъ одобренъ, потому что русскіе, ожидая атаки съ этой стороны, сдѣлали необходимыя приготовленія къ оборонѣ и высадку на этомъ пунктѣ пришлось бы произвести открытою силою.

французы—въ центрѣ и турки—на правомъ флангѣ. Высадка началась въ 8 часовъ утра и въ то же время восемь фрегатовъ (пять французскихъ и три англійскихъ) для производства демонстративной высадки двинулись къ устью рѣки *Качи*, на 3 мили сѣвернѣе Севастополя, дабы этимъ ложнымъ маневромъ отвлечь вниманіе непріятели отъ мѣста настоящей высадки. Главнoкомандующій русскою арміею князь Меншиковъ, боясь потерять Севастополь и быть отрѣзаннымъ, двинувшись къ пункту высадки въ 45-ти километрахъ отъ крѣпости, не стремился противодѣйствовать десанту. Къ вечеру 14-го сентября французы высадили на берегъ три дивизіи пѣхоты и 59 полевыхъ орудій въ полной запряжкѣ, англичане высадили двѣ дивизіи. Начавшееся, съ разсвѣта 15-го числа, сильное волненіе на морѣ крайне затрудняло десантныя работы, особенно по выгрузкѣ лошадей, обоза и всего необходимаго имущества и матеріаловъ. Французы окончили высадку своихъ войскъ 16-го числа къ вечеру, англичане же только къ вечеру 18-го числа. Осада Севастополя и всѣ сраженія союзниковъ съ русскими у этой крѣпости почти не представляютъ никакого интереса съ точки зрѣнія береговой войны, а потому для насъ будетъ вполне достаточно разсмотрѣть подробно только тѣ сраженія, въ которыхъ принималъ участіе флотъ ¹⁾.

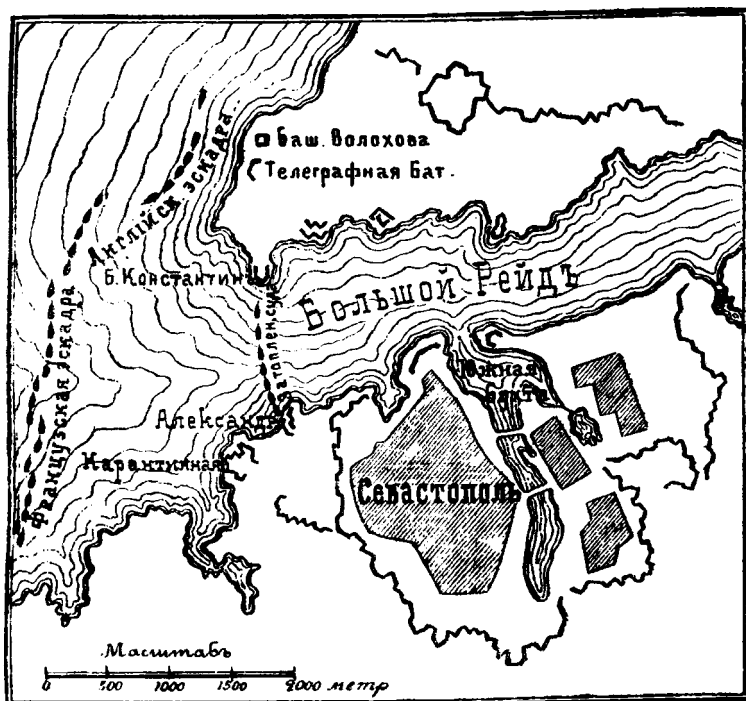
Общая атака фронтальныхъ морскихъ укрѣпленій Севастополя 17-го октября 1854 года. 15-го октября 1854 года на военномъ совѣтѣ адмираловъ, командовавшихъ союзными эскадрами, было рѣшено слѣдующее: «для поддержки сухопутной атаки Севастополя, произвести, одновременно съ нею, общую атаку всѣхъ морскихъ севастопольскихъ батарей и всѣхъ русскихъ кораблей, стоящихъ въ порту на якорѣ, всѣми судами соединенной эскадры ²⁾».

Моментомъ открытія общаго и одновременнаго бомбардированія генераль Канроберъ назначилъ 6 часовъ 30 минутъ утра 17-го октября. Къ несчастью, вслѣдствіе большой затруднительности сообщенія между судами соединенной эскадры, стоявшей на якоряхъ на протяженіи отъ Камышинской бухты, устья рѣки Качи и до Балаклавы, цѣлый день 16-го октября прошелъ лишь въ томъ, что дѣлали подробные расчеты и соображенія по поводу плана атаки и успѣли разослать эскадрамъ соотвѣтствующія приказанія, а время для сбора и соединенія флота было упущено. Также пропалъ день и 17-го октября въ виду того, что суда снялись съ якоря только днемъ, а парусныя суда должны были быть приведены на буксирахъ, а потому окончательный сборъ эскадры состоялся только къ 11-ти часамъ.

¹⁾ Необходимо принять во вниманіе то обстоятельство, что по приказанію свѣтлѣйшаго князя *Меншикова* (главнокомандующаго русскими войсками), русскіе, 22-го сентября, при входѣ на Севастопольскій рейдъ, между батареями «Александръ» и «Константинъ», затопили пять кораблей и два фрегата. ²⁾ Памятная записка о военномъ совѣтѣ, состоявшемся на кораблѣ «Magador», съ участіемъ трехъ адмираловъ, командовавшихъ отдѣльными эскадрами.

Оборону Севастополя составляли:

На сѣверномъ берегу прохода: 1) батарея «*Константинъ*», состоявшая изъ двухъ ярусовъ казематовъ и закрытой платформы, расположенная на берегу моря и вооруженная 97-ю орудіями, изъ которыхъ 43 обстрѣливали море; 2) батарея «*Генъ*» (*Башня Волохова*—у русскихъ), имѣвшая видъ квадратной башни, съ фасадами 15 метровъ длины и 8 метровъ высоты, расположенная на холмѣ, возвышающемся надъ уровнемъ моря на 40 метровъ и вооруженная 8-ю орудіями (по одному на каждомъ фасѣ и на каждомъ углу), обстрѣливающими море, и двумя каронадами; 3) *Телеграфная батарея*—земляное укрѣпленіе, устроенное на томъ же холмѣ, на которомъ стояла и башня, господствующая надъ моремъ на 30 метровъ и вооруженная пятью, обстрѣливающими море, орудіями. На южномъ берегу находились два укрѣпленія: 1) «*Карантинная батарея*», состоявшая изъ двухъ полукруглыхъ выдающихся въ море укрѣпленій, соединенныхъ между собою куртину, вооруженная 58-ю орудіями на барбетахъ;

изъ общаго числа орудій 48 обстрѣливали море; 2) «*Батарея Александръ*», частью казематированная, частью земляная, расположенная на берегу моря и вооруженная 56-ю орудіями, изъ которыхъ 51 обстрѣливали море. Производство атаки южныхъ батарей было (предписано) назначено французскимъ судамъ, атака сѣверныхъ—английскимъ, два же турецкихъ корабля («*Махмутъ*» и «*Шерифъ*») должны были стать между эскадрами.

Едва только назначенныя для атаки суда подошли къ берегу на разстояніе пушечнаго выстрѣла, русскія укрѣпленія открыли огонь. Не отвѣчая на выстрѣлы, суда съ удивительною точностью заняли назначенныя имъ мѣста, приѣтомъ парусныя суда буксировались фрегатами и пароходами; по два парусныхъ судна прикрѣплялись къ каждому. Союзная эскадра стала на якорь при входѣ на рейдъ, образовавъ изъ судовъ полукругъ. 14 кораблей ¹⁾ французской эскадры стали на якорь въ двѣ линіи съ интервалами; укрѣпленія южнаго берега находились отъ самыхъ дальнихъ изъ этихъ судовъ на разстояніи 1,700 метровъ. Одинъ бортъ всѣхъ этихъ 14-ти судовъ направлялъ на берегъ 644 орудія, которымъ русскіе могли отвѣчать только изъ 73-хъ орудій (33 орудія «*Карантинной батареи*», 17 орудій съ «*Александра*» и 23 орудія съ батареи «*Константинъ*»). Едва только три первые головные корабли подошли и стали на якорь въ 1,400 метрахъ отъ «*Карантинной батареи*», она немедленно открыла огонь; это было около часу пополудни; прошло уже почти два часа времени, какъ осадныя батареи сухопутной арміи прекратили свою стрѣльбу. Французская эскадра бросала такую массу снарядовъ на «*Карантинную батарею*», что русскіе, потерявъ ее изъ вида за густотою дыма и, не будучи въ состояніи съ нею сообщаться, вслѣдствіе громаднаго количества снарядовъ, рикошетировавшихъ позади нея, предположили, что всѣ орудія ея подбиты, а прислуга при орудіяхъ и весь ея гарнизонъ, не имѣя возможности отступитъ, погибли.

Чтобы предотвратить всякую случайность и, опасаясь попытки непріятеля произвести высадку съ цѣлю овладѣть батареею, русскіе придвинули какъ можно ближе къ ней два баталіона пѣхоты. Весьма жестокій огонь французской эскадры не прерывался до 4-хъ часовъ дня. Съ этого же часа, обѣ линіи французской эскадры, начиная съ болѣе отдаленной отъ берега, стали послѣдовательно сниматься съ якорей и отошли; два часа спустя всѣ суда заняли на морѣ тѣ мѣста, которыя занимали утромъ. Сѣвернѣе французской эскадры, въ 1,400 метрахъ отъ батареи «*Константинъ*», занимали позиціи пять англійскихъ кораблей ²⁾. Съ своей стороны батарея эта могла отвѣчать 18-ю орудіями 259-ти англійскимъ орудіямъ, но, съ дру-

¹⁾ Корабли «*Вальми*» и «*Монтебелло*»—118-ти-пушечные, «*Фридландъ*»—116-ти-пуш., «*Городъ Парижъ*»—112-ти-пуш., «*Наполеонъ*» (пароходъ)—94-хъ-пуш., «*Сюффренъ*»—90-ти-пуш., «*Генрихъ IV*»—88-ми-пуш., «*Баярдъ*»—84-хъ-пуш., «*Юпитеръ*»—82-хъ-пуш., «*Городъ Марсельъ*» и «*Шарлеманъ*»—по 80-ти пуш., «*Янъ Бартъ*»—78-ми-пуш., «*Марено*» и «*Алжиръ*»—по 74 пушки. Вооруженіе судовъ состояло изъ: 314 длинныхъ 30-ти-сант. орудій; 342 короткихъ того же калибра 112 гаубицъ 22-хъ-сант. № 1-го, и столько же № 2-го, 192 гаубицы 16-ти-сант. калибра и 216 каронадъ 30-ти-сант. калибра. Всего 1,288 орудій.

²⁾ «*Британія*»—120 орудій, «*Трафальгаръ*»—120 орудій, «*Квинъ*»—116 орудій, «*Ванжансъ*»—84 орудія и «*Белерофонъ*»—78 орудій. Вооруженіе этихъ судовъ составляли: 56 орудій 68-ми-фунтовыхъ, 142 орудія 32-хъ-фунтовыхъ, 88 орудій 32-хъ-фунтовыхъ, 50 орудій 32-хъ-фунтовыхъ, 112 орудій 32-хъ-фунтовыхъ и 70 каронадъ также 32-хъ-фунтовыхъ.

гой стороны, по англійскимъ судамъ, съ дистанціи 1,900 метровъ, могли стрѣлять 36 орудій батареи: «*Карантинной*» и «*Александры*». Четыре англійскихъ корабля, занимавшихъ сѣверный участокъ позиціи, воспользовались мертвымъ пространствомъ одного изъ угловъ батареи «*Константинъ*», подошли къ ней на 960 метровъ и стали ей съ тыла; они могли поражать ее изъ 169 орудій, находясь сами въ такой зонѣ (полосѣ), которая могла быть обстрѣливаема только двумя орудіями батареи «*Константинъ*» и не болѣе, какъ 13-ю орудіями батареи «*Карантинной*» и «*Александры*» и то съ дистанціи не менѣе, какъ отъ 1,900—2,000 метровъ. Эти-то самыя суда и причинили наибольшій вредъ батарее «*Константинъ*». Изъ 27-ми наилучшихъ, установленныхъ на платформахъ орудій этого укрѣпленія, 22 были принуждены очень скоро замолчать, прислуга же, осыпаемая снарядами и осколками камней, принуждена была укрыться въ казематы. Три зарядные ящика, стоявшіе на дворѣ, были взорваны и только одна нижняя батарея продолжала стрѣлять, но и то очень медленно и рѣдко. Доказательствомъ слабости огня этой батареи можетъ служить то обстоятельство, что корабль «*Родней*», буксиремый на позицію, сталъ на мель передъ самымъ фронтомъ этой батареи и, конечно, не могъ бы, въ продолженіи двухъ часовъ, сражаться съ нею на близкомъ отъ нея разстояніи, не получивъ серьезныхъ поврежденій, если бы она не была столь ослаблена огнемъ раньше; этотъ корабль былъ снятъ съ мели только съ наступленіемъ ночи. Линія англійскихъ судовъ оканчивалась двумя кораблями, а именно: «*Аребуза*», который завязалъ дѣло съ «*Телеграфной*» батареею съ дистанціи 650 метровъ и «*Альбионъ*» съ башней Волохова (батареей «*Guêpe*») съ дистанціи 750 метровъ. Батареи эти принудили уйти (удалиться) изъ сферы дѣйствія артилерійскаго огня не только эти два корабля, но также корабли «*Лондонъ*» и «*Санъ-Парейль*», которые вели дѣло съ батареею «*Константинъ*». Ночью англійская эскадра удалась. Эскадры понесли довольно серьезныя поврежденія: англійскіе корабли: «*Альбионъ*», «*Аребуза*», «*Лондонъ*» и «*Санъ-Парейль*» принуждены были одинъ за другимъ оставить мѣсто сраженія; «*Белерофонъ*» и «*Квинъ*» успѣли придти къ нимъ на помощь, но такъ какъ у нихъ у самихъ на палубахъ возникли пожары, то и они принуждены были удалиться. Въ общемъ же итогъ, французы понесли потерь меньше, чѣмъ ихъ союзники, хотя разорвавшаяся на югѣ корабля «*Городъ Парижъ*» бомба причинила значительныя поврежденія и потери въ личномъ составѣ; на кораблѣ «*Монтебело*» возникалъ пожаръ два раза, а корабли «*Шарлеманъ*» и «*Наполеонъ*» получили очень серьезныя поврежденія. Французы потеряли 30 человекъ убитыми и 187 ранеными, англичане 44 убитыми и 266 ранеными. Что же касается до укрѣпленій обороны, то онѣ пострадали мало. Благодаря тому обстоятельству, что всѣ орудія «*Карантинной*» батареи были установлены на барбетахъ, только три изъ нихъ было подбито и повреждено семь лафетовъ; изъ общаго числа

270 артиллеристовъ и двухъ ротъ пѣхоты, составлявшихъ гарнизонъ батареи, насчитали только восемь убитыхъ и 22 раненыхъ.

На батареѣ «*Александръ*» было подбито три орудія, повреждено три лафета, убито восемь человекъ и ранено 22 человека. Единственно же кто много пострадалъ, такъ это батарея «*Константинъ*», благодаря своему неудобному положенію; расположенная на мысѣ, далеко выдающемся въ море, она имѣла видъ подковы, причѣмъ фасы ея, обращенныя къ морю, составляли не болѣе половины всей длины ея фронта; остальная часть фронта была обращена во внутрь рейда.

Мы уже упоминали выше, что корабли, ставшіе на якорь въ секторѣ, обстрѣливаемомъ только двумя орудіями этой батареи, поражали ее съ тыла, а потому эти суда причинили ей большія поврежденія и потерю людьми: пять человекъ убитыми и 50 человекъ ранеными. Въ башнѣ *Волохова* (*Guépe*) былъ подбитъ одинъ лафетъ и ранено 23 человека. «*Телеграфная*» батарея не понесла никакихъ потерь ни въ личномъ составѣ, ни въ матеріальной части. Вообще же, всѣ низкія батареи пострадали гораздо болѣе отъ огня судовъ, чѣмъ двѣ (последнія) высокія батареи, которыя, поодиночкѣ, поражали тѣ суда, которыя входили въ сферу дѣйствительности ихъ огня.

«Главною причиною дѣйствительности огня этихъ батарей», говоритъ генералъ Тотлебенъ, «было, безспорно, ихъ возвышенное положеніе. Къ этому еще нужно добавить, что благодаря ихъ незначительнымъ размѣрамъ, онѣ представляли собою для глаза непріятеля гораздо менѣ замѣтную цѣль». Общая потеря русскихъ состояла изъ 138 убитыхъ и раненыхъ. Во время всего сраженія русскіе выпустили 16,000 снарядовъ, а союзники 30,000. Результаты этого боя не были, вообще, значительны, да большаго нельзя было и ожидать, такъ какъ дистанція, съ которой суда атаковали, была слишкомъ велика для орудій того времени. Конечно, при болѣе энергичной атакѣ союзники могли бы заставить замолчать батареи, но нужно считаться съ тѣмъ, что и сопротивленіе, оказанное русскими, было весьма упорно и когда союзники, вечеромъ, стали удаляться, то какъ съ сѣверной стороны, такъ и съ южной, были провожаемы энергичными и многочисленными залпами батарей.

Экспедиція въ Керчь (май 1855 г.). Въ 1855 году союзники приготовили экспедицію для овладѣнія Азовскимъ моремъ: они задались цѣлью ослабить силы русскихъ, занявъ значительный раіонъ сообщеній ихъ съ тою мѣстностью, изъ которой они получали питаніе и снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ. Англія и Франція снарядили 51 судно, на которыя было посажено 11,000 человекъ пѣхоты и три батареи артилеріи. Содѣйствіе сухопутныхъ войскъ было признано необходимымъ, чтобы занять батареи Керченскаго пролива, защищавшія доступъ въ Азовское море, съ тѣмъ, чтобы во время производства самыхъ морскихъ операцій суда имѣли возможность, свободно, никѣмъ не тревожимыя и не безпокоимыя, входить

и выходить изъ этого моря. На другой день послѣ отплытія экспедиціи, а именно тогда, когда она уже была въ виду Керченскаго пролива, ей было послано приказаніе возвратиться въ Камышевую бухту. Нѣсколько позднѣе, когда планъ обложенія Севастополя былъ составленъ, необходимость прервать сообщеніе непріятели съ Азовскимъ моремъ была признана болѣе настоятельною, а потому отправленіе въ это море экспедиціи было рѣшено опять. 57 судовъ съ 16,000 пѣхоты и четырьмя батареями артилеріи снялись съ якоря и 22-го мая къ вечеру вышли въ море. Русскіе загородили Керченскій проливъ минами и затопленными судами; однако, большая часть затопленныхъ судовъ, во время вскрытія льда въ проливѣ, была унесена въ открытое море. Въ 11 часовъ утра 24-го числа эскадра бросила якорь и высадила войска, которыя двинулись на Керчь. Взорвавъ всѣ свои укрѣпленія, русскіе ихъ покинули: проходъ черезъ проливъ съ этого момента сталъ свободенъ ¹⁾).

15 французскихъ и англійскихъ канонерокъ произвели крейсировку Азовскаго моря по всѣмъ направленіямъ, уничтожили значительное число продовольственныхъ складовъ и магазиновъ, разрушили укрѣпленія, находившіяся на берегахъ этого моря, а также повредили всѣ суда, которыя на немъ плавали или стояли у его береговъ. Послѣ уничтоженія этихъ русскихъ судовъ, питаніе и снабженіе Севастополя всѣми необходимыми припасами не могло болѣе продолжаться. По окончаніи всѣхъ этихъ операцій, присутствіе экспедиціи въ этой мѣстности было признано бесполезнымъ. Оставивъ гарнизонъ на нѣсколькихъ пунктахъ Азовскаго побережья, экспедиція возвратилась въ Камышевую бухту и въ Балаклаву.

Взятіе крѣпости Кинбурна (октябрь 1855 г.). Послѣ паденія Севастополя союзники рѣшили проникнуть въ Днѣпровскій лиманъ, въ который впадали рѣки южный *Бугъ* и *Днѣпръ*: цѣлью ихъ было угрожать на Днѣпрѣ городу *Херсону* и на Бугѣ военному арсеналу въ городѣ *Николаевѣ* или же, по меньшей мѣрѣ, прекратить рѣчное сообщеніе между этими двумя городами.

Проходъ, соединявшій лиманъ съ открытымъ моремъ, на сѣверномъ берегу защищался однимъ старымъ и расположеннымъ на низкомъ мѣстѣ фортомъ, вооруженнымъ 19-ю орудіями (13 орудій 24-хъ-фунтовыхъ, четыре орудія 12-ти-фунтовыя и двѣ мортиры) и двумя, расположенными на крутомъ берегу, батареями, вооруженными: первая—7-ю орудіями 24-хъ-фунтовыми, а вторая тремя гаубицами; эти два послѣднія укрѣпленія, будучи расположены не на самомъ проходѣ, обстрѣливали его вдоль, но съ очень большаго разстоянія. Вообще же, оборона этого берега была слаба. На южномъ берегу прохода возвышалась «*Кинбурнская цитадель*», которая командовала надъ проходомъ и обстрѣливала какъ проходъ, такъ и

¹⁾ Послѣ разрушенія укрѣпленій мины были уже безвредны, потому что воспламенители были проведены изъ разрушенныхъ укрѣпленій.

открытое море и, вообще, представляла собою единственную серьезную оборону устья Днѣпра. Эта крѣпость состояла изъ каменнаго горнверка съ земляными брустверами и была окружена рвами съ тѣхъ сторонъ, которыя не примыкали къ морю. Всѣ вооруженные фасы ея представляли собою казематированную линію огня, усиленную поверхъ казематовъ барбетною батареею; вооруженіе крѣпости составляли: 70 орудій (55 ор.—24 ф., 18 ф. и 12 ф. калибровъ, 5 гаубицъ и 10 мортиръ), изъ которыхъ 13 обстрѣливали море, 17 обстрѣливали лиманъ, 17—подступы къ крѣпости со стороны суши, а затѣмъ 10 орудій и гаубицъ фланкировали рвы. Вслѣдствіе значительнаго удаленія этого укрѣпленія отъ оконечности Кинбурнской косы, русскіе между цитаделью и концомъ косы построили двѣ батареи, вооруженныя каждая 9-ю орудіями (на каждой батарее было—2 оруд.—18 ф., 1 оруд.—12 ф. и 6 гаубицъ); батарея, самая отдаленная отъ цитадели, была блиндирована.

7-го октября 1855 года союзныя эскадры снялись съ якоря и тронулись въ путь, имѣя на своихъ судахъ экспедиціонный корпусъ изъ 4,000 французовъ и 4,500 англичанъ. Чтобы ввести русскихъ въ заблужденіе относительно цѣли своей экспедиціи, онѣ сперва направились къ Одессѣ и 9-го числа, въ виду этого города, соединились, наводя ужасъ и страхъ на жителей Одессы; 14-го числа, вечеромъ, онѣ подошли къ Кинбурну. Въ ночь съ 14-го по 15-е число 4 французскихъ и 5 англійскихъ канонерскихъ лодокъ прошли проходъ и проникли въ Днѣпръ; только одна русская батарея успѣла произвести по нимъ пять выстрѣловъ изъ своихъ орудій. На другой день, съ разсвѣтомъ, южнѣ крѣпости и въ разстояніи отъ нея около 4,500 метровъ, были высажены войска.

Въ 11 часовъ утра два паровыхъ судна (парохода) открыли огонь по самой близкой къ крѣпости батарее, а въ 2 часа дня 4 паровыхъ судна (парохода), 4 бомбарды и 3 канонерки вступили въ артилерійскій бой съ крѣпостью, которая отвѣчала имъ своими 13-ю орудіями, обстрѣливающими море. Съ наступленіемъ ночи суда принуждены были прекратить свой огонь вслѣдствіе поднявшейся морской зыби, которая дѣлала стрѣльбу судовъ ненадежной и малодѣйствительной. Но все-таки бомбардированіе крѣпости продолжалось 7 часовъ: крѣпостные рвы морского фронта были сильно изрыты, три артилерійскія орудія были подбиты и около 20-ти человекъ защитниковъ было выведено изъ строя. Наступившую ночь русскіе употребили на исправленіе всѣхъ этихъ поврежденій. Въ теченіе цѣлаго дня 16-го числа неспокойное состояніе моря мѣшало продолжать огонь, высаженные же войска окопались траншеями и произвели рекогносцировку южныхъ окрестностей крѣпости. Только тѣ канонерскія лодки, которыя проникли въ Днѣпръ, имѣли возможность беспокоить неприятеля.

Въ ночь съ 16-го на 17-е число войска экспедиціоннаго корпуса подошли къ крѣпости и заняли осадныя траншеи, заложенныя въ 900 метрахъ отъ крѣпости.

Такъ какъ 17-го числа море было уже значительно болѣе спокойно,

то три плавучія, французскія батареи ¹⁾), въ 9 часовъ 20 минутъ утра, открыли огонь по Кинбурнской крѣпости съ дистанцій: «*Dévastation*» съ 877 метровъ и «*Tonnante*» съ 1,150 метровъ. Отличные результаты, достигнутые этими, впервые построенными и употребленными въ дѣло, броненосными судами вполнѣ отвѣчали тѣмъ надеждамъ и ожиданіямъ, которыя на нихъ возлагали. Въ стѣнѣ, по которой стрѣляли эти суда, появились очень скоро удобовосходимыя бреша. Нѣсколько времени спустя, 11 англійскихъ и французскихъ канонерокъ двинулись съ мѣста, съ цѣлью образовать вторую линію атаки и, ставъ, на дистанціи 1,300 метровъ отъ крѣпости, поддержали своимъ огнемъ дѣйствіе плавучихъ батарей. Въ 9³/₄ часа утра 13 англійскихъ и французскихъ бомбардъ, образовали позади линіи канонерокъ и въ разстояніи 2,550 метровъ отъ крѣпости, третью боевую позицію и открыли огонь. Стрѣльба, направляемая и исправляемая по особымъ сигналамъ, подаваемымъ отъ специальныхъ наблюдателей, была ведена замѣчательно хорошо. Въ 11 часовъ, когда огонь изъ крѣпости сдѣлался менѣе энергичнымъ, канонерки подошли еще ближе и стали на одной линіи съ плавучими батареями; еще же позднѣе, послѣ значительнаго ослабленія непріятельскаго огня, канонерки направили свои выстрѣлы, главнымъ образомъ, на отдѣльную батарею, находившуюся ближе къ крѣпости. Ровно въ полдень, всѣ остальные корабли, фрегаты и корветы снялись съ якоря. Всѣ они вытянулись въ одну линію и стали на шпрингъ фронтомъ къ крѣпости, на глубинѣ 8¹/₂ метровъ и на разстояніи отъ нея 1,600 метровъ. Въ этотъ промежутокъ времени, когда эти суда осыпали крѣпость градомъ ядеръ и, вообще, снарядовъ, шесть англійскихъ и три французскихъ фрегата быстро двинулись въ проходъ у Очакова, чтобы зайти въ тылъ Кинбурнской крѣпости; англійскій корабль «*Анибалъ*» дошелъ до половины этого прохода. Что же касается до дѣйствій со стороны суши, то стрѣлки, подступивъ къ крѣпости на 300 метровъ, съ успѣхомъ поражали прислугу при орудіяхъ, стоявшихъ на барбетахъ. Спустя очень короткое время, гарнизонъ, поражаемый снарядами со всѣхъ сторонъ, укрылся въ наружномъ крѣпостномъ рву со стороны лимана, но батареи пытались еще продолжать огонь. Тогда начальникъ десанта, генералъ Базенъ приказалъ выдвинуть впередъ два полевыхъ орудія, которыя, съ самой близкой дистанціи, стали обстрѣливать рвы, въ которыхъ укрылся гарнизонъ крѣпости. Въ 1 часъ 35 минутъ дня крѣпость прекратила огонь: бруствера были совершенно разрушены и имѣли много удобовосходимыхъ брешей; огонь на крѣпость направлялся со всѣхъ ея сторонъ; почти всѣ лафеты и большая

¹⁾ Плавучія батареи «*Dévastation*», «*Tonnante*» и «*Lave*» имѣли 52,35 метр. длины и 13,14 метр. ширины. Ихъ броня состояла изъ желѣзныхъ плитъ 11-ти сантиметр. толщины, поверхъ дубовой обшивки въ 20 сантиметр. толщины. Ихъ вооруженіе состояло изъ 16-ти орудій, помѣщенныхъ за бронею и изъ двухъ орудій, поставленныхъ на шканцахъ. Наибольшая скорость движенія этихъ судовъ доходила только до 4-хъ узловъ въ часъ.

часть орудій были подбиты, а платформы окончательно разрушены. Наконецъ, замѣтивъ, что крѣпость уже болѣе не отвѣчаетъ на выстрѣлы, эскадра также прекратила свой огонь; парламентаръ былъ отправленъ къ коменданту крѣпости, который послѣ этого и сдался съ 40 офицерами и 1379 нижними чинами; въ крѣпости было найдено 174 артилерійскихъ орудій. Адмиралъ *Брюа*, главнокомандующій Средиземною эскадрою, донесеніе свое отъ 18-го октября 1855 года объ этомъ сраженіи заканчиваетъ слѣдующими словами: «Говоря короче, быстрый успѣхъ, которымъ увѣнчалась экспедиція, я приписываю: во-первыхъ—полному обложенію крѣпости какъ со стороны суши, такъ и съ моря, во-вторыхъ—огню плавучихъ батарей, которыя, открывъ нѣсколько удобовосходимыхъ брешей въ земляныхъ валахъ, своимъ дальнѣйшимъ, съ замѣчательною точностью направляемымъ, огнемъ, были въ состояніи разбить и болѣе прочныя стѣны крѣпости. Можно ожидать еще большей пользы отъ употребленія этихъ подвижныхъ батарей, если, во время сраженія, онѣ будутъ ввѣрены для командованія и управленія столь же достойнымъ офицерамъ, какъ и тѣ, которымъ Императоръ довѣрилъ командованіе батареями: *Dévastation*», *Lave*» и *Tonnante*».

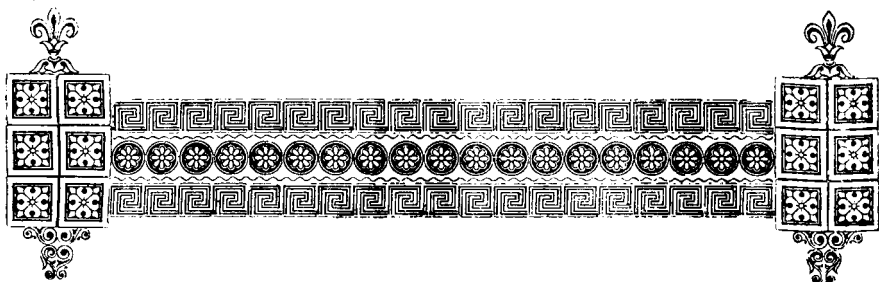
Такъ какъ съ паденіемъ Кинбурна входъ въ лиманъ союзникамъ былъ вполне открытъ, то русскіе бросили незначительную крѣпость «*Очаковъ*» и стали укрѣплять подступы къ городу «*Николаеву*».

Взятіе Кинбурна была послѣдняя, имѣвшая значеніе въ военномъ отношеніи, операція союзниковъ на берегахъ Чернаго моря.

Капитанъ Кузичевъ.

(Окончаніе будетъ).

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.

По поводу рѣшеній главнаго военнаго суда 1901 г. №№ 3, 6, 9 и 19. —
Приложеніе № 11).

XV ¹⁾).

Если воинскія преступленія, совершенныя единично, могутъ быть въ значительной степени относимы на счетъ совершившаго ихъ военно-служащаго—его личныхъ свойствъ и особенностей его психической организациі—то преступленія *коллективныя* (командою или частью ея) есть всецѣло продуктъ того или иного порядка вещей, установившагося въ бытѣ и службѣ данной войсковой части. Въ образованіи той почвы, на которой они возникаютъ, принимаютъ, на нашъ взглядъ, участіе не только непосредственно нарушившіе долгъ службы подчиненные, но и начальники ихъ—конечно, косвенно. Выяснить съ достаточною полнотою эти побочные, но весьма важные факторы (слабый надзоръ за подчиненными, индифферентизмъ и излишній педантизмъ, разнаго рода злоупотребленія, отсутствіе настоящаго «отеческаго попеченія» и т. п.) чрезвычайно и поучительно, и интересно. Къ сожалѣнію, это дѣлается и рѣдко, и въ крайне ограниченныхъ рамкахъ. Коллективныя преступленія военно-служащихъ обыкновенно такъ сильно потрясаютъ военную среду, приобретаютъ въ глазахъ ея значеніе такихъ опасныхъ и заразительныхъ симптомовъ и прецедентовъ, что все вниманіе поглощается локализацией ихъ и возстановленіемъ нарушеннаго престижа власти. Ланцетъ изслѣдователя рѣдко получаетъ возмож-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 5.

ность провикнуть далѣе, за границы коллективно учиненнаго преступленія, а печатныя рѣшенія главнаго военнаго суда, посредствомъ которыхъ военносудныя дѣла становятся достояніемъ всѣхъ, оставляютъ и совсѣмъ небольшую долю изъ бытовыхъ чертъ, дающихъ возможность выяснитъ себѣ ту почву, на которой такія преступления рождаются. Вотъ, напримѣръ, дѣло о 25-ти нижнихъ чинахъ Повѣнецкой мѣстной и конвойной командъ, заслушанное временнымъ военнымъ судомъ въ г. Петрозаводскѣ и по кассационному протесту военнаго прокурора перенесенное въ главный военный судъ. Содержаніе рѣшенія его № 3 только намѣчаетъ предъ нами эту почву и дѣйствовавшіе на ней два типа начальниковъ этихъ командъ. Обстоятельства дѣла таковы:

14-го іюня 1900 года въ г. Повѣнцѣ, послѣ утренняго одиночнаго ученія въ казармахъ, когда нижнимъ чинамъ командъ было передано чрезъ унтеръ-офицера Комлякова приказаніе Повѣнецкаго уѣзднаго воинскаго начальника капитана К. строиться въ 10 часовъ утра на сводное ротное ученіе, 25 человекъ нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ два ефрейтора, получивъ это приказаніе и ставъ въ строй, начали шумѣть и, громко выражая свое неудовольствіе по поводу назначеннаго ученія, говорили, что на него не пойдутъ, такъ какъ по росписанію занятія полагаются у нихъ только до 10-ти часовъ утра и что вмѣсто ученія надо идти въ казармы. На ученіе они однако пошли, и строемъ, но дорогою продолжали шумѣть и громко выражать свое неудовольствіе, до тѣхъ поръ, пока тотъ же унтеръ-офицеръ Комляковъ не приказалъ имъ замолчать. Можно думать, что этотъ прискорбный эпизодъ былъ только однимъ виѣшнимъ проявленіемъ существовавшаго уже недовольства командъ капитаномъ К., который, «въ виду распущенности мѣстной и конвойной командъ», ограничилъ увольненіе нижнихъ чиновъ въ отпуски и допускъ къ нимъ въ казармы постороннихъ лицъ, а также сталъ ихъ подвергать за проступки законной отвѣтственности, а трехъ изъ нихъ предалъ даже суду.

Суть дѣла ясна. Маленькій глухой городокъ Повѣнецъ. Однообразная тихая жизнь, разъ въ годъ нарушаемая прїѣздомъ для инспекторскаго смотра командира мѣстной бригады, легко и скоро дѣлаетъ «полусолдатомъ» уѣзднаго воинскаго начальника, быть можетъ, стараго армейскаго капитана, долго тянувшаго тяжелую лямку въ строю, и въ Повѣнцѣ обрѣтшаго «тихую пристань». Служба идетъ помаленьку и полегоньку. Обиліе канцелярской работы, лежащей на уѣздномъ воинскомъ начальникѣ, отнимаетъ время отъ строевыхъ занятій, отъ воспитанія команды—въ духѣ воинской части.

И всѣ мало-по-малу становятся военными только по мундиру. Въ тому же по натурѣ не педантъ, не формалистъ, считающій, что въ строгомъ соблюденіи уставныхъ требованій нѣтъ нужды «въ такомъ захолустьѣ», воинскій начальникъ незамѣтно для себя «распускаетъ свою небольшую команду»... А въ ней, поди, не мало мѣстныхъ гражданъ служить и имѣть въ городкѣ родныхъ, знакомыхъ, пріятелей и пріятельницъ, мѣшать сви-

данію и посѣщенію которыхъ нѣтъ очевидной настоятельности. Но вотъ стараго и «милаго» капитана, какъ называетъ его мѣстное общество, повышаютъ въ подполковники и переводятъ въ другой городъ, классомъ выше, или онъ выходитъ въ отставку, или умираетъ. На его мѣсто является новый—помоложе, поэнергичѣе, съ иными взглядами на службу, съ сознаниемъ необходимости одинаково—неукоснительно и неотступно соблюдать ея требованія и на высяхъ Балканъ и въ Царевokokшайскѣ. Къ реорганизаціи быта и службы онъ приступаетъ круто, безъ компромисовъ, безъ постепенности въ измѣненіи режима—и естественно навлекаетъ на себя неудовольствіе привыкшихъ къ вольготной жизни солдатъ. Мы не говоримъ, что такъ было и въ Повѣнциѣ, но думаемъ, что такъ могло быть. Намъ нужна была эта небольшая картина для пониманія почвы такого рода коллективныхъ преступленій. Знаніе же этой почвы важно для насъ, конечно, не въ цѣляхъ уменьшенія отвѣтственности нарушившихъ долгъ службы подчиненныхъ, а какъ предостереженіе на будущее время, какъ урокъ другимъ. Возвратимся однако къ тому, что произошло 14-го іюля 1900 года въ Повѣнциѣ. Съ цѣлью оказать противодѣйствіе упомянутымъ выше распоряженіямъ капитана К. и добиться измѣненія его отношеній къ чинамъ командъ они въ этотъ же день рѣшили сообща подать письменную жалобу на капитана начальнику Архангельской мѣстной бригады. Жалоба была написана однимъ изъ нижнихъ чиновъ, подписана 26-ю человекaми и отправлена по почтѣ. Въ ней, въ преувеличенномъ видѣ и съ употребленіемъ оскорбительныхъ выраженій, изложены были распоряженія К. относительно ограниченія ихъ отпусковъ, свиданій съ родственниками, наложенія дисциплинарныхъ взысканій, а также неполнаго удовлетворенія на Пасху экономическимъ хлѣбомъ. Такова фактическая сторона этого дѣла. Переходимъ къ сторонѣ юридической—къ отвѣтственности виновныхъ по закону.

Изъ дѣяній, въ которыхъ признаны виновными 25 нижнихъ чиновъ Повѣнецкихъ командъ, ропотъ ихъ на распоряженіе начальства о сводномъ ротномъ ученіи, какъ не вызвавшій, по мнѣнію суда, безпорядка по службѣ, подведенъ былъ имъ подъ дѣйствіе I части 108 ст. воин. уст. о нак., подвергающей виновныхъ взысканіямъ дисциплинарнымъ. Соглашеніе же нижнихъ чиновъ на противодѣйствіе распоряженіямъ начальства хотя и предусматривается 111 ст. того же устава, но судъ, имѣя въ виду, что соглашеніе это было приведено въ исполненіе и имѣло послѣдствіемъ подачу задуманной всѣми подсудимыми неосновательной жалобы, съ нарушеніемъ установленнаго порядка, пришелъ къ заключенію, что подсудимые подлежатъ отвѣтственности только за эти послѣднія дѣянія. Такимъ образомъ, сговоръ на подачу жалобы получилъ въ данномъ случаѣ значеніе лишь предварительнаго соглашенія и приготовленія къ преступленію, предусмотрѣнному I ч. 171 ст. т. XXII (предъявленіе жалобъ по дѣламъ, касающимся службы, съ нарушеніемъ установленнаго закономъ порядка или должнаго

приличія, а также обремененіе начальства неосновательными жалобами). Съ такимъ опредѣленіемъ виновности подсудимыхъ не согласился, однако, военно-прокурорскій надзоръ. Прежде всего онъ указалъ въ своемъ протестѣ на то, что соглашеніе нижнихъ чиновъ на подачу жалобы не можетъ быть разсматриваемо какъ предварительное соглашеніе или приготовленіе, а является самостоятельнымъ преступленіемъ, наказуемымъ по 111 ст. XII книги С. В. П. Дѣйствительно, наше дѣйствующее военно-уголовное законодательство опредѣляетъ въ ст. 111 самостоятельныя наказанія «за всякаго рода соглашенія, въ числѣ двухъ или болѣе лицъ, съ цѣлью противодѣйствовать начальству или его распоряженіямъ, а также за составленіе прошеній, заявленій и тому подобныхъ бумагъ и за собираніе подписей къ нимъ». Затѣмъ, дѣйствительное учиненіе одного изъ преступленій противъ подчиненности, на которое послѣдовало соглашеніе, или подача по соглашенію составленныхъ прошеній, заявленій и т. п. бумагъ, влечетъ за собою уже новую отвѣтственность по соответствующимъ статьямъ закона (напримѣръ, 105 или 171). Такимъ образомъ, въ каждомъ коллективномъ преступленіи законъ стремится установить два момента его: соглашеніе и учиненіе и за каждый изъ нихъ отдѣльно подвергаетъ виновныхъ отвѣтственности. Это, однако, вовсе не ведетъ къ усиленію ея, такъ какъ согласно правиламъ объ опредѣленіи наказаній по совокупности преступленій одно изъ наказаній, болѣе строгое, поглощаетъ собою другое, слабѣйшее, безъ всякаго повышенія тяжести его.

Несогласованность же отвѣтственности за одинъ только фактъ соглашенія съ отвѣтственностью за осуществленіе его ведетъ нерѣдко къ своего рода *non sens'амъ*, выражающимся въ томъ, что нѣкоторые преступленія противъ подчиненности (напримѣръ, ропотъ противъ начальства), хотя бы и совершенныя по предварительному соглашенію между многими военно-служащими, могутъ подлежать менѣе строгой отвѣтственности, чѣмъ простое соглашеніе на ихъ совершеніе, не приведенное въ исполненіе. Это именно соображеніе и находимъ въ протестѣ прокурора по настоящему дѣлу. «Если согласиться»—говоритъ онъ—«съ толкованіемъ суда (опредѣлившаго наказаніе только по 171 ст. за осуществленное соглашеніе подать жалобу)—то выходитъ, что тотъ, который не только согласился съ другими противо-дѣйствовать законнымъ распоряженіямъ начальства, но и принесъ неосновательную жалобу, долженъ подвергнуться меньшей отвѣтственности, чѣмъ тотъ, который только вступилъ въ соглашеніе, но намѣренія его не привелъ въ исполненіе». (Наказуемость по 171 ст. XII слабѣе наказуемости по 111 ст.). Кромѣ того, ст. 111 должна была имѣть примѣненіе къ настоящему дѣлу, по мнѣнію прокурора, еще и потому, что второю своею половиною она предусматриваетъ именно составленіе прошеній, заявленій и тому подобныхъ бумагъ и собираніе подписей къ нимъ; судомъ же признано, что всѣ подсудимые, согласившись оказать противо-дѣйствіе законнымъ распоряженіямъ начальства, поручили написать жалобу и не только

подписали ее сами, но уговорили сдѣлать это и другихъ. Главный военный судъ согласился съ этими доводами протеста и, оставивъ опредѣленную подсудимымъ отвѣтственность по 171 ст. XXII, усилилъ такуюю еще по статьѣ 111.

Согласился главный военный судъ также и съ указаніемъ въ протестѣ на то, что къ подсудимымъ надлежало примѣнить не 1-ю ч. 108 ст. XXII, а 2-ю, такъ какъ ропотъ ихъ сопровождался нарушеніемъ тишины и порядка въ строю, когда должна соблюдаться безусловная тишина и когда за совершеніе преступленій законъ наказываетъ строже. Стало быть это и есть тотъ болѣе или менѣе важный безпорядокъ, о которомъ говорить 2-я ч. 108 ч., усиливающая наказаніе за ропотъ. Высказавшись за примѣненіе къ настоящему дѣлу 111 статьи воин. уст. о нак., главный военный судъ стоитъ лишь на почвѣ буквального смысла нашего военно-уголовнаго закона и прежней своей практики. Но отрѣшившись на время отъ этихъ устоевъ, нельзя не признать, что ст. 111 одна изъ неудачныхъ статей нашего воинскаго устава о наказаніяхъ. Текстъ ея отличается неопредѣленностью и невыдержанностью. Не указывая ясно признаковъ одного главнаго предусмотрѣннаго въ ней преступленія—заговора, она связываетъ съ нимъ другое преступленіе, мало имѣющее общаго съ первымъ, это—«составленіе прошеній, заявленій и тому подобныхъ бумагъ и собираніе подписей». Къ чему ведетъ иногда самостоятельность положенныхъ въ этой статьѣ наказаній—мы уже говорили. Наши представители науки военно-уголовнаго права согласно указываютъ на предпочтительность того порядка отвѣтственности за заговоръ, который принять, напримѣръ, германскимъ уставомъ. Параграфъ 103 его, предусматривая соглашеніе многихъ отказаться сообща отъ повинovenія, или оказать общими силами сопротивленіе, или совершить насиліе надъ начальникомъ, опредѣляетъ наказаніе по параграфамъ, предусматривающимъ эти именно дѣянія, но съ обязательнымъ увеличеніемъ срока заключенія отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ; если же соглашеніе было осуществлено, то наказаніе, т. е. собственно срокъ заключенія, удваивается. При такой постановкѣ вопроса: 1) приведенный въ исполненіе заговоръ, хотя бы и выразившійся въ дѣйствіяхъ одного лица, сохраняетъ характеръ коллективнаго преступленія; 2) наказаніе согласуется съ важностью того преступленія, на которое учинено было соглашеніе, и 3) оно никогда не будетъ слабѣе отвѣтственности за соглашеніе, не реализованное. Съ своей стороны добавимъ, что само преступное дѣяніе сохраняетъ по силѣ § 103 германскаго устава свою цѣльность, а не разлагается искусственно на рядъ отдѣльныхъ моментовъ и дѣйствій, въ сущности направленныхъ къ одной цѣли, объединенныхъ однимъ умысломъ и одной логикой дѣйствій, но въ глазахъ главнаго военного суда представляющихъ до сихъ поръ почему-то «совокупность преступленій» (рѣшеніе его 1898 г. № 56) ¹⁾.

¹⁾ Параграфъ 103 германскаго устава отличается отъ ст. 111 нашей XXII книги еще тѣмъ, что въ то время какъ послѣдняя предусматриваетъ соглаше-

На почвѣ мѣстныхъ же условій службы и быта выросло, надо думать, и дѣло командира 4-й роты Кушкинскаго резервнаго баталіона штабсъ-капитана Майсурова, рассмотрѣнное временнымъ военнымъ судомъ въ городѣ Мервѣ. Этотъ офицеръ преданъ былъ суду по обвиненіямъ въ томъ: 1) что, состоя съ 16-го марта 1899 года командиромъ 4-й роты, онъ изъ числа полученной для довольствія нижнихъ чиновъ рисовой крупы продалъ 15 пудовъ, купивъ на вырученныя деньги ячмень, а 16 пудовъ этой крупы промѣнялъ тоже на ячмень, обративъ какъ въ первомъ случаѣ такъ и во второмъ приобрѣтенный ячмень на кормъ ротныхъ лошадей, вслѣдствіе чего нижніе чины получали кашу изъ рисовой крупы рѣже, чѣмъ могли получать, если бы не было продажи и обмѣна крупы на ячмень; 2) что въ періодъ времени съ 16-го марта по 8-е ноября 1899 года, изъ числа заготовленнаго для ротныхъ лошадей ячменя взялъ для собственной надобности 4 пуда, стоимость котораго пополнилъ до открытія сего злоупотребленія; 3) что изъ того же заготовленнаго для ротныхъ лошадей ячменя ссудилъ 4 пуда 25 фунтовъ штабсъ-капитану Васильеву, каковой ячмень пополнилъ послѣ открытія сего злоупотребленія; 4) что изъ числа оставшейся отъ довольствія нижнихъ чиновъ экономической муки употребилъ въ свою пользу 3 пуда и ссудилъ 5-ю пудами этой же муки завѣдывающаго Кушкинскимъ мѣстнымъ лазаретомъ коллежскаго секретаря Семенова, пополнивъ стоимость этихъ 8-ми пудовъ муки уже послѣ открытія сего злоупотребленія; 5) что, будучи обязанъ заносить на приходъ поротнымъ книгамъ оставшуюся отъ довольствія нижнихъ чиновъ ввѣренной ему роты экономическую муку и вырученныя отъ продажи этой муки деньги, а равно и выписывать въ расходъ эти деньги по мѣрѣ израсходованія оныхъ на покупку предметовъ для нижнихъ чиновъ и вообще для надобностей роты, онъ въ теченіе командованія ротой съ 16-го марта по 8-е ноября 1899 года не исполнялъ сего, хотя и безъ корыстной цѣли, но съ цѣлью облегченія себя отъ излишней переписки; 6) что, вступивъ въ командованіе 4-ю ротой и зная распоряженіе командира баталіона, послѣдовавшее 6-го февраля 1899 года о помѣщеніи въ отчетный листъ и въ листъ о припасахъ довольствія слабыхъ нижнихъ чиновъ особыми завтраками и о веденіи расхода по сему предмету въ отдѣльныхъ тетрадяхъ, онъ умышленно не исполнялъ этого, желая показать, что въ ротѣ его меньше расхода; 7) что лѣтомъ 1899 года изъ числа заготовленнаго нижними чинами ввѣренной ему роты для надобностей роты сырцоваго кирпича взялъ для своихъ личныхъ надобностей 10,000 кирпичей безъ разрѣшенія начальства, выдавъ взамѣнъ этихъ кирпичей въ роту шалманы, рейки и внутреннія двери; 8) что по его приказанію нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ роты работали въ лично принадлежащемъ ему домѣ по постройкѣ кухни и коридора отъ двухъ до пяти дней и никакого вознагражденія только на нарушеніе подчиненности, первый охватываетъ и преступленія противъ чинопочетанія.

денія за эту работу онъ имъ не выдавалъ, и, наконецъ, 9) что въ теченіе лѣта 1899 года нанесъ удары четыремъ рядовымъ. Судъ призналъ, однако, штабсъ-капитана Майсурова виновнымъ только въ послѣднемъ и согласно 1 ч. 185 ст. С. В. П. XXII, назначилъ ему дисциплинарное взысканіе (арестъ на однѣ сутки), остальные же обвиненія призналъ недоказанными, въ отношеніи перваго потому, что подсудимый совершилъ продажу и обмѣнъ рисовой крупы на ячмень безъ всякаго ущерба для довольствія нижнихъ чиновъ рисовой крупой, такъ какъ замѣнилъ ячменемъ лишь тотъ остатокъ крупы, который образовался отъ недоѣда его нижними чинами; по второму обвиненію, что подсудимый взялъ 4 пуда ячменя заимообразно безъ всякой корыстной цѣли, приказавъ своевременно записать этотъ расходъ за собой и своевременно же уплатилъ за него деньги, имѣя право на такое позаймствованіе, какъ ротный командиръ; по третьему, четвертому и пятому обвиненіямъ судомъ отвергнуты самые факты; по шестому обвиненію, что подсудимый не зналъ о распоряженіи командира баталіона, послѣдовавшемъ до вступленія его въ командованіе ротой и притомъ лишь въ формѣ служебной записки, а не въ приказѣ или приказаніи; по седьмому обвиненію, что подсудимый взялъ 10,000 штукъ кирпича свѣдома и разрѣшенія начальства, и по восьмому обвиненію судъ призналъ недоказаннымъ, чтобы подсудимый не платилъ нижнимъ чинамъ за работу, причемъ самыя-то эти работы были не частныя, а казенныя, такъ какъ подсудимый жилъ въ казенномъ домѣ и ничего не получалъ за сдѣланныя имъ необходимыя пристройки. Въ предъявленныхъ штабсъ-капитану Майсурову обвиненіяхъ очень характернымъ является объясненіе, что довольствіе слабосильныхъ нижнихъ чиновъ завтраками не заносилось имъ въ отчетный листъ и листъ о припасахъ изъ желанія показать, что въ его ротѣ меньше расхода. Непосредственно судомъ не опровергнутое, а отпавшее только вслѣдствіе отрицанія имъ знанія штабсъ-капитаномъ Майсуровымъ о распоряженіи командира баталіона записывать эти завтраки въ отчетные листы, оно довольно краснорѣчиво указываетъ на предметъ служебнаго соревнованія ротныхъ командировъ этой части. Очевидно, что матеріалъ предварительнаго слѣдствія далъ достаточное основаніе къ такому объясненію и включеніе его въ обвинительный актъ имѣеть за собой нѣкоторый *raison d'être*. Предметъ служебнаго соревнованія едва-ли удачно выбранный, особенно при тяжелыхъ условіяхъ службы и жизни войскъ въ Закаспійскомъ краѣ. Они же, эти особыя условія, вѣроятно, были причиною и тому, что штабсъ-капитанъ Майсуровъ и коллежскій секретарь Семеновъ пріобрѣтали для своихъ личныхъ надобностей ячмень и муку не у частныхъ лицъ, а вынуждены были заимствовать ихъ временами изъ запасовъ роты. Временный военный судъ въ г. Мервѣ призналъ за ротнымъ командиромъ право на это—при условіяхъ: отсутствія корыстныхъ мотивовъ, своевременной выписки позаймствованнаго въ расходъ, съ записью его за ротнымъ командиромъ, и своевременной уплаты

за поимствованное денегъ. Съ этимъ взглядомъ, однако, не согласился представитель военно-прокурорскаго надзора, по мнѣнію котораго такого рода позаймствованія не оправдываются никакими законоположеніями, а караются по 232 ст. воин. уст. о наказ., предусматривающей не только растрату и присвоеніе, но и пользованіе и ссуду ввѣреннаго по службѣ имущества. Позаймствованіе же для себя—говорилось въ протестѣ—и есть пользованіе этимъ имуществомъ. Главный военный судъ не согласился на этотъ разъ съ доводами помощника военнаго прокурора и кратко высказалъ (рѣшеніе № 6), что «взятіе подсудимымъ для собственной надобности 4-хъ пудовъ ячменя изъ числа заготовленнаго для ротныхъ лошадей, съ приказаніемъ записать этотъ расходъ за нимъ, штабсъ-капитаномъ Майсуровымъ, и съ своевременною уплатою денегъ, не заключаетъ въ себѣ признаковъ дѣянія, предусмотрѣннаго 232 ст. С. В. П. XII». На первый взглядъ такое разъясненіе можетъ показаться противорѣчающимъ установленной въ отношеніи этой статьи практикѣ главнаго военнаго суда. Но только съ перваго взгляда. Въ сущности же оно нисколько не противорѣчитъ духу этой практики, ревниво охраняющей интересы казны отъ корыстныхъ поползновеній на нее. Еще въ 1896 году, въ рѣшеніи № 85, главный военный судъ призналъ существеннымъ признакомъ виновности по 232 ст. *корыстные виды*. И просматривая длинный рядъ рѣшеній, до этой статьи относящихся, мы видимъ, что тамъ, гдѣ этихъ корыстныхъ видовъ и личныхъ выгодъ нѣтъ — тамъ нѣтъ и 232 ст. Такъ, передача однимъ ротнымъ каптенармусомъ другому ввѣреннаго ему по службѣ казеннаго имущества не для личнаго пользованія, а исключительно по довѣрію къ заявленію бравшаго, что вслѣдствіе внезапной провѣрки его цейхгауза представляется необходимою снабдить чиновъ караула обмундированіемъ изъ другой роты, признана главнымъ военнымъ судомъ *дисциплинарнымъ проступкомъ*, а не дѣяніемъ 232 ст. (рѣш. 1898 г. № 22).

Корективами противъ возможныхъ злоупотребленій на почвѣ позаймствованія главный военный судъ, какъ это видно изъ разсматриваемаго рѣшенія его (1901 г. № 6), ставитъ: отпѣтку о позаймствованіи въ отчетности и своевременную уплату денегъ за позаймствованное. Нельзя однако не признать, что этихъ указаній не достаточно. Позаймствованія могутъ быть сдѣланы въ то время, когда запасы необходимы для нуждъ самой части, а вовсе не являются «лишкомъ», возвращены онѣ могутъ быть и не деньгами, а продуктами, и притомъ худшаго качества и меньшей стоимости, а уплата можетъ быть произведена по цѣнамъ, хотя и установленнымъ, «справочнымъ», но позднѣйшимъ и, быть можетъ, меньшимъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали во время позаймствованія. Такимъ образомъ, рѣшеніе главнаго военнаго суда 1901 г. № 6 въ разсмотрѣнной нами части его, оставаясь вѣрнымъ по существу, нуждается въ развитіи и болѣе широкой мотивировкѣ.

Другая часть этого рѣшенія касается указанія протеста на то, что,

хотя положеніемъ о ротномъ хозяйствѣ не устанавливается особаго вида провіанта подъ названіемъ «недоѣдъ», но по установившемся порядку недоѣдъ нижними чинами хлѣба и каши изъ числа слѣдующихъ имъ по положенію, выдается имъ на руки и составляетъ собственность нижнихъ чиновъ, а потому признанное судомъ дѣяніе штабсъ-капитана Майсурова въ томъ, что онъ продалъ «недоѣдъ» и вырученныя деньги не выдалъ на руки нижнимъ чинамъ, а обратилъ на надобности роты, — является предусмотрѣннымъ 177 ст. XXII, по которой офицеръ этотъ преданъ военному суду по этому пункту. По этому вопросу главный военный судъ разъяснилъ, что, на точномъ основаніи 7 п. 153 ст. Св. В. П. 1869 г. XX изд. 1897 г., экономической провіантъ не составляетъ собственности нижнихъ чиновъ, а, напротивъ того, подожить продажѣ и вырученныя за него деньги поступаютъ на образованіе ротной артельной суммы. Посему продажа штабсъ-капитаномъ Майсуровымъ 15 пудовъ экономической рисовой крупы и покупка на вырученныя деньги ячменя на кормъ ротныхъ лошадей, а равно промѣнъ 16 пудовъ экономической рисовой крупы на ячмень для той же цѣли не составляетъ дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 177 С. В. П. XXII. Дѣйствительно, эта послѣдняя статья закона предусматриваетъ виновность начальника въ удержаніи жалованья или другихъ слѣдующихъ подчиненнымъ денегъ или довольствія безъ корыстныхъ цѣлей, а для употребленія на расходы по вѣренной ему части. Въ рѣшеніи же главнаго военного суда 1884 г. № 87 было уже разъяснено, что подъ означенными въ 177 ст. деньгами и довольствіемъ слѣдуетъ разумѣть деньги и предметы довольствія, *«прямо предназначенные для личнаго удовлетворенія подчиненныхъ...»* Такими *прямо предназначенными*—слѣдуетъ считать на нашъ взглядъ всѣ установленныя самимъ закономъ денежныя, предметныя и пищевыя отпуска, какъ имѣющіе, каждый свое опредѣленное назначеніе, названіе и размѣръ и поступающіе въ пользованіе каждаго нижняго чина непосредственно.

Не касаясь затѣмъ другихъ частей рѣшенія № 6, скажемъ, что имъ приговоръ временнаго военного суда въ г. Мервѣ о штабсъ-капитанѣ Майсуровѣ оставленъ въ силѣ судебнаго рѣшенія, а протестъ помощника военнаго прокурора безъ уваженія.

Интересное разъясненіе по поводу той же 232 ст. Св. В. П. XXII дано главнымъ военнымъ судомъ и въ рѣшеніи № 9 — по дѣлу о стражничкѣ Сандомирской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, Вязовцевѣ.

Вязовцевъ дежурилъ на ст. Скоржиско, Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ и располагалъ тремя бесплатными годовыми билетами, «выданными ему вахмистромъ по службѣ, какъ дежурному названной станціи». Причемъ тутъ была «служба», какое предназначеніе имѣли и съ какою цѣлью одному нижнему чину выданы были три бесплатныхъ годовыхъ билета — изъ рѣшенія главнаго военного суда № 9 не видно. Хотя и передалъ ихъ «дежурному» Вязовцеву его вахмистръ, но выданы были эти билеты очевидно не имъ, а отъ управленія Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ и за отсут-

ствіемъ положительныхъ указаній, по смыслу содержанія рѣшенія № 9, мы можемъ предполагать, что это была своего рода желѣзнодорожная премія за дежурство, установленная не общимъ уставомъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, а обычаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Вязовцеву три билета? Не для того же, чтобы одному по тремъ годовымъ билетамъ ѣздить! Такъ понялъ это и Вязовцевъ, и 5-го сентября 1900 г., за обѣщанное ему однимъ евреемъ денежное вознагражденіе, сдалъ по этимъ билетамъ въ багажную контору, подъ видомъ своего, принадлежавшій еврею товаръ, вѣсомъ 2 пуда 28 фунтовъ, для отправки его багажемъ въ Варшаву. Багажъ этотъ былъ принятъ и отправленъ по назначенію, а спустя нѣкоторое время какимъ-то образомъ открылось и «злоупотребленіе» Вязовцева. Онъ былъ преданъ суду, судимъ Варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ и осужденъ, причемъ судъ подвелъ дѣяніе его подъ понятіе растраты вѣреннаго по службѣ казеннаго имущества на сумму менѣе 300 рублей (2 ч. 232 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ). На этотъ приговоръ защитникъ подсудимаго Вязовцева принесъ кассационную жалобу, въ которой объяснялъ, что къ виновности Вязовцева эта статья закона совершенно не примѣнима, такъ какъ никакого имущества Вязовцеву по службѣ вѣрено не было и отъ дѣянія его ущербъ его могъ произойти лишь для управленія Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ, но не для казны, такъ какъ провозъ багажа по тремъ имѣвшимся у Вязовцева бесплатнымъ билетамъ никакой оплатѣ со стороны казны не подлежалъ на томъ основаніи, что каждый пассажирскій билетъ даетъ право на бесплатный провозъ одного пуда багажа. Мы полагаемъ, что дѣяніемъ Вязовцева не нанесено было ущерба и управленію дороги, такъ какъ, выдавая бесплатные годовые билеты, дорога уже тѣмъ самымъ скидываетъ со счета своихъ прибылей оплату трехъ пудовъ багажа, провозимыхъ при каждой поѣздкѣ по тремъ годовымъ билетамъ. Вязовцевъ, провозя по выданнымъ ему билетамъ не свой, а чужой багажъ, не нарушилъ расчетовъ дороги, но несомнѣнно, что этимъ онъ нарушилъ установленныя желѣзнодорожныя правила, воспреещающія передачу билета, а корыстный мотивъ дѣлаетъ проступокъ Вязовцева и неблаговиднымъ. Такъ взглянулъ на это дѣло и главный военный судъ, который, руководствуясь рѣшеніемъ своимъ 1896 г. по дѣлу войскового старшины Сохранова и другихъ и рѣшеніемъ уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената 1880 г. № 46, нашелъ, что примѣненіе 232 ст. Св. В. П. XIII къ дѣянію Вязовцева представляется лишеннымъ всякаго основанія по отсутствію въ проступкѣ его признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго этой статьей военно-уголовнаго закона, и что дѣяніе подсудимаго составляетъ проступокъ *дисциплинарный*. Какъ за таковой главный военный судъ и опредѣлялъ Вязовцеву, взамѣнъ опредѣленнаго ему судомъ наказанія,—строгій арестъ на десять сутокъ. Рѣшеніе это представляется крайне поучительнымъ для нижнихъ чиновъ пограничной стражи, дежурящихъ, подобно Вязовцеву, на различныхъ станціяхъ. Значеніе подобныхъ бесплат-

ныхъ билетовъ и права ими создаваемые должны быть имъ выяснены, дабы не повторилась съ иными Вязовцевыми грустная исторія напрасной судебной волокиты. Вѣдь если въ отношеніи войскового старшины Сохранова было признано судомъ, что, не имѣя никакой корыстной дѣли, не извлекая для себя никакой выгоды, онъ учинилъ однородное дѣяніе — перевозъ по желѣзнымъ дорогамъ, по полученнымъ предложеніямъ, лично ему не принадлежащихъ лошадей — только по недостаточной обдуманности степени противозаконности его, то ея еще менѣе можно требовать отъ нижнихъ чиновъ.

За то этой обдуманности потребовалъ главный военный судъ отъ нижняго чина по слѣдующему поводу.

Стрѣлокъ 15-го стрѣлковаго полка, Иванъ Носковъ (онъ же Носко), былъ преданъ полковому суду по 104 ст. Св. В. П. XXII—за неисполненіе приказанія полкового командира. Выразилось же оно въ томъ, что, встрѣтивъ Носкова не по формѣ одѣтымъ, командиръ полка приказалъ ему явиться въ роту, а самъ, придя туда черезъ полчаса, узналъ, что приказаніе это Носковымъ не исполнено. На судѣ Носковъ объяснилъ, что, получивъ отъ командира полка приказаніе явиться въ роту и, дѣйствительно, вернувшись туда, онъ не явился сразу потому, что не нашелъ своего отдѣленнаго начальника, и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, пошелъ оправиться и почиститься, но былъ вскорѣ позванъ командиромъ полка. Свидѣтель, стрѣлокъ Свѣнтковскій, бывший въ это время дневальнымъ у входныхъ дверей, показалъ, что Носковъ, придя въ роту, раздѣлся, взялъ щетки и пошелъ чиститься, а въ это время, минутъ черезъ 15. пришелъ и самъ командиръ полка.

Видимо, усматривая въ дѣйствіяхъ стрѣлка Носкова своеобразное пониманіе имъ воинскаго приличія, а вовсе не нарушеніе правилъ подчиненности, полковой судъ оправдалъ Носкова. Понятно, что полковой командиръ съ такимъ приговоромъ не согласился, причемъ несогласіе свое обосновалъ на § 223 устава внутренней службы, обязывающемъ нижняго чина, уволеннаго со двора, являться тотчасъ же по возвращеніи въ команду. Дѣло перешло въ Одесскій военно-окружный судъ, который также нашелъ обвиненіе стрѣлка Носкова недоказаннымъ, признавъ, что Носковъ, вернувшійся въ казарму съ грязными сапогами, пошелъ ихъ чистить, желая явиться начальнику, дежурному по ротѣ, въ приличномъ видѣ, но окончить этого не успѣлъ.

Однако и приговоръ военно-окружнаго суда, утверждавшій приговоръ суда полкового, оказался для Носкова не окончательнымъ. По протесту помощника военнаго прокурора дѣло перешло въ главный военный судъ, который взглянулъ на него иначе. Въ рѣшеніи своемъ (№ 19) онъ высказалъ, что изложенныя обстоятельства не давали еще военно-окружному суду права постановлять о Носковѣ оправдательный приговоръ, такъ какъ 1 ст. уст. дисц. обязываетъ cadaго военно-служащаго исполнять прика-

заніе начальства въ точности и безпрекословно. Поэтому подсудимый Носковъ, получивъ приказаніе полкового командира, долженъ былъ немедленно вернуться въ роту и явиться дежурному именно въ томъ видѣ, въ какомъ былъ встрѣченъ командиромъ полка, тѣмъ болѣе, замѣчаетъ намъ касационный судъ, что и самое приказаніе послѣдовало вслѣдствіе того, что подсудимый былъ не по формѣ одѣтъ. Между тѣмъ, Носковъ по возвращеніи въ казарму, никому не явился, а сталъ предварительно приводить себя въ порядокъ, въ какомомъ дѣйстви, по мнѣнію главнаго военнаго суда, и выразилось то небрежное и невнимательное отношеніе къ приказанію начальника, которое преслѣдуется 104 ст. воин. уст. о наказаніяхъ.

Эта статья закона предусматриваетъ неисполненіе общихъ или лично до кого-либо относящихся приказаній начальника *по нерадѣнію или невнимательности*. Хотя двумя судебными приговорами мотивы промедленія Носковымъ въ исполненіи приказанія начальника и объяснены иначе, но главный военный судъ призналъ эти объясненія недостаточными и не устраняющими отвѣтственности Носкова именно потому, что полученное имъ замѣчаніе по поводу формы одежды обязывало его къ особой обдуманности своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ отношеніи ея. Нельзя, однако, не признать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ нерадѣніемъ солдатскимъ, а какъ разъ наоборотъ—радѣніемъ, на свой только образецъ и сообразно своимъ, быть можетъ, заученнымъ на службѣ понятіямъ—являться начальству въ приличномъ воинскомъ видѣ.

Отмѣняя приговоръ Одесскаго военно-окружнаго суда, главный военный судъ не обратилъ дѣло о Носковѣ къ новому разсмотрѣнію, а считая существо его твердо установленнымъ, предоставилъ тому же суду, въ новомъ составѣ присутствія, постановить о Носковѣ новый и, конечно, обвинительный на этотъ разъ приговоръ. Напомнимъ, что отвѣтственность по 104 ст. колеблется въ широкихъ предѣлахъ—отъ дисциплинарнаго взыскація до высшей мѣры одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ.

Въ приложеніи читатели найдутъ, между прочимъ, рѣшеніе главнаго военнаго суда (№ 11) по дѣлу, фактическая сторона котораго тождественна съ вызвавшимъ оживленные толки въ военной средѣ дѣломъ корнета Вавовскаго (рѣш. глав. воен. суда 1900 г. № 57).

Р Ъ Ш Е Н І Е

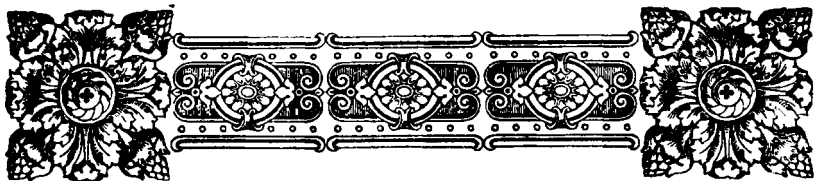
ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА ЗА 1901 ГОДЪ.

15-го февраля, № 11. По указу Его Императорскаго Величества главный военный судъ слушалъ: дѣло по протесту помощника военнаго прокурора на приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Холмѣ о состоящемъ въ запасѣ арміи Корнетѣ 19-го драгунскаго Кинбурнскаго полка Сергѣѣ фонъ-Викъ. Временный военный судъ призналъ подсудимаго фонъ-Вика виновнымъ въ томъ, что 15-го декабря 1899 года, въ 11 часу вечера, въ г. Ковелѣ, призвавъ на свою квартиру сапожника Гопина, онъ, въ отмщеніе за предполагаемое Гопинымъ предъявленіе къ нему иска въ судѣ, приказалъ деньщику своему рядовому Голензовскому и рядовому Вакарчуку повалить Гопина на полъ, накрыть ему голову шинелью, снять съ него штаны и сѣсть ему на голову и на ноги, а когда все это было исполнено, то онъ, фонъ-Викъ, нанесъ Гопину нагайкой по обнаженнымъ ягодицамъ нѣсколько ударовъ, всего менѣе 25, отъ каковыхъ ударовъ у Гопина на поверхности тѣла оказались синія полосы безъ кровоподтековъ. Вмѣстѣ съ симъ судъ принялъ во вниманіе обстоятельства, уменьшающія вину фонъ-Вика, а именно: его полное и чистосердечное сознаніе въ преступленіи и стараніе вознаградить по возможности зло, причиненное имъ Гопину, которому онъ, фонъ-Викъ, уплатилъ, въ видѣ вознагражденія 2,000 руб. Дѣяніе, въ коемъ корнетъ фонъ-Викъ признанъ виновнымъ, отвѣчаетъ, по своимъ признакамъ, насилію, предусмотрѣнному ст. 142 уст. о нак., налаг. миров. суд., но такъ какъ это насиліе было учинено при содѣйствіи под-

чиненныхъ подсудимому нижнихъ чиновъ, при чемъ таковое содѣйствіе оказывалось ими по приказанію фонъ-Вика, то сказанное дѣяніе должно разсматриваться какъ превышеніе власти, предусмотрѣнное 145 статьей XII С. В. П. 1869 года изданіе 2. По пониженіи подсудимому наказанія на двѣ степени, судъ опредѣлилъ фонъ-Викѣ содержаніе на гауптвахтѣ, по низшей мѣрѣ 2-й степени 32-й ст. XII, на три мѣсяца, съ ограниченіемъ правъ и преимуществъ по службѣ, каковое наказаніе замѣнялъ, какъ состоящему въ запасѣ арміи, по приложенію I къ ст. 8 С. В. П. XII и постановилъ: состоящаго въ запасѣ арміи корнета фонъ-Вика подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца; по возникшему же противъ него обвиненію въ причиненіи еврею Гошину истязаній или мученій, считать по суду оправданнымъ по недоказанности. На этотъ приговоръ помощникъ военнаго прокурора подполковникъ Володковскій представлялъ протестъ, въ которомъ указываетъ на то, что судъ не долженъ былъ замѣнять подсудимому воинское наказаніе общеуголовнымъ, такъ какъ преступленіе было совершено имъ во время состоянія на дѣйствительной службѣ. Изъ дѣла видно, что, послѣ внесенія въ судъ обвинительнаго акта, военный прокуроръ, 27-го сентября, довелъ до свѣдѣнія суда, что о подсудимомъ фонъ-Викѣ производится судебнымъ слѣдователемъ Луцкаго окружнаго суда предварительное слѣдствіе по обвиненію его въ нанесеніи раны мѣщанину Грисюку. По выслушаніи сего въ распорядительномъ засѣданіи, судъ постановилъ: доложенному дѣлу дать дальнѣйшій ходъ, имѣя въ виду возбужденное противъ подсудимаго новое обвиненіе. О томъ, какое направленіе получило дѣло по обвиненію корнета фонъ-Вика въ нанесеніи раны мѣщанину Грисюку, свѣдѣній не имѣется. Подсудимый фонъ-Викъ произведенъ въ корнеты 3-го апрѣля 1899 года, состоитъ въ запасѣ армейской кавалеріи со 2-го іюля 1900 года. Сообразивъ протестъ помощника военнаго прокурора съ приговоромъ суда и законами и выслушавъ заключеніе исполняющаго обязанности помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что временный военный судъ въ гор. Холмѣ, признавъ корнета фонъ-Вика виновнымъ въ превышеніи власти, допущенномъ во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ, и назначивъ ему за это преступленіе, совершенное при уменьшающихъ вину его обстоятельствахъ, содержаніе на гауптвахтѣ на три мѣсяца съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, не имѣлъ законнаго основанія, а также и въ виду рѣшеній главнаго военнаго суда 1892 г. №№ 59, 87, 121 и 1893 г. № 3, замѣнять означенное воинское наказаніе общеуголовнымъ. Независимо отъ протеста, главный военный судъ обратилъ вниманіе на то, что временный военный судъ, не имѣя свѣдѣній объ окончаніи другого дѣла о корнетѣ фонъ-Викѣ, по обвиненію его въ нанесеніи раны мѣщанину Грисюку, не сдѣлалъ въ приговорѣ по настоящему дѣлу соотвѣтствующаго постановленія относительно времени приведенія сего приговора въ дѣйствительное исполненіе. По изложеннымъ основаніямъ глав-

ный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ временнаго военнаго суда въ гор. Холмѣ о состоящемъ въ запасѣ по армейской кавалеріи корнетѣ Сергѣѣ фонъ-Викѣ исправить въ томъ, чтобы названнаго оберъ-офицера, взявъ опредѣленнаго ему судомъ заключенія въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства, подвергнуть содержанію на гауптвахтѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, въ 27 и 33 ст. С. В. П. XXII указанныхъ. Сверхъ того, предписать Варшавскому военно-окружному суду, ранѣ обращенія настоящаго рѣшенія къ исполненію, выполнить требованіе 3 п. 1112 ст. воен.-судеб. устава.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новыя мѣры по устройству корпуса офицеровъ въ Германіи и Австро-Венгріи.

Общее стремленіе къ совершенствованію устройства корпуса офицеровъ.—Заботы о развитіи техническихъ свѣдѣній въ германскомъ корпусѣ офицеровъ.—Вопросъ о предварительной научной подготовкѣ германскихъ офицеровъ.—Спеціальная подготовка офицеровъ.—Новое положеніе о военно-учебныхъ заведеніяхъ Австро-Венгріи.—Сближеніе военныхъ и юнкерскихъ училищъ.—Значительный некомплектъ воспитанниковъ въ австро-венгерскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.—Условія чинопроизводства.—Новыя правила о чинопроизводствѣ офицеровъ ландвера.

Но мѣръ того, какъ кадровая военная система приближается въ западно-европейскихъ государствахъ къ своему предѣльному развитію, растутъ и заботы правительствъ о совершенствованіи устройства корпуса офицеровъ. Сокращеніе сроковъ дѣйствительной службы, повышеніе учебныхъ требованій отъ войскъ, непрерывное возрастаніе резервовъ, постоянно увеличивающаяся сложность военнаго дѣла—все это тотчасъ же отражается на корпусѣ офицеровъ, заставляетъ принимать новыя мѣры, чтобы поставить его на высоту назначенія въ мирное, а особенно въ военное время. Какъ привлечь на постоянную офицерскую службу потребное число молодыхъ людей, обладающихъ необходимыми нравственными и умственными качествами? Какимъ образомъ организовать подготовку, общую и спеціаль-

ную, будущихъ офицеровъ? Какими мѣрами обезпечить пріобрѣтеніе уже состоящими на службѣ офицерами нужныхъ имъ по родамъ оружія научныхъ и практическихъ знаній? Какъ регулировать прохожденіе службы офицерами, чтобы были возможно полнѣе соблюдены и интересы службы, и ихъ личные интересы? За всѣми этими вопросами возникаетъ цѣлый рядъ другихъ, относящихся до быта офицеровъ, и величественное зданіе устройства корпуса офицеровъ современныхъ армій принимаетъ по истинѣ грандіозные размѣры, растущіе по мѣрѣ того, какъ все болѣе увеличивается численность корпуса.

Въ №№ 4-мъ и 5-мъ «Военнаго Сборника» за 1898 г. были изложены основанія нынѣшняго устройства корпуса офицеровъ въ главныхъ западно-европейскихъ арміяхъ, а въ годовыхъ обзорахъ 1898 и 1899 гг. были указаны измѣненія, послѣдовавшія по этому предмету въ названные періоды. Въ настоящей статьѣ приводится очеркъ главнѣйшихъ мѣропріятій, выполненныхъ относительно корпуса офицеровъ въ 1900 г. и первыхъ мѣсяцахъ текущаго года въ Германіи и Австро-Венгріи, а равно отмѣчаются болѣе важные вопросы, поднятые по тому же предмету въ мѣстной военной печати.

Современное военное искусство широко пользуется наукой и техникой для устройства государственной обороны. Нѣтъ такого вида снабженія войскъ, гдѣ научно-техническая часть не играла бы выдающейся роли. Ей принадлежитъ рѣшающее значеніе въ вопросахъ о вооруженіи, она проникаетъ всю обширную область обмундированія и снаряженія; на ней основано инженерное и санитарное довольствіе, и значеніе ея въ дѣлѣ обезпеченія продовольствованія армій въ мирное и, въ особенности въ военное время, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Инженерная оборона государства создается наукою и техникою и онѣ же даютъ средства къ быстрому сосредоточенію войсковыхъ массъ на угрожаемой границѣ. Наконецъ, въ научно-техническихъ знаніяхъ болѣе или менѣе вуждается каждый родъ оружія для своей боевой дѣятельности. Имѣя все это въ виду, прусское военное министерство уже ранѣе было озабочено распространеніемъ техническихъ свѣдѣній среди корпуса офицеровъ и въ прусской арміи нѣсколько лѣтъ тому назадъ было введено командированіе пѣхотныхъ офицеровъ для исполненія службы въ различныхъ техническихъ заведеніяхъ. Выборъ для этой цѣли офицеровъ пѣхоты можетъ быть объясненъ полнымъ отсутствіемъ техническихъ свѣдѣній въ войскахъ этого рода оружія, между тѣмъ, будущая война предъявить большія требованія въ техническомъ отношеніи и къ пѣхотѣ. Королевскимъ приказомъ отъ 29-го ноября 1900 г. названная мѣра распространена и на офицеровъ полевой и крѣпостной артилеріи. Срокъ командировки опредѣленъ въ одинъ годъ, но тѣ офицеры, которые выкажутъ въ это время способность къ технической службѣ, могутъ быть оставлены въ техническихъ заведеніяхъ и на болѣе продолжительный періодъ, какъ въ интересахъ службы самихъ заведеній, такъ и

для пользы войскъ. Затѣмъ, названнымъ приказомъ дано болѣе широкое примѣненіе тоже ранѣ практиковавшейся мѣры о командированіи офицеровъ въ высшую техническую школу въ Берлинѣ. Въ настоящее время въ названную школу командироваются офицеры всѣхъ родовъ оружія, кромѣ кавалеріи.

Мѣстная военная печать, признавая благопріятное для арміи значеніе указанныхъ распоряженій, вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что распространеніе техническихъ знаній среди корпуса офицеровъ требуетъ мѣръ болѣе широкихъ и болѣе общихъ. Въ составѣ арміи, говорятъ нѣкоторые изъ прусскихъ военныхъ газетъ, должны быть техники самыхъ разнообразныхъ специальностей, научно подготовленные и практически знакомые съ своимъ дѣломъ. Существующія военно-учебныя заведенія не могутъ образовать всѣхъ нужныхъ арміи специалистовъ и поѣтому необходимо учредить военно-учебныя заведенія новой категоріи, именно, высшія военно-техническія школы, въ которыхъ офицеры подготавливались бы къ военно-технической дѣятельности. Офицеры-техники имѣютъ, съ точки зрѣнія интересовъ арміи, то преимущество передъ техниками не военнаго званія, что обладаютъ еще и общимъ военнымъ образованіемъ, которое позволитъ имъ въ каждомъ частномъ случаѣ примѣненія техники къ военному дѣлу оцѣнить боевое значеніе новаго изобрѣтенія или новой мѣры и, вообще, вести эту часть въ томъ специальномъ направленіи, которое придется ей требованіями военнаго времени.

Въ 1899 г. были повышены, какъ извѣстно, требованія, предъявляемыя на экзаменѣ на званіе подпрапорщика, оставшіяся одно время довольно низкими, вслѣдствіе необходимости привлечь на офицерскую службу возможно большее число молодыхъ людей для пополненія некомплекта, образовавшагося по причинѣ сформированія значительнаго числа новыхъ войсковыхъ частей. Мѣра эта вызвала въ мѣстной военной печати подробное обсужденіе вопроса о предварительной научной подготовкѣ будущихъ германскихъ офицеровъ, продолжающееся до послѣдняго времени. Между прочимъ было высказано мнѣніе, что отъ подпрапорщиковъ надлежитъ требовать предъявленія свидѣтельства зрѣлости, выдаваемого по окончаніи полнаго гимназическаго курса. Предложеніе это не нашло, однако, поддержки въ печати, а взамѣнъ его былъ выдвинутъ другой проектъ, влекущій за собою довольно коренное измѣненіе всей системы германскихъ военно-учебныхъ заведеній. Авторъ проекта исходилъ изъ того факта, что требованія, предъявляемыя государствомъ на экзаменахъ на подпрапорщика, не соответствуютъ програмѣ ни одного изъ классовъ существующихъ учебныхъ заведеній; поѣтому на государствѣ лежитъ обязанность учредить такія учебныя заведенія, въ которыхъ молодые люди могли бы подготавливаться къ экзамену на подпрапорщика. Въ школы эти должны приниматься лица со свидѣтельствами объ окончаніи старшаго втораго класса, слѣдовательно, уже обладающія достаточной научной подготовкой, чтобы

съ пользою приступить къ прохожденію курсовъ, служащихъ переходной ступенію къ университетскимъ занятіямъ. При составленіи учебнаго плана названныхъ школъ надлежитъ руководствоваться тѣми требованіями, которыя предъявляются въ настоящее время образованному человѣку и составить программы съ такимъ расчетомъ, чтобы, пройдя два или три годовыхъ курса, воспитанники могли сдать экзаменъ на подпрапорщика. Воспитанники школъ должны получать военное воспитаніе и находиться въ возрастѣ отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ; качества, присущія истинно-военнымъ людямъ, должны имѣть при оцѣнкѣ воспитанниковъ не меньшее значеніе, чѣмъ успѣхи въ наукахъ, что позволитъ сохранить и даже развить старинный доблестный духъ прусскаго корпуса офицеровъ. Приѣмъ въ школы сыновей не только офицеровъ, но и чиновниковъ военнаго вѣдомства, долженъ быть значительно обезпеченъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всѣхъ, окончившихъ курсъ въ школъ, надо требовать обязательной службы офицерами въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Наконецъ, естественнымъ послѣдствіемъ учрежденія новыхъ военно-учебныхъ заведеній должно быть, по мнѣнію автора проекта, соотвѣтствующее измѣненіе учебнаго плана главнаго кадетскаго корпуса, причемъ прохожденіе перваго класса, съ годичнымъ или двухлѣтнимъ курсомъ, слѣдуетъ сдѣлать обязательнымъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, прохожденіе младшаго перваго и старшаго перваго классовъ кадетскаго корпуса предоставлено доброй волѣ воспитанниковъ.

Требованія коренныхъ реформъ предъявляются не только по отношенію къ общей учебной подготовкѣ германскихъ офицеровъ, но и относительно специальной. Недавно мѣстная военная печать обратила серьезное вниманіе на брошюру капитана Тюммеля, въ которой указано на недостаточность военно-научной подготовки молодыхъ германскихъ офицеровъ, выпускаемыхъ изъ военныхъ училищъ, и предлагаются мѣры, способныя восполнить пробѣлы въ научныхъ знаніяхъ офицеровъ. Утвержденіе автора, что девяти-мѣсячное пребываніе подпрапорщиковъ въ военныхъ училищахъ не въ состояніи дать имъ требуемую военную подготовку, признается справедливымъ и критиками, разбиравшими его брошюру. Всѣ согласны, что въ это время можетъ быть положенъ только фундаментъ того знанія, которое офицеръ въ послѣдствіи долженъ возвести самостоятельнымъ трудомъ. Фундаментъ этотъ, по мнѣнію автора, недостаточно проченъ, чтобы вынести тяжесть заданія, другими словами, что курсъ военныхъ училищъ не даетъ офицеру тѣхъ основъ знанія, которыя могли бы быть развиты самостоятельно. Это послѣднее утвержденіе хотя и встрѣтило возраженія, но не убѣдительныя, такъ что необходимость реформы въ дѣлѣ спеціального образованія младшихъ германскихъ офицеровъ можно считать достаточно обоснованной. Проектъ капитана Тюммеля сводится къ тому, чтобы ввести дальнѣйшее обязательное для всѣхъ офицеровъ прохожденіе курса новыхъ военно-учебныхъ заведеній, названныхъ имъ «военными академіями». Названію этому, заимствованному, повидимому, у австрійцевъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ, по

принятой у насъ терминологіи, названіе «высшихъ военныхъ училищъ». Всѣ офицеры, прослужившіе четыре года, должны поступать въ новыя училища и пройти тамъ двухлѣтній курсъ. Обученіе въ высшихъ военныхъ училищахъ авторъ проектировалъ теоретическое и практическое, причѣмъ послѣдней цѣли должно служить прикомандированіе офицеровъ къ войскамъ другихъ родовъ оружія. Училища, по мнѣнію автора, слѣдуетъ учреждать въ университетскихъ городахъ, что дастъ возможность офицерамъ пополнить и общія научныя познанія. Наконецъ, въ то время, когда офицеры постоянной службы возвратятся въ войска для участія въ осеннихъ маневрахъ, высшія училища будутъ служить для дальнѣйшей подготовки офицеровъ запаса.

Современная дѣятельность высшаго германскаго военнаго управленія не даетъ никакихъ указаній на то, что изложенные проекты или какіе-либо другіе того же характера получаютъ фактическое примѣненіе. Не говоря уже о расходахъ, вызываемыхъ выполненіемъ предлагаемыхъ мѣръ, само дѣло представляется далеко не простымъ, какъ его изображаютъ авторы проектовъ. При всемъ томъ, не подлежитъ сомнѣнію, что сознаніе недостаточности нынѣшней подготовки германскихъ офицеровъ, какъ общей, такъ и специальной, получаетъ въ арміи все большее распространеніе. Требования отъ офицеровъ, безспорно, растутъ быстрѣе, чѣмъ средства для ихъ выполненія. Имѣя въ виду это обстоятельство, а равно ту чуткость, съ которой германское высшее управленіе слѣдитъ за развитіемъ знаній, ума и характера въ корпусѣ офицеровъ, надо думать, что военно-учебная реформа назрѣваетъ въ Германіи съ меньшей быстротой, чѣмъ реформа всего учебнаго дѣла, иниціаторомъ которой является самъ императоръ.

Устройство корпуса офицеровъ *австро-венгерской арміи* далеко не имѣетъ, какъ извѣстно, той сравнительной законченности, которой удалось достигнуть въ Германіи. Поэтому, въ имперіи Габсбурговъ рѣдкій годъ не приноситъ новыхъ мѣръ по разсматриваемому предмету. Въ «Normal-Verordnungsblatt» отъ 21-го декабря 1900 г. напечатаны новыя «органическія постановленія» объ австро-венгерскихъ «военно-воспитательныхъ и воспитательныхъ учебныхъ заведеніяхъ», имѣющія, на этотъ разъ, особо важное значеніе. Названныя постановленія предназначены для обѣихъ группъ военно-учебныхъ заведеній монархіи, т. е. для военно-реальныхъ школъ, военныхъ училищъ и офицерскаго сиротскаго института, такъ и для юнкерскихъ училищъ. До сихъ поръ устройство каждой изъ этихъ группъ военно-учебныхъ заведеній опредѣлялось отдѣльными положеніями. Изданіе общаго положенія вызвано тою же руководящею идеею, которая уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ направляетъ дѣятельность военнаго министерства въ области подготовки необходимаго укомплектованія офицерскому составу. Усилія центральнаго военнаго управленія направлены, прежде всего, къ тому, чтобы поставить воспитанниковъ юнкерскихъ училищъ въ научномъ отношеніи приблизительно на ту же ступень, на которой находятся воспи-

танники военных училищъ. Достигнуть въ этомъ отношеніи полнаго тождества и образовать такой корпусъ офицеровъ, всѣ члены котораго удовлетворяли бы одинаковымъ требованіямъ общей и спеціальной научной подготовки, возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ коренное преобразование военных училищъ, такъ какъ обратный путь, т. е. превращеніе всѣхъ юнкерскихъ училищъ въ военные, практически закрыть по разнообразнымъ причинамъ, независящимъ отъ военного вѣдомства. Между тѣмъ, пока военные училища сохраняютъ свое нынѣшнее устройство, выпускаемые ими офицеры будутъ обладать болѣе обширными знаніями, чѣмъ ихъ товарищи, воспитывавшіеся въ юнкерскихъ училищахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ будетъ не доставать основательной солдатской подготовки, усвоенной этими послѣдними. Воспитанники юнкерскихъ училищъ, по окончаніи курса, поступаютъ въ войска унтеръ-офицерами и здѣсь узнаютъ быть нижнихъ чиновъ и всѣ подробности ихъ службы; напротивъ, юнкера военныхъ училищъ, по окончаніи курса, немедленно производятся въ офицеры и вслѣдъ затѣмъ начинаютъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности, зная ихъ только теоретически. Первымъ шагомъ въ дѣлѣ сближенія военныхъ и юнкерскихъ училищъ явилось измѣненіе условій приѣма въ эти послѣднія. До этого времени въ юнкерскія училища принимались не только молодые люди гражданскаго званія, но и нижніе чины. Приѣмъ этихъ послѣднихъ былъ прекращенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, юнкерскія училища, считавшіеся войсковыми школами, въ числѣ разныхъ другихъ школъ этой категоріи, были причислены къ военнымъ учебнымъ заведеніямъ, подчиняющимся особому генераль-инспектору, и образовали вторую группу названныхъ заведеній. Устройство и учебный планъ обѣихъ группъ были существенно различны. Съ теченіемъ времени, однако, и эта разница постепенно сглаживалась. Для старшей военно-реальной школы, откуда получали укомплектованіе военные училища, и для первыхъ трехъ классовъ пѣхотныхъ и кавалерійскаго юнкерскихъ училищъ былъ принятъ одинаковый учебный планъ, а теперь обѣ группы получили общія «органическія постановленія», въ которыя вошли всѣ измѣненія, произведенныя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ устройствѣ юнкерскихъ училищъ.

Согласно положенія 21-го декабря 1900 г., австро-венгерскія военно-учебныя и воспитательныя заведенія образуютъ: два военныхъ училища, пѣхотно-кавалерійское и артилерійско-инженерное; одну старшую и пять младшихъ военно-реальныхъ школъ; военно-сиротскій институтъ; 16 пѣхотныхъ, кавалерійское, артилерійское и піонерное юнкерскія училища. Военныя училища, давая своимъ воспитанникамъ военные или военно-техническія знанія, позволяютъ имъ, пройдя черезъ военную академію или высшіе инженерныя курсы, подготовиться къ службѣ въ генеральномъ штабѣ или въ инженерномъ штабѣ, или по особымъ назначеніямъ въ артилеріи. Первое изъ названныхъ училищъ выпускаетъ офицеровъ въ пѣхоту и кавалерію, а второе—въ артилерію, піонерныя войска, желѣзнодорожный

и телеграфный полкъ. Военно-реальные школы готовят будущих слушателей военных училищ. Обѣ названныя категоріи военно-учебныхъ заведеній предназначаются, ближайшимъ образомъ, для сыновей тѣхъ изъ заслуженныхъ лицъ, которыя принадлежать или принадлежали до ихъ смерти къ составу вооруженныхъ силъ австро-венгерской монархіи. Казенныя и полуказенныя ваканціи замѣщаются прежде всего этими молодыми людьми, а затѣмъ уже на эти ваканціи могутъ быть приняты сыновья другихъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Кромѣ того, существуетъ известное число стипендій, и, наконецъ, въ военные училища и въ военно-реальные школы принимаются воспитанники также и на свой счетъ. Тотъ, кому не удастся перейти изъ младшей военно-реальной школы въ старшую или изъ старшей въ военное училище, можетъ попытаться достигнуть офицерскаго званія инымъ путемъ, именно, поступивъ въ одно изъ юнкерскихъ училищъ. Пренія препятствія для такихъ переводовъ въ настоящее время устранены, такъ какъ учебные планы названныхъ заведеній согласованы между собой. Не существуетъ, равнымъ образомъ, никакихъ затрудненій и для перехода въ военно-учебныя заведенія изъ гражданскихъ заведеній, потому что и ихъ учебные планы находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Назначеніе юнкерскихъ училищъ состоитъ въ томъ, чтобы давать ихъ воспитанникамъ вмѣстѣ съ необходимымъ общимъ образованіемъ также и тѣ теоретическія свѣдѣнія, которыя нужны имъ для исполненія офицерской службы и для дальнѣйшаго самообразованія; рядомъ съ этимъ юнкерскія училища практически готовятъ своихъ воспитанниковъ къ службѣ въ войскахъ на должности младшаго офицера. За обученіе въ юнкерскихъ училищахъ вносится плата, размѣръ которой измѣняется въ зависимости отъ тѣхъ правъ, которыми пользуются родители воспитанниковъ въ этомъ отношеніи; сыновья офицеровъ и т. д. уплачиваютъ въ настоящее время 24 кроны; затѣмъ тарифъ платы повышается до 240 кронъ, составляющихъ годовой взносъ за тѣхъ воспитанниковъ, родители которыхъ не пользуются никакими служебными преимуществами.

Военно-сиротскій институтъ въ Гиртенбергѣ принадлежитъ къ числу новыхъ военно-учебныхъ заведеній Австро-Венгрии. Онъ предназначенъ спеціально для воспитанія осиротѣвшихъ сыновей офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ имперской арміи, флота и обоихъ ландверовъ. На свободныя мѣста принимаются также и сыновья унтеръ-офицеровъ. Нормальный вступительный возрастъ—шесть лѣтъ, но въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ для круглыхъ сиротъ возрастъ этотъ понижается до трехъ лѣтъ. Институтъ находится въ непосредственномъ вѣдѣніи военнаго министерства и инспектируется генералъ-инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній на общемъ основаніи. Въ военно-сиротскомъ институтѣ четыре класса; кромѣ того вновь поступающіе воспитанники образуютъ дѣтскій садъ. Учебная программа обнимаетъ слѣдующіе предметы: законъ Божій, нѣмецкій языкъ, венгерскій языкъ для венгровъ, чистописаніе, четыре правила ариѳметики,

географія и исторія, преимущественно, Австро-Венгріи, естественная исторія, рисованіе и геометрическое черченіе, гимнастика, пѣніе, плаваніе и ремесленные работы. Въ дѣтскомъ саду обученіе не имѣетъ школьнаго характера. Институтъ готовить для поступленія въ низшія военно-реальные школы, но его воспитанники могутъ поступать также и въ гражданскія учебныя заведенія. Относительно внутренняго быта и въ хозяйственномъ отношеніи институтъ устроенъ по образцу другихъ военно-учебныхъ заведеній Австро-Венгріи. Воспитанники института содержатся или на казенный счетъ, или на частныя стипендіи, учреждаемыя для этой цѣли. Условія для поступленія въ институтъ тѣ же, что и въ другія военно-учебныя заведенія. По окончаніи курса въ институтѣ воспитанники, по общему правилу, переводятся въ низшія военно-реальные школы. Воспитанники увольняются изъ института: а) по просьбѣ лицъ, помѣстившихъ ихъ въ институтъ; б) по хроническимъ, неизлечимымъ болѣзнямъ, и в) за дурное поведеніе. Личный составъ института образуютъ: начальникъ института, учебный персоналъ, врачъ, административный персоналъ и прислуга, мужская и женская. Воспитанниковъ полагается: 20 въ дѣтскомъ саду и 100 въ четырехъ классахъ. Учебный годъ въ институтѣ начинается 1-го сентября и оканчивается 30-го іюня слѣдующаго года; въ іюль и августъ занятій не производится.

Общій курсъ въ военныхъ училищахъ продолжается три года; штатный составъ воспитанниковъ измѣняется въ зависимости отъ надобности и составляетъ въ настоящее время въ пѣхотно-кавалерійскомъ училищѣ 450 чел., а въ артилерійско-инженерномъ—230 челов. Въ старшей военно-реальной школѣ, равнымъ образомъ, три класса; штатный составъ воспитанниковъ—450 челов.; въ младшихъ военно-реальныхъ школахъ по четыре класса, а общее число воспитанниковъ опредѣлено въ 860 челов. Такимъ образомъ, какъ это, обыкновенно, и бываетъ, воспитанникъ, поступившій въ низшій классъ младшей военно-реальной школы и вышедшій изъ старшаго класса военнаго училища, проводитъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ 10 лѣтъ. Выпускъ воспитанниковъ, а равно переводъ изъ одного класса въ другой, производится въ день рожденія императора; 18-го августа нов. стilia. Воспитанники военныхъ училищъ, оказавшіе хорошіе успѣхи, выпускаются подпоручиками, а оказавшіе удовлетворительные успѣхи, что, обыкновенно, составляетъ исключеніе, подпрапорщиками. Воспитанники юнкерскихъ училищъ, въ первомъ случаѣ, выпускаются подпрапорщиками, а во второмъ—юнкерами въ званіи капральнаго унтеръ-офицера.

Въ юнкерскихъ училищахъ четыре класса; общій штатный составъ пѣхотныхъ училищъ опредѣленъ въ 2,700 воспитанниковъ, кавалерійскаго въ 200 воспитанниковъ, артилерійскаго въ 350 и піонернаго въ 160 воспитанниковъ. Юнкерскія училища, какъ и военно-реальные школы, должны давать своимъ слушателямъ то же общее образованіе, которое получаютъ воспитанники гражданскихъ реальныхъ школъ. Пѣхотныя и кавалерійское

юнкерскія училища достигаютъ этой цѣли въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ пребыванія въ нихъ воспитанниковъ, а въ артилерійскомъ и піонерномъ училищахъ на это назначено только два года, вслѣдствіе чего къ поступающимъ въ эти послѣднія училища предъявляются болѣе высокія требованія. Остальные годы пребыванія въ училищахъ посвящаются специально-военному образованію и практической подготовкѣ къ военной службѣ.

Учительскій персоналъ военно-учебныхъ заведеній состоитъ изъ офицеровъ, духовенства, аудиторомъ, военныхъ врачей и войсковыхъ дѣлопроизводителей; кромѣ того, положены учителя фехтованія и ветеринары. Отъ офицеровъ, желающихъ преподавать общіе научные предметы, требуется сдача экзамена на учителя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; преподавателями языковъ и географіи принимаются также офицеры, представившіе установленныя доказательства своихъ познаній по этимъ предметамъ; окончаніе курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ военныхъ, такъ и общихъ, равнымъ образомъ, даетъ право на преподаваніе въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ и въ военно-реальныхъ школахъ; наконецъ, преподавательскія должности въ названныхъ заведеніяхъ замѣщаются кандидатами на эти должности. Преподавателями военныхъ предметовъ избираются, преимущественно, офицеры, окончившіе военную академію или прошедшіе высшіе артилерійскіе и инженерные курсы, а учителями гимнастики и фехтованія — лица, бывшіе въ соотвѣтствующемъ учебномъ заведеніи и офицеры, специально занимавшіеся этимъ дѣломъ въ войскахъ. Учителя изъ военныхъ руководятъ и практическими, и строевыми занятіями. Для преподаванія закона Божія, законовѣднія и гигиены избираются учителя духовнаго и гражданскаго званія. Служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ даетъ нѣкоторыя права и преимущества. Высшее руководство надъ военно-учебными заведеніями принадлежитъ военному министерству, которому непосредственно подчиняется генераль-инспекторъ названныхъ заведеній.

При производствѣ въ офицеры воспитанниковъ военныхъ училищъ имъ дается годъ старшинства; при всемъ томъ случается, что переведенные въ юнкерскія училища за неуспѣхи въ наукахъ воспитанники военно-реальныхъ школъ получаютъ офицерскій чинъ на 4—10 мѣсяцевъ ранѣе, чѣмъ ихъ прилежные товарищи, что въ значительной степени сокращаетъ преимущества военныхъ училищъ и ставитъ обѣ категоріи названныхъ военно-учебныхъ заведеній, приблизительно, въ одинаковое положеніе. Не смотря, однако, на это обстоятельство, число желающихъ поступить въ юнкерскія училища уменьшается изъ года въ годъ. Подъ давленіемъ этого факта, военное министерство допустило съ 1901—1902 учебнаго года пріемъ въ юнкерскія училища воспитанниковъ гражданскихъ школъ и значительно понизило требованія по нѣмецкому языку. Некомплектъ въ юнкерскихъ училищахъ доходитъ до 20% и даже до 25%. Тоже явленіе наблюдается и въ военныхъ училищахъ; въ истекшемъ учебномъ году въ пѣхотно-кава-

лерійскомъ военномъ училищѣ вмѣсто 450 воспитанниковъ, положенныхъ по штату, было только 288, а въ артилерійско-инженерномъ вмѣсто 250 воспитанниковъ—177. Главная причина этого неблагоприятнаго обстоятельства заключается въ томъ, что заботы объ устройствѣ ландверовъ вызвали появленіе многочисленныхъ подготовительныхъ офицерскихъ школъ для укомплектованія гонведа, и значительное расширеніе юнкерскихъ училищъ, доставляющихъ укомплектованіе австрійскому ландверу. Контингентъ офицеровъ ландвера значительно возросъ въ ущербъ контингенту офицеровъ обще-имперской арміи. Служба въ ландверахъ хотя и стала не менѣе тяжела, чѣмъ въ войскахъ обще-имперской арміи, но за то ландвернымъ офицерамъ обеспечено болѣе быстрое служебное движеніе, имъ назначены болѣе высокіе оклады нѣкоторыхъ видовъ денежнаго довольствія, выдаются во многихъ случаяхъ особыя вознагражденія, отпускаются пособія, ничѣмъ не ограничивается свобода вступленія въ бракъ и т. д. Все это привлекаетъ въ корпусъ офицеровъ ландвера молодежь, избирающую военную професію. Далѣе, существенное значеніе имѣетъ также и то обстоятельство, что офицерское званіе достигается гораздо быстрѣе, легче и проще поступленіемъ на службу однолѣтнимъ вольноопредѣляющимся и поэтому большинство сыновей лицъ гражданскаго званія предпочитаютъ избирать названный путь. Наконецъ, образованію некомплекта воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ значительной степени содѣйствуютъ и общія причины, вліяющія на необезпеченность укомплектованія корпуса офицеровъ въ Австро-Венгріи, именно: второстепенное, по сравненію съ чиновниками гражданскихъ вѣдомствъ, положеніе офицеровъ какъ въ социальномъ отношеніи вообще, такъ и въ матеріальномъ въ частности; недостаточность пенсій при отставкѣ, и въ особенности необезпеченность вдовъ и сиротъ офицеровъ; неудовлетворительныя условія чиновпроизводства и разныя другія причины социальнаго и политическаго характера. Въ числѣ причинъ, затрудняющихъ укомплектованіе австро-венгерскаго корпуса офицеровъ, были указаны выше и неудовлетворительныя условія чиновпроизводства. Новѣйшія официальныя данныя по этому предмету показываютъ, что медленность чиновпроизводства ведетъ также и къ устаренію корпуса офицеровъ. Въ послѣднее время число производствъ за отличіе составляло отъ 16% до 44% общаго числа произведенныхъ, измѣняясь въ этихъ предѣлахъ по родамъ оружія и по чинамъ. Больше всего производится за отличіе ротмистровъ кавалеріи, а менѣе всего поручиковъ артилеріи. При производствѣ на ваканціи по старшинству въ генералъ-маіоры попадаютъ полковники, имѣющіе до 40 лѣтъ службы въ офицерскомъ званіи. Подполковники генеральнаго штаба получаютъ чинъ полковника на 20-мъ и 21-мъ году службы, подполковники пѣхоты—на 26-мъ и 27-мъ году службы, кавалеріи—на 21-мъ году, а въ артилеріи даже на 30-мъ году службы. При нынѣшнихъ условіяхъ производства на ваканціи офицеры обще-имперской арміи остаются въ чинѣ подпоручика, въ среднемъ, 4½ года во всѣхъ родахъ оружія, а въ ландверѣ

только три года. Поручиками служить до производства въ капитаны или ротмистры 2-го класса въ пѣхотѣ около восьми лѣтъ, въ кавалеріи— $7\frac{1}{2}$ лѣтъ, въ артилеріи— $8\frac{1}{2}$ лѣтъ, а въ ландверахъ—отъ 6-ти до $6\frac{1}{2}$ лѣтъ. Въ капитаны или ротмистры 1-го класса производятся въ обще-имперской арміи капитаны или ротмистры 2-го класса, прослужившіе въ этомъ послѣднемъ чинѣ три года, между тѣмъ какъ въ ландверахъ достаточно прослужить для этого 2 или $2\frac{1}{2}$ года. До производства въ майоры, капитаны или ротмистры 1-го класса служатъ въ этомъ чинѣ: въ генеральномъ штабѣ—семь лѣтъ, въ пѣхотѣ или кавалеріи— $11\frac{1}{4}$ лѣтъ, въ крѣпостной артилеріи и обозныхъ войскахъ— $11\frac{1}{2}$ лѣтъ, въ полевой артилеріи даже $12\frac{1}{2}$ лѣтъ, а въ ландверахъ 10 и $10\frac{1}{2}$ лѣтъ. Майоры остаются въ этомъ чинѣ до производства въ подполковники три года въ обозныхъ войскахъ, $3\frac{1}{2}$ года въ генеральномъ штабѣ, кавалеріи и крѣпостной артилеріи, пять лѣтъ въ полевой артилеріи и шесть лѣтъ въ пѣхотѣ; въ ландверныхъ же войскахъ $3\frac{1}{2}$ —4 года. Наконецъ, для производства въ полковники нужно прослужить въ чинѣ подполковника: въ обозныхъ войскахъ— $2\frac{1}{2}$ года, въ кавалеріи и полевой артилеріи—три года, въ генеральномъ штабѣ, пѣхотѣ и крѣпостной артилеріи— $3\frac{1}{2}$ года, а въ ландверныхъ войскахъ—отъ двухъ до трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ австро-венгерской арміи подпоручикъ при производствѣ исключительно на ваканціи, долженъ прослужить для полученія чина капитана или ротмистра 2-го класса въ полевой и крѣпостной артилеріи 13 лѣтъ, въ пѣхотѣ— $12\frac{1}{2}$ лѣтъ, въ кавалеріи и обозныхъ войскахъ—12 лѣтъ, а въ ландверныхъ войскахъ—отъ девяти до $9\frac{1}{2}$ лѣтъ. Затѣмъ ротмистры и капитаны 2-го класса служатъ до чина полковника: въ пѣхотѣ— $20\frac{1}{4}$ лѣтъ, въ полевой артилеріи— $20\frac{1}{2}$ лѣтъ, въ крѣпостной артилеріи— $18\frac{1}{2}$ лѣтъ, въ кавалеріи— $17\frac{3}{4}$ лѣтъ, въ ландверной пѣхотѣ и обозныхъ войскахъ—17 лѣтъ, въ ландверной кавалеріи—16 лѣтъ и въ генеральномъ штабѣ—14 лѣтъ. Со дня производства въ подпоручики нужно прослужить до полковничьяго чина: $33\frac{1}{2}$ года въ полевой арміи, $33\frac{1}{4}$ года въ пѣхотѣ, $31\frac{1}{2}$ годъ въ крѣпостной артилеріи, $29\frac{3}{4}$ года въ кавалеріи, 29 лѣтъ въ обозныхъ войскахъ, и 25— $26\frac{1}{2}$ лѣтъ въ ландверной пѣхотѣ и кавалеріи. Поступая въ войска этихъ послѣднихъ категорій, офицеры достигаютъ полковничьяго чина, слѣдовательно, значительно скорѣе своихъ товарищей обще-имперской арміи, именно выигрываютъ отъ 2-хъ до $6\frac{1}{2}$ лѣтъ. Въ общемъ же приведенныя данныя показываютъ насколько велика устарѣлость корпуса офицеровъ австро-венгерской арміи.

Чтобы закончить изложеніе новыхъ мѣропріятій по устройству корпуса офицеровъ австро-венгерской арміи остается сказать о новыхъ правилахъ относительно чинопроизводства офицеровъ австрійскаго ландвера. Правила эти проникнуты тѣми же общими началами, на которыхъ основано чинопроизводство офицеровъ обще-имперской арміи. Въ подпоручики ландвера производятся воспитанники пѣхотно-кавалерійскаго училища и юнкера юнкерскихъ училищъ, причемъ отъ послѣднихъ требуется, по крайней

мѣръ, годичная дѣйствительная служба, въ теченіе которой опредѣляется ихъ годность, какъ въ строевомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Капитаны и ротмистры, для производства въ маіоры, должны удовлетворить тѣмъ же требованіямъ, которые предъявляются въ подлежащихъ случаяхъ къ офицерамъ обще-имперской арміи, именно: атестація непосредственнаго начальства, практически доказанная способность къ службѣ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, и обладаніе извѣстными теоретическими свѣдѣніями, принимаемое установленнымъ порядкомъ. Производству въ подполковники должны удостаиваться только тѣ изъ маіоровъ, которые съ полнымъ успѣхомъ исполняли службу на штабъ-офицерскихъ должностяхъ и атестованы годными къ занятію впослѣдствіи должности полкового командира. При производствѣ въ полковники принимаются во вниманіе, главнымъ образомъ, особенности характера, способность къ командованію полкомъ, умѣнье все-сторонне подготовить его къ боевой дѣятельности. Въ генераль-маіоры могутъ быть произведены полковники, командовавшие не менѣе двухъ лѣтъ баталіономъ, дивизиономъ или полкомъ и безспорно доказавшіе способность къ командованію высшими тактическими единицами. Производство въ старшіе генеральскіе чины происходитъ исключительно за отличіе и не зависитъ нисколько отъ старшинства.

Изложенныя свѣдѣнія показываютъ, что непрекращающееся развитіе военнаго устройства продолжаетъ все болѣе усложнять разрѣшеніе офицерскаго вопроса и для успѣшной борьбы съ постоянно возникающими затрудненіями требуются отъ государствъ все новыя жертвы. Между тѣмъ, достоинство арміи зиждется въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, на достоинствѣ корпуса офицеровъ.

В. Негавѣцкій.

Если вооруженныя силы уничтожены, то потеря территоріи является сама собой; однако завоеваніе страны не влечетъ за собой уничтоженія вооруженныхъ силъ, такъ какъ послѣднія могли очистить территорію добровольно, съ тѣмъ, чтобы потомъ отвоевать ее еще легче.

Съ другой стороны, не только общее уничтоженіе вооруженныхъ силъ влечетъ за собой потерю территоріи, но и каждое ихъ значительное ослабленіе сопровождается неминуемо потерей части края; но не всякая хотя значительная потеря территоріи ведетъ неминуемо и къ большому ослабленію вооруженныхъ силъ; такое ослабленіе можетъ, конечно, проявиться, но только впоследствии, и не всегда въ тотъ еще періодъ, въ который рѣшается судьба войны.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сохраненіе своихъ и уничтоженіе непріятельскихъ вооруженныхъ силъ есть самое главное и должно предшествовать занятію территоріи; иными словами, что полководецъ долженъ прежде всего стремиться къ уничтоженію вооруженныхъ силъ непріятеля; занятіе же территоріи выдвигается впередъ только тамъ, гдѣ *первое не вполне ее замѣняетъ* ¹⁾.

Если бы непріятельская вооруженная сила состояла изъ *одной* арміи, а вся война сводилась къ *одному* сраженію, то обладаніе краемъ зависело бы отъ исхода этого сраженія. Оно имѣло бы послѣдствіемъ уничтоженіе боевыхъ силъ непріятеля, завоеваніе его территоріи и обезпеченіе своей собственной; все это, такъ сказать, было бы его нераздѣльной принадлежностью.

Спрашивается теперь, что именно можетъ побудить обороняющагося уклониться отъ этой простѣйшей формы войны и съ тѣмъ, чтобы раздѣлить свои силы (могущество, Macht) въ пространствѣ? Отвѣтъ тотъ, что побѣда, которую онъ могъ бы одержать соединенными силами, будетъ недостаточной. Всякая побѣда имѣетъ свою сферу вліянія (Wirkungskreis). Если сфера эта распространяется на все непріятельское государство, на всѣ его силы и всю территорію, т. е. если все то, что составляетъ ядро его могущества, будетъ охвачено общимъ потокомъ нашихъ побѣдъ, то больше не нужно и для раздѣленія силъ не нашлось бы достаточныхъ причинъ. Но если есть такія части непріятельскихъ вооруженныхъ силъ или части обоюдной территоріи, на которыя бы побѣда наша

¹⁾ Вѣроятно авторъ подразумѣваетъ случаи, когда уничтоженіе боевыхъ силъ противника, все-таки, не можетъ повлечь за собой занятіе нами известной нужной намъ части его территоріи.

не повліяла, то придется принять ихъ въ расчетъ особо, а такъ какъ невозможно собрать въ одинъ пунктъ всю територію на подобіе вооруженныхъ силъ, то придется для обороны територіи раздѣлить боевыя силы.

Полное сосредоточеніе вооруженныхъ силъ возможно только для государства малаго и округленнаго; тогда вѣроятно, что побѣда *надъ ними* рѣшитъ все дѣло. Но такое сосредоточеніе непріятельскихъ силъ немыслимо, когда масса пространства обширна и прикасается нашихъ границъ длинными рубежами: еще менѣе вѣроятно оно и практически просто невозможно, когда имѣемъ противъ себя союзъ государствъ, прикасающихся къ намъ съ разныхъ сторонъ. Тутъ раздѣленіе силъ неизбѣжно, а вмѣстѣ съ тѣмъ являются и различные театры войны.

Сфера вліянія побѣды зависитъ естественно отъ ея *размѣри*, величины (Grösse), а послѣдній отъ *массы побѣжденныхъ войскъ*. Итакъ, самымъ дѣйствительнымъ и далеко вліяющимъ будетъ *тотъ удачный ударъ*, который направленъ туда, гдѣ собрана самая большая масса непріятельскихъ силъ. Съ другой стороны, успѣхъ нашъ тѣмъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ значительнѣе масса нашихъ силъ, коими наносимъ ударъ непріятельской главной массѣ. Этотъ естественный рядъ умственныхъ представленій (Vorstellungreihe) приводитъ насъ къ образному выраженію, ясиѣе мысль нашу представляющему — это свойства и воздѣйствіе центра тяжести въ механикѣ.

На войнѣ какъ и въ механикѣ центръ тяжести тамъ, гдѣ масса самая сгущенная; точно также и усиліе, направленное на механическій центръ тяжести, окажетъ дѣйствіе самое большее и, наоборотъ, самый сильный ударъ наносится центромъ тяжести силы.

Вооруженныя силы воюющей стороны, одного ли государства или союза единичныхъ государствъ, въ извѣстной степени объединены и этимъ связаны между собой, слѣдовательно, тамъ, гдѣ связь, является нѣчто аналогичное центру тяжести.

Итакъ, вооруженныя силы имѣютъ свои центры тяжести, которыхъ движеніе и направленіе рѣшаетъ участь и на другихъ пунктахъ; а эти центры тяжести находятся тамъ именно, гдѣ собрано большинство силъ. Но и на войнѣ, точно также какъ и въ механикѣ мертвыхъ тѣлъ, дѣйствіе на центръ тяжести имѣетъ свой предѣлъ и мѣру, въ зависимости отъ силы сцѣпленія частицъ тѣла. Такимъ образомъ и на войнѣ ударъ можетъ быть несоразмѣрно

больше силы сопротивленія; послѣдствіемъ этой расточительности является ударъ на воздухъ.

Весьма неодинакова внутренняя связь съ одной стороны арміи одного знамени, стремящейся въ бой подъ началомъ *единого* полководца, а съ другой — *силъ союзныхъ* — раскинутыхъ на 50 или 100 миль, или пожалуй базирующихся въ разныя стороны. Тамъ связь будетъ самая сильная, единство самое близкое, тутъ же единство весьма слабое, оно иногда кроется лишь въ общей политической цѣли, да и то ограничено (скудно, dürftig) и несовершенно. За сѣмъ связь частей зачастую весьма слаба и даже просто призрачна.

Итакъ, если съ одной стороны ради силы удара требуется самое большое сосредоточеніе массы, то съ другой — всякое излишнее увлеченіе этимъ поведетъ лишь къ настоящему вреду. Можетъ приключиться именно расточительность въ примѣненіи силъ въ одномъ пунктѣ, а засимъ *недостача* ихъ въ другихъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что высшимъ произведеніемъ стратегическаго рѣшенія (Urtheil) будетъ: различить центры тяжести непріятельскихъ военныхъ силъ и опредѣлить ихъ сферы дѣйствія. Всякій разъ слѣдуетъ спрашивать себя: какое вліяніе окажетъ наступленіе или отступленіе одной изъ частей противныхъ сторонъ на остальные.

Указанное нами отнюдь не считаемъ своимъ изобрѣтеніемъ. Мы для разъясненія способовъ дѣйствій всѣхъ временъ и полководцевъ, нашли выраженіе (Vorstellung), опредѣляющее связь ихъ съ природою вещей (дѣлъ, Dinge).

Въ послѣдней главѣ разсмотримъ, какъ идея центра тяжести непріятельскихъ силъ проявляется во всемъ планѣ войны; пока же, мы позаимствовали ее оттуда во избѣжаніе пробѣла въ вереницѣ представленій (пониманія, Vorstellungsreihe). Мы узнали, чѣмъ именно обусловливается распредѣленіе боевыхъ силъ вообще. На него вліяютъ два противоположныя стремленія. Одно изъ нихъ желаніе *завладѣть краемъ*, требуетъ раздѣленія силъ; другое, *ударъ въ центръ тяжести непріятельскихъ силъ*, напротивъ того, въ мѣрѣ возможности, стремится собрать ихъ во едино.

Такимъ образомъ, являются театры войны или раіоны отдѣльныхъ армій. Это такія подраздѣленія (Abgränzungen) поверхности края и находящейся на ней боевой силы, которыя сами по себѣ образуютъ нѣчто единое, цѣльное, такъ что всякое рѣшеніе, данное главными силами на этой территоріи, непосредственно рас-

пространяетъ свое вліяніе на все ея цѣлое и увлекаетъ его съ собой. Мы сказали тутъ *непосредственно*, потому что рѣшеніе на одномъ театрѣ войны должно имѣть естественно болѣе или менѣе косвенное вліяніе и на сосѣдніе.

Настоятельно напоминаемъ еще разъ, что мы тутъ, какъ и вездѣ въ опредѣленіяхъ (дефиниціяхъ, Definitionen) нашихъ, намѣчаемъ только среднія точки (центры) извѣстныхъ областей представленій (Vorstellungsreihe), отнюдь не наравня очертивъ ихъ рѣзкими рубежами, что было бы противно природѣ дѣль.

Итакъ мы полагаемъ, что театръ войны какого бы ни было предѣла, любого крупнаго или мелкаго размѣра изображаетъ со своей боевой силой такую именно единицу, которую можно свести къ *одному* центру тяжести. Рѣшеніе должно быть разыграно въ этомъ именно центрѣ тяжести; побѣдить на немъ значить защитить театръ войны въ самомъ широкомъ смыслѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Продолженіе предыдущей главы.

Оборона, какъ уже сказано, состоитъ изъ двухъ различныхъ началъ (Elemente), а именно, *выжиданія* и *рѣшенія* (Entscheidung). Предметомъ настоящей главы будетъ связь между ними.

Прежде всего приходится высказать, что хотя выжидательное состояніе не есть совершенная (законченная, vollendete) оборона, но она есть та область, по которой оборона подвигается къ своей цѣли. Пока войска не оставили довѣренной себѣ части края, то все еще продолжается состояніе обоюднаго напряженія силъ, вызваннаго вторженіемъ. Покой же является лишь послѣдствіемъ рѣшенія. А это рѣшеніе, каково бы оно ни было, должно считать состоявшимся тогда только, когда одна изъ противныхъ сторонъ очиститъ театръ войны.

Итакъ, оборона продолжается, пока боевая сила держится въ своемъ участкѣ (Gebiet), и въ этомъ смыслѣ оборона театра войны тождественно сливается (identisch) съ обороной войскъ, *на немъ* дѣйствующихъ. Много-ли, мало-ли пространства успѣлъ захватить противникъ — не имѣетъ существеннаго значенія, потому что обладаніе его только временное.

Сказаннымъ выше желали мы установить истинное соотноше-

ніе выжидательнаго состоянія къ цѣлому (оборонительной войнѣ). Однако, этотъ способъ пониманія нашего (*Vorstellungsart*) вѣренъ тогда только, когда рѣшеніе дѣйствительно предвидится и обѣ стороны считаютъ его неизбѣжнымъ, потому что только рѣшеніе придаетъ центрамъ тяжести обоюдныхъ силъ, равно и театрамъ войны значеніе чего-то *дѣйствительнаго, вліятельнаго* (*wirksame Dinge*).

Напротивъ того, коль скоро нѣтъ помина о рѣшеніи, то центры тяжести нейтрализируются; мало того, въ извѣстной мѣрѣ, нейтрализируются и боевыя силы вообще; а засимъ въ видѣ непосредственной цѣли проталкивается впередъ обладаніе територією, этого втораго главнаго члена (*Hauptglied*) театра войны. Иными словами, чѣмъ менѣе обѣ стороны стремятся къ рѣшительнымъ столкновеніямъ, чѣмъ болѣе война приближается къ простому обоюдному наблюденію, тѣмъ важнѣе становится обладаніе краемъ. Тогда обороняющійся старается, по возможности, прикрывать все непосредственно, а наступающій, наоборотъ, распространится побольше.

Нельзя не признать, что большинство войнъ и походовъ характеромъ своимъ приближались гораздо болѣе къ простому наблюденію, нежели къ борьбѣ на жизнь и на смерть, т. е. къ такой войнѣ, въ которой по меньшей мѣрѣ одна сторона ищетъ рѣшенія. Только войны XIX столѣтія имѣли этотъ характеръ въ степени столь важной, что къ нимъ можно примѣнить теорію, изъ него исходящую¹⁾. Однако, едва-ли всѣ будущія войны сохранять тотъ же характеръ. Можно, напротивъ того, предположить, что большинство опять будетъ склоняться къ наблюденію; этого не должна упускать теорія, дѣйствительно пригодная для жизни.

Итакъ, прежде всего займемся случаемъ, когда все проникнуто мыслью о рѣшеніи и ею направляется. Это случай войны настоящей, такъ сказать, абсолютной. Въ другой главѣ займемся тѣми видоизмѣненіями, которыя являются послѣдствіемъ большаго или меньшаго приближенія войны къ состоянію наблюденія.

Итакъ, оборона театра войны въ первомъ случаѣ (когда сами ищемъ рѣшенія или ожидаемъ этого отъ непріятели, что въ сущности все равно) будетъ состоять въ томъ, что мы держимся въ немъ такъ, чтобы всякую минуту быть готовыми съ выгодой разыграть рѣшеніе. Самое рѣшеніе можетъ состояться въ одномъ сраженіи, или въ рядѣ нѣсколькихъ болѣе крупныхъ боевъ; оно, нако-

¹⁾ Авторъ подразумеваетъ войны Наполеоновскія.

нецъ, можетъ проявиться въ видѣ результата однихъ лишь взаимныхъ отношеній, то есть послѣдствій *возможныхъ* сраженій, вѣроятность коихъ основана на расположеніи и соотношеніи противныхъ боевыхъ силъ ¹⁾.

Неоднократно уже, по разнымъ случаямъ, было нами указано, что сраженіе есть главнѣйшее (*vornehmste*), самое дѣйствительное и обыденнѣйшее средство рѣшать дѣло. Но если бы сраженіе, не будучи главнѣйшимъ вообще, но только находилось въ числѣ средствъ рѣшающихъ, то одного этого было бы достаточно, чтобы потребовать *самаго полнѣйшаго соединенія силъ*, насколько это допускается обстоятельствами.

Генеральное сраженіе на театрѣ войны, это—столкновение центра тяжести одной стороны съ центромъ тяжести другой. Послѣдствія столкновения тѣмъ болѣе для насъ благоприятны, чѣмъ больше силъ успѣли мы собрать въ одну точку. На этомъ основаніи *достойно порицанія* всякое частное употребленіе силъ, если онѣ не направлены именно въ видахъ успѣшнаго исхода этого сраженія, или же не вызваны необходимостью достигнуть такой цѣли (*Zweck*), которая не можетъ быть достигнута и удачнымъ генеральнымъ сраженіемъ.

Однако, возможно бдльшее сосредоточеніе силъ еще недостаточно; требуется еще другое основное условіе, а именно, такое ихъ расположеніе и состояніе (*Stellung und Lage*), чтобы мы могли разыграть сраженіе при условіяхъ надлежаще выгодныхъ.

Съ этими основными условіями совершенно однородны (*homogen*) разныя степени обороны, съ коими мы познакомились въ главѣ о видахъ сопротивленія (*Widerstandsarten*), а потому не трудно приаровить эти условія къ требованіямъ всякаго даннаго случая. Однако, одинъ пунктъ на первый взглядъ какъ будто заключаетъ въ себѣ противорѣчіе; онъ, слѣдовательно, требуетъ дальнѣйшаго развитія въ особенности по той причинѣ, что онъ одинъ изъ главнѣйшихъ, касающихся обороны. Говоримъ объ ударѣ въ центр тяжести противника.

Если обороняющійся заблаговременно узнаетъ по какимъ

¹⁾ Авторъ подразумѣваетъ тутъ *возможныя*, хотя на дѣлѣ не разыгранныя сраженія, кои тѣмъ не менѣе оказали свое вліяніе, иногда, очень вѣское, такъ какъ сраженіе *не разыгралось* потому только, что одна изъ сторонъ, уклоняясь отъ столкновенія, подчинилась тѣмъ самымъ всемъ невыгодамъ, отъ этого уклоненія проистекающимъ. Невыгоды эти могутъ быть весьма различны, напри- мѣръ, потеря важныхъ пунктовъ или частей территоріи, отступленіе въ невыгодномъ направленіи и даже капитуляція.

именно путямъ противникъ будетъ наступать и на которомъ изъ нихъ можно навѣрное найти ядро его силъ, то онъ встрѣтитъ наступающаго на этой именно дорогѣ. Это будетъ случай самый обыденный, потому что, хотя мирная подготовка обороной военныхъ силъ и средствъ вообще (укрѣпленные пункты, склады) предшествуетъ наступленію и, конечно, служить послѣднему путеводной нитью, то оборона съ открытіемъ военныхъ дѣйствій пользуется, по отношенію непріятельскихъ вторгнувшихся силъ, той особой выгодой, что она за рукою (*in der Hinterhand*).

Вторженіе значительныхъ силъ въ непріятельскую землю требуетъ обширныхъ предварительныхъ мѣропріятій, каковы: сборъ продовольствія, запасовъ, предметовъ снаряженія и т. п., для чего нужно время, достаточное для того, чтобы дать обороняющемуся возможность примѣнить свои мѣропріятія. Не лишне добавить, что обороняющійся можетъ довольствоваться меньшимъ срокомъ, по той причинѣ, что вообще во всякомъ государствѣ все подготовлено болѣе для обороны, нежели для наступленія.

Но если сказанное вѣрно въ большинствѣ случаевъ, то все-таки возможно, что въ данномъ единичномъ случаѣ обороняющійся не увѣренъ, какую главную линію для своего вторженія изберетъ противникъ. Это невыгодно въ особенности тогда, когда оборона основана на мѣропріятіяхъ, требующихъ много времени, напримѣръ, подготовка крѣпкой позиціи и т. п. Далѣе даже тогда, когда обороняющійся дѣйствительно очутится на линіи наступленія противника, но не бросится послѣднему навстрѣчу, съ цѣлью разыграть бой наступательный, то вторгнувшійся можетъ миновать позицію, занятую обороняющимся. Для исполненія этого достаточно ему уклониться нѣсколько отъ начальнаго направленія. Дороги для этого въ культурной Европѣ всегда найдутся. А въ такомъ случаѣ обороняющійся, очевидно, не можетъ выжидать непріятеля, оставаясь на своей позиціи, но меньшей мѣрѣ, не съ намѣреніемъ дать тамъ сраженіе.

Приступая къ указанію средствъ, конми въ состояніи пользоваться обороняющійся въ данномъ случаѣ (когда онъ не увѣренъ куда именно направится вторгающійся), приходится до того еще поближе взглянуть какъ на самую природу (*Natur*) такого случая, такъ и на вѣроятность его появленія.

Естественно, что въ каждомъ государствѣ и на каждомъ театрѣ войны находятся пункты и предметы, атака коихъ можетъ повлечь за собой особо важныя послѣдствія. Считаемъ, впрочемъ, болѣе

умѣстнымъ поговорить объ этомъ точнѣе и обстоятельнѣе, разбирая атаку. Тутъ пока остановимся на томъ, что если самый выгодный предметъ или пунктъ указываетъ вторгающемуся направленіе для удара, то это же отражается и на обороняющемся и руководитъ имъ въ случаяхъ, когда ему о намѣреніяхъ противника ничего неизвѣстно.

Если бы вторгающійся не взялъ этого лучшаго для себя направленія, то онъ лишился бы части своихъ природныхъ (natürlichen) выгодъ. Итакъ, видимъ, что коль скоро обороняющійся расположенъ въ этомъ именно направленіи, то наступающіи не можетъ даромъ избѣжать его и обойти; потребуются жертвы.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что вѣроятность, чтобы обороняющійся не попалъ на направленіе противника, не такъ велика, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Точно также мало вѣроятности, чтобы наступающій имѣлъ возможность (Fähigkeit) пройти мимо обороняющагося. Для такого или иного направленія существуетъ опредѣленное въ большинствѣ весьма вѣское основаніе. Изъ чего слѣдуетъ, что обороняющійся въ большинствѣ случаевъ встрѣтитъ ядро противника своими, къ мѣсту привязанными средствами. Иными словами: *если обороняющійся сталъ правильно (richtig), то онъ въ большинствѣ случаевъ можетъ быть уверенъ, что противникъ пойдетъ на него.*

Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать возможности, что обороняющійся когда-либо и не встрѣтитъ наступающаго своими мѣропріятіями (Anstalten), а потому является вопросъ, что ему остается дѣлать и какія еще присущія ему выгоды останутся за нимъ.

Если спросимъ, что вообще можетъ предпринять обороняющійся для противодѣйствія наступающему въ указанныхъ случаяхъ, то окажется слѣдующее:

1) Съ мѣста (заранѣе, von Hause aus) раздѣлить свои силы съ тѣмъ, чтобы одной частью навѣрно встрѣтить противника, а съ другой послѣшить на помощь.

2) Собрать всѣ силы вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы быстро двинуться въ сторону и заступитъ дорогу противнику, если онъ будетъ проходить мимо. Въ большинствѣ случаевъ нельзя будетъ подойти на перерѣзъ прямо сбоку, но придется занять новое расположеніе нѣсколько позади.

3) Атаковать противника соединенными силами сбоку.

4) Дѣйствовать на его пути сообщенія.

б) Обратнымъ наступленіемъ на его театръ войны предпринять точно тоже самое, что онъ исполняетъ противъ насъ.

Приводимъ это послѣднее средство потому, что можно себѣ представить и такую обстановку, когда оно можетъ оказаться дѣйствительнымъ. Однако, такая мѣра противорѣчитъ намѣреніямъ обороны, т. е. противорѣчитъ тѣмъ причинамъ, по коимъ избранъ именно образъ дѣйствій оборонительный. А потому указанное средство приходится признать ненормальнымъ (Abnormität), оправданнымъ развѣ крупными промахами противника или другими особенностями даннаго случая.

Дѣйствіе на непріятельскую линію сообщенія предполагаетъ превосходство въ этомъ отношеніи нашей линіи. Впрочемъ, это послѣднее условіе есть коренное, безъ коего оборонительная позиція немислима. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что хотя дѣйствія на сообщенія противника сулятъ оборонѣ извѣстныя выгоды, однако, онѣ при одной лишь оборонѣ театра войны рѣдко только способны вызвать *рѣшеніе* (Entscheidung). А между тѣмъ это именно рѣшеніе, по нашему предположенію, и поставлено цѣлью кампаніи.

Размѣры (разстоянія) одиночнаго театра войны обыкновенно не такъ велики, а потому и линіи сообщеній не очень чувствительны, а если это послѣднее и допустить, то обыкновенно не хватитъ времени, необходимаго для нанесенія удара. Вообще дѣйствіе этого способа медленно и не можетъ остановить наступающаго.

Итакъ, воздѣйствіе на сообщенія противника, стремящагося къ рѣшенію (рѣшительному бою) будетъ въ большинствѣ случаевъ не дѣйствительно, а также и тогда—когда самъ обороняющійся настойчиво ищетъ сраженія.

Что касается остальныхъ трехъ средствъ (способовъ) обороняющагося, то они направлены въ сторону непосредственнаго рѣшенія, къ удару одного центра тяжести, направленнаго на другой, а потому и болѣе соотвѣтствуютъ цѣли (задачѣ, Aufgabe). Однако, не можемъ не высказать, что признаемъ за средствомъ, указаннымъ подъ номеромъ третьимъ (нападеніе на противника сбоку) ббльшія преимущества противъ приведенныхъ выше его, хотя и тѣхъ вполнѣ не отвергаемъ.

При раздѣльномъ расположеніи легко грозитъ опасность, что впускаемся въ войну постовъ (кордонную), которая противъ рѣшительнаго противника въ лучшемъ случаѣ приведетъ лишь къ *зна-*

чительному относительному (relativ) сопротивленію, но отнюдь не къ рѣшенію (рѣшительнымъ дѣйствіямъ), коими мы задались. Но если мы даже руководимые вѣрнымъ тактомъ счумѣемъ избѣжать указаннаго ложнаго направленія (ошибки, Abweg), то и тогда ударъ нашъ вслѣдствіе начальнаго раздѣльнаго расположенія будетъ замѣтно ослабленъ; притомъ никогда нельзя быть увѣреннымъ, не потерпѣтъ-ли первая наша выдвинутая впередъ часть силъ потерь несоразмѣрныхъ. Къ этому присоединяется еще и замѣтное ослабленіе силъ нравственныхъ, потому что обыкновенно дѣло разыгрывается такъ, что передовой части приходится отступать на подоспѣвающія главные силы. Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, что сраженіе потеряно и предыдущія мѣропріятія были ошибочны.

Второе средство, какъ сказано, состоящее въ томъ, чтобы собранными заранѣе силами преградить дорогу обходящему непріятелю, представляетъ ту опасность, что можно запоздать и застрять между двумя мѣропріятіями. Независимо того, оборонительное сраженіе требуетъ спокойствія, обдуманности, знакомства съ мѣстностью, даже самаго близкаго. А все это при поспѣшномъ прегражденіи пути непріятелю едва-ли достижимо. Наконецъ, позиція, представляющія хорошее поле оборонительной битвы, рѣдки почему нельзя рассчитывать на нихъ на всякомъ пути и любомъ пунктѣ.

Напротивъ того, атака, направленная сбоку на наступающаго, ведущая къ сраженію съ обратнымъ фронтомъ, соединена съ большими выгодами. Прежде всего, какъ знаемъ, является тогда у одной стороны открытіе (оголеніе, Entblözung) линій сообщенія, а у другой отступленія. А между тѣмъ это болѣе выгодно для обороняющагося вслѣдствіе тѣхъ стратегическихъ свойствъ его расположенія, которыя мы поставили неизмѣннымъ условіемъ.

Далѣе, а это главное, что наступающій, желающій обойти (пройти мимо) противника, спутанъ (Verwickelt) двумя совершенно противоположными стремленіями. Онъ по настоящему желаетъ подвигаться впередъ, чтобы достигнуть предмета своего наступленія. А между тѣмъ онъ въ виду ежеминутной возможности быть атакованнымъ сбоку, вынужденъ ежеминутно же быть готовымъ направить въ ту же сторону ударъ, а именно, ударъ всѣми силами.

Указанныя два стремленія противорѣчатъ одно другому. Является такая запутанность внутреннихъ отношеній, такое затрудненіе мѣропріятій (если они должны соответствовать всякимъ

случаямъ), что едва-ли найдется болѣе проклятое (verwünstere) стратегическое положеніе.

Если бы наступающій навѣрно зналъ, когда и гдѣ будетъ атакованъ, то могъ бы приготовиться съ искусствомъ и толкомъ; но незнаніе этого, вмѣстѣ съ необходимостью двигаться впередъ, ставить его въ такое положеніе, что онъ едва-ли въ состояніи избѣжать того, что сраженіе застигнетъ его собравшимъ свои силы только съ грѣхомъ пополамъ (höchst nothdürftig), то есть—навѣрное не среди выгодныхъ условій.

Если у обороняющагося бываютъ когда-либо минуты, благопріятствующія наступательному сраженію, то разсчитывать на нихъ можно, прежде всего, въ указанной обстановкѣ. Къ этому нужно еще прибавить, что обороняющійся пользуется при этомъ знаніемъ мѣстности и ея выборомъ, что онъ можетъ подготовить свои передвиженія и дать имъ начальный ходъ (einleiten), а потому нельзя сомнѣваться, что обороняющійся и при указанныхъ условіяхъ (когда непріятель проходитъ мимо его позиціи) сохраняетъ еще надъ противникомъ рѣшительное стратегическое превосходство.

Итакъ, думаемъ, что обороняющійся, находящійся съ соединенными силами на хорошо расположенной позиціи, можетъ спокойно выждать прохода противника; и если послѣдній не атакуетъ, а дѣйствія на линіи сообщенія не соотвѣтствуютъ обстановкѣ, то обороняющійся въ нападеніи (на флангъ проходящаго противника) найдетъ прекрасное средство для рѣшенія дѣла.

Если же случаи этого рода почти совершенно отсутствуютъ въ исторіи, то причина тому то, что у обороняющихся рѣдко хватало отваги выдержать въ такомъ положеніи; онъ обыкновенно или раздѣлялъ свои силы, или спѣшилъ преградить путь противнику поперечными и діагональными маршами (quer und diagonal-marsche). Съ другой стороны и наступающій не смѣлъ пройти мимо противника при подобной обстановкѣ, такъ что движеніе останавливалось.

Итакъ, обороняющійся въ такомъ случаѣ вынужденъ разыграть наступательное сраженіе¹⁾; онъ долженъ уже отказаться отъ выгодъ *выжиданія, отъ крепкой позиціи, отъ хорошихъ окоповъ* и т. п.; а состояніе (положеніе, Lage), въ которомъ онъ най-

¹⁾ Не надо забывать, что авторъ разбираетъ тутъ случаи, когда обороняющійся или, вѣрнѣе, выжидающій противника на *своемъ* театрѣ войны, *стремится къ рѣшенію*.

деть противника, въ большинствѣ случаевъ не вознаградить тому потери указанныхъ выгодъ. Наступающій поэтому и остановился, чтобы избѣжать послѣдствій выгодныхъ условій обороняющагося. Однако, положеніе противника все же представляетъ обороняющемуся *известное возмѣщеніе* (Ersatz). Такимъ образомъ теорія не потеряла разомъ изъ счета величину (Grösse); въ ней *за и противъ* (pro et contra) не поглотили другъ друга взаимно, какъ это часто случается, когда критическіе историки приводятъ (einlegen) отрывки теоріи.

Предостерегаемъ, что вовсе не имѣемъ тутъ дѣла съ тонкостями (Spizfindigkeiten), напротивъ того, предметъ этотъ, чѣмъ болѣе смотришь на него съ практической стороны, является въ видѣ идеи (Gedanke), обнимающей и проникающей все дѣло обороны и ею управляющей.

Обороняющійся тогда только безопасно проскользнетъ мимо двухъ пропастей, близъ коихъ ведетъ оборона (раздѣльное расположеніе и поспѣшно забѣганіе дороги противнику), когда онъ твердо рѣшился всѣми силами напасть на противника въ то время, когда послѣдній проходитъ мимо. Иначе онъ поддается почину противника. Онъ въ обоихъ случаяхъ прибѣгнетъ къ мѣропріятіямъ, вызываемымъ положеніемъ крайне стѣсненнымъ, съ опасной поспѣшностью; поэтому рѣшительный, алчущій побѣды противникъ, натываясь на такое положеніе дѣлъ, всегда въ дребезгѣ разбивалъ обороняющагося.

Но когда обороняющійся собралъ свои силы въ настоящемъ пунктѣ для общаго боя, если онъ рѣшилъ на худой конецъ напасть на противника сбоку, то онъ *правъ* и остается таковымъ, опираясь на всѣ выгоды, которыя представляетъ оборона въ его положеніи. *Хорошая подготовка, увѣренность, единство и простота*, вотъ черты его дѣйствій.

Не можемъ удержаться, чтобы не упомянуть о великомъ историческомъ событіи, близко касающемся развиваемаго тутъ; цѣль наша главнымъ образомъ предотвратить ложныя на него ссылки.

Когда въ 1806 году прусская армія поджидала въ Турингіи французскую армію Бонапарта, то она находилась между двумя дорогами, по коимъ могъ наступить противникъ, а именно, ведущими: одна черезъ Гофъ (Hof), а другая черезъ Эрфуртъ на Лейпцигъ и Берлинъ. Это послѣднее расположеніе было плодомъ съ одной стороны прежняго, оставленнаго потомъ намѣренія вторгнуться черезъ Тюрингскій лѣсъ во Франконію и послѣдовавшей

за тѣмъ неувѣренности: по какому именно пути направятся французы.

Указанное расположеніе пруссаковъ *само по себѣ* вело къ необходимости поспѣшно забѣгать путь противнику. Таково и было намѣреніе пруссаковъ въ случаѣ наступленія французовъ черезъ Эрфуртъ, такъ какъ туда вели вполнѣ удобныя дороги; наоборотъ, нельзя было имъ думать передвинуться по пути въ Гофъ; частью потому, что требовалось сдѣлать два—три перехода, частью же по поводу отдѣлявшаго глубокаго вѣза р. Саалы. Герцогъ Брауншвейгскій никогда и не имѣлъ такого намѣренія и ничего въ этомъ смыслѣ подготовлено не было. Наоборотъ, такимъ всегда было намѣреніе (*Absicht*) князя Гогенлоэ (*Hohenlohe*), т. е. полковника Моссенбаха ¹⁾, который насильно старался внушить его герцогу.

Еще менѣе могло быть рѣчи о переходѣ изъ расположенія, занимаемаго на лѣвомъ берегу р. Саалы, въ наступательное сраженіе противъ подходящаго Бонапарта, т. е. исполненіе такого боевого фланговаго нападенія, какое мы выше указали. Препятствіе въ видѣ Саалы само по себѣ уже заставляло призадуматься, когда вопросъ шелъ о томъ, чтобы въ послѣдній моментъ забѣжать дорогу противнику, который долженъ былъ уже владѣть противоположнымъ (правымъ) берегомъ по меньшей мѣрѣ отчасти.

Итакъ, герцогъ рѣшилъ выждать дальнѣйшихъ событій, оставаясь за Саалой. Говоримъ рѣшилъ, если только возможно приписать личному рѣшенію что-либо изъ того, что въ этой многоголовой главной квартирѣ творилось во время полного замѣшательства и величайшей нерѣшительности.

Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ изъ выжиданія слѣдовало, что можно было: а) атаковать непріятели въ то время, когда онъ переходилъ Саалу, отыскивая пруссаковъ; б) когда же онъ оставилъ пруссаковъ въ покоѣ,—дѣйствовать на его сообщенія; или, наконецъ, в) если бы считалось исполнимымъ и соответственнымъ, то можно было еще быстрымъ фланговымъ маршемъ пересѣчь противнику дорогу, у Лейпцига.

Въ первомъ случаѣ прусская армія, благодаря мощной долиной Саалы, нашла бы крупное стратегическое и тактическое превосходство; во второмъ—такое же чисто стратегическое, потому что противникъ имѣлъ бы между пруссаками и нейтральной Богеміей

¹⁾ Начальникъ штаба герцога.

базу весьма узкую, между тѣмъ, какъ прусская была чрезвычайно широка. Наконецъ, прусская армія и въ третьемъ случаѣ, будучи прикрыта Саалой, не находилась еще въ положеніи неблагопріятномъ.

Всѣ указанные три случая дѣйствительно разбирались въ прусской главной квартирѣ, несмотря на путаницу и затменіе въ послѣдней. Однако, немудрено, что если среди сумятицы и нерѣшительности устояла еще одна изъ *идей*, то *исполненіе* въ этомъ воодворотѣ не могло уже состояться.

Расположеніе на лѣвомъ берегу Саалы считалось, конечно типично-фланговымъ; и оно въ этомъ смыслѣ безспорно представляло большія выгоды. Однако, фланговое расположеніе арміи въ себѣ неувѣренной, противъ непріятеля въ превосходныхъ силахъ, *противъ Бонапарта, было мѣрой весьма смѣлой.*

Герцогъ Брауншвейгскій, послѣ долгаго колебанія, избралъ, 13-го числа третью изъ указанныхъ мѣръ; но было уже поздно. Бонапарте въ то время уже переходилъ Саалу и сраженія при Іенѣ и Ауэрштетѣ были неизбѣжны. Герцогъ сѣлъ между двухъ стульевъ; онъ уходилъ съ мѣста своего слишкомъ поздно, для того, чтобы *перестъчь* противнику дорогу, и слишкомъ рано для *устыннаго боя*. Тѣмъ не менѣе природная сила расположенія пруссаковъ выказалась настолько, что герцогъ могъ уничтожить непріятельское правое крыло у Ауэрштета, въ то время, когда князь Гогенлоэ могъ выпутаться изъ западни кровавымъ отступательнымъ боемъ. Однако, у Ауэрштета не посмѣли добиваться побѣды, бывшей *несомнѣнной*, а у Іены рассчитывали на успѣхъ, на дѣлѣ *совершенно невозможный.*

Во всякомъ случаѣ Бонапарте настолько сознавалъ стратегическую важность расположенія пруссаковъ на Саалѣ, что не посмѣлъ пройти мимо его и рѣшился на переправу въ виду непріятеля.

Полагаемъ, что мы сказаннымъ достаточно выяснили соотношенія обороны къ наступленію, въ случаѣ дѣйствій рѣшительныхъ, а равно указали мѣсто и связь тѣхъ нитей, къ коимъ могутъ быть прицѣплены единичныя части (предметы, Gegenstände) обороны. Не наше дѣло еще точнѣе пройти единичныя мѣропріятія распоряженія (Anordnungen); это повело бы на неисчерпаемое поле частныхъ случаевъ. Коль скоро полководецъ избралъ себѣ направляющую точку, то онъ разсмотритъ насколько мысли его соотвѣтствуютъ условія географическія, статистическія, политическія; далѣе — матеріальныя и личныя обстоятельства (Verhältnisse) его арміи, а

равно и непріятельской. Онъ, наконецъ, сообразить въ какой мѣрѣ то или другое повліяетъ на способъ исполненія.

Однако, для того, чтобы точнѣе связать и приблизить зрѣнію все сказанное (въ главѣ о способахъ обороны) объ усиленіи (возвышеніи въ степень, *Steigerung*) обороны, укажемъ тутъ то, что само навязывается намъ въ этомъ отношеніи.

1) Причины, побуждающія насъ идти навстрѣчу противнику съ цѣлью наступательнаго сраженія, могутъ быть слѣдующія:

а) Когда знаемъ, что противникъ будетъ наступать силами очень раздѣленными, такъ что мы вправѣ рассчитывать на успѣхъ даже при большой слабости.

Однако, раздѣльное наступленіе вторгающагося весьма мало вѣроятно; а потому указанный способъ обороны хорошъ тогда только, когда мы точно знаемъ, что непріятель дѣйствуетъ разрозненно. Рассчитывать же и возлагать на это всѣ надежды единственно на основаніи *предположеній*, слишкомъ рискованно и приводитъ обыкновенно къ неблагопріятному положенію. Обстоятельства окажутся не тѣ, которыхъ мы ожидали; отъ наступательнаго сраженія придется отказаться, а къ оборонительному мы не подготовлены. Мы будемъ вынуждены къ нежеланному отступленію и во всемъ почти должны положиться на «авось».

Такъ именно приблизительно разыгралась оборона арміи генерала Дона (Dona) противъ русскихъ въ кампанію 1759 года, которая закончилась неудачнымъ сраженіемъ Веделя у Цюллихау.

У прожекторовъ такой планъ дѣйствій подъ рукой, даже слишкомъ часто, онъ всегда готовъ, потому что они не задаются трудомъ разбирать насколько обоснованы предположенія, на которыя онъ опирается.

Продолжая за симъ перечисленіе благопріятныхъ обстоятельствъ, укажемъ:

б) Если мы вообще достаточно сильны для сраженія.

в) Когда манитъ къ этому противникъ особо нерѣшительный и неповоротливый.

Въ послѣднемъ случаѣ воздѣйствіе неожиданности можетъ оказаться болѣе цѣнно, нежели все усиленіе мѣстностью на хорошей позиціи. Самая суть хорошаго веденія войны состоитъ въ томъ, чтобы такимъ способомъ ввести въ игру всю мощь силъ нравственныхъ. Однако, теорія должна предостерегать возможно чаще, что подобныя предположенія должны быть основаны всякій разъ на обстоятельствахъ *даннаго случая* (*objective Gründe*); безъ

подобныхъ къ *данному случаю* оснований (*individuelle Gründe*); неосновательно и недозволительно будетъ говорить все только о нечаянности и превосходствѣ необыкновенной атаки, равно—строить на этомъ планы, разборы и критику.

г) Если свойства нашей арміи особо благопріятствуютъ наступленію.

Фридрихъ Великій не ошибался и не полагался на пустые миражи, рѣшивъ, что прусская армія въ его крѣпкой и смѣлой рукѣ съ привычнымъ ей косымъ боевымъ порядкомъ, болѣе способна атаковать, нежели обороняться, потому что армія эта была храбра, подвижна, послушна, преисполнена довѣрія и гордости, къ тому еще и приучена къ точнымъ эволюціямъ.

Всѣхъ этихъ свойствъ недоставало противникамъ короля; въ этомъ именно состояло его самое рѣшительное превосходство. Воспользоваться всѣмъ этимъ сулило Фридриху гораздо болѣе выгодъ, нежели пользованіе мѣстными препятствіями или окопами.

Однако, такое превосходство будетъ встрѣчаться весьма рѣдко; тѣмъ болѣе, что хорошо вышколенная, обученная крупнымъ эволюціямъ армія дастъ только *часть* такого превосходства. Если Фридрихъ утверждаетъ, что прусская армія преимущественно способна атаковать, если другіе постоянно повторяли это за королемъ, то все-таки, подобное изреченіе отнюдь не слѣдуетъ перещивать. Всякъ, въ большинствѣ случаевъ, вообще чувствуетъ себя на войнѣ лучше и мужественнѣе при атакѣ, нежели при оборонѣ; такія чувства свойственны всѣмъ арміямъ и едва ли найдутся такія арміи, полководцы и вожди коихъ не утверждали бы о нихъ того же самаго. Итакъ, не слѣдуетъ легкомысленно поддаваться призраку превосходства, рискуя прозвѣвать дѣйствительныя выгоды (преимущества, *Vortheile*).

Весьма вѣскимъ побужденіемъ къ наступательному сраженію можетъ быть соотношеніе родовъ оружія, а именно, многочисленная конница при маломъ числѣ орудій ¹⁾.

Продолжаемъ перечисленіе:

д) Когда нѣтъ никакой возможности найти хорошую оборонительную позицію.

е) Когда приходится поспѣшать рѣшеніемъ; наконецъ

¹⁾ Нужно не забывать, что высказано это подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и на основаніи войнъ Наполеоновскихъ. Теперь обстоятельства во многомъ перемѣнились.

ж) совокупность нѣсколькихъ или всѣхъ перечисленныхъ причинъ.

2) Выжиданіе непріятеля въ мѣстности, на которой мы намѣрены сами напасть на него (Миндець 1759 г.). Основано оно естественно на томъ: а) что нѣтъ такой значительной разницы въ силахъ, въ нашу невыгоду, чтобы понудить насъ искать крѣпкой позиціи, и б) что нашлась мѣстность особенно тому благопріятствующая. Свойства отъ нея требуемыя принадлежать тактикѣ: скажемъ только, что состоятъ они будутъ въ свободномъ доступѣ съ нашей стороны и различныхъ препятствіяхъ къ сторонѣ противника.

3) Обороняющійся занимаетъ позицію, для дѣйствительнаго выжиданія на пей атаки непріятеля: а) когда неравенство силъ вынуждаетъ его прибѣгать къ защитѣ мѣстными препятствіями и окопами, и б) когда мѣстность сама представляетъ отличную позицію этого рода.

Способы сопротивленія, указанные подъ 2-мъ и 3-мъ пунктами, болѣе примѣнимы тогда, когда мы сами рѣшенія не ищемъ готовы довольствоваться успѣхомъ пассивнымъ (въ отрицаніи, negativ) и можемъ ожидать, что противникъ будетъ мешкать, дѣйствовать нерѣшительно и, въ концѣ концовъ, въ исполненіи своихъ плановъ завязнетъ.

4) Укрѣпленный и непреступный лагерь исполнить свою задачу тогда только:

а) Когда онъ расположенъ въ пунктѣ, имѣющемъ особо важное стратегическое значеніе.

Характеристическая особенность такого расположенія та, что мы въ немъ непобѣдимы, такъ что непріятель вынужденъ прибѣгнуть къ любому иному средству (лишь бы не къ атакѣ), другими словами, онъ долженъ стремиться къ своей цѣли, не взирая на наше присутствіе на позиціи, или же—обложить насъ и принудить къ сдачѣ голодомъ. Для того, чтобы онъ не въ состояніи былъ исполнить ни того ни другого, требуются очень выгодныя для насъ стратегическія условія занятаго пункта.

б) Когда ожидаемъ выручки извнѣ.

Таково именно было состояніе Саксонской арміи въ ея расположеніи у Пирны. Несмотря на всякія порицанія, высказанныя въ виду дурного для саксонцевъ исхода ихъ мѣропріятія, все-таки вѣрно одно, что инымъ способомъ 17 тысячамъ саксонцевъ никакъ не удержать (нейтрализовать) 40,000 пруссаковъ. Если же

австрійская армія не сумѣла лучше воспользоваться своимъ превосходствомъ, у Ловозица, то это доказываетъ только, въ какой-степени дурно у нихъ было веденіе войны и все военное ихъ устройство (Kriegseinrichtung). Съ другой стороны нельзя сомнѣваться въ томъ, что если бы саксонцы, вмѣсто того, чтобы занять лагерь у Пирны, отступили въ Богемію, то Фридрихъ въ ту же кампанію погналъ бы саксонцевъ и австрійцевъ за Прагу и взялъ бы ее. Кто не желаетъ принять въ расчетъ указанной выгоды и думаетъ только о плѣненіи цѣлой арміи, тотъ вообще неспособенъ правильно рассчитывать, а безъ расчета немислимы обезпеченные (вѣрные) результаты.

Но такъ какъ случаи, указанные подъ а и б, встрѣчаются очень рѣдко, то надо непременно зрѣло обдумать дѣло раньше, чѣмъ прибѣгнуть къ расположенію въ укрѣпленномъ лагерѣ. Надежда *озадачить* противника, и этимъ парализировать (lähmen) всю его дѣятельность, связана со слишкомъ крупной опасностью, а именно, съ опасностью сраженія безъ пути отступления. Если же Фридрихъ, будучи въ подобномъ же положеніи, у Бунцельвица достигъ имъ своей цѣли, то приходится удивляться его вѣрной оцѣнкѣ противника и, сверхъ того, еще болѣе, нежели позволительно въ другихъ случаяхъ, уповать на находчивость, благодаря коей онъ въ послѣдній моментъ нашелъ бы способъ проложить себѣ путь съ остатками своей арміи; наконецъ, нельзя упустить изъ вида и *безответственности* монарха.

5) Если близъ границы находится крѣпость или нѣсколько таковыхъ, то является основной вопросъ: разыграть ли бой впереди ихъ, или же позади; это послѣднее мотивируется: а) превосходствомъ силъ непріятели, вынуждающимъ насъ надломить (brechen) ихъ до боя; б) близостью крѣпостей къ границѣ, которая даетъ возможность ограничить полосу жертвуемой территоріи, и в) оборонительной силой крѣпостей.

Одно изъ самыхъ главныхъ назначеній крѣпостей безспорно то, чтобы дробить наступленіе силъ противника съ тѣмъ, что бы значительно ослабить ту часть, съ которою мы сразимся. Если же рѣдко только пользовались крѣпостями для такихъ цѣлей, то это потому, что столь же рѣдко одна изъ сторонъ стремилась къ рѣшенію, а между тѣмъ мы говоримъ тутъ исключительно о такомъ именно случаѣ. Итакъ, считаемъ столь же простымъ и важнымъ правило (Grundsatz), что обороняющійся, имѣя по близости одну или нѣсколько крѣпостей, долженъ оставить ихъ впереди

себя, а рѣшительное сраженіе разыграть позади ихъ. Допускаемъ, что сраженіе, потерянное позади крѣпостей, отбросить насъ нѣсколько болѣе вглубь страны, нежели проигранное передъ крѣпостями, хотя причины этой разницы существуютъ болѣе въ воображеніи, нежели въ области матеріи.

Мы сами готовы напомнить еще о томъ, что сраженіе впереди крѣпостей можетъ быть разыграно на хорошо избранной позиціи, между тѣмъ какъ сраженіе позади ихъ во многихъ случаяхъ должно быть наступательно, а именно, когда непріятель осаждаеть крѣпость и она, слѣдовательно, въ опасности быть взятой, но что же значать эти мелкіе оттѣнки, въ сравненіи съ нашей выгодой, коль скоро непріятель въ рѣшительномъ сраженіи очутится слабѣе на четверть, на треть или даже на половину, если онъ имѣеть дѣло съ нѣсколькими нашими крѣпостями.

Итакъ, мы увѣрены, что наличность близъ лежащей способной къ сопротивленію крѣпости должна непремѣнно побудить насъ сразу отступить за нее, съ тѣмъ, чтобы дать сраженіе по сю ея сторону, то есть при ея участіи (содѣйствіи, Mitwirkung), это необходимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда *рѣшеніе неизбѣжно*, когда къ нему стремится нашъ полководецъ или непріятельскій. Распорядиться иначе можемъ развѣ тогда только, когда мы и безъ того достаточно увѣрены въ побѣдѣ или условія мѣстности неизбѣжно принуждаютъ дать сраженіе болѣе впереди.

Если мы, отойдя за крѣпость, выберемъ такое расположеніе, что непріятелю, непрогнавшему насъ, невозможно ни осадить крѣпость, ни атаковать ее, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждаемъ его отыскать насъ на нашей позиціи. По этимъ причинамъ полагаемъ, что въ опасномъ положеніи ни одна мѣра не отличается такой дѣйствительностью и несложностью, какъ выборъ хорошей позиціи позади значительной крѣпости, въ недалекомъ отъ нея разстояніи.

Однако, дѣло это представляется въ иномъ видѣ, когда крѣпость расположена болѣе вглубь нашей территоріи; потому что тогда придется предоставить непріятелю значительную часть края; а такая жертва, какъ знаемъ, приносится тогда только, когда обстоятельства этого требуютъ. Въ такомъ случаѣ, указанное мѣропріятіе болѣе близко къ отступленію вглубь страны вообще.

Другое требуемое условіе это—чтобы крѣпость способна была сопротивляться. Извѣстно, что бывають укрѣпленные пункты, въ особенности изъ числа большихъ, которые нельзя подвергать прикосновенію съ непріятельской арміей, потому что онѣ не въ си-

лахъ отбить открытаго нападенія большихъ массъ противника. Въ такомъ случаѣ по меньшей мѣрѣ расположеніе наше должно бы быть такъ близко къ крѣпости, чтобы была возможность поддерживать ея гарнизонъ ¹⁾).

6) Наконецъ, и самое отступленіе внутрь страны будетъ естественнымъ (natürlich) мѣропріятіемъ только при слѣдующихъ обстоятельствахъ: а) когда по причинѣ соотношенія нашихъ нравственныхъ и физическихъ силъ съ таковыми же непріятельскими невозможно думать объ удачномъ сопротивленіи на границѣ или по близости ея; б) когда главное дѣло: выигрышь времени, и в) когда тому благопріятствуютъ условія (отношенія Verhältnisse) края, о чемъ сказано уже въ главѣ двадцать пятой.

Этимъ заканчиваемъ главу объ оборонѣ театра войны, въ тѣхъ случаяхъ, когда одна или другая сторона добивается рѣшенія, которое, слѣдовательно, неизбежно. Однако, мы обязаны напомнить, что на войнѣ дѣло не представляется въ столь чистомъ видѣ. А потому тотъ, кто пожелаетъ перенести наши положенія и заключенія на дѣйствительную войну, долженъ имѣть въ виду еще и главу тридцатую. (Оборону театра войны, когда не ищутъ рѣшенія. *Перев.*). Полководца въ большинствѣ случаевъ нельзя себѣ вообразить иначе, какъ приближающагося то къ одному, то къ другому направленію, смотря по обстоятельствамъ.

¹⁾ Авторъ, повидному, имѣетъ тутъ въ виду большіе города своего времени, обнесенные уплѣвшими еще, но уже устарѣвшей системы укрѣпленіями